

*МАТЕРИАЛЫ К ПОЗНАНИЮ ФАУНЫ И ФЛОРЫ СССР,
ИЗДАВАЕМЫЕ МОСКОВСКИМ ОБЩЕСТВОМ
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ*

Новая серия
Отдел зоологический
вып. 25 (XL)

В. Н. СКАЛОН

РЕЧНЫЕ БОБРЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

*Под научной редакцией
В. И. ЦАЛКИНА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
МОСКВА

1951 год

ВВЕДЕНИЕ

В мире животных особый интерес имеют виды редкие, исчезающие, а особенно те из них, которые в более или менее недавнем прошлом имели широкое распространение. Если же дело касается такого зверя, который имел некогда большое хозяйственное и культурное значение, если притом вполне очевидна возможность восстановления его ареала и хозяйственной ценности, то всестороннее изучение всего, что касается истории и современного существования такого животного, приобретает жизненно важное значение.

В этом смысле, безусловно, на первом месте среди исчезающих зверей стоит речной бобр. Некогда он занимал большую часть водоемов Северной Азии, играл выдающуюся роль в жизни едва ли не всех населявших ее народов, а ныне уцелел лишь на нескольких крошечных участках огромной ее территории.

Среди разнообразной, хорошо сохранившейся фауны млекопитающих Северной Азии, богатой редкими, давно исчезнувшими в сопредельных с ней странах видами, наибольший интерес и немалое хозяйственное значение имеет как раз речной бобр.

Совершенно очевидно, что всестороннее изучение речного бобра есть своевременная и важная задача научно-исследовательских учреждений Сибири.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Сбор материалов и составление настоящей работы представляли большие трудности.

Изучением бобров в Северной Азии в целом не занимался до сих пор никто. Мы имеем только работы, посвященные в той или иной степени географическому распространению этих грызунов, иногда сопровождаемые соображениями о причинах их исчезновения. Из таких трудов на первом месте нужно поставить прекрасный очерк Ф. П. Кеппена «О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России» (137), при составлении которого автор использовал почти весь доступный по тому времени литературный материал; в силу недостатка сведений, страницы этой работы, посвященные Азии, значительно беднее тех, которые касаются Восточной Европы. Автор первой в СССР монографии о бобре Г. Л. Граве (85) в обзоре распространения бобра в основном следовал Ф. П. Кеппену, влив новые подробности только в отношении Кондо-Сосвинского очага. А. В. Федюшин, написавший наиболее полное на русском языке исследование об этих грызунах (368), уделил мало внимания географическому их распространению, тем более историческому значению в Азии, ограничившись самыми общими сведениями. Новое

и ценное внес в наши знания о бобрах Азии, а именно Восточной Сибири, И. В. Арембовский, который в своей небольшой, но насыщенной неиспользованными до него материалами статье (12) дал очень много интересного. В остальном мы располагаем отдельными заметками и случайными высказываниями по интересующему нас вопросу, не считая многочисленных косвенных данных, о которых будет сказано ниже.

Самостоятельное исследование экологии бобра, которым я занимался в Кондо-Сосвинском государственном заповеднике в 1939—1941 гг., и сведения, собранные там же о разнообразном значении этого зверя в жизни местных аборигенов прежде и теперь, послужили исходной точкой настоящего труда. В процессе обработки материала представилось интересным раздвинуть рамки исследования. Выяснилось, что данные, которые удалось при этом обнаружить и привлечь, оказались столь обширными, что позволили дать общую сводку о бобрах Северной Азии.

Предпринятые библиографические изыскания показали, что если работы, посвященные собственно бобру, насчитываются единицами, то сведения как о нем самом, так и об отражении соприкосновения с ним на хозяйстве и сознании народов удастся обнаружить во множестве.

Особенно богатыми оказываются исторические источники. Можно сказать, что редкий труд, даже редкий документ, касающийся, например, истории Сибири XVII—XVIII вв., не содержит материалов, которые были бы полезны в интересующем нас отношении. Поскольку же попутно пришлось касаться истории культуры, археологических данных, народного творчества и т. д., литература вопроса оказалась беспредельной. Однако, ввиду того, что работа велась в полном отрыве от основных книжных центров, несомненно, что последующие исследователи обнаружат очень много пробелов в прилагаемом списке литературы.

Вынужденный по роду работы рассматривать материалы о бобрах всей Сибири с Дальним Востоком, Монголии, Тувы, Казахстана и т. д., я должен был найти какой-то географический термин, общий для всего этого пространства. Не рискуя заниматься изобретательством, я называю его «Северной Азией», надеясь не погрешить слишком сильно против принятых в географии понятий.

Рукопись настоящего труда прошла критический просмотр и получила положительные отзывы ряда больших ученых, а именно: профессоров и докторов М. К. Азадовского, В. Г. Гептнера, С. В. Киселева, лауреата Сталинской премии С. И. Огнева, заслуженного деятеля науки М. Д. Рузского, М. А. Сергеева, С. С. Турова и А. В. Федюшина. Я пользуюсь случаем высказать этим лицам свою искреннюю признательность за внимание и многие авторитетные указания.

С благодарностью отмечу также, что ряд очень ценных сведений о бобрах я получил от своих друзей И. В. Арембовского и, ныне, увы, покойного, Е. С. Жбанова.

Данные, полученные мною от разных лиц, везде должным образом оговорены в тексте.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕЧНОГО БОБРА В СЕВЕРНОЙ АЗИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Выяснение былого и современного распространения бобра в Сибири не раз уже служило предметом рассмотрения исследователей. Не упоминаемая о кратких, хотя и общих заключениях И. Г. Георги (74), И. Г. Гмелина (77), П. С. Палласа (242 и 243), К. Е. Бэра (21) и других авторов далекого прошлого, а также А. Миддендорфа (210), мы имеем прекрасное по тщательности изыскание Ф.П. Кеппена (137), соответственные главы в современных монографиях Г. Л. Граве (85) и А. В. Федюшина (368) и, наконец, интересное, хотя и небольшое исследование И. В. Арембовского (12). Однако перечисленные труды, на которые мы не раз будем ссылаться ниже, далеко не исчерпали вопроса. Кропотливые библиографические изыскания позволяют привлечь целый ряд ценных источников [особенно М. Пихтина (253) и Г. Н. Потанина (271)], много нового дают опросы, и все вместе делает своевременным пересмотр всего, что нам известно о распространении бобра в Сибири, наново.

Рассмотрение интересующего нас вопроса мы произведем по речным системам, начиная с запада, но сначала попытаемся выяснить северную границу распространения бобра в Азии. С легкой руки Линстова (Г. А. Граве, 85, стр. 81) в литературе утвердилось странное мнение, будто граница эта проходит по 70° с. ш., что даже в Западной Сибири, по утверждению А. В. Федюшина (368, стр. 60) и С. П. Наумова с Н. П. Лавровым (219, стр. 248), и на Урале, по Б. С. Виноградову (67, стр. 45) и Г. А. Граве (85, стр. 81) она находится на том же уровне. Между тем только на р. Енисее, где во времена исторические бобров, по-видимому, Добывали в Хантайском районе (С. В. Бахрушин, 27, стр. 127), северные пределы бобрового ареала приближаются к указанной широте. На Урале же и в Западной Сибири под 70° повсюду лежит чистая тундра, во многих местах море, а за р. Енисеем граница эта еще более уходит на юг.

Северная граница бобра в Сибири не представляет собою ровной линии, и самые северные ее точки мы, поскольку возможно, установим в последующем изложении.

В бассейне р. Оби с р. Иртышом самый замечательный в интересующем нас смысле участок несомненно исстари известный, но уцелевший до сих пор Кондо-Сосвинский очаг — крупнейший во всем Старом Свете. Ниже мы во всех деталях рассмотрим его границы и распределение в нем бобров, а сейчас только укажем, что на севере он охватывает левые притоки р. М. Сосвы, от истоков почти до устья, с юга р. Конду до Турсунтского Тумана, с востока — истоки левого притока р. Оби, р. Нянг-Егана, а с запада — р. Тапсуй приток р. Б. Сосвы.

В остальном в пределах Восточного Приуралья мы находим только более давние следы пребывания бобров.

Самым южным из них должно считаться обнаруженное П. П. Сушкиным (344, стр. 758) на р. Эмбе. Остатки бобра, совершенно тождественного с современным, были найдены этим исследователем в совсем пустынной местности. Автор делает предположение о распространении здесь в прошлом густых лесов; нужно сказать, однако, что для оправдания данного нахождения достаточно предположить, что здесь имели распространение позднее исчезнувшие уремы, в которых, как увидим ниже, бобры отлично уживались.

Из ближайших к востоку мест отметим спорные данные о нахождении бобров в Акмолинском округе. Именно Г. А. Граве (85, стр. 95, 96) рассматривает ряд заметок о нахождении колонии бобров в Атбасарском районе. Или, например, некто В. К. (444) сообщает, что по сведениям газеты «Правда Востока», от 2 августа 1927 г., значительные колонии бобров обнаружены в этом уезде.

Однако знаток этих мест В. Н. Белов (30), по-видимому, радикально опровергает такие слухи, как основанные на недоразумении, почему впрямь до получения новых сведений обсуждать этот вопрос нет оснований. Нужно отметить, впрочем, что о прошлой, по крайней мере, возможности обитания бобров в пределах Акмолинского округа можно догадываться хотя бы потому, что в аналогичных условиях они несомненно обитали. Именно, ископаемые остатки тождественных современным четвертичных бобров описаны Б. С. Виноградовым (68, стр. 96) из раскопок в Петропавловском округе. Исторические факты нахождения этих грызунов на р. Ишиме мы находим у П. С. Палласа (243), а о прошлом обитании их в Кокчетавских горах сообщает П. М. Залесский (ПО). Идя к северу, вдоль Уральского хребта, отметим данные о нахождении бобра у Миассит, хотя пункт этот относится более к Европе; именно об этом говорит И. Г. Гмелин (Ф. П. Кеппен, 137, стр. 350), а Я. П. Шелкановцев сообщает (407, стр. 53), что на озере Тургойк одна из курей носит название «Бобровой».

Отметим, что, по мнению В. М. Малахова (202), южная граница распространения бобра на Урале простиралась до р. Уя, откуда известна его челюсть. Материалы о распространении бобра по самому Уральскому хребту довольно значительны. Из них на первом месте стоят данные о былом их нахождении в районе р. Ивделя. В самом начале прошлого столетия о бобрах по р. Ивделю писал Попов (см. Ф. П. Кеппен, 137, стр. 351). П. А. Словоцов (330, стр. 101), не уделивший в своей знаменитой книге почти никакого места бобрам, об этих местах нашел нужным сказать: «В уединенных тамошних речках, как-то в живописном Ивделе, Колонге и даже Лозве, водились бобры с их постройками водяными».

В 1854 г. А. Рудольский (285) сообщал о бобрах по рекам Ивделю и Ваграну, а Ф. П. Кеппен (137, стр. 352), приводя его данные, высказывает предположение, что эти грызуны уцелели там даже в его, Ф. П. Кеппена, время, что, как увидим ниже, не лишено вероятия. Через два десятилетия после А. Рудольского о бобрах в описанных последним местах упоминает Л. Сабанеев (293), который в следующей своей работе (294, стр. 5) констатирует исчезновение бобра; он сообщает, что на р. Вагране последние бобры были добыты в 1867 г., а на прилежащей р. Какве — в 1859 г. Однако, как увидим ниже, бобры сохранялись здесь еще долгое время. Так, в 1887 г. В. М. Малахов (202), сообщая, что некогда бобры были находимы на р. Пышме, утверждает, что в его время они в качестве редких обитателей встречались еще по берегам рек Вагран, Сосвы и Лозьвы. В 1895 г. о наличии бобров в Богословском районе на реках Сосве и Вагране говорит А. А. Силантьев (317, стр. 72 — впрочем, по-видимому, только со слов Л. Сабанеева 1872 г.).

Наконец, в 1924 г. некто С. К. (320) сообщил, что по р. Ивделю бобры встречались еще лет 20—25 назад. Впрочем, 2 года спустя С. Корчев (163) утверждал, что в районе р. Ивделя бобры перевелись лет 70—80 тому назад, и сообщал об известных ему остатках бобровой плотины на р. Бобровке, которая впадает в р. Талтью приток р. Ивделя.

Мы не будем рассматривать вопрос о распространении бобров в Западном Приуралье, но отметим, что сведения о таком многочисленном, а о бобрах в бассейне р. Печоры слухи появлялись до недавних лет (см. М. Дмитриева-Сулима, 99; С. П. Смирнов, 332; опровергающий последнего Д. Пантелеев, 246; и др.). Согласно поверью зырян, опубликованному Ф. А. Арсеньевым (15, стр. 15), бобры, которые исчезли на р. Печоре лет за 50 до пребывания там этого автора, по мнению туземцев, «ушли за Камень», т. е. за Урал.

Для лиц, интересующихся распространением бобра в этом бассейне, я приведу еще небезыңтересное упоминание С. В. Максимова (201, стр. 462). В Пустозерске промышленники сообщали этому автору, что они не часто, но промышляют бобра, причем считают его зверем, заходящим из-за Урала.

Переходя к Восточному Приуралью, остановимся на бассейне р. Туры. Здесь прежде всего отметим данные И. Д. Черского (385), описавшего остатки бобра из торфяников Тюменского округа. Однако бобры были распространены в этом бассейне во времена гораздо более новые. Обратившись к истории, мы видим, что в 1599 г. с вогулов Тюменского и Пельмского уездов «емлют ясак: соболи и лисицы и бобры и белку» (Г. Ф. Миллер, 211, стр. 380). В том же году (211, стр. 382), в числе ясака, посланного из Верхотурья, значится 24 бобра и 10 ярцев. С. В. Бахрушин в своей работе по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. (26) отмечает (стр. 94) жалобы туземцев р. Сылвы на то, что строгановские люди погромили «и медвянные их ухожья и бобровые гоны и рыбные ловли». В 1600 г. туринский новокрещен жаловался на отбитие у него русскими бобровых гонов по р. Черной близ Верхотурья (С. В. Бахрушин, 25, стр. 18). Наконец, по материалам, собранным В. И. Шунковым (401, стр. 269) в 1652 г., среди зверей, коими платили ясак в Тюменских волостях, были бобры, при этом, как видно из архивной выписи, «и бобры и ярцы и кошлоки», т. е. не случайно попавшиеся, а промышлявшиеся систематически. Как несомненный показатель былого богатства Тюменского округа бобрами, нужно рассматривать тот факт, что на печати г. Тюмени изображены лисица и бобр (3, стр. 246).

Добавим совершенно точные сведения о былом распространении бобров в Тюменском округе, которые нам дает переписка Тюменского и Тобольского воевод, ведшаяся в 1623—1628 гг., по вопросам сбора ясака (287). Там говорится: «Тюменского уезду Канирские и Бичкурские и Терсецкие волости ясачных татар платят нам ясак по вся годы бобрами и лисицами и белками» (стр. 463) и далее: «Озера от Тюмени в шти днищах, на которых они речках и озерах бобры добывали» (стр. 466).

Для низовья р. Иртыша интересно отметить показание И. С. Полякова (263), который говорит, что при отце его проводника (т. е. примерно в начале прошлого столетия — В. С.) бобры встречались на речке Бобровке, близ юрт Цингалинских¹.

О бобрах в бассейне р. Тавды можно также найти немало известий. Так, Г. Ф. Миллер (211, стр. 390) приводит грамоту, датированную 1600 г., о сборе ясака с Пельмских туземцев, в которой бобры упо-

¹ Вероятно, это та же речка Бобровка, лежащая на полпути от Тобольска до Демьянки, о которой упоминает Н. Спафарий (14, стр. 35).

мянуты рядом с соболями. В 1596 г. (211, стр. 374) в грамоте царя Федора Ивановича в Пелым говорится: «а принесли они нашего ясаку за нынешний за 104 год только 2 сорока и 20 соболей да 1100 белок за 2 сорока и 20 соболей, а всего собольмы, бобры и белками принесли на нынешний на 104 год за 5 сороков». Из этой выписки видно, что бобр не только встречался в местности, но стоял не далее, чем на третьем месте в числе сдаваемой в ясак пушнины. В новейшее время о бобрах на р. Пельше сообщал И. С. Поляков (262), указывая, что на промысел их туда ходят некоторые остяки с р. Оби. Однако из работы Ф. П. Кеппена (137, стр. 355) выясняется, что в действительности сведения И. С. Полякова должны, якобы, относиться к притокам М. Сосвы; мне же удалось выяснить из расспросов старожил и сопоставлений, что скорее всего данные И. С. Полякова относятся к р. Ессу притоку р. Конды. Что бобров на р. Пельме нет издавна, видно хотя бы из того, что И. Я. Словоцов в своей обстоятельной статье об этой реке (328) вовсе о них не упоминает. Как показали многочисленные расспросы, особенно сведения, данные мне В. П. Сидоровым, который за ряд лет промысла хорошо изучил бассейн р. Пельма, в настоящее время о бобрах по этой реке никто не помнит. Наоборот, ниже по р. Тавде бобры, видимо, сохранялись гораздо дольше, именно от жителей Таборинского района я слышал, что еще при их отцах бобр встречался на некоторых притоках р. Тавды в пределах этого района.

На р. Конде¹, замечательной тем, что в ее бассейне бобры сохранились, до наших дней, они известны издавна и упоминаются не только всеми авторами, исследовавшими этот бассейн, но и в общих описаниях Сибири (например И. Завалишин, ИЗ; А. П. Седельников, 301; и многие другие), в экономических и ведомственных изданиях (например В. Зверинский, 112; Населенные пункты Уральской области, 218, стр. 27, там же о бобрах на М. Сосве, стр. 20). Первые сведения этого рода мы находим в исторических документах. Так, в 1594 г. при конфискации «животов» кондинского князя Агая было отобрано: 426 соболей, 13 лис, 61 бобр и 1000 белок (Г. Ф. Миллер, 211, стр. 363; тоже 287, стр. 101). Несомненно, такой процент бобров в пушной сокровищнице князя должен быть признан высоким. Там же (стр. 375) в грамоте, относящейся к 1596 г., о сложении недоимок с Большой Конды говорится: «а в прошлом в 103 году взял с них Василий Толстой нашего ясаку собольми и лисицами и бобры 21 сорок и 20 соболей».

Писали о бобрах на р. Конде, как сказано, многие, начиная с основоположников научной сибирской литературы, как П. С. Паллас (243, стр. 143). Кроме упомянутых, мы назовем И. Я. Словоцова (329), А. А. Дунина-Горкавича (103, стр. 153), К. Д. Носилова (227, и др.), П. Инфантьева (118), Б. Городкова (82, по ошибочному мнению которого бобры на р. Конде к его времени перевелись), Л. Р. Шульца (400) и т. д. Притом те из авторов, которые хотят уточнить свои показания, говорят единогласно о верховьях Конды и М. Конде, т. е. о местах, где бобры, как увидим ниже, живут и посейчас.

Наоборот, о бобрах на р. М. Сосве, речке, до последнего времени весьма мало исследованной, литературные сведения весьма бедны и относятся больше к новейшему времени, почему мы их рассмотрим ниже при описании существующего бобрового очага.

¹ Само название этой реки несомненно происходит от имени интересующего нас грызуна. Именно, И. Ф. Брандт (45) сообщает, что по-турецки бобр называется Кондус (современное турецкое Kunduz, см. 197), по-татарски Кундюз, по-киргизски Кандус. Естественно, что тюрские народности в северо-восточном Приуралье прозвали реку по самому замечательному ее признаку — исконному обилию бобров.

Также бедны наши данные о нахождении бобров по р. Б. Сосве (не считая указанного ее притока М. Сосвы). Только за последние годы появился ряд заметок о бобрах на р. Тапсуе (С. Корчев, 163; С. Груз пев 90; В. Белоусов, 31), совершенно неосновательно, как увидим ниже, опровергаемых В. В. Васильевым (59). Кроме них мы можем только отметить весьма интересное замечание И. Я. Словова (329) о том, что в 1887 г. был добыт бобр в Ляпинской волости, что дает нам пример одного из самых северных пунктов нахождения бобра в Сибири.

Что касается бобровых поселений на р. Б. Сосве, наблюдававшихся в 1740 г. спутниками Делили (П. Пекарский, 250, стр. 22), то нужно сказать следующее. Р. Б. Сосва, при том близком расстоянии от Березова, на каком нашли на ней бобровые поселения упомянутые лица, для жизни этих грызунов решительно непригодна. Наоборот, берега впадающей в р. Обь у Березова р. Вогулки (которую можно рассматривать и как приток р. Б. Сосвы) от самого устья благоприятны для бобров. Они жили по этой реке недавно, по воспоминаниям старожилов, лет 80 тому назад; по другим сведениям, которые я собрал в Березове, в верхнем и среднем течении этой реки, где довольно обычна осина (едва ли не самый северный пункт произрастания этой породы в Сибири) бобры жили в еще более новое время. Ближайший к Березову пункт былого и недавнего, судя по остаткам, обитания бобров на этой речке находится, как сказал мне осматривавший его охотовед И. Д. Безматерных, по притоку р. Вогулки р. Бобровке, километрах в 15. Здесь-то скорее всего и обнаружили бобров спутники Делили.

О бобрах в самом Березове, который в свое время был выдающимся торговым центром Тобольского севера, существует немало данных. Так, И. Г. Георги (74, стр. 10, 54) в числе других зверей, составляющих основу пушной торговли Березова, впереди соболя ставит бобра. Полсотни лет спустя Ф. Белявский (33, стр. 30) говорит о вывозе бобров из Березова и о 50 шкурках этого вида, виденных им в этом городе лично. Наконец, Н. А. Абрамов (1), не говоря о количестве бобров в продаже, описывает качество их и сортность, из чего видно, что в его время бобр был обычным объектом торговли.

О нахождении бобров в качестве пушного товара в Обдорске, о чем, например, для 1834 г. сообщает, на основании литературных данных, Б. Городков (82), трудно пока сказать что-либо кроме предположения, что они завезены были туда извне; отметим, что в литературе известны случаи нахождения в Обдорске бобровых шкурок даже с клеймами Лейпцигской ярмарки¹.

Из правых притоков р. Оби отличался в прошлом обиением бобров Казым, о чем ранее всех сообщил тот же П. С. Паллас (243). Держались они там, по данным Н. А. Абрамова (1), до половины прошлого столетия, так же как на реках Агане и Пиме. Наконец, интересно привести последние из данных о бобрах на р. Агане, принадлежащие охотоведу Светоносову («Отчет по обследованию р. Бобровки в целях выяснения пригодности последней для выпуска бобра», Березов, 1937, районная контора Заготживсырье). Автор обследовал речку «Инквой-Еган» (Бобровая), левый приток р. Амни, притока р. Казыма. По его словам, никто из ныне живущих туземцев не помнит на ней бобра, но со слов отцов

¹ Необходимо отметить, что некогда бобр встречался около Обдорска. Именно при раскопке стоянки древнего человека в устье р. Полуя Адрианов нашел в ней большое количество костей бобра. Стоянка эта относится к I—III вв. нашей эры, когда, по изысканиям Б. А. Тихомирова (433), в этих широтах произрастала соответствующая растительность.

и дедов им известно, что когда-то эти звери здесь обитали. Светоносов отмечает плохие кормовые условия речки.

Следуя по р. Оби на юг, мы находим, что по рекам М. Югану и Ваху по сведениям, собранным С. М. Чугуновым (388), бобры водились до 70-х годов прошлого столетия. На р. Куль-Егане, правом притоке р. Ваха согласно опросов Шмидта (Ф. П. Кеппен, 137, стр. 256), бобры водились около 1870 г. Эти сведения, как увидим ниже, были ошибочно отнесены к р. Тазу.

Заканчивая с так называемым «Тобольским севером», вернемся к р. Иртышу. Говоря о бобрах на его притоках, прежде всего остановимся на реках Демьянке и Таре. Во времена, следовавшие за покорением Сибири русскими, бобры были обычны в Тарском округе, что видно хотя бы из наказа, данного Москвой строителям города Тары, относящегося к 1593 г., в котором говорится: «...соболи и лисицы черные на государя, а куницы, белки и лисицы красные и бобры, то ратным людям в раздел» (211, стр. 358). Во времена П. С. Палласа (242, т. 3, стр. 466) бобров на р. Таре было еще много. Для р. Тары же Ф. П. Кеппен (137, стр. 249) приводит сведения Смоленского, передающего со слов татар, что в этом округе бобры водились еще в 1760 г., а далее подчеркивает свое сомнение (очевидно, напрасное) к точности данных Г. Колмогорова (156, стр. 16) о том, что бобры на р. Таре водились еще в 1856 г.

Сведения о бобрах на р. Демьянке более новы и принадлежат В. Е. Ушакову. Так, он сообщает (366), что отец одного из охотников, дававших ему сведения, помнил бобров на верховьях рек Туя и Демьянки и (365) уточняет время их там исчезновения «70—80 лет назад»¹.

Наконец, обратившись к последней сводной работе о зверях Урала (С. А. Куклин, 178, стр. 120), мы увидим, что в ней насчитывается речек с названием, происходящим от слова «бобр», в Предуралье 16, в горном Урале 12, в Зауралье 15 и «почти столько же населенных пунктов... «Бобровок». В заметке же анонима Ю. Л. С. (408) говорится, что в Омской области бывшее пребывание бобров констатировано в следующих районах: Знаменском, Тевризском, Уватском, Кондинском, Ларьякском и Сургутском.

Таким образом в пределах Тобольского, или, как говорят сейчас, Тюменского севера распространение бобра в прошлом было огромным и во многих пунктах он держался до недавнего времени. К этому можно еще с уверенностью прибавить, что далеко еще не все места бывшего обитания бобров здесь выяснены и количество их при тщательном обследовании можно чрезвычайно увеличить.

Выше по р. Иртышу нам удастся обнаружить прежнее пребывание бобров в таких даже местах, где ныне совершенно отсутствует лесная растительность. Так, Г. Е. Катанаев (133), изучая архивы, нашел донесение казаков, датированное 1626 г., о том, что калмыки приносят в Ямыш продавать бобров (стр. 63); он же (стр. 73) сообщает, что по притокам р. Иртыша в пределах Киргизской степи существовали в период заселения их русскими большие леса, в которых водились бобры².

Казачий голова, посланный из Тобольска в 1626 г. на оз. Ямыш с целью подыскания места для постройки острога, пишет в своем сообщении: «и калмыцкие люди приносят к ним продавать лисиченки красные

¹ Видимо, угадла (память о бобрах на речке того же имени, впадающей в р. Обь в трех верстах от р. Демьянки, о которой упоминает Н. Спафарий (14, стр. 35).

² В. И. Цалкин любезно сообщил, что при раскопке городища Б. Лог в Омске (В. Н. Чернецова) в слоях, относящихся к I тысячелетию до нашей эры и началу I тысячелетия нашей эры, обнаружены кости бобра, лося и обыкновенного оленя.

полские, и бобришка и корсаки и овчины и тулупы овчинные, а больше того рухляди никакие не видали» (288, стр. 341).

Наконец, в интересном «Описании новые земли сиречь Сибирского царства» 1672 г. (А. Титов, 349, стр. 77) упомянуто, что в земле Черных Калмыков, по р. Иртышу от Ямышева озера и до Зайсана «бобров много».

О нахождении бобров в районе Семипалатинска в те же приблизительно времена собрал сведения В. А. Селевин (302). Наконец, отмечу указание В. И. Липского (190, стр. 689), приводящего слова Г. С. Карелина о том, что бобры водились прежде между Семипалатинском и Омском у поселка Бобровского.

Издавна известен и сохранился до сих пор бобровый очаг в бассейне р. Черного Иртыша. Честь его открытия, видимо, принадлежит так называемым «каменщикам» — предприимчивым и бесстрашным пионерам освоения русскими Алтая, вольным поселщикам Бухтармы. Как сообщает Г. Гагемейстер (72, ч. II, стр. 55), они пробирались в своих смелых странствованиях на р. Малый или Черный Иртыш, привлекаемые большим количеством обитавших там бобров.

В специальной литературе одно из первых указаний на упомянутый очаг принадлежит Г. С. Карелину. Именно, В. И. Липский в своей книге о флоре Средней Азии (190, стр. 677) приводит относящееся к 1840 г. сообщение Г. С. Карелина о том, что бобры есть, хотя и очень редки, на р. Курчуме, но что, напротив, они весьма многочисленны в р. Калджире. В письме же Г. С. Карелина, помещенном в журнале «Акклиматизация» (128, стр. 202), говорится более обще, а именно, что бобров очень много на речках, впадающих в р. Черный Иртыш. В 1867 г. Г. Н. Потанин (269, стр. 45) пишет о бобрах, убитых на р. Кобе, притоке р. Черного Иртыша. Позднее, в 1881—1883 гг., он же (270) указывает обитание бобров на р. Улюнгур и озере того же названия. В 1882 г. некоторые данные о бобрах в этом районе собрал А. М. Никольский (223). Следующее описание данного очага сделал В. Ф. Ладыгин (186, стр. 79), который специально его обследовал; он говорит, что бобр живет по р. Урунгу после впадения в нее справа рек Чингиль и Цеген-Гол и даже на юз. Улюнгур. Сообщение В. Ф. Ладыгина повторил в своей книге П. К. Козлов (151, стр. 55) и по тем же, очевидно, данным писал о бобрах на р. Черном Иртыше А. П. Седельников (301, стр. 135). В июле 1906 г. рассматриваемый район посетил В. В. Сапожников. Он был на р. Урунгу, но ничего о бобрах узнать не мог (298, стр. 32). Факт примечательный в устах столь авторитетного исследователя (!). Г. Е. Грумм-Гржимайло в своей сводной работе о Монголии (91, стр. 506—507) говорит, что в р. Урунгу бобр есть ниже устья р. Чингиля, но подчеркивает, что сведения о бобре на р. Черном Иртыше не могут считаться достоверными. Как одно из последних и важных сообщений, приведем свидетельство знатока Зайсанской котловины и ее фауны В. А. Хахлова (372, стр. 89). Сообщая, что в Зайсанской котловине как таковой бобр исчез в связи с изменениями, внесенными в местную фауну колонизацией местности русскими, автор указывает последний известный ему случай появления в ней бобра. Оно произошло в 1915 г. на р. Уйдене, причем животное было добыто. К изложенному ничего не прибавляют нового не раз цитированные сводки о бобре

Г.Л. Граве (85) и А.В. Федюшина (368), а равно сводная статья А. М. Колосова (158) о фауне Алтая, и можно было бы думать, что это замечательное местообитание бобров вымерло, если бы не лично сообщенное мне интересное указание охотоведа А. Н. Перменева. Работая в Зайсане, он в 1940 г. установил, что около устья р. Черного Иртыша

было найдено два трупа молодых бобров, принесенных полою водою.

О былом распространении бобра в пределах Монгольской народной республики прежде всего говорят многие палеонтологические находки, известные в специальной литературе. Сведения о современном его распространении собственно отсутствуют, если не говорить о таких туманных указаниях, как, например, замечание Авриля (1687 г.) о том, что русские, торгующие с Китаем, находили бобров у монголов и узбеков (5, стр. 462). Тем более интересным представляется изложение новых данных, которые мне удалось собрать за годы пребывания в Монголии¹.

От разных лиц я слышал, что бобры встречаются на р. Булган, в системе р. Черного Иртыша, которая протекает на крайнем севере Монголии, по границе с Синьдзянем, в пределы которого и уходит. Наиболее подробные пока сведения об этом замечательном участке мне сообщил Ф. С. Попов, неоднократно наблюдавший и добывавший бобра на Булгане весной 1945 г.

Ф. С. Попову известно, что бобры в значительной плотности населяют участок реки, лежащий между государственной границей и сомоном, расположенный к западу от нее, вверх по реке, и устраивают там все присущие им постройки. Эта часть реки хорошо облесена лиственными породами, которые бобр употребляет в пищу. Русло реки разбивается на протоки и по всем по ним встречается бобр. Попов не имеет сведений о том, есть ли на р. Булгане бобры выше сомона, но ему известно, что ниже по реке, в пределах Синьдзяня, они встречаются, но редко, так как подвергаются усиленному преследованию. Летом обитатели сомона уходят в горы, и на р. Булгане остаются только пограничники. Поэтому в наиболее опасное для них время бобры находятся в относительной безопасности и мало боятся человека. Однако их все же добывают, о чем говорят нередкие у местных монгол бобровые шапки.

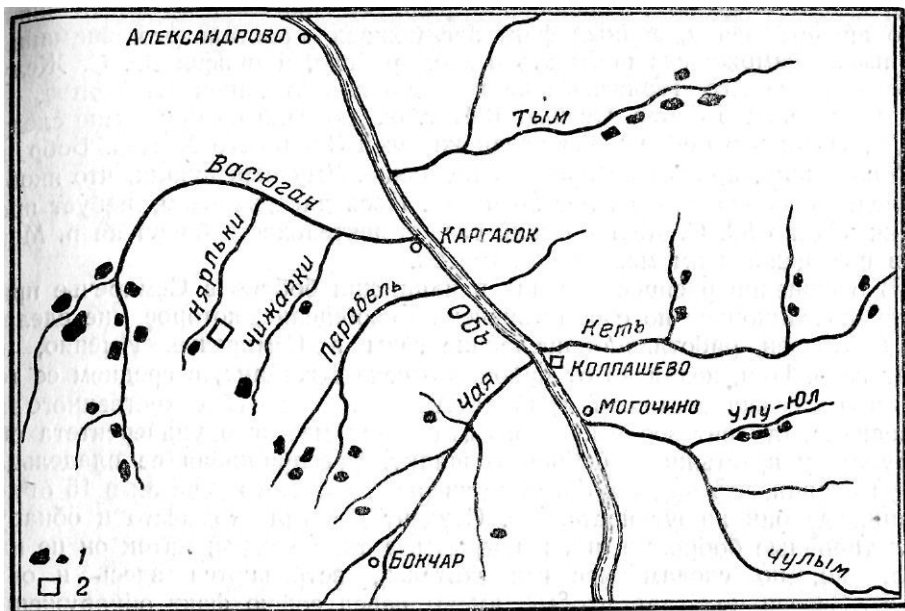
Студент Монгольского университета Цибегмит сообщил мне, что бобр встречается в Тамчи-Сомоне, на речке Баян-Гол, на южном склоне Монгольского Алтая, но никаких подробностей я не узнал.

Летом 1947 г. мне удалось организовать экспедицию в бассейн р. Булгана. Внезапная болезнь оторвала меня от работы по дороге, и собрать сведения о бобре я поручил моему ассистенту Анударину Дашидорджи. В своем письме, опубликованном позднее в докладах Академии наук СССР (475), он сообщил мне, что бобры на р. Булугуне (Булгане) живут только на протяжении 40 км от границы Синьдзяня вверх по течению (475, стр. 1081—1084).

Самое важное, что следует подчеркнуть в отношении обитания бобра в Монголии, это то, что этот очаг расположен вне лесной зоны. Долина р. Будугуна с его зарослями, с уремой из ив и тополя является оазисом среди пустыни. Если бобр может довольствоваться для своего обитания такими условиями, несомненно, что он мог жить в долинах большинства рек южной Сибири, Казахстана и других районов, где сейчас находят его остатки вне лесной зоны. Нет надобности подобно многим авторам объяснять исчезновение там бобра изменением физико-географических условий. Бобр в таких местах просто истреблен человеком несколько ранее, чем в лесах.

Нужно еще сказать, что на севере центральной Монголии есть р. Мензя, впадающая в р. Чикой. Выяснилось, что настоящее название ее Минчжи-Гол, производимое от монгольского имени бобра. Хотя нельзя не отметить, что в представлении некоторых монголов «минчъ» значит

¹ Заметка В. Ф. Ладыгина (186) относится к этому же очагу, но не уточнено, в чьих по современному делению пределах собирал он сведения.

Расселение бобров в Нарымском крае

Один из притоков р. Васьюгана в его верховьях.
 Былые местообитания бобров. Слева хорошо видны старые бобровые погрызы.
 Рис. П. П. Хороших

выдра, а о бобре же большинство рядовых монголов не имеют никакого представления, данный факт заслуживал пристального внимания. Не имея возможности побывать в этом районе, я просил Ю. С. Желубовского, ведшего геологические исследования в Западном Хентэе, собрать сведения о бобре. Осенью 1947 г. он любезно сообщил мне следующее. Память о бобре жива среди жителей Западного Хентэя. Бобр на р. Мензе жил, притом во времена недавние. Ему передавали, что якобы последнего бобра добыли лет 20 назад. Последнее, впрочем, требует проверки. Лично Ю. С. Желубовский следов деятельности бобра на р. Мензе в посещенных им местах не заметил.

В отношении распространения в наши дни бобров в Семиречье приведем сенсационное по своему значению сообщение, которое мне сделал М. Д. Зверев, работавший последние годы в Семиречье. Именно, на притоке р. Или, недалеко от районного села Джалана, в среднем ее течении, на северо-восточной границе Алмаатинского государственного заповедника, студент зоологического отделения местного университета обнаружил у крестьянина бобровую шапку. Расспрашивая ее владельца, он установил, что шкурка снята со зверька, добытого верстах в 15 от деревни, где они живут постоянно. Студент посетил это место и обнаружил типичные бобровые пни и погрызы, а также норы; хаток он не нашел, но, по словам местных жителей, встречаются здесь и они, М. Д. Зверев полагает, что мы имеем перед собою факт обнаружения нового очага бобров в Азии, исключительную важность которого едва ли требуется разъяснять. К сожалению, этот замечательный случай остался до сего дня не расследованным. Следует подчеркнуть, что если оказалось возможным существование неведомого очага бобров в месте столь доступном, то насколько более вероятно, что кое-где по сибирским таежным дебрям еще обитают колонии этих замечательных животных, о которых мы и не догадываемся.

О распространении бобров в пределах так называемого «Нарымского края» имеются сведения, начиная от времен покорения Сибири. Так, С. В. Бахрушин (26, стр. 78) приводит относящуюся к 1641 г. жалобу казаков на то, что самоеды пограбили нарымскую государеву казну «все соболи и бобры» и «отгромили два вьюка бобров», из этого видно, что бобры в ту пору занимали видное место в пушных заготовках по округу. Проезжавший через Нарымский край в царствование Алексея Михайловича в Пекин посол Н. Спафарий (Ю. В. Арсеньев, 14) отмечал в своем дневнике богатство проезжаемых местностей пушным зверем, в частности, рек — бобрами. Именно, он говорил о бобрах на притоке р. Кети, р. Лисице, особенно выделяя сведения о самых лучших черных бобрах, добываемых на правом (точнее, левом, так как Спафарий считал реки не по общепринятому порядку, а по пути своего следования) притоке р. Кети р. Пыгме, вытекающей из болот (стр. 77). Ниже (стр. 80) им упомянута р. Сочюр, впадающая с левой стороны в р. Кеть, на четвертой доле пути от Маковского острога, на которой добываются бобры высокого качества.

Близ этих мест, а именно в районе Обь-Енисейского канала, остатки бобров нашел в свое время Гуляев (Н. Ф. Кашенко, 136; И. Я. Словцов, 329). По свидетельству С. М. Чугунова (387, стр. 30), Карачевский-Волк доставил в Томский университет череп и другие части скелета бобра, найденные при расчистке р. Язевой. Сам автор, перечисляя местных млекопитающих, замечает: «говорят встречаются и бобры». Ниже он в виде предположения говорит: «возможно он еще уцелел в северо-восточном углу канала, в пределах Енисейской губернии». Такое заключение было для его времени не лишним основанием хотя бы уже по-

тому, что память о недавнем обитании бобров сохранялась среди местного населения еще в 1927 г., когда я производил там обследование. Правда, точных сведений мне собрать не удалось, но, принимая во внимание характерную скрытность туземного населения во всем, что касается бобра, догадки С. М. Чугунова сохраняют значение до сего дня.

Любопытно, что воспоминания о некогда бывшем изобилии бобров на р. Кети я обнаружил в преданиях остяко-самоедов, обитающих в верховьях р. Таза, куда они пришли сравнительно очень недавно.

О бобрах соседней с р. Кетью с юга р. Чулыма мы имеем свидетельство Г. Гагемейстера (72, стр. 316), по данным которого они не были

Р. Парабель. Былые местообитания бобров. Фото П. П. Хороших

там редки еще в 1846 г. Г. Э. Иогансен (119), исследовавший р. Чулым в 1915 г., не упоминает о бобрах в своей работе. Однако сведения об этих грызунах живут среди местного населения до сих пор. Именно в 1940 г. я получил данные от Новосибирской охотинспекции о том, что по р. Бобровке, притоку р. Улу-Юл, впадающему в р. Чулым, бобры жили еще 40—50 лет назад.

По левобережью р. Оби в этих широтах точные данные о пребывании бобров имеются в отношении бассейна р. Васьюгана. Так, И. Я. Словцов (329) писал, что в 1820 г. «последний» бобр был добыт на р. Агыл-Яге, притоке р. Васьюгана. Указание на вероятное нахождение бобров на р. Васьюгане делает А. П. Седельников (301, стр. 135). В 1927 г. опросом васьюганских туземцев я установил, что в верховьях этой реки, в частности выше юрт Айполовых, бобры водились лет 75—80 назад, но и в ту пору были весьма редки. Примерно той же давности сведения я имел о правых притоках р. Васьюгана Чежап-Кы и Нярьль-Кы; для притока последней, р. Б. Кагаль, Новосибирская охотинспекция подтвердила мне эти сведения, сообщив, что установлено обитание там бобра 90 лет тому назад. В своей сводной работе о Нарымском крае А. Ф. Плотников (258, стр. 21) утверждает, что бобры в нем водились только до 40-х гг. прошлого столетия. Н. Н. Костров

в 1872 г. (166) указал, примерно, тот же срок, сообщая, что «лет 30 тому назад в реках Нарымского края водились еще бобры». М. А. Кастрен в 1856 г. (379, II, стр. 192) писал, что в Томском крае бобр почти исчез. Таким образом литературные сведения немного не совпадают с данными моего опроса. В. П. Аникин (7) и другие авторы, писавшие о крае после А. Ф. Плотникова, не упоминают о бобрах. Исключение составляет только А. Янушевич (412); он утверждает, что по рекам северной части Нарымского округа бобры водились полсотни лет тому назад. К сожалению, он не приводит никаких фактов, подтверждающих это интересное сообщение.

О «великом множестве» бобров по «Оби, Енисею и Томе» Ф. П. Кеппен (137, стр. 269) приводит свидетельство, относящееся к 1786 г. Однако для Томска возглавлявшейся им территории мы имеем гораздо более точные, замечательно интересные сведения о бобрах, заключающиеся в небольшой статье Г. Н. Потанина о торговле этого города в половине XVII столетия (271). Остановимся на ней подробнее. Автор цитирует торговые документы того времени:

1652 г. «К Руси через Камень» отпущено «бобров, ярцев и кошлоков карих и рыжих и вешних 732. Бобров и ярцев карих 20, бобров рыжих 54, ярцев рыжих 34, бобров и ярцев рыжих 180, бобров и ярцев карих ПО, кошлоков малых 96» (стр. 134). В Тобольск вывезено в том же году: «бобров карих 5, бобров красных 5, бобров красных же вешних 10, ярцев и кошлоков 9» (стр. 135).

1653 г. Отпущено из Томска в Россию 28 июня «бобров карих и рыжих, больших и малых 598, ярцев 32, кошлоков 80, бобров, ярцев и кошлоков вместе 71, черевеси бобровой 5 п. 2 и 3/4 фунта, струи бобровой 5 пуд. 16 $\frac{1}{2}$ фунтов». 6 августа. «Черевеси бобровой 6 $\frac{1}{2}$ фунтов, бобров карих и рыжих 93, кошлоков 23, ярчиков 3, струи бобровой 3 $\frac{1}{2}$ фунта». «Отпущено в разное время в Тобольск бобришков и ярцев рыжих 20, кошлоков 2, черевеси бобровой 1 фунт».

1652 г. «Калмыки» (телеуты — В. С.) привезли в Томск: «47 бобров, в том числе 1 с черевесью, 2 черевеси и кроме того 15 ф. черевеси, струи бобровой 73 $\frac{1}{4}$ фунта и кайру бобрового 1 фунт» (стр. 142).

1653 г. «Из Калмыков» поступило бобров 1, кошлоков 1 и 3 фунта черевеси.

«Из Киргиз» 6 бобров, 6 кошлоков.

«Из Чулыма» 2 кошлока, 1 $\frac{1}{2}$ фунта черевеси.

«Из Красного Яру» 4 бобра.

«Из Енисейска» 2 бобра, 1 фунт черевеси (стр. 143).

1652 г. Из Енисейска 2 бобра, 1 фунт черевеси (стр. 144).

Мы вернемся еще ниже к приведенным данным, а пока отметим, что они не единичны. Так, в 1609 г. из Кимской волости, находившейся между Енисейском и Томском, ближе к последнему, черные бобры шли наравне с соболями (211, стр. 427). В грамоте Томскому воеводе от 1681 г. о сборе ясака упоминаются взятые в Томском уезде «2 бобра чернокарих». В 1610 г. в ясак, собранный в Кузнецкой волости, бобры входили как значительная часть (211, стр. 433). Одним словом, приведенные данные показывают с несомненностью, что в те удаленные времена бобр не только встречался по всему Томскому краю, включая Шорию, но был и обычным объектом промысловой охоты. О былом богатстве этим зверем верховьев р. Томи свидетельствует также название главнейшего из левых притоков этой реки — р. Кондомы, несомненно происходящего от тюркского «Кондус» — бобр.

Впрочем, о существовании бобров в пределах Кузнецкого округа мы имеем гораздо более новые сведения. Именно, в работе Д. Н. Беликова

о первых насельниках Томского края (28, стр. 66) есть следующее указание. В 1764—1766 гг. работала комиссия по расследованию притеснений, чинившихся русскими коренному населению в Томском и Кузнецком округах. В одном из документов названной комиссии, относящемуся к населению Кольвано-Воскресенского горного округа, где особенно давали себя чувствовать эти беззакония, говорится, что русские отняли у туземцев места, где находились бобровые гнезда.

На водораздельных пространствах рек Оби и Иртыша бобры обитали в пределах Барабинской степи. На это мы встречаем указания у Г. Ф. Миллера (216, стр. 455) и у других старинных авторов, но исчезли бобры из этих мест очевидно рано, и сомнение Ф. Л. Кеплена (137, стр. 250) в достоверности показания И. Ф. Брандта (49), будто они встречались там в 1850 г., вполне основательно.

Были распространены бобры и на Алтае. Так, в чертеже всей Сибири времен Алексея Михайловича в месте стечения рек Бии и Катунь показано много бобровых речек. П. С. Паллас (242) обнаружил их в районе Тигерецкого поста. В. Зверинский (112, стр. 45) в 1868 г. привел бобра в перечне пушных зверей Алтая. А. М. Колосов (158, стр. 169), ссылаясь на старых авторов, сообщил о редком находении бобра по р. Курчуму в южном Алтае. Наконец, П. М. Залесский (110) в своей интересной заметке говорит о существовании в прошлом бобров по рекам Калджир и Алтык в южном Алтае и даже о том, что эти грызуны держались будто бы до начала нашего века в Больше-Сумультинской даче, к югу от Чемала. Отметим также его данные о былом пребывании бобров в Западном Алтае и у оз. Шира, в местности ныне вовсе безлесной.

Заканчивая о распространении бобров в Западной Сибири, остановимся на прошлом обитании их в бассейне р. Таза. Нет оснований к предположению, что повсеместно распространенные по Сибири бобры не встречались по этой реке. Но реальные сведения, которые мы на этот предмет имеем, относятся только ко временам Мангазейским. Приведем к примеру найденный Г. Ф. Миллером наказ Мангазейскому воеводе о том, чтобы с Мангазейской и Енисейской самоеди брать ясак между прочим бобрами (211, стр. 397). Есть и еще указания на значение Мангазеи в торговле бобровыми шкурами и о том, что из этого города шли самые лучшие бобры. Но при этом нужно помнить, что во все время своего существования Мангазея была пунктом пушного транзита для огромной области, лежавшей к востоку, и подавляющее большинство пушнины, проходившей через нее, было не местного происхождения. Да и сам по себе Мангазейский уезд имел огромные размеры. Бобры на его территории заготавливались в самых различных речных системах, что видно, например, из датированной 1633 г. отписки тобольского воеводы мангазейскому о производстве сыска о причинах недобора ясака по уезду последнего (212, стр. 403). В ней говорится о том, что против 1632 г. недобрана с шамагирей, что по р. Непе, в верховьях Нижней Тунгуски шубенка бобровая и пять бобров, в Хантайском зимовье бобр и черевь бобровая и т. д.

Поэтому основываясь на таких данных, как приведенные выше, суждение о распространении бобров по самой р. Тазу затруднительно. В следующие времена о бобрах, встречающихся по р. Тазу, упоминал А. Миддендорф (210, стр. 72). У Г. Л. Граве (85, стр. 90) имеются даже данные, будто бобровые шкуры привозились с этой реки до половины XVIII в., однако фактов о том он не приводит. Если бы, заметим от себя, в указываемое время бобры обитали бы на р. Тазе, то уже наверное это нашло бы отражение в книге И. Степанова о Енисейской губ. (337),

поминающего о бобрах в своем месте, М. Ф. Кривошапкина (171) или П. И. Третьякова (357), дающего о р. Тазе достаточно подробные сведения. Обследуя бассейн р. Таза в 1929—1930 гг., я тщательно собирал сведения о его фауне, в частности и о бобрах, однако ничего о распространении последних по этой реке узнать не мог. В то же время, как я указал выше, в преданиях верхнетазовских туземцев я обнаружил крепкие воспоминания о бобрах на их старой родине — р. Кети. Из этого я заключаю, что если бобры на р. Тазе и были, то достаточно уже давно.

В 1940 г. Е. С. Жбанов писал мне о том, что один из заготовителей пушнины говорил ему, что на каких-то юго-западных притоках р. Таза бобр сохранился даже до сего дня. В испрошенном от меня заключении я выражал большое сомнение в возможности существования там бобров в наше время, но сделал предположение о том, не сохранились ли они где-либо в неизвестных до сих пор тущобах верховьев р. Пура, откуда в 1928 г. я имел сведения об употреблении бобровой струи (оговорюсь, что, объехав эти места: верховья рек Пура, Агана, Колёк-Егана и т. д. в 1927—1928 гг., я не встретился там с воспоминаниями о бобрах).

Переходя к обзору бывшего обитания бобров на р. Енисее, мы прежде всего отметим самую северную точку такового, а именно Хантайский район. Для него, так же как и для Туруханска, имеются сведения о приеме бобров в ясак в конце XVII в. При этом особую ценность признавали за хантайскими экземплярами (С. В. Бахрушин, 27, стр. 127). В той же работе (стр. 121) есть упоминание об обмене кошелоков и бобров на р. Нижней Тунгуске.

О том, что бобры обитали в пределах бассейна р. Нижней Тунгуски до недавнего сравнительно времени (во всяком случае в верховьях) показывает свидетельство А. Л. Чекановского. Последний говорит (382, стр. 411), что деревня Корелинская в вершине этой реки, близ Ербогачена, основалась привлеченная обилием бобров. Ныне же (1876 г.), замечает автор, «остались только бревна, бобрами подрезанные». Или, скажем от себя, исчезновение их произошло не ранее половины прошлого столетия. Прекрасно знающий район верховьев р. Нижней Тунгуски Н. Н. Скалон сообщил мне, что в местах, описанных А. Л. Чекановским, существуют две речки — Б. и М. Хаталанда, в переводе на русский язык «Бобровки», но память о бобрах не сохранилась среди местного населения.

Возвращаясь к самому Енисею, остановимся на данных «Книги приходной ясашной мягкой рухляди» Енисейского острога за 1620—1621 и 1622—1623 гг. (212, стр. 250—260 и 273—274), которая дает нам следующее поступление по волостям этого уезда.

Таблица 1

Название волостей	Взято бобров		
	1620/21 г.	1621/22 г.	1622/23 г.
Кузнецкая	3	—	1
Натцкая	4	—	1
Кас	10	—	—
Сым	28	3	22
Лумпокольская	8	1	5
Макуцкая	2	—	—

Очевидно заготовки бобра были широко раскинуты.

В этих же пределах бобры сохранялись еще долго, о чем имеется много документов. Из них прежде всего назовем показание А. Миддендорфа (210, стр. 114) о том, что некогда бобры редко встречались около Сумарокова. Далее к югу совсем недавние следы пребывания бобров на р. Елогуе установил в 1929 г. Э. И. Шерешевский (391), который обнаружил в шаманских принадлежностях кусочек шкуры бобра не более чем 30-летней давности. О бобрах на р. Сыме Ф. П. Кеппен (137, стр. 257) приводит свидетельство Мессершмидта, во времена которого они были там весьма многочисленны. О том, что в историческое время бобры встречались в районе Енисейска, дает нам знать цитированное исследование Г. Н. Потанина (271, стр. 143), а Ф. П. Кеппен (137, стр. 259) говорит даже о том, что на ярмарке в Енисейске бобровые меха продавались еще в начале XIX столетия.

О встречаемости бобров на р. Ангаре мы имеем разные сведения. В грамоте, относящейся к 1642 г. (157), говорится о значительном количестве бобров в ясаке, собранном с илимских и кетских тунгусов. В 1675 г. Н. Спафарий (14), проезжая по р. Ангаре, отметил бобров на р. Мурожной, впадающей в р. Ангару выше р. Тасеевой (стр. 91), и на р. Вихоревой левом притоке р. Ангары, устье которого находится ниже Долгого порога (стр. 104). О бобрах, продававшихся на ярмарке в Иркутске в 1761 г., мы встречаем указания у П. Н. Колотилова (159). И. Н. Шухов в 1923 г. сообщил (404, стр. 23), что А. Я. Тугаринов в недавнее время видел у крестьян на р. Ангаре бобровые шапки. В другой работе (403, стр. 16) он просто указывает, что бобр встречался на р. Ангаре. Из-под Красноярска (Г. Н. Потанин, 271, стр. 143) бобры вывозились в Томск в 1653 г. В 1704 г. в наказе о сборе ясака в Киргизской земле, данном Красноярской администрации, на Кайданов улус указано наложить 2 бобра (245, стр. 233). В 1865 г. И. Скороговорков опубликовал интересное сообщение (327, стр. 10—11) о том, что на р. Бирюсе, впадающей в р. Енисей близ Красноярска и берущей начало в Кемчикском хребте, богатые бобровые тоны существовали в 1643—1644 гг. На р. Мане, впадающей в р. Енисей недалеко от Красноярска с востока, И. Г. Гмелин (77) в 1743 г. обнаружил, что бобры исчезли уже там давно, что о них едва помнили 80-летние старики. Однако этот ученый, очевидно, был введен в заблуждение. Именно И. Н. Шухов в наше уже время имел сведения о том, что бобры, якобы, встречаются еще на р. Мане (404, стр. 23, 1923 г.); там же автор со слов некоего Федорова сообщает, что в 1916 г. бобр был добыт в Канаке. Позднее (403, стр. 16, 1925 г.) И. Н. Шухов опубликовал сведения о том, что кости бобра были обнаружены в Караульной пещере близ Красноярска в 1924 г.

О том, что бобры были некогда широко распространены в Западных Саянах и бывшем Минусинском округе, мы располагаем целым рядом свидетельств. Например, в «памяти двум конным казакам, отправленным в караульный острог для призвания инородцев в ясачный платеж» от 1703 г. говорится: «...Абай дал бобра да лисицу за 5 соболей, Кечкн дал бобра за 3 соболя, Содеяк дал 2 бобра небольших за 2 соболя»... (245, стр. 232). Далее, в грамоте о посылке детей боярских Ивана Злобина с товарищами в Киргизскую землю для сбора ясака (1704 г.) между прочим упомянуто: «Шарданов улус 5 соболей, да ярец за 3 соболя. Большой Байкатовский улус 25 соболей, да ярец за 2 соболя. Кайданов улус 9 соболей, 2 бобра за 6 соболей. Ингарга улус 19 соболей, лисица, да ярец за 4 соболя» (245, стр. 441). Сказанное показывает, что в начале еще позапрошлого века бобры не только были объ-

ектом обычного промысла в этих местах, но отличались весьма высокими качествами. Позднее П. С. Паллас (242) во время своего путешествия обнаружил бобров около Абаканска. В. А. Вагин (62, стр. 112) приводит указание Пестерева о том, что карагинии промышляют бобров по р. Абакану и его притокам. Ниже (стр. 113) он говорит, что койбалы добывали этого зверя около устьев р. Ои (133), а также по левобережью р. Енисея, например по речке Джою.

В старину богатой бобрами считалась вся пограничная с Китаем полоса Присянья. В сборнике дипломатических дел между Россией и Китаем Н. Бантыш-Каменского мы имеем следующее упоминание, относящееся к 1727 г. В пограничной местности, от р. Кантегира до р. Абакана изобилуют промысловые звери, в том числе бобры, которых ходя-промышлять русские и ясашные люди Кузнецкого воеводства (445, стр. 363). Н. Ф. Катанов (446, стр. 284) относит это замечание к земле бельтиров и сагайцев, которым и была поручена охрана пограничного знака Шабин Дабага.

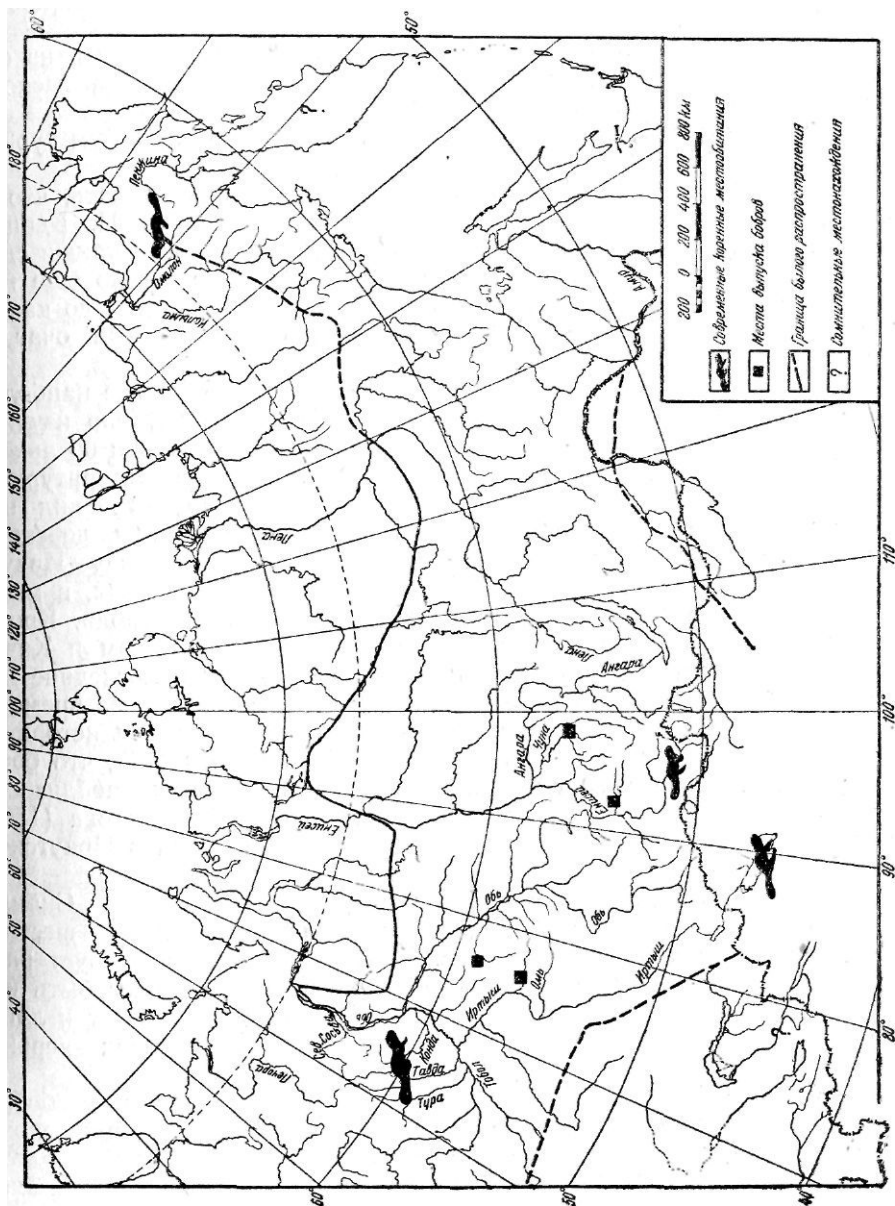
К началу прошлого столетия обитание бобров на р. Абакане пользовалось известностью. Так, Е. Зябловский (1807 г.), грубо очерчивая ареал бобра в Сибири, говорит: «водится около Оби, Тобола, Ишима, Иртыша, по Енисею, Абакану, Уралу, особливо около Туруханска, Обдорска, Березова» (116, 464, стр. 80).

Что бобры обитали и, очевидно, совсем недавно на р. М. Абакане, видно из сообщения Д. Клеменца (140, стр. 17), который говорит: «были речные бобры на Малом Абакане, об этом свидетельствуют остатки жилищ их. Остались они на некоторых речках Верхнего Енисея; но отсюда много-много привозят шкурок 10—15 в год». Как ни мимолетно это сообщение, на авторитет такого сибироведа как Д. Клеменц положиться можно. В 1931 г. о бобрах в интересующей нас местности опубликовал заметку П. Кузнецов (175). По словам последнего, на р. Кандате, притоке р. Амыла, бобры встречались назад лет 40. Наконец, в 1934 г. В. Н. Львов (194) выступил с утверждением, что «небольшие колонии (бобров — В. С.) найдены так же на Енисее», не подтверждая это никакими данными.

Современное обитание бобров на притоках р. Енисея в Туве известно более широко, чем другие прошлые его местонахождения в данном бассейне.

Первые, пожалуй, сведения о нем мы находим в работе Н. М. Мартянова (206, стр. 29), в которой упоминается хвост бобра с р. Сыстыг-Хем. Немного позднее, а именно в 1887 г., была опубликована заметка анонима К. (125), в которой автор говорит, что бобры сохранились на южном склоне Саян, в вершине р. Хамсары, где сойоты добывают ежегодно не более 10 бобров. Позднее данные о бобрах на реках Сыстыг-Хем и Хамсара опубликовал Ф. П. Кеппен (137, стр. 260), получивший их от Е. Бихнера и Д. Клеменца. Но наиболее подробное описание этого любопытного очага появилось в 1914 г., когда были напечатаны сразу три работы, трактующие о бобрах в Урянхае. В одной из них Д. Каррутерс (132) сообщает, что «в лесах, одевающих саянский хребет», обитает «немного бобров» (стр. 179) и далее (стр. 249), что они как редкость встречаются на верхних притоках р. Бий-Хема. Затем Г. Е. Грумм-Гржимайло (91, стр. 506—507) упомянул о бобрах в истоках р. Енисея, подчеркнув, что они живут в норах. И, наконец, А. Я. Тугаринов в специальной заметке (362) сделал довольно подробный обзор распространения здесь бобров со слов И. С. Скобеева. Автор пишет, что в начале 70-х гг. прошлого столетия бобры были еще многочисленны по всей р. Бий-Хему (Верхнему Енисею), причем один из про-

токов последнего носит название «бобрового». Во время же посещения Урянхая автором бобры держались в следующих пунктах: а) на устье р. Азаса, при впадении его в озеро Тоуше-Куль, б) в одном месте по р. Бий-Хему, в) по среднему течению р. О-Хем, левого притока р. Бий-Хема, причем это самый богатый бобрами пункт. В 1921 г. были опу-

Расселение бобров в Северной Азии

ликованы труды Саянской экспедиции 1914 г. (32), в которых В. И. Белоусов сообщал, что ранее бобр встречался на р. Ое, откуда, по его словам, есть шкурка в Минусинском музее, а в период исследования автора эти грызуны сохранялись по рекам южного склона Саян, в частности, по озерам близ вершины р. Енисея. Отметим, что в 1926 г. тот же

автор сообщил, что бобры и в наши дни живут по р. Сыстыг-Хему (31). В 1925 г. появились две работы, включающие данные о бобрах интересующего нас района. Именно М. И. Скобеев (326) указал, что бобры живут в северо-восточной части Урянхая, по рекам Азас, Окел и Билин, и И. Н. Шухов (403) сообщил об их недавнем обитании в истоках р. Енисея, по Кызыл-Хему, вершинам рак, впадающих в оз. Таракинское и Ашпекуль¹.

Что бобры водились в долине р. Кемчика, можно заключить из самого названия этой реки, которое следует производить от киргизского названия бобра «камчат» (409, стр. 7); да и один из его притоков Кондолен (Кундулен) (91, стр. 768), очевидно, обязан своим именем турецкому слову «кундуз» — бобр.

В заключение изложенных материалов позволительно сказать, что в прошлом, как это правильно предугадал в свое время Ф. П. Кеппен (137, стр. 260), бобр обитал по всему бассейну р. Енисея, а также сделать предположение о том, что в пределах Урянхая не угастро еще местообитание этих замечательных грызунов. Нужно ли говорить, до какой степени желательно, не теряя времени, изучить этот важный очаг и объявить заповедными главнейшие его участки.

В отношении былого распространения бобра в Прибайкалье наиболее полные сведения собрал И. В. Арембовский (11, 12), глубоко изучивший этот вопрос. Особенно ценны приводимые им подробности об археологических находках. Со слов ряда исследователей, из литературных данных и на основании собственных наблюдений автор установил нахождение остатков бобра из раскопок в устье р. Китоя, у деревень Нижне-Середкино, Серово-Зверев, Исаково, лежащих между Иркутском и Братском, на р. Илиме у Игирма, у деревни Березовки, в местности Лесихе близ Иркутска и, наконец, в предместьях города. Кроме того, им указан ряд пунктов, находящихся между Иркутском и Качугой. Памятники эти автор относит к неолиту, энеолиту и последние находки к ранне-железному веку. Очевидно, что в те удаленные времена бобр густо населял Прибайкалье. Обратившись ко временам историческим, мы должны процитировать показание И. Г. Георги (74), что бобр прежде (т. е. ранее 1770 г.) водился во многих речках поблизости Байкала. Выше мы уже привели свидетельство П. Н. Колотилова (159), из которого видно, что во второй половине XVIII столетия в Иркутской области бобр был еще объектом промысла и торговли.

Как символ былого значения бобра в экономике Восточной Сибири следовало бы рассматривать герб г. Иркутска, на котором, как известно, изображен бобр. Однако этот вопрос довольно спорный и требует рассмотрения. Прежде всего, самое изображение на гербе может быть названо бобром лишь условно. Типичные для этого грызуна хвост и лапы сочетаются с фигурой и пастью хищника, держащего в зубах зверька, похожего на собаку и на белку.

В силу, очевидно, этого уже давно возникло мнение, что этот «бобр» есть не что иное, как «бабр», имя, которым в Восточной Сибири искони называют тигра. Так, хищником (не изменяя, впрочем, самого слова «бобр») трактует его А. Мартос (205, стр. 162). В то же время Е. Зяб-

¹ В самое последнее время А. И. Янушевич опубликовал заметку о бобрах в верховьях р. Енисея (440). По его данным, бобр встречается только по р. Азасу, на которой автор, к сожалению, добыл один экземпляр. Отмечу, что по сведениям Н. Н. Скалона, собранным им в Тану-Туве летом 1947 г., материалы опубликованные А. И. Янушевичем, не вполне отвечают действительности, так как бобр в верховьях р. Енисея распространен несколько шире.

ловский, например, изображение на гербе понимает именно как бобра (116, стр. 86).

Сомнения, казалось бы, должны считаться разрешенными В. Далем, который в специальной заметке (93) разъяснил, что в герб Иркутску и был дан «бабр», сиречь тигр — редкий гость Восточной Сибири. Составители же герба по неосведомленности заменили непонятого «бобра» более знакомым бобром, который и утвердился в гербе этого города.

Однако с мнением В. Даля согласиться нельзя. Утверждение герба получено было Иркутском 18 февраля 1690 г. с наказом следующего содержания: «Великого государя Царя, Великия, Малые и Белые России самодержца печать в Иркутском серебряная, вырезан бобр, от головы которого врезано же: печать государевой земли Сибирской» (205, стр. 162). То есть, отметим, о соболе в зубах упоминания нет.

Трудно думать, чтобы авторы наказа и самого символа, украшающего вновь устанавливаемую государственную печать, имели в виду редчайшего, мало известного хищника далекой восточной окраины, вовсе для нее и не характерного. Это тем более, что «бабр» есть название местное, сибирское (94, 383, стр. 351), едва ли достаточно известное тогда в Москве. Очевидно, изначально было предусмотрено изобразить на печати-гербе именно бобра, одного из виднейших пушных животных края; при этом, как видно из приведенного текста «печать государевой земли Сибирской», ей предназначалась роль гораздо более высокая, чем присвоенное впоследствии губернское значение.

Графические же искажения рисунка есть уже, видимо, результат недоумения или плод фантазии резчиков.

Рассмотрение былого распространения бобра в Монголии сделано уже выше. Однако представляется интересным отметить еще, что в этой стране, где за недавнее время бобр найден в ископаемом состоянии, он обитал в различных пунктах и в историческое время. Это видно прежде всего из названий некоторых рек, происходящих от турецкого корня «кундуз» — «кондуз».

В списке географических названий на карте северо-западной Монголии И. А. Рафаилова (280, стр. 382) мы встречаем реку Кундулен. Г. Н. Потанин (270, стр. 198) упоминает реку Кундулэн (по-китайски Кундулун), встреченную им по дороге из Биркуля в Куку-Хото. Позднее он же на пути от Уясутая к Косо голу исследовал р. Кондузанг, приток р. Этэра, протекающую в безлесной местности, но берущую начало в лесистых ущельях. Наконец, Г. Е. Грумм-Гржимайло (91, стр. 172) указывает р. Кондолон (Хундулен); она течет среди лесов и лугов, в том числе лиственных (стр. 353). Ниже устья р. Сагали-Гола она протекает в широкой, частью заболоченной долине двумя многоводными рукавами (стр. 355). На стр. 115 автор упоминает еще р. Хундургун, левый приток Джадана, который протекает в узкой поросшей лесом долине; название этой реки, очевидно, имеет тот же корень¹. Как видно, места эти пригодны или были пригодны для бобров.

¹ Отметим, однако же, что В. В. Бартольд (23, стр. 28) географическое название Кундулянг в Туркестане производит от турецко-монгольского «Кундулян» — шатер, ханская ставка. Таким образом, названия с корнем «Кунду» могут быть и независимы от бобра в своем происхождении. Очевидно, впрочем, что соответственные названия рек, тем более таких, которые подобно названным выше едва ли могли быть пригодными для расположения ханской ставки, вероятнее производить от имени интересующего нас животного. Наоборот, по В. В. Бартольду может быть вероятно истолковано название населенного пункта Кундулун, лежащего в Акшинском районе, близ правого берега р. Она, на советско-монгольской границе (131).

Не подлежит сомнению, что специальное изучение вопроса откроет немало новых следов былого, а не исключена возможность, что и современного обитания этих замечательных грызунов в Монголии.

Переходя к бассейну р. Лены, мы находим немало сведений о распространении в нем бобров, начиная с грамот времен изначального освоения страны русскими. Так, в сборнике, посвященном описанию колонизационной политики Московского государства в Якутии в XVII в. (157), мы находим ряд упоминаний о бобрах как в «наказах» центральной власти, так и в «отписках» с мест, из чего видно, что бобр в Якутии был в то время постоянно в поле зрения правительства. А. А. Ионик, изучая проезжие грамоты с р. Лены на Русь XVII в., обнаружил, что в царствовании Михаила Федоровича служилыми людьми в числе прочей мягкой рухляди вывозилась масса бобров (121, стр. 99). О незаконном вывозе бобров с р. Лены (1651 г.) упоминает и В. Кулешов (182, стр. 26). В «дополнениях к актам историческим» (100, стр. 214) есть упоминание о промысле бобров в районе Верхне-Майского зимовья в 1649 г. Г. Вернадский в своей работе о служилых людях XVII в. (64, стр. 348) приводит интересный документ о том, что в 1651 г. енисейские служилые люди, посланные на р. Лену для сбора ясака, заворовались и покупали там для себя «лучшие соболи и лисицы и бобры». Е. Д. Стрелов (339, стр. 136), исследуя якутские архивы, нашел ведомость ясачного сбора за 1730—1731 гг., в которой говорится о бобрах и кошлоках. Наконец, замечательным документом для суждения о распространении бобра в Якутии в далеком прошлом служит наказ стольнику Головину, посланному на р. Лену в 1638 г. В нем говорится: «А по тем речкам по Чоне и по Вилюю живут люди многие Синагири, и Нанагири соболей и лисиц, горностаев и бобров и всякого зверя и рыбы у них много. А меж тех де рек и меж Нижней Тунгуски реки многие захребетные реки, и по тем рекам потомуж и людей и лисиц и бобров и всякого зверя много» (287, стр. 963). Там же на странице 964 перечислены притоки р. Лены: «Ичора, Поледуй, Олекна, Витим, Киренга, Таюра, Камта, Бранта» и сказано, что на них «соболей де и лисиц и бобров и горностаев много». Словом, в эти удаленные времена бобр был широко распространен в Якутии и служил обычным объектом промысла.

Из ученых, посетивших Сибирь, первым о бобрах в бассейне р. Лены говорит И. Г. Георги (74). Он установил, что около 1700 г. бобры жили только около Баунтовского озера, лежащего в истоках р. Витима. Отметим, что И. Поляков (261), обследуя эти места более столетия позднее, обнаружил, что «найденный И. Г. Георги в окрестностях Баунта бобр исчез так давно, что тунгусы его совсем не помнят». Добавлю, что память о бобре в верховьях р. Витима все же сохранилась, хотя бы в виде географических названий нескольких речек на языке местных тунгусов, на что обратил мое внимание исследовавший эти районы охотовед В. В. Тимофеев. Что р. Бобровка имеется близ устья р. Витима, установил еще И. Г. Гмелин (77). Последний автор также выяснил, что на реках Киренге и Олекме бобры исчезли около 1700 г. П. С. Паллас в 1771 г. нашел, что бобры водятся по р. Алдану (243, стр. 143). После первых исследователей Сибири наступает длительный перерыв в поступлении сведений о бобрах в бассейне р. Лены, что даже дало повод К. Е. Бэру поставить под сомнение самое существование там таковых (21, стр. 244). В середине прошлого столетия на обитание бобров по р. Алдану указал Н. Симашко (315), а Ф. П. Кеппен (137, стр. 202) получил сведения от Н. Герца о том, что «бобр еще ныне встречается по речке Нелькан, впадающей в р. Маю». Наконец, К. в статье, относящейся к 1887 г. (125, стр. 12), говорит, что бобры сохранились в самых

далеких и диких местах тайги. Возможно, что, исходя из тех же источников, делает аналогичное упоминание Б. С. Виноградов (67, стр. 46).

В новейшее время чрезвычайно интересные сведения о бобрах в Якутии доставил М. Пихтин (253) своими корреспонденциями о составе пушнины, продававшейся на якутской ярмарке между 1891—1902 гг. (табл. 2). Они свидетельствуют о том, что еще не так давно бобр был нередким промысловым животным в Якутии и опровергает утверждение

Таблица 2

Годы	Количество	Цена (в руб.)	Сумма (в руб.)	Годы	Количество	Цена (в руб.)	Сумма (в руб.)
1891	100	18	1800	1896	19	19	950
1892	110	18	1980	1900	60	20	1200
1893	50	18	900	1901	20	20	400
1894	50	18	900	1902 ¹	20	20	400
1895	80	18	1440				

¹ За 1887—1889 и 1897—1899 гг. сведений о бобрах в таблицах М. Пихтина нет

К. Е. Бэра, что бобром не торгуют на якутской ярмарке. Во времена К. Е. Бэра такая торговля несомненно имела место, хотя возможно и не получила отражения в официальной статистике. Впрочем, кроме данных М. Пихтина, о поступлении бобровых шкур на якутскую ярмарку, о бобрах, поступающих на якутскую ярмарку, говорит, например, упоминание Г. Гагемейстера (72, стр. 316), что в 1846 г. на якутской ярмарке было зарегистрировано 700 (sic!) бобров; возможно преувеличенная, цифра эта все же показательна. Думать, что обнаруженные М. Пихтиным в Якутске бобровые шкуры поступали извне, скажем, из Америки, через Чукотский полуостров едва ли возможно хотя бы потому, что в его годы достаточно уже были развиты морские пути сообщения с побережьем дальнего северо-востока Сибири. А кроме того, и это главное, мы имеем прямое свидетельство о том, что в указанное время бобры в Якутии существовали и происходил даже регулярный их промысел. Именно, я имею в виду замечательно интересную заметку анонима М. Д. «Из области обычного права Сибирских Инородцев» (196). Замаскированная неопределенным заглавием, она прошла незамеченной. Автор описывает своеобразное примитивное хозяйство на бобра, существовавшее в бассейне р. Алдана еще в конце прошлого столетия. К заметке этой мы еще вернемся ниже, а пока только подчеркнем несомненность поступления на рынок местных якутских бобров в годы, когда собирал свои сведения М. Пихтин¹. Если прибавить к сказанному, что по данным А. А. Силантьева (318) в Якутской области добыто в 1902 г. 12, а в 1905 г. 16 речных бобров, станет непонятным, как держалось в литературе мнение о неизвестности или неясности распространения и даже наличия бобров в Якутии или почему авторы последней сводки о млекопитающих этой страны (363) вовсе не упоминают об этом замечатель-

¹ Интересно заметить, что существование бобров в Якутии в конце прошлого столетия было настолько известно в торгово-промышленных кругах, что указание на него без оговорок включено в соответствующий справочник (316, стр. 259).

ном грызуне. Добавлю еще, что в 1936—1938 гг. в Якутске мне случилось видеть бобровые шапки не новые, но не очень поношенные, сшитые из шкур местного происхождения.

В какой степени был распространен бобр в бассейне р. Амура, до сих пор совершенно неясно. Большинство авторов склонно думать, что его там не было вовсе, за исключением верховьев р. Ингоды и Нерчинска, где их присутствие установил И. Г. Георги (74, стр. 356). Что в пределах Нерчинского округа бобры промышлялись и шли в ясак, видно из ведомости ясачного сбора за 1698—1699 гг. (288, стр. 825—826), когда в этом городе было заготовлено по одному бобру. Со слов И. Г. Георги, а также цитируя Сиверса и Риттера, строит свой отрицательный взгляд на распространение бобра в бассейне р. Амура Ф. П. Кеппен (137, стр. 265—266). Г. Радде в своем первоначальном отчете о путешествии в юго-восточную Сибирь (277, стр. 77) включает бобра в список зверей, добытых во время путешествия. Правда, ниже он оговаривается, что о некоторых из перечисленных животных им собраны только сведения опросные. В окончательной же работе (278, стр. 206) он именно подчеркивает, что никаких сведений о бобрах — незнакомых жителям даже по имени — он в посещенных местах собрать не мог. Автор решительно заключает, что бобра нет и не было ни в Восточных Саянах, ни в Яблоновом, ни в Становом хребте; последнее, как мы видим из вышеприведенных данных, во всяком случае неточно. Л. Шренк (398, стр. 145) отрицает наличие бобров на р. Амуре. А. Черкасов (383), с особой тщательностью собиравший сведения о промысловых зверях Забайкалья, не упоминает о бобрах вовсе, так же как Г. Е. Грумм-Гржимайло (92). И, однако, существуют весьма веские данные о том, что бобр в бассейне р. Амура существовал не только в верховьях. Следует, например, отметить, что в наказе Хабарову (3, гр. 31, стр. 67) от 1649 г. говорится о том, что брать ясак с амурских иноземцев надлежит между прочим бобрами (стр. 69). Что это не просто шаблонное, а обоснованное требование, видно из того, что ниже подчеркивается указание, что у обитателей тамошних степей бобров нет, почему с них надлежит взыскивать ясак другими ценностями. Гораздо более важно, что в замечательном «Описании новые земли сиречь Сибирского царства» от 1672 г. (349) мы читаем следующее: «к самым берегам около вышеписанных рек (Гарпинка, Туйман, Шингал, Ушур — В. С), которые устьем в Амур пали, лес небольшой и мало зверя болшого, держатся же в тех лесах и в реках только бобры, выдры, лисицы, белые зайцы, серые рыси, волки серочерные, а иного болшого зверя на китайской стране правой нет, токмо в Камени, что под китайской стеною живут бобры великие». Мы уже не раз говорили о тонком знакомстве первых русских насельников Сибири с пушшиной, благодаря которой они имели достаточно ясное представление о зверях. В данном же случае, когда в указании на бобра говорится, что он живет в реке и он сопричислен к числу зверей мелких, нет никакого сомнения, что автор «Описания» имел в виду именно интересующего нас грызуна. Другое дело «бобры великие», живущие далеко внутри страны. Совершенно очевидно, что здесь дело идет о «бабре», то есть тигре, как недавно еще называли эту кошку в бассейне р. Амура (383). По среднему Амуру бабр был и есть редкий зверь, обитающий далеко внутри страны, по правобережью. Только в пределах Уссурийского края он был обычен в наших пределах. Совпадение в названии едва ли не есть вина переписчика, без труда переделавшего «бабра» в «бобра». Во всяком случае отнестись с доверием к автору тщательного «Описания», человеку, для своего времени несомненно выдающемуся, у нас гораздо более оснований, чем сделать мало вероят-

ное допущение, будто бобр в своем расселении по р. Амуру ограничился почему-то лишь истоками¹.

Вопрос о былом или современном распространении бобров по всему крайнему северо-востоку Азиатского материка возбуждал много споров и не может считаться решенным до настоящего времени.

Приступая к рассмотрению источников, прежде всего отметим следующее. В документах исторических (см., например, 160) о речных бобрах собственно для интересующих нас мест сведений мы не имеем, но о бобрах и кошлоках вообще говорится постоянно. При этом иногда приравнивается термин «морские» или «большие» бобры, иногда нет. Принимая во внимание тонкое знание пушнины, которым и в то время отличались русские промышленники и заготовители, нельзя думать, что они не выделяли калана или смешивали его с бобром речным, тем более, что и до сих пор названный хищник именуется «морским бобром». Поэтому нужно думать, что во всех или большей части случаев, когда в документах говорится о бобрах просто, имеются в виду именно интересующие нас грызуны. Если же это так, то очевидно, что с последними русские в те времена постоянно сталкивались на крайнем северо-востоке Сибири, и, следовательно, можно предположить, что речные бобры в те времена там обитали.

Переходя к новейшим данным, проследим их, следуя с юга. При этом сведения о бобрах мы находим для Гижигинского округа. Именно, В. Богородский (38, стр. 66) упоминает бобра в перечне зверей местности. И. Ф. Брандт, ссылаясь «а Вознесенского, тоже считает бобра в числе четвероногих обитателей округа (49, стр. 41). Наконец, самым надежным свидетельством является показание Герца (Ф. П. Кеппен, 137, стр. 264), который видел «несколько сот верст южнее Гижигинска» свежую, распяленную на доске шкуру бобра; не подлежит никакому сомнению, что шкура, виденная в таком состоянии, снята с животного, добытого неподалеку.

О бобрах на р. Колыме сведения спорны. А. Аргентов (438, стр. 18) сообщает, что бобров на ней нет вовсе кроме привозных. Ф. П. Кеппен приводит слова И. Ф. Брандта о том, что туземцы ездят на р. Колыму охотиться на бобров (137, стр. 263). Г. Мейдель (199, стр. 43), описывая Анюйскую ярмарку, говорит о бобрах как о значительной, но не особенно ценной части пушных товаров, однако не упоминает о происхождении шкур. В. И. Иохельсон (122, стр. 102) утверждает, что в Колымском округе бобр не водится и следов пребывания его там нет; ниже он повторяет, что бобров нет в Анадырском, Гижигинском и Охотском округах и на р. Амуре (стр. 103). Решительно отрицает наличие бобров на Колыме С. А. Бутурлин (53), считая, что на крайнем Северо-Востоке шкурки их есть только привозные из Америки. С. И. Огнев (236, стр. 101) приводит данные Корена (6) о том, что бобр встречается по притокам р. Колымы, и свидетельства В. И. Иохельсона, С. А. Бутурлина и «Со-

¹ Как неопровержимый факт былого обитания бобров в бассейне Амура приведу сообщение И. В. Арембовского о сделанной им замечательной находке. Летом 1942 г. в долине р. Усату-Хила (правого притока р. Аги, левого притока р. Онона), среди типичных культурных остатков Солотрейской эпохи (верхний палеолит, Рисс-Вгорм), вместе с костями мамонта, сибирского носорога и дикой лошади, он обнаружил половину нижней челюсти типичного *Castor fiber* L.

Более того, там же, в выше залегающих отложениях, в супеси, подстилающей современную почву, среди культурных остатков гуннской эпохи (раннее железо, начало нашей эры) найден резец бобра той же формы.

Несмотря на то, что в промежуточных горизонтах остатков бобра не удалось обнаружить, мы можем отметить чрезвычайное постоянство обитания речного бобра в бассейне Онона.

кольникова (333), опровергающие данные Корена, но своего мнения не выражает, оставляя вопрос открытым.

Изложенным не исчерпываются данные, говорящие в пользу заключения, что бобры обитали на р. Колыме. Именно, на странице 97 своей книжки об этой реке (229) С. В. Обручев упоминает о наличии в ее бассейне речки, именуемой Бобровка; последняя, однако, не показана ни на его собственной, ни на других просмотренных мною картах р. Колымы, включая капитальный атлас под редакцией Молодых (16). В; И. Подгорбунскому, который по моей просьбе опросил автора упомянутой книжки, последний сообщил, что речка с этим названием действительно есть в верховьях р. Колымы; он упомянул при этом, что на устье р. Бобровой живет старый юкагир, носящий прозвище «бобер», и высказал предположение, не от него ли получила название речка. Думается, однако, что слишком давно русские освоили р. Колыму, чтобы в наши дни давать новые названия впадающим в нее речкам, тем более от таких неважных причин. Приходится признать, что факт нахождения в данном бассейне речки с таким характерным названием есть веское подтверждение вполне вероятных догадок о былом (быть может недавнем) обитании р. Колымы бобрами.

На Чукотском полуострове бобровые шкуры издавна и до наших почти дней были обычным явлением, однако, происхождение их остается спорным. Известно, что имел место приток этого товара из Америки в порядке меновой торговли туземцев, и часть авторов (например С. А. Бутурлин, 53; А. П. Сильницкий, 319, стр. 34; Н. Л. Гондатти, 80, стр. 9 и другие) утверждает, что бобровых шкур много происхождения вовсе не было. В 1896 г. А. В. Олсуфьев (240, стр. 18) опубликовал сообщение о том, что бобры встречаются в устьях некоторых небольших рек Анадырского округа. А. А. Прозоров в 1902 г. (274) сообщил, что в 90-х годах прошлого столетия бобр встречался по островам р. Анадыря. Однако Сокольников (333), решительно отвергая возможность существования бобра на всем крайнем Северо-Востоке, отводит показание А. А. Прозорова, как основанное на заведомо неверном сообщении А. В. Олсуфьева. Повторяя данные Сокольниковой, Л. А. Портенко (268, стр. 72—73) отрицает всякую возможность пребывания когда-либо бобров на р. Анадыре, считая местные реки совсем для них неподходящими.

Можно было бы считать вопрос решенным в отрицательном смысле, если бы не данные М. А. Сергеева (307) — глубокого знатока края. Именно он сообщил, что из пределов края было вывезено бобровых шкур: в 1916 г.—22, в 1922 г.—27 и в 1923 г.—27. Проданные в Америку шкурки эти едва ли только что перед этим поступили отсюда же. Это тем более, что в указанные годы упоминавшейся выше меновой торговле между странами были созданы препятствия, да и американские торговцы слишком хорошо освоили побережье Аляски, чтобы допускать такую примитивную утечку пушнины через Берингов пролив.

Приведенные соображения заставляют считать преждевременным отрицание самой возможности нахождения когда-либо в прошлом обитания бобров на интересующей нас окраине и предполагать возможность того, что где-либо в дебрях этой огромной, крайне недостаточно исследованной страны бобры существовали или даже сохранились до сих пор.

Изложенные соображения в самое последнее время нашли самое серьезное подтверждение в виде материалов, пересланных мне с Анадыря Я. Ф. Самариным. Близко заинтересовавшись речными бобрами, которых он успешно изучал в Кондо-Сосвинском заповеднике, Самарин, переехав на Анадырь, занялся сбором сведений о возможности нахож-

дения бобров на крайнем Северо-Востоке, о чем вскоре получил некоторые слухи. Упорно добываясь их уточнения, Самарин получил, наконец, довольно убедительные сведения, которые привожу с его слов ниже.

1. 20 июня 1949 г. в Анадыре было собрано совещание старых охотников по вопросу о бобрах, причем старик К. Н. Воронцов сообщил, что в 1919 г. он видел у одного чукчи на р. Канчалане пять свежих бобровых шкур и одного неободранного бобра на нарте.

2. 6 июля 1949 г. было получено письмо от гр. Ядринцева с р. Танюрера о том, что на этой речке он сам знает остатки бобровых сооружений и пни срезанных ими осин, что эти грызуны там жили не далее 40 лет назад.

3. Зоотехник Дергачев, будучи уполномоченным по заготовке пушнины на верховьях Омолона в 1939 г., принял две шкурки речного бобра, о чем и представил официальную справку. Добыты они были коряками в капканы, поставленные на выдру. Дергачев считает, что бобры водятся на р. Омолоне, так как бобровая опушка обычна в одежде местных аборигенов.

4. От А. В. Бодрова Я. Ф. Самарию получил справку следующего содержания: «В 1945 г. я работал на территории среднего течения реки Пенжиной. Очень часто встречался с местными жителями. Один раз случайно зашел разговор с гр. Ермочковым, есть ли на их территории бобры. Он сказал, что сейчас нет, но раньше были, только на территории р. Омолона, но в каких годах — я не интересовался. Вот все, что я слышал от местных жителей».

5. Получил он так же справку от гр. Сычева, который писал: «Это было в Марково, в 1947 г., в декабре месяце. У одного жителя была изъята шкурка речного бобра, которая была послана ценной посылкой на Большую Землю».

Совершенно несомненно, что эти замечательные данные не могут не иметь под собою фактических оснований. Приходится сожалеть, что Я. Ф. Самарин, стремившийся направиться лично для исследования недоступных, лишенных населения дебрей Омолона и Пенжиной, не смог добиться ассигнования необходимых средств.

Самое тщательное изучение открытых им местообитаний речных бобров на крайнем северо-востоке Сибири должно быть осуществлено в ближайшие годы.

Существуют ли или обитали когда-либо бобры на Камчатке — окончательно сказать нельзя. П. Крашенинников (169) не упоминает об этих зверях вовсе. Не сообщают о них также Вознесенский, Герц и Дыбовский (Ф. П. Кеппен, 137, стр. 265). Только И. Пальмер (244, стр. 24) утверждает, что еще в 1842 г. бобры водились на этом полуострове. Склонен предположить возможность обитания бобров на Камчатке и М. А. Сергеев.

Очень, наконец, интересно сообщение В. Н. Гуляевой, вдовы известного пушника-дельца и знатока мехов Гуляева, которая сама хорошо разбирается в мягкой рухляди.

Опрошенная по моей просьбе В. И. Подгорбунским, она показала, что в 1912—1914 гг. она с мужем жила на Камчатке, занимаясь скупкой мехов.

При этом они покупали у коряков шкурки речных бобров, неоднократно доставлявшиеся им из глубины полуострова. Охотники не сообщали, где именно они добывали зверей, но так как шкуры бывали свежими, предполагать завоз их извне, особенно из Америки, никаких оснований не было, тем более, что торговли или обмена такого рода в местности вообще не наблюдалось.

О том, что бобр нет на Сахалине, фауна которого изучена, впрочем, еще очень мало, согласно показывают и Л. Шренк (398, стр. 145) и А. М. Никольский (222, стр. 127). Только у Н. Буссэ (52, стр. 659) мы находим обратное предположение. Однако последний автор приводит только сбивчивые показания айнов о том, что бобр живет на Сахалине; основывается это только на том, что туземцы якобы «узнали» его потерявший бобровый воротник. Очевидно, что по этим данным вводить бобра в фауну Сахалина преждевременно.

Окинув взором весь очерченный выше ареал бобра в Северной Азии, мы можем сказать следующее. Некогда бобр был многочисленным обитателем бассейна р. Оби с Иртышом и Енисеем, причем северная его граница на р. Оби не достигала Полярного Круга, а на р. Енисее проходила ниже 70° с. ш. Распространение бобра по рекам Тазу и Пуру неясно и требует проверки и уточнения. В бассейне р. Лены бобр был широко распространен в правом берегу до Алдана включительно. В остальном места его обитаний по Якутии подлежат выяснению. В бассейне р. Амура бобр если и проникал, то достаточно уже давно и не имел в нем широкого распространения. На Охотском побережье бобр встречался, но, видимо, спорадически. Для всего дальнего Северо-Востока, включая Камчатку, полнительного изучения, но для утверждения полного его там отсутствия оснований нет. На Сахалине же бобра, очевидно, не бывало.

Более 200 лет тому назад Г. Ф. Миллер писал, что бобры встречаются только по эту сторону р. Енисея, так как «по ту сторону Енисея земля везде камениста и затем для сего зверя неспособна» (216, стр. 527). Хотя, как мы видели выше, современник его И. Г. Гмелин, а затем П. С. Паллас с точностью установили местообитания бобров много восточнее Енисея, легенда, вызванная к жизни Г. Ф. Миллером, не умерла. В 1845 г. К. Э. Бэр (21) писал о том, что восточнее р. Енисея бобр не встречается, и опровергал данные П. С. Палласа. К. Э. Бэр считал почему-то, что бобров в Сибири никогда не было больше, чем в его время, даже когда эта страна завоевывалась русскими. Под влиянием этих высказываний даже А. Миддендорф с большой осторожностью высказался о границе распространения бобра на восток и выдвинул неосновательную теорию о невозможности обитания бобров в области вечной мерзлоты (210, стр. 71).

Исследованиями Ф. П. Кеппена был нанесен основательный удар указанным воззрениям, а с появлением не раз цитированной уже статьи И. В. Арембовского они должны считаться окончательно похороненными. Странно поэтому видеть, что сейчас еще находятся авторы, солидаризирующиеся с изложенными отжившими суждениями. Это делает, например, без всяких оговорок Л. А. Портенко (268, стр. 73), стремясь оттенить свое отрицательное отношение к возможности нахождения бобров на р. Анадыре.

Наши материалы, дополняющие данные Ф. П. Кеппена и охватывающие более широкую территорию, чем исследования И. В. Арембовского, позволяют окончательно опровергнуть утверждения Г. Ф. Миллера и его последователей и считать установленным, что бобр не только был широчайшим образом распространен в Сибири, но был и многочисленным промысловым животным, имевшим выдающееся экономическое значение от времен доисторических вплоть до наших дней.

Заканчивая настоящий раздел, следует сказать, что мы ожидаем новых и новых находок не только древнего, но и новейшего, если не современного обитания бобров в реках Северной Азии. Об этом можно догадываться хотя бы по тому, что всякие начинания по обследованию

водоемов для выпуска бобров часто приводят к установлению в посещаемых местах следов обитания этих грызунов.

Так, летом 1949 г. В. Н. Ефимова и О. В. Скалон, обследуя р. Модношеву, приток р. Уды, притока р. Ангары, натолкнулись на р. Бобровку и воспоминания населения о бобрах. Летом 1950 г. Т. Н. Гагина, обследуя р. Куту, левый приток р. Лены, впадающий близ Усть-Кута, установила, что бобры в ее верховьях, на р. Бобровке, обитали едва ли не до конца прошлого столетия.

Можно быть уверенным, что охотоведы Сибири, строя советское охотничье хозяйство на бобра, быстро уточнят карту бывшего его распространения, что сильно поможет им в их сложной задаче.

КОНДО-СОСВИНСКИЙ ОЧАГ БОБРА

Единственным более или менее изученным очагом бобра в Азии является кондо-сосвинское его местообитание. Оно же, насколько можно судить, должно быть признано и самым крупным если не в смысле поголовья, то в отношении площади. Естественно, что в нашем исследовании мы должны уделить ему самое пристальное внимание.

В конце 1938 г. мне случилось занять место заведующего научной частью Кондо-Сосвинского государственного заповедника, созданного главным образом для охраны бобров.

Не имея ранее соприкосновения с этими замечательными грызунами, я с тем большим интересом принял указанную должность. Мне казалось несомненным, что заповедник, организованный за десять слишком лет до моего поступления, успел сделать многое и многое в познании основного объекта своей охраны. К сожалению, пришлось разочароваться. Несмотря на то, что в заповеднике ряд лет работали специалисты по бобру и тема эта стояла в плане работ от начала, не удалось обнаружить ничего, что свидетельствовало бы об успехе этих начинаний. Пришлось браться за дело самому, начиная от составления первоначальной программы работ (какой не оказалось вовсе) и усиленного руководства исполнителем темы, а затем, по выяснении бесполезности усилий, в порядке личной ее разработки.

Кто же и в какой степени занимался до сих пор бобрами кондо-сосвинского очага?

Поляков Иван Семенович. Зоолог. В 1876 г., во время работы в долине р. Оби, обратил внимание на сбор сведений о бобрах в бассейне рек Конды и М. Сосвы. В стремлении достать бобра для Академии наук, он специально, хотя и безуспешно, посылал людей на его промысел. Первый доставил в научные организации шкурки кондо-сосвинских бобров (работы И. С. Полякова, см. 262, 263 и о нем Ф. П. Кеппен, 137, стр. 354).

Носилов Константин Дмитриевич. Путешественник, беллетрист и естествоиспытатель. В течение ряда лет странствовал по Тобольскому северу. В 1888 г организовал добычу для научной цели шкурки бобра на р. Лепле. В 1890 г., вместе с П. Инфантьевым (118), совершил специальную поездку на р. Конду с целью добыть бобра для зоологического съезда. Вывезенный им спиртовой экземпляр послужил впоследствии типом для описания *Castor fiber pohloi Serebrennikov* (312). Собранный К. Д. Носиловым «громаднейший материал» (224) по бобру и все фотографии остались, к сожалению, неопубликованными и находятся неизвестно где. Отметим, что этот исследователь подвергся многим незаслуженным нареканиям со стороны тех, кто сомневался в подлинности его сведений о бобре, которые вызвали целую полемику в печати (см. С. А. Бутурлин, 54, 55; Н. Кишенский, 139; К. Д. Носилов, 225, 224). Весной 1940 г., проживая в п. Арантур, я собрал от старожилов сведения, подтверждающие то, что говорят К. Д. Носилов и П. Инфантьев об их пребывании в Арантуре, собиравши материалы и коллекции (см. кроме указанных работ К. Д. Носилова, 226, 227, о нем Ф. П. Кеппен, 137, стр. 355, 257).

Сенкевич Э. И. Врач и натуралист. В 1908 г. работал на р. Конде по специальности, попутно изучая фауну и население. По бобру сделал немного, так как ему не удалось победить скрытности аборигенов. От очевидцев и участников я слышал рассказ о том, как местные охотники «прокатили» Э. И. Сенкевича по р. Ессу, ухитрившись не показать ему ни одного из бобровых поселений (из работ Э. И. Сенкевича, см. 305, 306).

Кожевников Г. А. (см. 149, 150) и Шилингер Ф. (392). Им принадлежит часть первой серьезной постановки вопроса об организации заповедника для охраны кондо-сосвинских бобров.

Васильев Василий Владимирович. Моторист-механик, работавший в Тобольске охотоведом, а затем ряд лет заведывавший Северо-Уральским (позднее Кондо-Сосвинским) заповедником В 1927—1928 гг. был послан для обследования

Кондо-Сосвинского местобитания бобров, которое до известной степени и выявил С 1927 по 1940 г. несколько раз посетил реки, обитаемые бобрами. По собственному утверждению (анкетные и отчетные сведения в делах заповедника) «более 8 лет работал по биологии и экологии бобра», но никаких научно-значимых сведений о бобре, принадлежащих трудам В. В. Васильева, в делах заповедника обнаружить не удалось (см. В. В. Васильев, 59, 60 и о нем 65, 85, 161, 162 и др.).

Овсянkin Маркел Михайлович. Зверовод и охотовед-практик. В заповеднике работал с 1932 г. Отлично изучил территорию заповедника, лично пройдя почти все бобровые реки. М. М. Овсянkin фактически осуществлял все мероприятия по бобрам в заповеднике и, как показала проверка, большая часть имевшихся сведений об этих животных была собрана именно им, причем авторство его как правило не оговаривалось. Автору этих строк М. М. Овсянkin сообщил ряд интересных данных.

Коряков Борис Фокич. Зоолог. В 1935—1936 гг. успешно работал в заповеднике по соболю. Обследовал бобровые реки, причем составил хорошую карту одной из главных, а именно р. Есса. Собрал некоторые сведения о бобрах, оставшиеся разрозненными. Авторство Б. Ф. Корякова также обычно не оговаривалось авторами рукописей, просмотренных в архиве заповедника.

Георгиевская Зоя Ивановна. Зоолог, специалист по бобрам. В заповеднике работала с 1937 г. только по одной теме; ежегодно большую часть времени проводила на полевых работах. Летом 1940 г. установила исчезновение бобров из бассейна р. Онжаса, которое явилось следствием бесхозяйственного отношения к ним в прошлом; это можно отметить как существенное ее достижение. За исключением сказанного, (научные результаты работ З. И. Георгиевской неизвестны, так как в печати ничего лично ей принадлежащего пока не появилось, а в делах заповедника никаких научно-значимых материалов, собранных ею, не обнаружено.

Жбанов Евгений Сергеевич. Охотовед. Ряд лет работал в бассейне р. Конды, а в 1940 г. на р. Тапсуе. Глубоко изучил промысловую фауну местности, особое внимание уделял бобру и соболю. Собрал много интересных и новых сведений о бобрах, частично изложенных в отчетах. Автору настоящих строк сообщил много существенных данных.

С глубоким сожалением я должен отметить, что этого замечательного натуралиста-самородка нет более в живых. Призванный во время войны в армию, он с конца 1941 г. беспрерывно находился на передовых позициях и, награжденный многими орденами за доблесть, безвременно погиб при взятии Кенигсберга, оставив по себе наилучшую память у всех, кто его знал.

Раевский Вадим Вадимович. Охотовед-практик. В заповеднике работал в 1934 г., а затем с 1938 г. по соболю. Принимал участие в обследовании бобров, о чем имеются отчеты.

Самарин Яков Федорович. Директор заповедника с 1939 г. Осенью 1940 г. учитывал бобров на р. Есс. Доставил неопровержимые данные об исконно процветавшем в заповеднике браконьерстве и падении поголовья бобров и сделал ряд биологических наблюдений, изложенных в отчете.

Скалон Василий Николаевич. Зоолог. Заведывал научной частью заповедника с декабря 1938 г. по июль 1941 г. В отношении бобров сделал следующее: составил первую в заповеднике программу работ по бобру и непосредственно руководил темой; составил анкету по былому распространению бобра, рассылка которой дала много интересных сведений. Лично работал по бобрам летом и осенью 1940 г. в бассейне р. М. Сосвы и на р. Ковде в 1941 г., обследовав ряд бобровых рек. Дал первое соответствующее истине заключение о состоянии бобрового поголовья, сделанное на основании анализа всех имевшихся материалов.

Литература. Печатные источники о кондо-сосвинских бобрах заключаются в небольших заметках, рассыпанных главным образом в охотничьих журналах и собранных в прилагаемом списке использованной литературы. Заметки эти посвящены только самому наличию и распространению бобра, биологические сведения самые краткие можно найти только в книге С. А. Куклина (178, стр. 104—108). Не опубликовано никаких данных о роли бобра в жизни местного населения, которая, как увидим ниже, весьма существенна. Перечисленные заметки странным образом относятся ко времени организации и первых лет существования заповедника, за ряд же последних лет вопрос этот, как и вообще работа заповедника, в печати не освещался (за исключением 162, 297, 323).

Рукописи. Бедность печатных источников заставляет с особым вниманием отнестись к (рукописям о бобрах, имеющимся в архиве заповедника. Этот фонд исчерпывается следующим:

1. «Речные бобры и соболи в Кондо-Сосвинском государственном заповеднике» Хранится в виде верстки, объемом в 96 страниц. Как видно из предисловия, этот труд, подписанный В. В. Васильевым, В. В. Раевским и З. И. Георгиевской, есть не что иное, как разработка соответствующих глав из большой рукописи В. В. Васильева о заповеднике (название рукописи, содержание, объем, время приготовления и

Местонахождение таковой не указано). Доля З. И. Георгиевской оговорена как участие в главе о бобрах. Ввиду того, что в основу суждения о бобрах положено ошибочное утверждение о «стабилизации» стада и спорные суждения о причинах сохранности бобров, относиться к этому труду приходится с сугубой осторожностью. Если же учесть, что главным источником работы послужили опросные сведения главным образом ныне живущих лиц, оказалось гораздо более надежным отказаться от пользования этой рукописью, обратившись в меру необходимости к непосредственным опросам жителей, что и было сделано.

2. «План заповедного хозяйства К.-С. гос. заповедника, 1940 г. В. В. Васильев». «Общее описание заповедника» (88 стр.). В этой рукописи автор, вне связи с темой, пространно излагает разные сведения о бобрах. За исключением описания промысла, сделанного со слов других, это переложение всего, что есть в рукописи № 1, почему интереса не представляет.

3. «Отчет по теме «Результаты акклиматизации ондатры на р. М. Сосве, в пределах К.-С. государственного заповедника», стр. 166, 1941 г. В. В. Васильев». Эта объемистая рукопись не имеет прямого отношения к данному обзору, но так как среди загружающего этот отчет постороннего материала весьма много места уделено бобрам, приходится упомянуть и этот источник. Впрочем, все эти данные есть переложение упомянутых выше рукописей и не имеют никакого самостоятельного значения. Отметим только решительные высказывания автора о том, что со стороны ондатры не грозит никакой опасности бобру, о чем подробнее скажем ниже.

Иных рукописей, касающихся интересующего нас предмета, в архиве заповедника нет.

Ведомственные материалы. В первую очередь представлены в заповеднике делом «Бобры». За прошлые годы оно заполнено бесчисленными «актами» и мелочной перепиской, но в нем совершенно отсутствуют такие основные этапы работы, как программа работ, отчеты по отловам, по «питомнику» и другим «биотехническим мероприятиям» по бобрам за прошлые годы. Отчеты о самых работах бессодержательны, так как заполнены описанием только самого процесса работы и не дают даже запаса фактов. Единственное исключение представляет маленький (на 1,5 странички) отчет З. И. Георгиевской о поездке на р. Онжас и сводные материалы по учету бобров осенью 1940 г. (на 123 стр.), которые только и возможно было использовать для настоящей работы.

Коллекции разного рода, посвященные бобру, равно как сколько-нибудь интересные фотографии отсутствовали. Где находятся материалы «многолетних работ по бобру», о которых в каждом годовом отчете заповедника неукоснительно упоминалось, осталось мне неизвестным.

Из материалов других ведомств мне удалось воспользоваться только отдельными главами интересного отчета Е. С. Жбанова, которые любезно прислал мне автор, и отчетами по учету бобра, выпущенного на р. Демьянке, которые я просмотрел в Омской областной конторе Заготживсырья.

Опросные данные. Сравнительная скудность личных наблюдений, естественная при недостатке времени и попутности работы, и полная ненадежность материалов заповедника заставили обратить особое внимание на сбор опросных данных. При этом наиболее ценные сведения я получил от Е. С. Жбанова, собравшего по моей просьбе материал по культуре бобра по предложенной анкете, кое-что интересное я узнал от М. М. Овсянкова, Д. В. Данилюка, В. П. Сидорова, а из промышленников наиболее интересное от И. П. Езина, И. П. Сускинова, Ф. Д. Чекатова, А. Н. Путилова. Всем помогавшим моей работе лицам я приношу свою искреннюю благодарность.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Как видно из приведенных сведений, известный издавна Кондо-Сосвинский очаг только в 1924 г. по инициативе Г. А. Кожевникова привлек внимание государства. После предварительных, поверхностных обследований центральная часть очага с 1929 г. была объявлена полным государственным заповедником, предусматривающим совершенную неприкосновенность всего в нем находящегося. Кроме того, широкая полоса вокруг заповедника, включающая почти все существующие бобровые гнезда, была отведена под охотничьи хозяйства, которые должны были, между прочим, и охранять бобров¹. Наконец, 1 ноября

¹ Нужно сказать, что охотничьи хозяйства эти, позднее называвшиеся производственно-охотничьими станциями, по бобру не сделали решительно ничего и вообще почти не оправдали возлагавшихся на них ожиданий.

1934 г. ВЦИК принял постановление, которым заповедник был объявлен имеющим общегосударственное значение. Внутри заповедника охрана, изучение и забота о бобрах были вменены в обязанность ряда лиц, в том числе квалифицированных специалистов, по многу лет живших в заповеднике. Казалось бы, к нашему времени можно было бы иметь исчерпывающие сведения о сибирских бобрах. Однако, увы, как было уже сказано ранее, наши сведения по данному вопросу за прошлое время более чем скудны. Материалы малы и поверхностны. Поэтому и при настоящем предварительном описании очага приходится опираться только на личные наблюдения и опросы, при всем сознании их неполноты.

При составлении краткого физико-географического очерка часть материалов была взята из работы Я. Ф. Самарина и В. Н. Скалона (297) и материалов: В. Н. Скалона и В. В. Раевского «Список млекопитающих северной части К.-С. государственного заповедника», 1940 г.; В. Н. Скалона и М. П. Тарунина «Список птиц северной части К.-С. государственного заповедника», 1940 г. и В. Н. Скалона «Экологические наблюдения над птицами Кондо-Сосвинского государственного заповедника», 1941 г.

ГРАНИЦЫ ОЧАГА

Весь очаг целиком лежит в пределах Западносибирской низменности, в бассейне рек Оби и Иртыша, точнее в левобережье этих рек, с юга в верхней части р. Конды, притока р. Иртыша, с запада — р. Тапсуя, притока р. Б. Сосвы, с севера — р. М. Сосвы, притока той же р. Сосвы, с востока — р. Нягн-Егана, притока р. Оби. Площадь его определяется 2 000 000 га¹, причем центральная часть занята заповедником с площадью в 800 000 га. Координаты очага примерно таковы: на севере верхнее течение р. Пунги 62°40' с. ш. и восточнее нижнее течение р. Сода-Еган 62°30' в. д. На востоке р. Пидым, приток р. Нягн-Егана 62° с. ш. и 65° в. д. На юге и юго-востоке р. Сульть-Я, впадающей в р. Турсунтский Туман на р. Конде 60°35' с. ш. и 44° в. д. и на самой р. Конде Печерахский завал, близ впадения истока оз. Арантур 61° с. ш. и 63°30' в. д. На юго-западе р. Еготы, приток р. Конды 61°20' с. ш. и 65° в. д. На западе низовья р. Ворьи, притока р. Тапсуя 62°15' с. ш. и 61°30' в. д.

Границы заповедника внутри очага определяются на севере р. М. Сосвой от истоков до ручья Ем-Ердын-Соим, впадающего справа ниже устья Ем-Егана с востока, по нему к югу и водоразделом рек Ем-Егана и Сода-Егана, а затем р. Муломь притока р. Конды до верховьев этой последней. Р. Конда от истоков и до устья р. Есса. Западная граница—течение р. Есса до верховьев и от последних на восток р. М. Сосвы.

КРАТКИЙ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Рельеф. Как известно, Западносибирская низменность отличается почти полной равнинностью, при общем уклоне к северу, с большой пониженностью водоразделов. Центр нашего очага — водораздел рек Конды и М. Сосвы — есть едва ли не самый изрезанный участок этой страны. Особенно заметными, превышающими кое-где высоту 50 м, увалами

¹ Все приводимые цифры даются грубо приблизительно. Дело в том, что территория очага не имеет астрономических пунктов и точной карты. Насколько мало исследован сам заповедник, показывает факт нахождения на нем еще в 1940 г. неизвестной руководству р. Худима. Лично я в 1941 г. обнаружил на Конде между реками Ессом и Ухом не нанесенное на карту большое, треть в заповеднике озеро Туртас-Тур, нанес на карту неизвестный дотоле значительный исток важнейшей бобровой р. Нюруха и т. д.

отличается северная, М.-Сосвинская его половина. В остальном территория имеет обычный для страны характер.

Орошение. Водоемами очаг чрезвычайно обилен. Сеть речек многочисленна, и те из них, которые обитаются бобрами, будут нами рассмотрены ниже с возможной тщательностью. Озера, повсеместно разбросанные на периферии, редки в центре очага. На территории самого заповедника, не считая приречных озерков и стариц, можно отметить только Усть-Тор и Ессте-Тор в верховьях р. Есса, Емун-Тор близ верховья р. М. Сосвы и упомянутый выше Туртас-Тур. Из прилежащих озерных систем наибольшее значение имеют так называемые «туманы» на р. Конде,— это огромные озерообразные расширения речного русла, характерные для этого бассейна. Роль их в водном режиме данной системы очень велика, так как они представляют собою весьма емкие вместилища, регулирующие сток и поддерживающие уровень воды. В целом режим водоемов очага неизвестен. Отметим только наличие замора, охватывающего большинство рек кроме истоков. Для большинства рек характерны узкие долины, как правило наиболее рельефные в истоках. Явно выраженные террасы обычно отсутствуют. Русла рек не однородны. Правые притоки р. М. Сосвы в верховьях, а особенно она сама, отличаются галечниковыми перекатами, обилием живцов и быстротою течения. Притоки р. Конды, наоборот, имеют характер равнинных речек. Весьма существенное значение для бобров и водной фауны в целом имеет наличие множества лесных завалов по всем речкам. Совершенно свободна от них только р. М. Сосва, кроме самого верхнего ее течения. На р. Конде, напротив, завалы отличаются особой мощностью и так стары, что на некоторых уже вырос лес. За исключением очень немногих, реки очага берут начало в болотах, причем из некоторых болот вытекают реки противоположных систем. В самом истоке долина иногда начинается резкой складкой и наклоном рельефа, а потом долина выравнивается. На большом протяжении, тем более в верхнем течении, берега рек сильно заболочены, их покрывает так называемая «согра», кочковатое, кустарниковое или покрытое березником болото, с возвышенными островками, одетыми хвойными деревьями. За ними следует полоса прибрежной черни — ельников, пихтачей, смешанного леса, иногда смененного вследствие пожаров березниками или участками бурьянов и большетравья. В некоторых случаях реки следуют высоким увалам, покрытым чистыми борами. При этом русло обычно отделяется от боров полоской, заросшей чернью и кустами, но местами эта кромка исчезает, и образуются большие песчаные и глинистые яры, обнажения которых позволяют судить о строении увалов. Заливных лугов в поймах рек весьма мало, они распространены лишь на периферии очага. Отметим только луговые участки в устье р. Уха, имеющие специальный интерес. Для Конды и М. Сосвы характерно образование многочисленных стариц и озерков.

Почвы. В пределах очага почвы не подвергались изучению. Можно только сказать, что территория лежит в полосе подзолисто-болотных почв, широко развитых в Западносибирской низменности. Хорошо представлены пески, из которых с примесью гальки сложены увалы.

Климат. Как и по другим отраслям знания, изучение климата заповедника в прошлом отсутствовало. В соседстве с ним функционировала одно время метеостанция в Шухтункурте, но так как на ней работали случайные люди, к данным ее нужно относиться с большой осторожностью.

В целом климат должно признать резко континентальным. Холодная сырая весна с возвратом холодов до -15° и снегопадами, случающимися до конца мая. Жаркое, короткое лето. Ясная, часто затяжная осень,

с первыми заморозками в августе и первым снегом в сентябре. Долгая снежная и холодная зима, с падением температуры ниже 50°. Сжатый вегетационный период, долгий зимний сон — вот характеристика природы очага.

Растительность. Если посмотреть на карту флоры Омской области (например 303), то окажется, что территория очага относится к наименее исследованной части. И действительно, изучение его растительности начато только летом 1941 г.

Таким образом мы можем сказать по данному вопросу очень многое.

Согласно принятому в ботанике делению, интересующая нас местность лежит на границе между полосами пихтовой и кедровой тайги, лесоболотной зоны. Подавляющая часть площади покрыта лесом. На периферии лес уступает значительное место болотам, в частности чистым, водораздельного типа, которых мало в центральной части очага. Характерно, что зональность насаждений здесь (как и повсюду, пожалуй, в сибирской тайге) в сильнейшей степени нарушена пожарами. Гари настолько распространены, что тайга в целом есть лишь система того или иного возраста возобновлений по гари, а негоревшие, сохранившие первоначальный характер участки чрезвычайно редки. В большинстве же случаев налицо повторные, неоднократные выгорания, если не пагубные «верховые», то менее страшные «низовые». Таким образом о первоначальной физиономии сибирской тайги мы можем только догадываться. В то же время нельзя не отметить, что мы присутствуем при развитии великого процесса возобновления тайги. Предоставленная искони сама себе, подвергаясь за последнее, главным образом, полустолетие старого строя беспощадному натиску со стороны пришлого, растущего населения, железных дорог и промышленности, тайга с первых лет советской власти была взята под надзор и охрану. Если в течение ряда лет это было малодейственно, а в глуши чисто номинально, то сейчас повсюду осуществляется, и лесным пожарам объявлена решительная война. Мало обновляется, все более зарастают гари, движется своим чередом естественная смена растительности, причем, разумеется, сокращаются площади промежуточных насаждений. Из последних подчеркнем большое в нашем вопросе значение березников.

На территории очага можно выделить следующие типы лесов. Боры-беломошники, характерные для увалов, а в бассейне р. Конды занимающие огромную площадь; по р. М. Сосве они распространены только в верховьях. Боры-зеленомошники, разнообразные по своему составу; они занимают более увлажненные участки. К последним, через ряд переходов, примыкают смешанные леса, с обычным кустарниковым подседом из ольхи, рябины и пр. Чистые кедрачи не имеют большого распространения; обычно это острова по болотам, но встречаются и материковые насаждения кедра. Ельники представлены материковыми, мшистыми и приречными, расположенными по гривам насаждениями. Для последних характерно часто полное отсутствие подседа и даже травяного покрова. В приречной полосе не редкость чистые пихтачи, но обычно эта порода представляет примесь, так же как и лиственница. Чистые березники, распространенные местами широко, есть следствие гарей. Осина в очаге редка и более свойственна южной части; наиболее обильно произрастает она по р. Ухе. Из кустарников специальный интерес имеют для нас свойственные приречным насаждениям, а из них на первом месте тальники. Нужно сказать, что запасы таковых в общем очень невелики, и участки, занятые ими, ограничены. Более широко распространена черемуха, характерная, впрочем, больше для берегов крупных рек. Смо-

родина, рябина, жимолость, можжевельник, малина, шиповник — чаще всего свойственны молодым гарям. Особая группа насаждений — это «рямы», наиболее часто сосновые и реже березовые угнетенные поросли по моховым болотам, имеющие широкое распространение, особенно на периферии очага. К ним близко стоят и обширные «ерники» — заросли полярной березки разных видов, встречающихся на различных угодьях.

Болота очага, которые, как сказано, в основном приурочены к периферии, можно подразделить на моховые, рямовые и чистые, ровные и кочковатые, и травянистые осоковые и пушицевые. Местами травянистые болота делят площадь с моховыми; отчасти они представлены лайдами.

Фауна. Более или менее изученной частью природы очага может считаться только фауна позвоночных, по которой за последние два-три года сделано многое. Из беспозвоночных же изучались только эктопаразиты млекопитающих, которые хоть и полно разработаны, но нас в данное время не интересуют. Позвоночные очага представляют вполне характерный для западносибирской тайги комплекс форм, в целом отличающийся тем, что в результате той или иной десятилетней охраны оказались сглаженными столь заметные повсюду следы хищнического истребления ценных видов. Здесь весьма многочислен соболь. Изобилует лось, а олень, особенно в южной части, встречается в массах. Из форм, нас интересующих, специально отметим выдру, редкую, но встречающуюся по всем рыбным речкам. Вновь заселены ондатра и американская норка, о которых мы будем говорить позднее. Повсеместно распространены россомаха и медведь, могущие быть опасными бобрам. В остальном мы отсылаем интересующихся к указанным выше рукописям и опубликованным работам о фауне Кондо-Сосвинского заповедника.

ПЕРЕЧЕНЬ БОБРОВЫХ РЕЧЕК И ИХ ОЦЕНКА

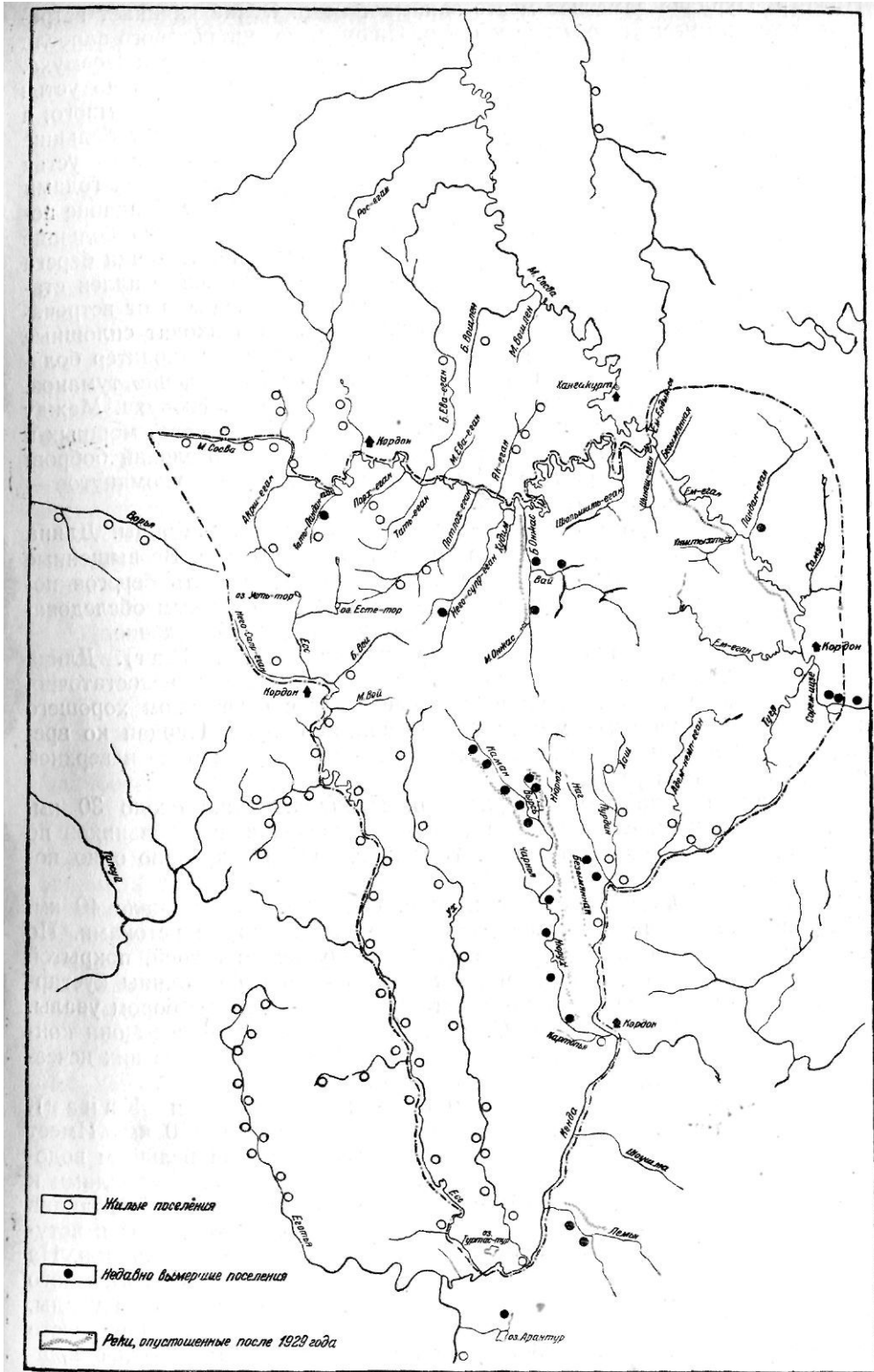
В деле всестороннего познания бобра интересующего нас очага на видном месте должно стоять самое тщательное изучение не только речек, где он обитает, но и обитавшихся им недавно и даже необитаемых им водоемов на территории очага. К сожалению, серьезное изучение местообитаний бобра только начинается. То, что делалось в прошлые годы, — кустарно, без участия ботаников и даже без системы, — почти не имеет значения, и работа целиком впереди. Наша же задача — сведение воедино разбросанных сведений о бобровых речках, что послужит материалом для будущих исследователей.

Свое рассмотрение мы начнем с бассейна р. Конды, который хранит основную массу бобров очага. При этом отметим, что правые притоки р. Конды от истоков до устья р. Ёсса находятся внутри заповедника. То же относится к левым притокам р. Есса и правым притокам р. М. Сосвы от истоков ее до ручья Ем-Ердын-Соим, о котором говорилось выше.

Бассейн р. Конды

Р. Конда. На самой реке бобры встречаются от истоков до Печерахского завала — предпоследнего по р. Конде, находящегося несколько ниже истока системы оз. Арантура. На притоках р. Конды бобры известны вниз до р. Муломьи включительно. Следовательно, сама река подлежит обследованию на всем протяжении: первый участок 250 км и второй — свыше 350 км.

Р. Конда берет свое начало на водораздельном болоте с р. Тугром, притоком р. Ем-Егана, притока р. М. Сосвы. В истоке река протекает по согре, в отсутствии древесной растительности. Далее вниз, до устья р. Пурдана преобладают ельники с примесью березы, тальников мало.

Расселение бобров в Кондо-Сосвинском заповеднике

Ниже р. Пурдана заметное место занимает кедр. Осина начинает встречаться только несколько выше устья р. Нюруха, вокруг которого заросли ее значительны. От этих же мест весьма изобильно представлена черемуха. Ельник и кедрач с малой примесью пихты преобладают вниз до устья р. Лемби, сосна занимает подчиненное положение. Березы везде много, а местами, по сограм левого берега, чистые березники занимают большие участки. Осина также встречается, но много ее только в районе устья р. Уха. Берега реки в общем низкие и заливаются полой водой годами по всей речной долине. Между реками Лембей и Ухом преобладание постепенно переходит к сосне. Только в устье рек Уха и Есса большие участки отвоеваны березой. В остальном вниз на всем протяжении берега высоки и заняты бором. Характерная картина — бесконечные аллеи старых сосен по обоим берегам реки, ограждающие последнюю от встречающейся местами черни приречных болот. Постоянно подходят сплошные сухие боры. После впадения р. Есса р. Конда принимает характер большой реки, судоходству по которой мешают только обмеление туманов. Завалы по реке многочисленны от истоков до устья р. Нюруха. Между реками Нюрухом и Ессом их девять. Ниже р. Есса — два, мощных и выдвинутых далеко вниз. На р. Конде известно 5—6 поселений бобров: первые — выше устья р. Адем-Немп-Егана, последнее — упомянутое — в завале близ деревни Печераха.

Р. Адем-Немп-Еган. Правый верхний приток р. Конды. Длина около 40—60 км. Верхняя часть реки протекает по согре. Возвышенные участки берегов заняты березниками. Ниже большая часть берегов покрыта ельниками. Следы бобров, в виде погрызов, по данным обследования 1940 г., многочисленны. Обнаружено единственное поселение.

Р. Пурдан (с притоками реками Хаш и Наг). Длина свыше 60 км. В истоках преобладает ельник, березы недостаточно. В среднем и нижнем течении чернь чередуется с березником хорошего качества. Ранее занятый многими поселениями бобров, Пурдан ко времени обследования 1940 г. сохранил только два из них: одно в верхней части, второе близ устья.

Р. Хаш, верхний левый приток р. Пурдана. Длина около 30 км. Река маловодная, сильно захламленная, с преобладанием ельников по берегам. Березника недостаточно. В 1940 г. зарегистрировано одно поселение бобров.

Р. Наг. Правый нижний приток р. Пурдана. Длина около 40 км. Берет начало в обширном водораздельном болоте двумя истоками. По берегам ельники со включением березы чередуются с согрой, покрытой чахлой березой и редкими елями, в местах расширения долины кустарниковая согра. Иногда подходят вплотную к реке покрытые бором увалы. Жилых поселений не найдено. Старых довольно много, причем они концентрируются в среднем и нижнем течении. Последние два из них исчезли к 1935—1937 г., после чего река запустела.

Р. Нюрух (с притоками рек Вырьсь и Канан). Правый приток р. Конды. Общее протяжение более 150 км. Имеет два истока, из которых правый, меньший, начинается на большом водораздельном болоте, второй, главный, уходит далеко между увалами к югу (в обратном направлении), на водораздел с р. Хашём. Объединив истоки, река некоторое расстояние протекает среди чистой согры и вступает в полосу лесистых согр, продолжающихся до устья р. Канана. На этом протяжении преобладает чернь с большой примесью березы, много черемухи, в целом кормов вполне достаточно. В устье р. Канана увалы, шедшие близ реки с обеих сторон, далеко расступаются, давая место обширному кустарниковому болоту. Затем вплоть до устья почти сплош-

кие березники, маловозрастные, одевающие вплотную оба берега, лишь Изредка уступающие место сосновым борам на подошедших увалах, да редким елям. Близ устья начинает примешиваться осина. Запас кормов неисчерпаемый. Р. Нюрух исстари считалась одной из самых богатых бобром рек. Непосредственные наблюдения, сделанные мною по всей реке в июне 1941 г., показали, что бобры плотно заселяли р. Нюрух на всем ее протяжении, причем значительный процент поселений имеет давность менее 10 лет. В настоящее время на Нюрухе есть лишь одно поселение у самого устья и следы кочующих бобров, встречающиеся до вершины. Существующее мнение (отраженное в ряде официальных документов), что бобры покинули р. Нюрух из-за недостатка корма, ими же будто бы съеденного, совершенно неверно. Причины исчезновения бобров с р. Нюруха совсем другие.

Р. В ы р с ь. Общее протяжение 20 км. Берега крепкие. Характер растительности — приречная чернь. Примесь березы достаточная. Бобров не обнаружено. Однако в прошлом они здесь жили в достаточном количестве. Р. Вырсь считалась промысловой рекой, на которой бобров специально добывали.

Р. К а н а н. Общее протяжение до 50 км. Река отличается чрезвычайной заболоченностью и протекает главным образом трудно проходимыми сограми. Кормов достаточно как в отношении березы, так особенно кустарников. За последние годы обследованию р. Канан не подвергалась, но в 1936 г. на ней было обнаружено 6 поселений с 18 бобрами (поднявшись по р. Канану на несколько километров в июне 1941 г., я не обнаружил следов бобра).

Прочие притоки р. Нюруха: Чарнья и Картопя — незначительные ручьи, реки Турья и Шоушма — левые притоки р. Конды. По собранным сведениям не населены и ранее не населялись бобрами.

Р. Л е м ь я. Левый приток. Общее протяжение свыше 50 км. Берега лесистые, мало заболоченные. Весной вскрывается много ранее других рек и на ней много незамерзающих участков. По сведениям ныне на ней два бобровых поселения (в 1937 г. бобров на р. Лемье не оказалось).

Р. У х. Правый приток р. Конды. Общее протяжение более 200 км. Р. Ух берет начало двумя истоками на открытом болоте. Ниже — облесенная, трудно проходимая согра. Большие участки заняты березником, а также осинной, которой Ух богаче едва ли не всех водоемов местности. Местами вплотную подходят к реке увалы, поросшие бором. Кустарники на р. Ухе весьма распространены, особенно в приустьевой части. По обследованию 1940 г. р. Ух оказалась наиболее изобильной бобрами рекой, единственной давшей большой прирост поголовья против прошлых лет. На р. Ухе в 1940 г. зарегистрировано 10 поселений.

Р. Е с с (с притоками Него-Сапр, Яны-Вой, Мань-Вой, Яны-Лепля и Лесья). Общее протяжение р. Есса до 400 км. Берет она начало в оз. Усть-Тор и Ессте-Тор. Ниже их, до слияния с р. Него-Сапр-Еганом, представляет собою узкий ручей, текущий среди заболоченных тальников. Берега реки возвышены. Около трети течения идет среди увалов, местами вплотную подходящих к реке. В противоположность другим притокам р. Конды р. Есс камениста. Встречаются низменности, покрытые черной, с заметной примесью березы. В приустьевой части нередка осина. Очень обильно представлены на р. Ессе кустарниковые заросли. Р. Есс отличается обилием завалов. Благодаря своей мощности, многие из них имеют большое значение в поддержании уровня воды. Бобрами р. Есс заселена от истоков до устья и возможности увеличения плотности населения весьма велики. В 1940 г. найдено на нем 13 поселений.

Р. Н е г о - С а п р - Е г а н. Правый верхний приток р. Есс, образу-

щий границу заповедника. Общее протяжение до 40 км. Берет начало на обширном болоте, общем с истоками р. М. Сосвы. В основном берега реки возвышенные, крепкие, обрывистые. Преобладает высокий лес — чернь. Узкая полоса облесенной, богатой кустарниками согры, сравнительно хорошо выраженная с вершины, к устью местами совсем исчезает. Следы обитания данной речки бобрами заметны на всем ее протяжении. В 1940 г. обнаружено одно поселение.

Р. Яны - Вой. Левый приток р. Есса. Общее протяжение до 30 км. Берега сухие, высокие, с устья боровые увалы, выше преобладает чернь, в которой береза занимает первое место. Кустарники хорошо представлены по всей реке. Вершина речки лежит в сплошном болоте, причем в самом истоке находится хороший березняк, в котором в 1940 г. и было обнаружено поселение. Следы деятельности бобров отмечены по всему течению реки.

Р. Мань - Вой. Левый приток р. Есса. Общее протяжение до 20 км. Берет начало в чистом болоте и берега более чем на половину заняты кустарниковой, труднопроходимой согрой. Жилых поселений не найдено, но следы пребывания бобров имеются.

Р. Яны - Лепля. Правый приток р. Есса. Протяжение свыше 50 км. Берет начало в болоте, тремя истоками. Отличается высокими, крепкими берегами, заросшими чернью. Наличие согр установлено для левобережья нижнего течения реки. По собранным сведениям обитается бобрами, но точные данные отсутствуют.

Р. Мань - Лепля. Правый приток р. Есса. Пересыхающий к осени ручей, протекающий среди согр.

Р. Яны - Уй. Правый приток р. Есса. Протяжение до 50 км. Лесонасаждения по обоим берегам на большом протяжении выгорели и русло отличается исключительной захламленностью — сплошными завалами на многие километры. На данной речке находится по сведениям до 5 бобровых поселений. Не посещавшаяся исследователями с 1937 г., она заслуживает серьезного внимания.

Р. Мань - Уй. Незначительный ручей.

Р. Лесья. Правый приток р. Есса. Протяжение до 20 км. Берега преимущественно заболочены. Бобрами обитается на всем протяжении. В 1937 г. зарегистрировано два поселения.

Р. Еготья. Правый приток р. Конды. Длина более 200 км. Берет начало в открытых болотах. Прибрежная полоса большей частью занята сограми, с большим развитием кустарников. Заселена бобрами в верхнем и среднем течении. Общее количество поселений более 10. Возможности увеличения поголовья значительны. Из бобровых речек, протекающих вне заповедника, р. Еготья имеет наибольшее значение. По имеющимся сведениям одно бобровое поселение находится на притоке р. Еготья — Цамквытеня, которая остается неисследованной.

Р. Енея, приток оз. Арантура, левобережье р. Конды. Длина до 20 км. Берет начало в моховом болоте, в остальном протекает среди крепких берегов, в сплошных лесонасаждениях. В старину бобры на ней жили. Последний был добыт лет 30 назад. С тех пор жители помнят только одно появление бобра в системе оз. Арантура.

Р. Сульть-Я. Приток Турсунтского Тумана, впадающий с севера. Сильно заболоченная речка, длиной до 20 км. Имеются точные данные о том, что в вершине этой реки бобры жили 20 лет назад и даже позднее. Есть догадки, что они могут быть там и сейчас.

Р. Ворья. Правый приток р. Конды. Общее протяжение до 200 км. Отличается сильной заболоченностью. По слухам в верховьях имеются бобровые поселения.

Р. Муломья. Левый приток р. Конды. Общее протяжение свыше 250 км. Берега в большинстве крепки и покрыты лесом. Богата зарослями кустарников. В противоположность верхним притокам р. Конды, имеет значительные поемные луга. Р. Муломья с ее многочисленными притоками не подвергалась обследованию, но бобры в ее бассейне обитают. На самой реке года уже три как стало известно одно поселение, близ ур. «Три юрты», по всей вероятности выселившееся из какого-либо притока. Получены сведения о нахождении одного гнезда на левом притоке р. Носовой. Имеются указания также на то, что бобры издавна обитают на одном из левых притоков р. Муломьи — р. Собянинской. Бассейн р. Муломьи должен быть в ближайшее время подвергнут тщательному обследованию.

Самыми нижними из притоков р. Конды, на счет которых имеются данные о нахождении бобров, является р. Кесс, до сих пор совершенно не подвергавшаяся обследованиям, и р. Ченчур, что ниже Турсунтского Тумана, на которой, по сообщению Е. С. Жбанова, одиночный бобр жил до недавнего времени.

Бассейн р. М. Сосвы

Р. М. Сосва. Общее протяжение свыше 500 км. Бобровые поселения встречаются только в самых верховьях, на протяжении до 50 км. Беря начало в обширном чистом болоте, река эта в дальнейшем имеет высокие, на всем протяжении незаболоченные, берега, покрытые чернью, с постоянным присутствием березы. В среднем и нижнем течении характерно обилие кустарников. В пределах обитания бобров известно 5 поселений.

Р. Кутеп-Еган. Левый приток р. М. Сосвы. Длина до 20 км. Река вытекает из болота, и в верховьях берега сплошь заняты согрой, с богатыми зарослями ивы. На последней трети к устью берега повышаются и покрыты чернью с преобладанием ели и березы. В 1937 г. было известно 2 поселения.

Р. Тула-Еган. Левый приток р. М. Сосвы. Длина свыше 50 км. По имеющимся сведениям, ее растительность аналогична предшествующей реке, но с большим преобладанием черни. Известно 2 поселения бобров.

Р. Акрыш-Еган. Правый приток р. М. Сосвы. Протяжение около 25 км. Берет начало из болота, но протекает преимущественно среди увалов, а по берегам преобладает чернь. Для русла ее характерны галечниковые перекаты. В 1940 г. зарегистрировано одно гнездо.

Р. Шихонь-Еган. Левый приток р. М. Сосвы. Длиною до 100 км. Протекает среди болот, и берегам свойственна преимущественно лесистая согра. Известно одно поселение в приустьевой части.

Р. Порх-Еган. Правый приток р. М. Сосвы. Протяжением около 25 км. Берет начало двумя истоками, вытекающими из лесистых увалов. От истоков берега реки крепкие, лесистые. Много кустов и березника, встречающегося в достаточном количестве на всем протяжении реки. В среднем и нижнем течении по берегам преобладает кочковатая согра. Река издавна населена бобрами, следы деятельности которых встречаются по всему течению. Поселение зарегистрировано одно, в среднем течении.

Р. Б. Ева-Еган. Левый приток р. М. Сосвы. Длина свыше 100 км. Подобно большинству левых притоков р. М. Сосвы, р. Б. Ева-Еган, беря начало в обширных болотах, на большом протяжении сохраняет согростые берега, в большинстве хорошо облесенные. Известно одно поселение в среднем течении реки.

Р. Т а т ь - Е г а н . Правый приток р. М. Сосвы. Общее протяжение до 50 км. Берет начало среди увалов двумя истоками. Правый длиной до 20 км, левый — до 4 км. Правый до половины течения густо зарос лесом по согре. В нижней части протекает по открытой согре. Левый — лесист. От места слияния километров на 10 идет кустарниковая с примесью ели и березы согра, а нижнее течение проходит среди высоких крепких берегов, сплошными ельниками. Бобры издавна населяют реку и следы их деятельности встречаются повсюду в среднем течении. В настоящее время имеется поселение, занимающее левый исток реки.

Р. М. Е в а - Е г а н . Левый приток р. М. Сосвы. Общее протяжение невелико. Значения приток не имеет.

Р. П о т л о х - Е г а н . Правый приток р. М. Сосвы. Общее протяжение свыше 125 км. Берет начало в увалах, недалеко от оз. Усть-Тора. Принимает в себя справа три небольших притока, до 1940 г. не нанесенные на карту. От самого истока берега идут согристые, но не топкие. Преобладание лиственных пород, местами на гаях чистые березники. Ниже большой участок болотистой согры, с возвышенными, лесистыми островами. Здесь основное поселение бобров на этой реке. Затем следует пояс увалов и черни, среди которых русло изобилует перекатами, имеет быстрое течение и как бы принимает характер горной речки. Еще ниже Полоса старых гарей, занятых целиком березниками, расположенными по холмистым берегам. Здесь имеется второе поселение бобров. Нижнее течение проходит сквозь полосу сплошных ельников по крепким преимущественно берегам, с примесью березников по изгибам реки. В 1940 г. следы бобров найдены по всей реке, исключая самой вершины и притоков, и зарегистрировано три обитаемых поселения.

Р. Я к - Е г а н . Левый приток р. М. Сосвы — общее протяжение до 75 км. Берет начало в болотах. Согристые берега характерны для большей части течения. Местами подходят сосновые увалы. В бассейне Як-Егана широко распространены гари. Известно существование трех поселений, не посещавшихся исследователями уже много лет.

Р. Н е г о - С у п р - Е г а н . Правый приток р. М. Сосвы, длиной до 100 км. Берет начало двумя равновеликими истоками на водораздельном болоте. Согристые, богатые березниками и тальниками берега сопровождают только верхнее течение, где и существует бобровое поселение. Ниже река протекает сплошь среди высоких, лесопокрытых берегов, с полным преобладанием хвойных среди лесонасаждений. На значительном протяжении русло зажато между увалами, достигающими значительной высоты. Издавна известно одно поселение.

Р. Х у д и м . Правый приток р. М. Сосвы. Небольшая, около 12 км речка. Берет начало в чистом болоте и протекает труднопроходимыми сограми. Берега местами зыбкие. До 1940 г. р. Худим не была нанесена на карту. Ныне существующих поселений не найдено, но по словам старожилов бобры некогда встречались и на р. Худиме.

Р. Б. О н ж а с . Правый приток р. М. Сосвы, с притоками М. Онжас и Вай. Общее протяжение р. Б. Онжаса более 120 км. Берет начало на водораздельном чистом болоте (дающем начало также Нюруху, Нагу и др. речкам). От истока до впадения р. Вая преобладают труднопроходимые согры, чередующиеся с участками черни и отдельными березниками. Ниже, до самого устья, берега высоки и крепки, одеты преимущественно хвойными с примесью березы и отдельными участками тальников. По гарям нередки чистые березники.

Р. М. О н ж а с , левый приток р. Б. Онжаса. Протяжение до 30 км. На всем протяжении характером река напоминает верхнее течение р. Б. Онжаса

Р. В а й, правый приток р. Б. Онжаса до 100 км длиной. В среднем и нижнем течении сохраняет высокие берега, крепкие, покрытые чернью с большой примесью березы.

В прежнее время бассейн р. Онжаса — обильный кормами и отличающийся большим количеством удобных для бобров угодий — считался основным обиталищем бобров по р. М. Сосве. Однако когда летом 1940 г. на Онжас отправилась на поиски бобров специальная партия, их не оказалось там совершенно.

Р. Ш ю л ш п и т ь - Е г а н. Правый приток р. М. Сосвы, обследованный впервые в 1940 г. Оказался незначительной, видимо непригодной для бобров речкой.

Р. Е м - Е г а н. Правый приток р. М. Сосвы (притоки см. ниже). Мощная река, длиною до 250 км. Берет начало среди открытых болот и течет в зыбких травянистых берегах, переходящих в кочковатую согру. Древесной растительности на верховьях почти нет. Далее берега повышаются и покрыты ельниками с небольшой примесью березы. После впадения р. Тугра, река сильно расширяется, берега становятся высокими и крутыми, в преобладающей части покрыты чернью. Кормовые ресурсы бобров сравнительно невелики. Некогда р. Ем-Еган славилась обилием бобров, но с некоторого времени они там перевелись совершенно.

Р. Т у г р. Правый приток р. Ем-Егана. Протяжение около 55 км. Берет начало многими ручьями из болота. От истока до устья р. Сорем-Пузе (верхнее и среднее течение) идет между берегами труднопроходимыми из-за кочковатой согры; есть и участки чистого болота. Ниже, хотя берега и крепки, проход затруднен очень густыми молодняками по гарям, которые широко распространены по этой реке. Ниже р. Сорем-Пузе берега легко проходимы. Запасы кормов велики. Р. Тугр, много уже лет необитаемая бобрами, недавно обогатилась одним поселением, обнаруженным в 1940 г.

Р. С о р е м - П у з е, правый приток р. Тугра. Длина около 15 км. Берет начало двумя истоками на болоте, а один выпадает из озера. Верхняя половина реки протекает среди труднопроходимых согр, нижняя сопровождается ельниками. Посещение речки бобрами заметно по разбросанным вдоль течения погрызам. Поселения отсутствуют.

Р. С а м з а, правый приток р. Ем-Егана. Протяжение около 40 км. Берет начало на открытом болоте, по которому и течет на значительном расстоянии, переходя затем в кочковатую согру. В верхнем течении берега одеты чернью с примесью березы. На реке найдены старые поселения бобров, одно из них относящееся к 1938—1939 гг. Ныне обитаемых гнезд нет.

Р. У н ш т ы х т ы н - Е г а н. Левый приток р. Ем-Егана. Длина до 20 км. В верхней трети это ручей с крутым падением, ниже небольшая речка в ельниках. Обнаружены редкие погрызы, но следов поселений не найдено.

Р. П а н д е н - Е г а н. Протяжение 30 км. От слияния двух вершин, которыми он берет начало на открытом болоте; берега крепки и покрыты чернью из елей с примесью березы. В 10 км от устья найдены развалины гнезда 10-летней давности. Более молодые поселения отсутствуют.

Р. Б е з ы м я н н а я, правый приток р. Ем-Егана. Маленькая речка, видимо непригодная для бобров.

Р. Ш и н г ш, левый приток р. Ем-Егана. Маленькая речка, видимо непригодная для бобров.

Р. Х о р о н д е н - Е г а н. Правый приток р. М. Сосвы. Небольшая речка, на которой были обнаружены следы бывшего обитания бобров.

Р. Ч е н ч а. Левый приток р. М. Сосвы, небольшой, около 10 км

длиною, заболоченный ручей, на котором до 1935 г. было известно обитание одного бобра.

Р. М. Вошлен-Еган, левый приток р. М. Сосвы. Небольшая, необитаемая бобрами речка.

Р. Б. Вошлен-Еган. Левый приток р. М. Сосвы, до 50 км длиною. По берегам преобладают облесенные согры. До 1937 г. было известно два, а в 1941 г. обнаружено одно поселение.

Р. Рось-Еган, левый приток р. М. Сосвы. Длина до 150 км. Исток свой река берет на болоте, но в остальном берега крепкие, поросшие черню. Березы достаточное количество, есть осина, много кустарников. Имеет несколько болотистых притоков, первый из которых лежит в 25 км от устья. Жилых поселений с 1935 г. нет, но старых много.

Р. Узюм-Еган, левый приток р. М. Сосвы. Длина до 100 км. Верхнее течение пролегает в сограх, богатых тальниками; среднее и нижнее течение отличаются крепкими, частью высокими берегами, заросшими черню. Р. Узюм-Еган издавна населена бобрами, в 1931 г. на нем было найдено 9 жилых нор. К 1937 г. осталось одно жилое поселение с двумя бобрами. Позднее не обследовалась.

Р. Нага-Еган, левый приток р. М. Сосвы, до 100 км длиною. С 1928 г., когда на нем было по слухам два поселения, обитаемость его бобрами неизвестна.

Р. Сода-Еган. Правый приток р. М. Сосвы, протяжением более 150 км. Истоки этой реки лежат на большом открытом болоте, и на значительном протяжении берега заняты труднопроходимой согрой. Нижнее течение — обычная приречная чернь, с достаточной примесью березы.

По опросным данным, в настоящее время на этой речке имеется не менее трех обитаемых бобровых поселений.

Р. Пунга. Левый, нижний приток р. М. Сосвы. Длина до 100 км. Отличается обилием болот и кустарников по всему течению. По некоторым сведениям бобры на реке имеются, но проверке эти слухи не подвергались.

Бассейн р. Тапсуя

В 1937 г. сотрудники Тимко-Паульской ПОС собрали сведения о распространении бобров в бассейне р. Тапсуя. Весной 1941 г. я проверил опросным путем эти данные, собрал новые и привожу ниже результаты.

Р. Дорнья. Правый приток р. Тапсуя. Установлено пребывание здесь бобров в прежнее время. Возможность нахождения на этой реке жилых бобровых поселений не исключена.

Р. Лапчья. Левый приток р. Тапсуя. Со слов местного населения на ней имеется жилое поселение бобров.

Р. Ворья. Правый приток р. Тапсуя в нижнем ее течении. Собранны сведения о заселении р. Ворья бобрами в прошлые годы; возможно нахождение поселений и сейчас. Один из манси говорил мне, что там обитает не менее трех гнезд бобров, но жители это тщательно скрывают.

Р. Лозьва (Лоузья), правый приток р. Ворья. Обнаружено два поселения у самой вершины

Из сказанного видно, что р. Тапсуя является исконной частью очага, наравне с реками Кондой и М. Сосвой, и не включена была в его границы только по неосведомленности первых исследователей.

Бассейн р. Нягн-Егана, притока р. Оби. Реки этого сравнительно небольшого бассейна не подвергались обследованию, но опросные данные вызывают уверенность в прошлом обитании бобров на ряде

речек. Можно думать также, что на речке Пидыме, правом притоке р. Нягн-Егана, они сохранились и до сих пор.

Закончив обзор водоемов Кондо-Сосвинского очага, мы должны ответить, что приведенные данные нельзя считать исчерпывающими. Наоборот, малая исследованность территории заставляет выразить уверенность в том, что со временем удастся обнаружить не только отдельные гнезда, но и многие бобровые речки, до сих пор вовсе нам неизвестные.

ОЧЕРК ОБРАЗА ЖИЗНИ БОБРОВ КОНДО-СОСВИНСКОГО ОЧАГА

Это одна из очень интересных частей работы. К сожалению, ее приходится строить на весьма недостаточном материале. Притом, поскольку мне самому не удалось совершить полный годовой цикл наблюдений жизни бобров, во многом приходится полагаться на опросные данные. Упомянутые материалы использовать оказалось, к сожалению, нецелесообразным, с одной стороны, потому, что они сами в основном составлены по опросам, которые делать лично было гораздо надежнее, а во вторых, ряд крайне сомнительных утверждений, которые мы в них находим, заставляют относиться с осторожностью к таким источникам.

Наиболее ценным и важным дополнением к собранным мною материалам по данному разделу служат наблюдения Е. С. Жбанова, которые он, с характеризующей его любезностью, сообщил мне в частных письмах, предоставив их в полное мое распоряжение. Сообщения его настолько интересны, что я в большинстве случаев помещаю их целиком, подвергнув лишь некоторой переработке и комментированию.

З а в и с и м о с т ь о т ф и з и к о - г е о г р а ф и ч е с к и х у с л о в и й

Поскольку каждое животное живет в непосредственной зависимости от окружающих условий, развивается под влиянием ландшафта, вне познания которого изучение его невозможно, мы постараемся рассмотреть данный вопрос, притом в первую очередь.

Рельеф. Наблюдениями В. К. Хлебновича в пределах Воронежского заповедника установлена большая связанность местных бобров с крутыми берегами (376, стр. 71). Нашим бобрам такая особенность, видимо, не свойственна. Бобровые поселения в описываемом очаге встречаются в условиях самого разнообразного рельефа. Если, например, в устье р. Нюруха, или особенно р. Уха, мы встречаем их в низменной, весной сплошь затопляемой пойме, то на р. Потлохе они живут среди высоких, холмистых берегов среднего течения или низменной согры верховий. Наиболее же в общем концентрируются они в верховьях рек, что особенно выражено по притокам р. М. Сосвы. Последнее вызывается возможно тем, что эти места не подвержены наводнениям; что же касается притоков р. М. Сосвы, то нижние течения их, как мы видели, характеризуются полосой более или менее чистых ельников — насаждений, неблагоприятных в отношении кормов. Различие в отношении нашего грызуна к рельефу в здешних местах сводится к характеру собственного строительства: в крутых берегах он роет норы, у низменных возводит сооружения. Только на высоких берегах, типа яров, мы встречаем временные норы.

Почва. Из-за отсутствия специальных наблюдений, мы лишены возможности судить о таком важном факторе в жизни бобров как почва, вторая после воды среда их обитания. Отметим только, что чисто песчаных почв они решительно избегают, создавая в них только временные убежища. Наоборот, илы, глинистые почвы наравне с расти-

тельными остатками служат им необходимым материалом для всех построек; все осмотренные плотины и хатки построены были именно из такого материала. Да песок как таковой и не может, вероятно, служить для цементирования построек. Котлованы спущенных старых прудов, осмотренные на р. Тать-Егане, были сделаны в болотистого характера почвах, и только остатки разрушенных плотин затащила илистым песком отмытая более легкие части вода.

Водоемы и их особенности. Как уже указывалось выше, бобры нашего очага, за редчайшим, быть может, исключением, селятся только на реках. Нужно думать, что озера и болота, на которых охотно поселяются эти грызуны в более южных широтах, не пригодны для них здесь в силу более мощного промерзания и позднего их освобождения от ледяного покрова.

Ширина реки не оказывает видимого влияния на пригодность места для поселения. Мы находим бобров, живущих как на ручьепоподобных истоках, так и в широких устьях рек (реки Нюрух, Ух) и даже на р. Конде, где, как, например, близ Печераха, река достигает и в малую воду многих десятков метров. Различие лишь в том, что на широких реках бобры не воздвигают плотин, необходимых на ручьях.

Глубина — важный фактор. Она должна быть такой, чтобы затопленный корм не вмерз в лед. Поэтому в местах мелких и строятся плотины, и корм затапливается в наиболее глубоких местах, обычно специальных котлованах на пруду. На более широких речках избираются для поселения достаточно глубокие омуты, которые часто прилегают к лесным завалам, во множестве встречающимся по таежным речкам.

Скорость течения. Как показывают непосредственные наблюдения, бобры избирают для своих поселений только тихие участки рек. Равным образом, воздвигая запруды, они сами создают себе стоячие водоемы на быстро текущих ручьях. В движении же своем бобры свободно противостоят самому быстрому течению, и их путешествия удаётся проследить по оставляемым погрызам на десятки километров.

Изменение уровня воды — фактор большой важности. Весеннее половодье — пора резкой смены образа жизни, период дальних кочевков. В то же время бобры умеют противостоят даже сильным наводнениям. Так, например, при очень высоком уровне внешнего паводка на р. Конде в 1941 г. (близком к максимуму, каковым практически является уровень 1914 г.) в устье р. Уха была обнаружена жилища, очевидно, летняя хатка. Стоявшая по осени на сухом берегу, она теперь была затоплена почти на метр. В момент осмотра (11 июня) хатка носила следы интенсивной работы: была произведена надстройка здания, и оно было сильно укреплено. У нас, к сожалению, нет наблюдений над влиянием летних паводков, которые бывают так высоки, что могут вызвать катастрофу. Что же касается меженных вод, то в тех местах, где это нужно, бобры умеют поддерживать должный уровень устройством последовательного ряда плотин. Удачно пользуются эти грызуны также водорегулирующей ролью завалов, о которой упоминалось выше и которая особенно развита на р. Конде.

Особое значение имеет несомненно происходящий на наших глазах процесс обмеления р. Конды, и на этот вопрос должно быть обращено специальное внимание. Ледовый покров, сковывающий реки местности почти на полные 7 месяцев (за 1939 и 1941 гг. р. М. Сосва была подо льдом несколько менее 200 дней), имеет важнейшее значение для бобров. Начало замерзания знаменует собою наступление полного плена бобров подо льдом и переход на питание однообразным кормом. Однако заключение это не абсолютно. Как показывают случаи неудачного зим-

него промысла в прошлом, бобр сохраняет подо льдом значительную свободу движения, позволяющую ему иногда далеко уходить от норы. Может бобр выходить зимой и на поверхность через полыньи при наличии последних; он делает это, правда, очень редко, при недостатке, а может быть порче пищи. Весной бобр нормально появляется на дневной свет через забереги. Начало весеннего появления бобров на притоках р. Конды местные жители связывают с образованием прочного наста и прилетом лебедя. Ледовый покров может принести бобру большой, даже губительный вред в случае промерзания до дна занятого им водоема или когда вмерзнет в лед заготовленный корм. Теоретически гибель бобров при этом неизбежна, но фактов такого рода для нашего очага неизвестно.

Температура. В связи со сказанным находится и отношение бобра к температуре. В этом направлении мы можем только установить неожиданно высокую стойкость бобров к низким температурам. Во время весенних, правда кратковременных, выходов бобрам приходится встречаться с серьезными морозами. В холодные, уже морозные ночи конца сентября нам приходилось постоянно слышать звуки систематической работы бобров у поселений.

Показателен, наконец, результат «опытов», производившихся В. В. Васильевым в заповеднике, когда бобров извлекали из нор для «питомника» в жесткие январские морозы; несчастные звери не погибали сразу, а некоторые даже выдерживали.

Свет. Бобр считается по преимуществу ночным животным. Хотя А. В. Федюшин (368, стр. 288) и указывает, что строгой суточной цикличности в жизни бобра нет и там, где его беспокоят мало, он отчасти активен и днем, но по новейшим исследованиям В. К. Хлебовича (376, стр. 52) бобру свойственно определено отрицательное отношение к дневному свету, особенно солнечному. У кондо-сосвинских бобров мы, однако, видим другое. Дело в том, что под 62—63° с. ш. в течение длительного периода весны и начала лета ночной темноты не бывает и бобру приходится приспосабливаться к заменяющим ее прозрачным сумеркам. Вероятно, в связи с этим находится гораздо большая дневная активность бобров нашего очага, в сравнении с их более южными собратьями. Последнее не может не заметить всякий, занявшийся сибирским бобром. Дневная деятельность бобров проявляется здесь во всякое время лета. Так, основной промысел жителей р. Конды на бобра — торгование — был, как увидим ниже, построен на стрельбе бобров в светлую пору суток. Особенно же обращают на себя внимание наблюдения Я. Ф. Самарина (отчет), сталкивавшегося на р. Есс не раз с бобрами, находившимися на поверхности воды и даже на берегу в солнечные сентябрьские дни.

Здесь уместно будет остановиться на вопросе об отношении бобров к искусственному свету, что имеет весьма важное значение в деле постановки наблюдений над их жизнью. Во время работы в заповеднике я не имел возможности провести интересовавшие меня опыты такого рода.

Поскольку же этот вопрос неясен, я позволю себе привести личное сообщение Ф. С. Попова, наблюдавшего бобров на р. Булган в Западной Монголии в 1946 г. Он рассказывает, что его автомобиль стоял на самом берегу протоки Булгана, около поселения бобров. Заслышав очное плескание бобров и возню их на берегу, Ф. С. Попов включал фары и на зверей падал яркий электрический свет. Оказалось, что бобры не пугались внезапного освещения и продолжали свою деятельность как ни в чем не бывало. В то же время они очень чутко реагировали на шум, особенно на шорох и хруст шагов.

Из всего, что касается жизни бобров, наибольшей известностью пользуются, несомненно, их постройки, искусством возведения которых они превосходят всех животных нашей фауны. Нельзя не думать, что именно этим способностям бобры в значительной степени обязаны очеловечиванию их, следы которого мы, в той или иной степени, встречаем едва ли не у всех народностей.

Действительно, отказавшись полностью от признания за бобрами разума и высшей психической жизни, свойственных только человеку, учитывая, что все его особенности целиком укладываются в рамки современных учений о физиологии животных, мы должны признать строительные инстинкты этого грызуна изумительными и заслуживающими глубокого исследования. «Ясно, впрочем, само собой, что мы не думаем отрицать у животных способность к планомерным, преднамеренным действиям» (Маркс К. и Энгельс Ф., 204, стр. 460).

Бобрам кондо-сосвинского местообитания свойственны самые различные проявления «инженерного искусства», и мы рассмотрим их, начиная с простейших.

Оседлые животные, тем более заготавливающие такое большое количество тяжеловесного корма как бобры, неминуемо должны оставлять в местах своей деятельности бросающиеся в глаза следы. И действительно, кроме белеющих издалека погрызов, кроме скрывающихся иногда в траве, но чаще хорошо заметных, характерно заостренных пней, мы всегда можем обнаружить около поселения различные дороги бобров. Длина их и разнообразие зависят от удобств транспорта кормов на данном участке и тем больше, чем труднее они достаются.

В простейшем случае это лазы из воды на берег, к ближайшим деревьям. Они хорошо заметны даже на обрывистом, приглубом берегу. При этом в большетравье образуется своего рода туннель. Лазы удлиняются в тропы, которые по нашим наблюдениям достигают 30—50 м, а по опросным данным бывают и в 100—120 м длиной. Будучи проложена по вязкой почве, особенно близ гнезд, обитаемых издавна, углубившаяся тропинка превращается в канаву — канал, по которому в меру наличия воды тащить тяжелые обрубки очевидно легче. Отметим только, что лично нам не пришлось встретить таких значительных каналов, какие описываются для более южных районов. Углубление тропинки, превращение ее в канавку приходится чаще видеть лишь в конечном участке. В случае использования бобром прилежащих к его водоему озерков, болотцев, истоков или просто луж, что он делает при каждом удобном случае, лазы и тропинки соединяют водовместилища в наиболее узких и низких местах, образуя тщательно выбранные волоки. Таковы «пути сообщения» бобров в местах поселения и заготовки кормов. Странствующие бобры обычно не оставляют на берегах ясно заметных следов своих посещений и о них приходится судить по срезанным талинкам, осокам, а главное — более заметным погрызам деревьев. Последние бобрами всегда оставляются во многих пунктах, посещенных при обычных весенних странствованиях, но, как можно судить по свежести, а главное по высоте над водою, очень редко в другую пору года. Кое-где на илу удается отметить характерные лапчатые следы бобров.

Простейшим типом убежищ бобра служат лежки на берегу, на которых он отдыхает, когда чувствует себя в безопасности. На крутых берегах р. Есса в сентябре 1940 г. Я. Ф. Самарину приходилось поднимать бобров с их лежек даже днем. Прimitивную лежку с подстилкой

из стружек работы бобра мне удалось осмотреть в сентябре 1940 г. на р. Тать-Егане. По опросным данным лежки иногда бывают «многостельными», с запасцем кормов и со следами длительного посещения их хозяевами. В этом можно видеть нечто подобное описанным И. К. Тарнани (347) «постелям» бобров или «логовищам на открытом воздухе», о которых вскользь упоминает В. К. Хлебович (376, стр. 91).

Следующим по сложности устройства типом убежища будет временная нора — пещерка, вырываемая бобрами на пути их кочевков или вблизи поселений, в меру наличия удобных для копания нависших над водою берегов. Пещерка роется в форме мешка, по размеру тела бобра и он лежит в ней головой вперед, готовый или отразить нападение мощными резцами, или одним прыжком покинуть убежище и скатиться в воду. В таких пещерках имеется обыкновенно и небольшой запас пищи. В начале июня 1941 г. я обследовал такую пещерку на р. Конде, плесах в 20 ниже р. Шоушмы, в песчаном увале, возвышающемся над водой. Дно пещерки находилось метрах в 1,5 над уровнем разлива, уже опавшего в то время сантиметров на 30 против максимума. Высота пещерки была 20—25, ширина 30, глубина около 50 см. Подстилка — рыхлый песок. Запас пищи представлен необлупленным еще огрызком тальника, толщиной в 3 и длиной в 30 см.

Постоянные жилища бобров: норы, ложные хатки и хатки воздвигаются главным образом в зависимости от характера водоема. Если берега высоки и достаточны крепки — строится обычно нора, вернее несколько нор. Здесь дело в том, чтобы камера могла быть расположена выше наивысшего уровня воды.

Ложная хатка или «полухатка» есть по сути простое видоизменение норы. Именно, если свод гнездовой камеры ненадежен, например не опирается на корни деревьев, бобры принимают меры к его укреплению путем натаскивания в должном порядке ветвей, остатков пищи и т. п. Таким образом возникает несложное сначала перекрытие, которое может быть со временем превращено в крышу хатки. В нашем очаге этот тип жилищ встречается довольно редко.

Хатка — наиболее совершенная из бобровых жилых построек. Это солидное, полого коническое, вернее коннообразное сооружение, сложенное из ветвей и стволов деревьев, иногда достигающих 2 м длины при 10, даже 15 см толщины. Впрочем, основная масса материалов более облегчена. Так, например, старая хатка, вскрытая на р. Нюрухе, одной из своих опор имела обгрызенный, положенный наискось ствол, длиной около 3 м и свыше 15 см толщиной, в остальном были более или менее тонкие палки, от 20 до 250 см длиной. Деревянный «каркас» цементируется грязью — илом, взятым со дна или с берегов. Иногда грязь смешана с травой и корнями. Строительные материалы, насколько можно судить, нагромождаются в беспорядке, и жилище оформляется изнутри. Случается, что хатка опирается на деревья или пни, корнями которых скрепляются стенки камеры: это особенно в тех случаях, когда хатка приурочена к холмикам — кочкам в согре, которые обычно бывают увенчаны крупными деревьями. Центр хатки занимает логовище, которое в некоторых случаях (личное сообщение М. М. Овсянкина для Р. Онжаса) может быть двухэтажным, т. е. иметь вполне выраженными верхнюю и нижнюю камеры.

Из ряда промеренных нами, наиболее характерные хатки таковы:

1. Постройка на холмике — большой кочке — в согре, на пруду, близ плотины (р. Потлох, верхнее течение, сентябрь 1940 г.). Хатка обитаемая, 16 сентября еще следы достройки. Вся на сухом бугорке, окруженная водою обширного бобрового пруда. Размер 6X4 м. Высота над

землей около метра. Выход на восток, в сторону ближайшей воды.

2. Постройка на более или менее возвышенном берегу большой реки, в отсутствии пруда. Р. Конда, в 11 плесах ниже устья р. Уха, ровный берег, островок негустой уремы, кругом, видимо, луг. В момент осмотра (11 июня 1941 г.) затоплена более чем на 75 см. Хатка многолетняя, известна как таковая местному населению и обитаемая. Носит следы интенсивного ремонта и надстройки: свежие ветви и огрызки, несколько молодых березок с неувядшими еще листьями, блестящая на солнце грязь незасохшей обмазки... работа, видимо, производилась спешно. На этой хатке была хорошо заметна грязевая «дорожка», о которой упоминают многие авторы (см., например, 237, стр. 171). Высота сооружения более 2 м, поперечник около 5 м.

3. Хатка в верхнем течении р. Ньюруха — вне плотины, среди согры. Занимает небольшой холмик, точнее кочку, увенчанную двумя елями. Хатка старая, занятая ондатрами. Вскрытие ее показало следующее: холмик, окруженный с одной стороны согрой, с другой — рекой, высота хатки над нормальным уровнем реки более 3 м; выше максимального уровня воды 1941 г. около 1 м. На вершине кочки две ели, толщиной около 20 см, по краям кусты и большеглазые. Между елями хатка. Логово, покрытое сводом в 65 см толщины, углублено в землю и с одной стороны опирается на погрызенные, с другой — на целые корни; размеры его 120X50 см. В сторону реки уходит пологий, воронкообразный от логова ход, отчасти завалившийся, почему установить с точностью длину его трудно. Ниже по р. Ньюрухе была осмотрена еще одна хатка, стоявшая на бугорке высокого берега, удачно разрезанная пополам береговым обвалом. Хатка весьма старая. Обращает на себя внимание величина логова: высотой более метра и более 1,5 м в поперечнике.

Постройка новых и ремонт старых хаток, равно как и устройство нор, вне особой необходимости, происходит во второй половине лета, по окончании периода странствований. Исключение мы видели на описанном примере интенсивной достройки хатки, застигнутой наводнением в начале июня.

К этому вопросу вплотную примыкает суждение о том, как бобры создают камеры в хатках. Тот же пример весенней надстройки убеждает нас, что работа, — подъем свода, расширение и углубление логова, — происходит изнутри, за счет вновь нагромождаемого материала. В данном случае наводнение заставило хозяев сильно поднять хатку, в которой, очевидно, находились бобрята. В более редких случаях таким же порядком возникают «двухэтажные» хатки.

Несколько иначе освещает вопрос о жилищах кондо-сосвинских бобров Е. С. Жбанов. Он классифицирует их, исходя из особенностей, свойственных бобрам разного пола и возраста, и выделяет: а) гнезда плодовые или семейные, б) гнезда холостяков или перестарков, в) гнезда лончаков, г) гнезда сеголетков, д) летние гнезда-норы. Он пишет: «Плодовые или семейные гнезда отличаются большими размерами и систематически увеличиваются по той причине, что бобры постоянно вытаскивают на вершину новые стройматериалы.

Если на данную весну в семейном гнезде нет молодняка, то это гнездо не подвергается весеннему ремонту, если же молодняк есть, то гнездо обязательно ремонтируется, причем на вершину его добавляется главным образом торф и тщательно замазываются все щели верхней гнездовой камеры. Это делается во избежание простуды молодняка, а также с тем, чтобы воспрепятствовать выходу бобрята через отдушины верхней гнездовой камеры. Такой несвоевременный выход может при-

вестию к гибели, так как они еще не могут нырять и потому беззащитны. Наконец, такая мера обеспечивает большую безопасность молодняка, так как ему может в это время быть опасной даже ласка, если ей удастся проникнуть через щели в верхнюю камеру. При такой системе ремонта вероятно, что по разрезу гнезда можно определить, сколько лет оно существует и сколько выводков молодняка в нем было».

Правильность данного интересного утверждения Е. С. Жбанова доказывается с нашей точки зрения фактом наличия старинных, очень больших хаток, обитаемость которых известна местному населению за полвека. В то же время они противоречат наблюдениям В. К. Хлебовича (376, стр. ЮЗ) над воронежскими бобрами, у которых, по его словам, «связи между ремонтом и появлением молодняка не установлено».

Осенний ремонт гнезда отличается от весеннего по составу и назначению стройматериалов. Осенью бобры возвышают гнезда из-за необходимости поднятия верхней гнездовой камеры над уровнем воды. При этом в качестве стройматериалов идут главным образом береза и торф, реже осина и еще реже тальник. Весной же бобр употребляет тальник, черемуху и случайные предметы (обглоданные зимой обрезки, сухие ветки, колышки, а однажды был обнаружен даже кусок весла). Осенью бобр не ощущает надобности в случайных предметах, так как в его распоряжении в изобилии имеются березовые ветки и другие остатки «осенних заготовок». Здесь мы отметим, что, как показывает приведенный пример с хаткой на устье р. Уха, береза может иногда идти в ремонт и весной; хотя нужно сказать, что в этом случае надстраивалась затопляемая постройка. Кроме того, укажу, что в числе материалов, обнаруженных мной в свежестроенных хатках осенью 1940 г., преобладали березовые обрезки. Летом бобры гнезд не чинят и заботы о них никакой не проявляют, странствуя вдали от зимних поселений.

«Следует указать на одну особенность семейных гнезд. Выход из них в воду сначала идет полого (скатом), затем обрывается почти вертикальным колодцем, спускающимся на значительную глубину, после чего оканчивается горизонтальным рукавом к выходу—«челу». Такое устройство имеет то важное значение, что бобренок до тех пор не может выйти из гнезда, пока не будет в состоянии хорошо нырять. Обстоятельство это особенно существенно, так как бобрята перед выходом из норы находятся без родителей».

«Гнезда холостяков и перестарков отличаются от плодовых тем, что растут в высоту только 3—4 года, пока растет сам бобр. Кроме того, отличаются отсутствием следов весенней починки, просты по устройству и не имеют более двух камер. Заготовки кормов у таких гнезд производятся осенью очень поздно, количество их не покрывает зачастую потребностей даже одного бобра, что вынуждает его преждевременно выходить весной на поверхность. По сообщению опытного охотника Н. В. Храмцова, он, промышляя в 1939 г. на р. Еготье, постоянно видел недалеко от своей избушки бобра, который приступал к заготовкам лишь после рекостава. Бобр был вынужден таскать березник по льду и спускать его в полынью. Когда она покрылась льдом, бобра он больше не видел. Гнезда холостяков и перестарков, как правило, расположены ниже плодовых гнезд, из которых они происходят».

«Гнезда лончаков расположены обычно недалеко от плодовых и являются тем, что называется «полухатками», половина жилища устроена в земле, сверху оканчивается конусообразной крутой хаткой, высотой не более 50—60 см. Полухатки встречаются одиночные и парные (на двух особей). В последнем случае здесь появляется и первый приплод, о чем можно судить прежде всего по признакам весенней починки

гнезда. Впоследствии такая полухатка превращается в плодовое гнездо, ежегодно увеличивающееся в размере. Если же полухатка совершенно не растет в высоту, за исключением необходимой осенней починки, можно заключить, что бобр продолжает оставаться без пары».

«Гнездо сеголетка по существу представляет собою нору, вырытую самим сеголетком в непосредственной близости семейного гнезда. Лишь изредка над небольшой гнездовой камерой, которой и оканчивается нора, можно видеть кучку хвороста в 10—12 см высотой. По числу этих нор можно определить и количество зимовавших сеголетков. Особое значение для сеголетка приобретает эта нора как убежище в то время, когда у взрослых бобров начинается брачный период и самец выгонит сеголетков из родительского гнезда. В виду малого размера трубы, нора сеголетка недоступна для взрослого и он не может до него добраться. Это обстоятельство спасает сеголетка от возможной гибели в период гона, когда самцы свирепы и драчливы».

«Летние гнезда-норы представляют собою открытые ямы — углубления, без всяких ходов, вырытые в обрывистом речном скате. Размер их зависит от величины хозяина. Здесь бобр отдыхает, высунув наружу голову, а в случае опасности моментально скатывается в воду. В такой норе можно встретить скромную подстилку из расщепленных обглоданных веток. Все лето бобр живет в таких постройках, сооружая их по мере надобности и где потребуется. В виду незамысловатого устройства и расположения в крутых берегах, эти углубления легко замыкает дождями и полой водой и они обычно не сохраняются даже до следующего года».

Изложенные замечательно интересные наблюдения Е. С. Жбанова не только дают очень много для далеко еще не законченного изучения бобровых жилищ, но и освещают вопрос по-новому. Во всяком случае они показывают известную специфичность сибирских бобров и, в частности, неприложимость к ним утверждения А. В. Федюшина о том, что «разница в выборе жилья у бобров, т. е. норы или хатки всецело зависит от экологической и экотопической обстановки, в которой живут бобры» (368, стр. 185). Во второй половине прошлого столетия К. Ф. Кесслер указывал, что для возведения сложных построек бобрам нужны простор и спокойствие. Поэтому, поскольку в его время в Киевской губ. бобров жестоко преследовали, они жили там только в норах. Полвека спустя Э. В. Шарлеман (390, стр. 54), найдя в той же губернии участок, где бобры в течение некоторого времени жили в покое, обнаружил, что они вернулись к высшим формам своего строительства. Эти наблюдения наводят на мысль о том, что живущие в первобытной обстановке и, как увидим ниже, в условиях исконной охраны человеком, бобры Кондо-Сосвинского очага сохранили в неприкосновенности инстинкт постройки и порядка обитания жилищ, искаженный у их европейских сородичей близким соседством и постоянным хищническим преследованием человека.

Не менее замечательными, чем хатки, бобровыми постройками можно считать их плотины. Строятся они для того, чтобы создать нужную глубину для затопления кормовых запасов и вместе с тем возможно увеличить площадь водной поверхности для облегчения транспортировки корма. Получение нужной глубины достигается еще и рытьем котлована, который всегда создается позади плотины в результате выемки земли для цементирования постройки. Плотины строятся только на небольших речках и ручьях, так как большие и загородить трудно и надобности в этом нет.

Простейшие плотины представляют собою прямые, 1—2 м длиною сооружения, преграждающие путь воде и поднимающие ее вровень

с берегами. Плотины этого типа обычно служат добавочными к главному сооружению и размещаются или выше по речке, для ослабления напора воды, или — редко — ниже, для подъема воды в транспортных целях.

Более сложные плотины строятся там, где необходимо создать обширный пруд, а следовательно, они должны выдерживать весьма большое напряжение. В этом случае Мы различаем «головное» сооружение, преграждающее самое русло и «дополнительные» или крылья — отводы плотины. Головное сооружение сохраняет прямизну только в том случае если русло узко и края прочно опираются на берега; в противном случае плотина обязательно имеет прогиб по течению. Крылья идут фестонами (реже прямыми линиями) в стороны и располагаются выше, а иногда и ниже головного. Головное сооружение построено прочно, из различного размера палок, воткнутых в дно и цементированных грязью и собственной тяжестью. Дополнительные настолько легче, на сколько слабее напор воды в данном месте и на краях представляют иногда простые валики грязи.

Сток воды строго регулируется бобрами путем наслаивания плотины и устройства желобков в малоугрожаемых местах. На речках мощных (например плотина на р. Потлохе) это солидный, постоянный слив, шум которого слышен за километр. На ручьях (например исток р. Тать-Егана) это несколько желобков на крыльях плотины. При наличии большого подъема воды она уходит и вокруг плотины, кустами, но если нужно, то и здесь преграждается валиками. Постоянное регулирование достигается наложением валика по всей плотине. Насколько точно следят бобры за уровнем пруда, можно убедиться, повредив намеренно где-либо верхнюю обкладку плотины — бобры починят ее в первую ночь, а где им спокойно, то и засветло.

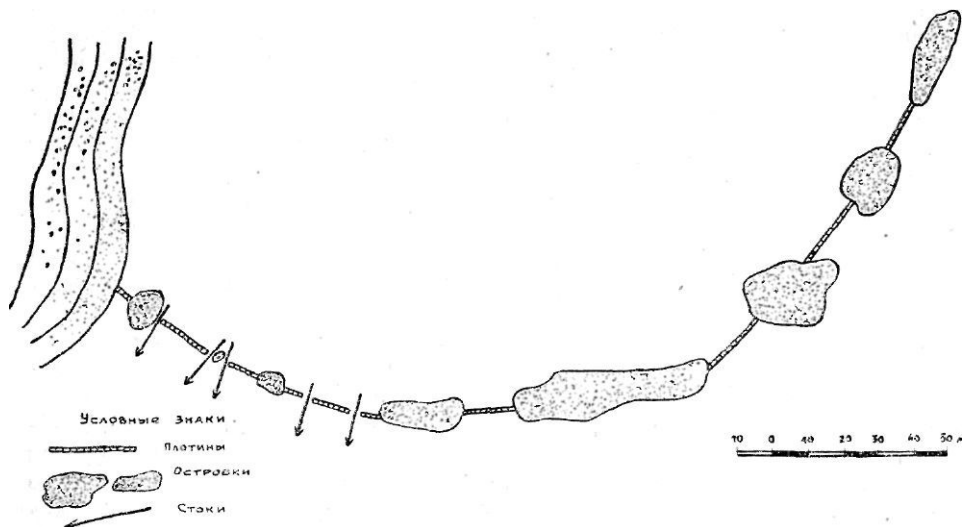
Площадь затопления может достигать двух и более гектаров. Высота и протяженность подпора воды зависит от крутизны падения русла и тем более, чем оно положе.

Приведем описание наиболее характерных из осмотренных нами плотин:

1. Основное поселение на р. Тать-Егане, занимающее левый его исток. Осмотрен 10 сентября 1940 г. Головная часть имеет 5 м длины, 1,5 ширины и 1,30 высоты. Стока нет. Вода стоит в уровень с краем плотины. Правое крыло идет фестончиками, укрепляемыми между кочек и деревьев на 60 м, а далее, за большой кочкой, еще на 1 м, до коренного берега. Правый сток на 17-м, два маленьких на 38-м и один маленький на 52-м метре. Левое крыло до 250 м, из коих более половины естественные преграды. Стоков на нем нет, так как все давление воды принимает на себя правое крыло. В связи с подъемом воды по всей плотине следы интенсивной работы по укреплению ее и подъему. Общая площадь затопления много более гектара. В конце пруда добавочная, почти затопленная плотина. Уровень второго пруда почти равен главному.

2. Основное поселение на р. Потлохе. Длина главной плотины около 15 м, она прямая, но построена под углом в 15—20° к течению. Ширина ее до 1,2 м, высота около 1,5 м. Правое крыло представлено несколькими добавочными плотинами между кустов и кочек; расположены они ниже головного сооружения на 50—60 м. Левое крыло идет между кочками непроходимого калтуса. Главный слив справа от плотины, двумя мощными, до метра шириной, шумящими потоками, через кочку — холмик правого берега речки, на которую опирается главная плотина. Площадь затопления более 1 га. Вода в русле поднята на расстояние около 1 км.

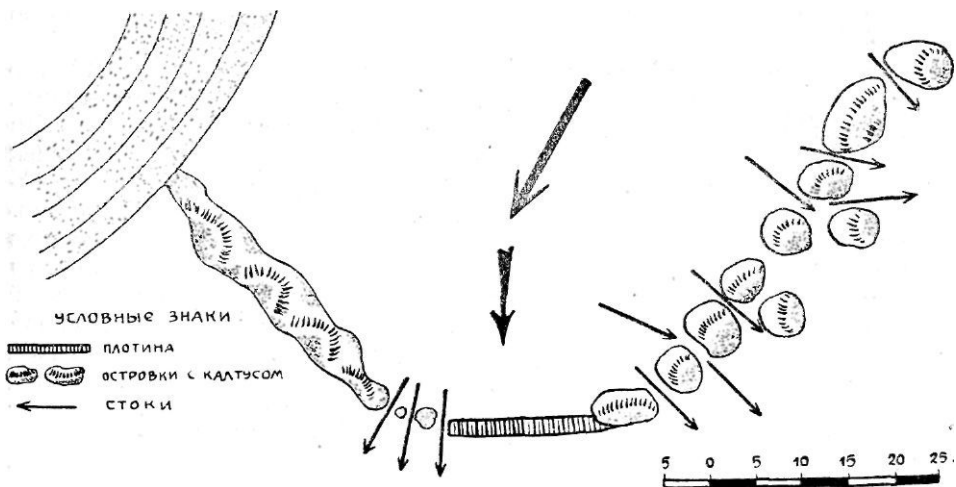
Интересно отметить различия описанных плотин. Первая из них выстроена на слабом ручье. Воды недостаточно, ее нужно экономить, и главное внимание обращено на укрепление крыльев и сжатие стоков, а поверху всюду лежит предохранительный валик. Вторая плотина преграждает довольно мощную реку. Воды избыток, она свободно идет

Основное поселение бобров на р. Тать-Егаи

не только по главному стоку, но мало охраняется и на крыльях сооружения. Предохранительный валик отсутствует.

Плотины — очень крепкие и долговечные сооружения бобров, что можно видеть во многих местах очага, где они свидетельствуют о былом

Основное поселение бобров на р. Потлох

пребывании бобра. Размываются они с трудом. При этом характерно, что древесные части плотины держатся так крепко, что когда смыта вся верхняя обмазка, вода журчит через кучу хворостин, полностью сохраняющих свое изначальное расположение. Чаще всего, будучи про-

рванной по той или иной причине, потеряв свое прямое назначение, плотины постепенно погребаются наносами. В этом случае они сохраняются бесконечно и могут быть приняты за сооружения доисторического человека, как это случилось на р. М. Патоме (154, 11).

Размножение и жизнь семьи

Данная сторона жизни бобров, наиболее трудная к непосредственному наблюдению, далеко не вполне выяснена даже для хорошо изученных американских или относительно исследованных европейских бобров. Что же касается бобров Кондо-Сосвинского очага, то непосредственным и серьезным их изучением в данном направлении занимался до сих пор только один Е. С. Жбанов. Ему и принадлежат наиболее интересные из приводимых ниже сведений, поставленные в кавычки. Мои наблюдения в этой области невелики и я базировался на опросных данных.

Опрошенные старожилы, неоднократно добывавшие бобров, утверждают, что беременные самок им приходилось бить с половиной апреля и до конца июня. Некоторые же считают, что к первым числам июня все бобрята уже родились. По наблюдениям Е. С. Жбанова, к 15 июня уже заканчивается лактация. Согласно литературным данным (376, стр. 111), беременность бобров протекает 105—107 дней. Американский бобр, согласно материалов, опубликованных Г. В. Брадтом (437, стр. 486), имеет четырехмесячную беременность. Г. В. Брадт приводит случай беременности, длившейся 128 дней. Исходя из сказанного, спаривание бобров в нашем очаге, вероятно, происходит между декабрем и февралем, в самый разгар зимы. Такое положение, даже если признать, как это утверждает Е. С. Жбанов (личное сообщение), бобров строгими моногамами, заставляет говорить об исключительных трудностях, которые должны встречать бобры при спаривании. Для особей изолированных, в силу ли естественных причин, или по случаю истребления ему подобных, становится невозможным добиться спаривания и они обрекаются на целибат. Сказанная особенность должна определять свойственную бобрам медлительность размножения и заставляет с особой осторожностью относиться не только к допущению чрезмерного использования, но и самому разрежению поголовья.

Вдаваясь в гипотезы, мы не можем не отметить вероятность того, что бобрам свойственна затяжная беременность. Такое допущение, при учете дальних весенне-летних кочевьев бобра (причинность которых нам сейчас неизвестна), позволяет по крайней мере объяснить длительное существование изолированных колоний бобров, разбросанных по верховьям некоторых рек (например р. Него-Супр-Еган) на огромном расстоянии от себе подобных.

Количество бобрят, которое я смог установить по многим фактам добычи и наблюдений, колеблется от одного до трех, в крайнем случае до четырех. Указание на большее число недостоверно, так как передавалось с чьих-то чужих слов. По мнению Е. С. Жбанова (личное сообщение), бобрят приходится в среднем по два на самку¹.

Покидать нору бобрята начинают на р. Конде к двадцатым числам июня. Живут молодые в семье долго, вероятно до половой зрелости,

¹ Для сравнения приведем данные по американским бобрам. Так, П. Е. Джонсон (442, стр. 601), опираясь на данные обширной литературы и опросы охотников, говорит о количестве детенышей от 1 до 8. Последнюю цифру он, впрочем, оговаривает как мало вероятную. Наиболее обычным он считает выводок в 4 экз. и полагает, что первый раз самка приносит только 1—2 детенышей, а в последующие годы 4 или более. Г. В. Брадт (436, стр. 151), проанализировав 65 выводков, обнаружил в них 242 щенка, что дает в среднем 3,72 на гнездо.

которая, по литературным сведениям, наступает в два года. После этого они организуют особые семьи. В связи с этим в семье бобра могут быть в наличии три генерации: родители, двухгодовики и годовики.

Это подтверждается личным сообщением М. М. Овсянкина, который 12 апреля 1933 г. в одном поселении обнаружил 6 бобров именно указанных возрастов. Матка при этом была беременна, и, очевидно, что прежде чем двухгодовики могли бы получить возможность выселиться, семейство должно было бы обогатиться представителями четвертой генерации.

Продолжительность жизни отдельной колонии на определенном месте может быть очень значительной. Так, по словам старожилов, в устье р. Уха постоянно обитаемом бобрами, им были известны хатки, оставшиеся жилими более полувека.

Е. С. Жбанов по вопросу о размножении и семейной жизни бобров в нашем очаге сообщает следующее. «На Конде и Сосве бобрята появляются на свет между 1 и 5 июня. В иные годы возможны отклонения на 5—6 дней, причины которых нам неизвестны».

«Новорожденный бобренок покрыт слабым, нежным пухом и очень редкой остью. Зубы едва наметились, они белые и мягкие, коготки также мягкие, как бы резиновые на ощупь. Голова опушена слабо. К самостоятельным действиям детеныш, видимо, неспособен. Такой именно вид имел бобренок, найденный мною 2 июня 1940 г. в разрушенной половомьем хатке. В эту весну появления молодняка в указанные сроки отмечено в 11 гнездах по р. Еготье».

«На 7—10-й день бобренок уже хорошо опушен, зубы и когти вполне окрепшие. Резцы оранжево-коричневого цвета и настолько остры, что легкое прикосновение к ним ранит палец до крова. С этого времени бобрята могут принимать растительный корм. Кормление молоком становится затруднительным для матери и она начинает приучать детей к новой пище. Нужно отметить, что перемена рациона дается щенкам не просто. Дело в том, что при достаточной крепости резцов, коренные остаются у бобренка совсем мягкими, и пережевывать растение, даже самое мягкое, он не может. Следует предположить, что бобреха кормит в это время детей изысканной пищей. Косвенным доказательством этого служит и то, что в данный период пища матери состоит из нежных молодых побегов и коры тальника, и как раз на этот корм переходит бобренок, когда зубы у него окончательно окрепнут. Как бы то ни было, с 7—10-дневного возраста бобренок начинает получать растительный корм, а на 12—15-й день самка вынуждена покинуть гнездо, чтобы сохранить свои сосцы. С этого времени она появляется в гнезде лишь для того, чтобы принести молодняку пучок тальника с нежными листьями и выбросить обглоданные бобрятами ветки. Следовать за матерью детеныши в это время еще не способны, так как не умеют нырять, почему и выбраться из гнезда не могут. Выходят они из гнезда не ранее 20-го дня, и с этого начинается их самостоятельная жизнь. Они продолжают держаться выводком и спят вместе внутри или вне гнезда, последнее особенно в хорошую погоду. Если летовки родителей недалеко, они, по видимому, посещают детей, но изредка. Для ночлега вне гнезда бобрята забираются на хатку, а чаще выкапывают себе лунообразную ямку в обрывистом песчаном скате, под деревом, убежище подобное летней норе взрослого бобра. В случае опасности они падают в воду с обрыва в 70—120 см высотой. Заставать бобрята на берегу мне случилось в этот период неоднократно. Однажды, выехав в лодке для вечерних наблюдений, я встретил в норке у песчаного ската двух бобрята. Третий был по соседству на берегу. Увидев меня на воде, зверьки несколько мгнове-

ний меня рассматривали, а затем, поняв опасность, нырнули под лодку. Одного из них я успел поймать, схватив за хвост».

«Вышедший из гнезда бобренок большую часть времени проводит на суше. Вода служит ему в этот период лишь для защиты от врагов, которых у него очень много. Ему опасны: ласка, колонок, норка, горноста́й, соболь, лисица, ястреб тетереви́тник. Крупные хищники имеют менее шансов навредить бобряткам. Волк и рысь находятся на других станциях, а медведь в эту пору занят преимущественно лосями. Вполне реальную опасность представляет для маленького бобра ворона, так как черепная его коробка в первое время не крепче чем у зайчонка — обычной добычи вороны. Вред ондатры, кроме возможной передачи инфекций, заключается в причиняемом бобряткам большом беспокойстве».

«На суше бобрята, подобно своим родителям, ориентируются главным образом на слух. Приведем такой пример. Наш лагерь стоял на р. Еготье, на ровной площадке в 100—120 м от реки, в частом смешанном подлеске. Четыре отловленных ранее сеголетка были выпущены мною в палатку погулять и по недосмотру убежали. По освобождении все четыре направилась прямо к реке и были найдены при помощи лайки у самой воды. Чем руководствовались они, избрав это направление? Несомненно слухом, хотя тайга шумела от ветра и говор речки для человеческого слуха был различим едва ли более, чем на 10—15 м. Общую ориентацию на слух показывает и устройство летних убежищ».

«На суше бобрята довольно подвижны. В предвечерние часы они выходят на жировку в кусты тальника или молодой поросли осины на горях. Сеголетки жируют всем выводком. Они проделывают довольно торные тропы, длина которых колеблется в пределах 10—100 м вдоль берега и 10—70 м вглубь ровной речной долины. Время жировок и отдыха у бобрият распределяется примерно так. Утром они кормятся от восхода солнца часов до десяти. После кормежки проводят 2—5 мин. в воде, снова выходят на берег и отдыхают до вечерних часов. В 4—5 часов пополудни бобрята снова на 5—10 мин. выходят на воду, после чего жируют на берегу до полуночи, точнее до наступления ночного холода, столь характерного для всей долины рек Конды и Сосвы. Движения сеголетков в воде по сравнению со взрослыми бобрами менее уверенны и энергичны. Бобрята избегают плавания против течения, а будучи вынуждены к этому, двигаются вдоль самого берега, выбирая заводи и омутки. Ныряют они довольно слабо и так неглубоко, что с берега видны их движения в воде (они напоминают движения нырнувшего человека). Погрузиться камнем, подобно взрослому бобру, бобренок не в состоянии. Прежде чем нырнуть, он 3—5 раз хлопает хвостом по воде, а затем уже неуклюже переворачивается головой вниз».

«Пищей сеголетков в этот период служат листья и кора тальника, а где она есть, то и кора молодой (2—3-летней) осины. В связи с этим и места их жировок приучиваются к зарослям этих пород в прибрежной полосе и горях в долине реки. Потребления в пищу каких-либо других растений мне установить не удалось. Замеченные два случая поедения лютика едкого принадлежали взрослому бобру».

«При появлении опасности поведение сеголетков бывает двояким. Если вода близко, то бобренок, как и взрослый бобр, услышав подозрительный звук, на несколько мгновений замирает и, лишь осознав опасность, стремительно бросается в воду. Если беда застала сеголетка далеко от воды, он делает несколько шагов и затаивается в густых зарослях. После этого никакой шум не стронет его с места. Можно даже наступить на него, и если увидишь (что довольно трудно), то и взять в руки. Если же обнаружишь затаившегося взрослого бобра, он, невзирая ни на

что, бросается в воду, даже если при этом ему приходится бежать навстречу людям. Именно такой случай был со мною на р. Еготье».

Пища

Вопрос питания — важнейший в познании жизни бобра, тем более в пределах описываемого обитания. Дело в том, что расположенное в достаточно высоких широтах, оно может обеспечить бобру только чересчур, быть может, однообразные корма. В противоположность более южным местообитаниям, на реках Конде и Сосве растением, на котором строится прокормление стада, служит береза. Березой определяются кормовые возможности водоемов, из нее же состоит подавляющая часть запасов бобра.

Следует, однако, подчеркнуть, что ни в данном очаге, ни во всей Сибири мы не можем установить наличия прямой зависимости между распространением бобра и границами какой-либо древесной породы, как это имеет место в Северной Америке в отношении его и осины. Про американского бобра В. Г. Гептнер говорит (75, стр. 296): «строгую связь с кормовыми растениями обнаруживают и некоторые специализированные стенофаги-фитофаги из позвоночных и даже млекопитающих, как, например, бобр в Америке». На следующей странице он приводит карту распространения бобра на этом континенте, из которой видно, что северная его граница удивительно точно совпадает с таковой осины. Не то в Сибири. В этой стране повсюду северная граница бобра не связана с распространением осины. В то же время она повсеместно отстает и от березы, которая везде уходит дальше на север.

Из всех лиственных пород местности, береза наиболее распространена. В виде сплошных насаждений она главным образом встречается по старым гарям, а на некоторых речках на большом протяжении представляет единственную растительность берегов. Пример такой речки р. Ньюрух, богатство березой которой мы уже отмечали выше, р. Потлох в среднем течении и другие. В остальном береза представляет примесь к другим породам, особенно ельникам, среди которых она избирает обычно хорошо освещаемые солнцем излучины и мысы. Наконец, угнетенный, болотный березняк встречается почти всюду по сограм, хотя и не представляет большой кормовой ценности. Совершенно лишены березы только незначительные участки особо глухих ельников и кедрачей, безлесные болота, в которых зарождаются многие из бобровых рек, да подходящие местами вплотную к речке чистые сосняки. В целом запасы березы на водоемах данного очага огромны и говорить о недостатке этого вида кормов нет никаких оснований. Другое дело вкусовые и пищевые качества березы. Вопрос этот — один из существенных — еще не подвергался изучению, но несомненно, что бобры обладают высоковыраженной избирательной способностью, и не только отдельные березы, но и целые рощи бракуются бобрами, вне зависимости от удобства их расположения.

Вторым в ряду важных для бобра растений следует считать тальник. В местной флоре ивы представлены несколькими видами, притом только в кустарниковой форме. Тальники распространены по всем водоемам, но спорадически, и нигде не образуют особо значительных массивов. Заросли их сосредоточены по излучинам больших рек, как р. М. Сосва и меньше р. Конда, а кроме того (особые виды) по сограм, речным вершинам и истокам. Основное значение для бобров имеют преимущественно последние. В противоположность березе, запасы ив далеко не могут быть названы неисчерпаемыми. Наоборот, усиленно потребляемые бобрами, они местами явно деградируют возле их поселений; кроме того, тальники

страдают от многочисленных лосей. Впрочем, абсолютно ничтожное количество бобров не может иметь отрицательного влияния на тальниковые заросли. Но в бассейне р. Конды мы сталкиваемся с более серьезным фактором, враждебным для этой породы. Местами тальники хиреют, сохнут с корня, без всякого видимого участия животных. Отдельные участки оказываются сплошным сухостоем, с немногими живыми побегами, а в большинстве зарослей все сколько-нибудь старые стволы оказываются погибшими. Это явление стоит скорее всего в зависимости от происходящего изменения водного режима почвы, от процесса общего обмеления бассейна р. Конды, о котором мы говорили выше.

Осина — основа бобрового питания в южных районах — порода, которой они оказывают несомненное предпочтение и в наших пределах, распространена, как мы видели выше, очень мало. Распределение ее по некоторым водоемам наводит на мысль, что причиной исчезновения осины из приречных насаждений в некоторых случаях могли быть бобры.

Из других пород только черемуха может быть выделена как имеющая более или менее заметное значение для бобра; при этом нужно сказать, что при обширности запасов этих кустарников, особенно в системе р. Конды, потребление их бобрами совершенно ничтожно. Из других кустарников бобры употребляют таволгу, реже ольху и рябину. В заготовках на зиму эти породы роли не играют, хотя присутствие последних дух и не исключается. Нередко употребляет бобр и шиповник.

Особняком стоит вопрос об использовании бобром хвойных деревьев. Из них имеют место погрызы пихты, реже ели, еще реже кедра и, как исключение, сосны (погрызы молодых сосенок обнаружены были, например, в сентябре 1940 г. Я. Ф. Самариным на р. Ессе). В заготовках хвойные не встречаются, хотя однажды на р. Тать-Егане среди старых бобровых огрызков в плавнике я обнаружил кусок нетолстого ствола ели, дочиста обгрызенного и как-будто бы бывшего в заготовках. Употребление бобрами хвойных неравномерно, непостоянно (главным образом весной и, вероятно, осенью) и носит характер погрызов, притом обычно небольших. Знакомясь с бобровыми погрызами по р. Конде, я обратил внимание, что по ней самой и ее притокам погрызы хвойных (притом больших и даже старых стволов) встречаются несравненно чаще, чем на знакомых мне притоках р. М. Сосвы. Вполне вероятно, что употребление в пищу коры хвойных имеет лекарственное значение и может быть заменяемо тем или иным видом травянистых растений. Что касается последних, то, хотя количество употребляемых бобром видов и велико, изучен состав травянистых его кормов крайне слабо. По личным наблюдениям, отметим частые поедания осоки, хвоща, иван-чая, особенно калужницы. По опросным данным бобр охотно поедает цикуту¹.

В отношении сезонности поедания кормов, год бобра разделяется на Два периода. Зимнее время — от конца вегетации до появления зелени — исключительно древесный корм, это то, что заготовлено затопленным в воде. Вегетационный период — разнообразный зеленый корм, в котором древесная кора уже не играет роли. Несомненно, что такие повороты в питании не могут не вести за собой изменений в физиологических отправлениях организма, а в связи с этим и потребности в лекарственных веществах. Быть может на поиски этих недостающих элементов и отправляются в странствование перезимовавшие оседло бобры.

¹ В работе В. В. Васильева, В. В. Раевского и З. И. Георгиевской, о которой упоминалось выше, дается значительный перечень растений, которые употребляются в пищу бобром в заповеднике. Однако, поскольку ботаники в заповеднике в ту пору отсутствовали, а ни одного листа гербария я по прибытии в заповедник не обнаружил, сослаться на эти сведения я не рискую.

Заготовка кормов и их потребление. Заготовки кормов на зиму начинаются в конце августа — первых числах сентября и продолжаются до наступления настоящих морозов. Продолжительность работ данной колонии зависит от условий транспорта и местонахождения заготавливаемого корма. Говоря об этом, необходимо подчеркнуть то громадное значение, которое имеет не столько самое обилие, но именно доступность кормов для бобра. Посуху бобр редко уходит за кормом далее 18—20 м. Зато водой, особенно по течению или в спокойной воде своего пруда, он сплавляет корм за километр и более. Чтобы добраться до удаленных деревьев, бобр использует, ручейки, болотца, озеринки, — норовя перетаскивать тяжесть через кратчайшие волоки. Бывают случаи, когда богатейшие запасы кормов, приуроченные к реке и потенциально неисчерпываемые, практически мало или вовсе недоступны для бобра. Характернейший пример сказанного мы имеем в среднем течении р. Потлоха. Здесь река проходит среди возвышенных, холмистых берегов, довольно круто спускающихся к речке. Холмы поросли сплошным березником. Однако чтобы добраться до берез, бобру приходится уходить за 40, 50 и до 60 м. Даже используя многочисленные истоки и болотины, он не может к ним приблизиться более, чем на 25—30 м. В результате наблюдается непомерно большая вывалка деревьев при ничтожном их использовании; не только стволы, но даже и ветви растасканы мало, причем многие брошены уже расчлененными на кусы. В смысле напрасной затраты труда бывает также неблагоприятна валка деревьев в чаще, особенно среди елей. В одном месте на р. Потлохе мы на маленьком участке подсчитали более 12 деревьев, застрявших вершинами и потому пропавших даром для срезавших их бобров. Отметим, что при учете кормовых ресурсов бобров исследователь должен обращать внимание на указанную сторону вопроса.

Бобр заготавливает пищу, срезая нужное мощными своими резцами, вне зависимости от толщины дерева. Стволики толщиной до 4, даже 5 см отсекает, видимо, одним ударом, так что место среза можно отличить от сделанного ножом только по слегка вогнутой поверхности наискось отхваченного пенька. Стволы потолще обрезаются постепенно, причем, как правило, кругом. Направление падения зависит от случайных причин, равно как и время, в которое заканчивается рубка (от одной — двух ночей до года и более). Иногда начатое рубкой дерево забрасывается вовсе, даже будучи срезанным до половины. Упавшее дерево разгрызается на части. Срезаются ветви, и если ствол слишком толст или лежит далеко от воды, то употребляются только они. Часть коры иногда поедается на месте. Все подлежащее транспортировке разделяется на удобные к переноске отрезки; длина их зависит от толщины, форм и условий перетаски, а выдающиеся, могущие зацепиться по дороге сучки тщательно отсекаются. Доставленные на место, куски затопляются и закрепляются на дне.

Количество заготавливаемых кормов пропорционально размерам колонии. На одного бобра в зиму требуется 8—12 деревьев. Но количество это не постоянно и зависит от многих причин: толщины деревьев, полноты их использования, а главное запасаемых одновременно кустарников

Переселения и кочевки

Этот вопрос есть одна из загадок плохо изученной жизни бобра. Все данные такого рода основаны более на домыслах, нежели на фактах.

Переселение. В части расширения ареала мы можем говорить только о трех фактах. Именно, на р. Муломье, по словам местных жите-

лей, около четырех лет тому назад основалось бобровое поселение там, где ранее его никогда не было. В этом случае мы не можем, однако, предполагать, что бобр переселился издалека — выше мы видели, что наши грызуны живут издавна на некоторых притоках этой реки. Второй факт — это появление бобров на р. Тугр, в то время когда нам известно, что в бассейне р. Ем-Егана они уничтожены не менее чем 5 лет тому назад. И, наконец, бобр, живущий в завале у д. Печерах на р. Конде, поселился там сравнительно недавно. Два последних случая доказывают, что бобры могут переселяться, с одной стороны, вниз по течению на несколько десятков километров (Печерах) и через водораздел, в свободную речную систему. В официальных документах заповедника встречаются утверждения о том, что за время его существования бобры заселили бассейн р. Тапсуя; выше изложенный материал показывает, что, однако, р. Тапсуй заселена бобрами искони.

Зато мы убедились выше в том, что продолжает прогрессировать вековой процесс сокращения бобровых местообитаний, но опять-таки не в силу склонности к перемене мест, а совсем по другим причинам.

Бобр по природе своей оседлое животное, что вполне объясняется образом его жизни в смысле необходимости обеспечения на зиму солидным помещением и громоздкой заготовкой корма. Насколько можно судить, переселение его бывает следствием перенаселения данного (хотя бы небольшого) участка. В условиях же сокращения ареала, запустения рек, падения численности мы не можем и ожидать проявления склонности к освоению новых местообитаний.

Мы не можем утверждать, что кондо-совинским бобрам свойственен присущий их американским родичам обычай изгнания двухлетков (436, стр. 157—161). Однако рассмотрение имеющихся фактов заставляет предполагать нечто подобное. Процесс этот не выражен ясно и, быть может, потому, что, как увидим ниже, нормальное развитие семьи до самого последнего времени грубо нарушалось человеком.

Кочевки. В силу причин мало известных, быть может, изменения водного режима, большая часть бобрового поголовья (возможно все) в период весеннего половодья снимается с мест и некоторое время странствует по рекам, забираясь иногда в очень удаленные участки и запечатлевая следы своего пребывания погрызами на избранных деревьях. Окончание этих кочевок местные охотники определенно связывают с падением вод до летнего уровня, что оправдывается моими наблюдениями. Действительно, все как и свои, так и опросного порядка конкретные случаи встреч кочующих бобров падают именно на это время. Кроме того, изучение погрызов, сделанных кочующими бобрами, которыми можно считать все сделанные вне обычных поселений, показывают следующее. На березах, нависших над рекой, обычно помечаемых бобрами, погрызы сделаны на высоте доступной грызуну только в полную воду. Выделяются те, которые могли быть сделаны в период максимального уровня. На затопляемых берегах погрызы также слишком высоки для обычных (этот факт нельзя пугать с встречаемыми высокими погрызами около поселений, которые сделаны по снегу), а в то же время на краях разлива можно найти погрызы нормальной высоты, но лежащие вне пределов достижения бобров посуху.

Во время этих кочевок бобры изменяют даже своей исконной привязанности к водоемам и удаляются от них иногда далеко. Так, наблюдатель заповедника Сумрин сообщил, что весной 1940 г. он с помощником обнаружил крупного бобра в наполненной водой рытвине в нескольких километрах от реки. Вода убежища, куда бобр забрался, очевидно, от преследования собак, едва покрывала половину его тела, а попадись

он в этом положении более опасному врагу, гибель была бы неизбежной.

Кочуя, бобры могут преодолевать и очень большие пространства. Так, А. А. Насимович сообщил мне случай, замеченный им в Лапландском заповеднике, когда бобр перебрался из одной речной системы в другую через высокий каменный хребет. Данный и подобные ему факты показывают, что кочевки эти вызываются импульсами чрезвычайной силы, каковые может породить только половой инстинкт.

Но кочевки эти не влекут за собой оседание кочевников на новых местах, что теоретически не исключено. Наблюдениями местных жителей и появлением погрызов установлено ежегодное появление бобров по р. Конде вплоть до Турсунтского Тумана, по р. М. Сосве вниз почти до устья, но оседания на этом пространстве не происходит.

В заключение добавим, что бобры имеют обыкновение довольно часто менять свои местообитания в пределах тех же угодий. Факты этого рода свидетельствуют не о склонности к переселениям, но лишь только о том, что бобры обладают широкой выборочной способностью к кормам. Они указывают и на глубину влияния этих грызунов на изменение окружающих их природных условий, о чем будем говорить ниже.

Стации бобра

Возможность обитания бобров в природе определяют два условия: вода и древесно-кустарниковая растительность, с непременною примесью лиственных пород (хотя бы, как мы видели выше, это были умеренные заросли в безлесной степи). При этом в нашем очаге бобру обязательно требуется проточная вода. Комбинацией этих особенностей и определяется целиком разнообразие бобровых угодий.

Намечая ниже краткую схему бобровых стаций обследованного района, нужно отметить следующее. Прежде всего строительные способности бобров и особенности их питания, резко отражающиеся на растительности, позволяют бобрам сильно влиять на стации в сторону их изменения, а иногда приспособления для своих нужд, о чем подробнее скажем ниже. С другой стороны, причины связанности бобров с теми или иными участками иногда решительно не поддаются объяснению. Иной участок как бы создан для бобров: корма в избытке, берега очень удобны для нор, русло благоприятно, а бобров нет. Они предпочли для поселений другой участок, на наш взгляд гораздо менее подходящий. Широкий поиск бобров по угодьям вокруг колоний, погрызы берез показывают, что бобры весьма тщательно выбирают места для своих поселений.

Типы стаций кондо-сосвинских бобров лучше всего поставить в зависимость от уровня и характера берегов, учитывая, как сказано, непригодность для их обитания хвойных лесов без примеси кормовых растений и совершенно открытых участков; последние весьма редки по таежным речкам данного очага.

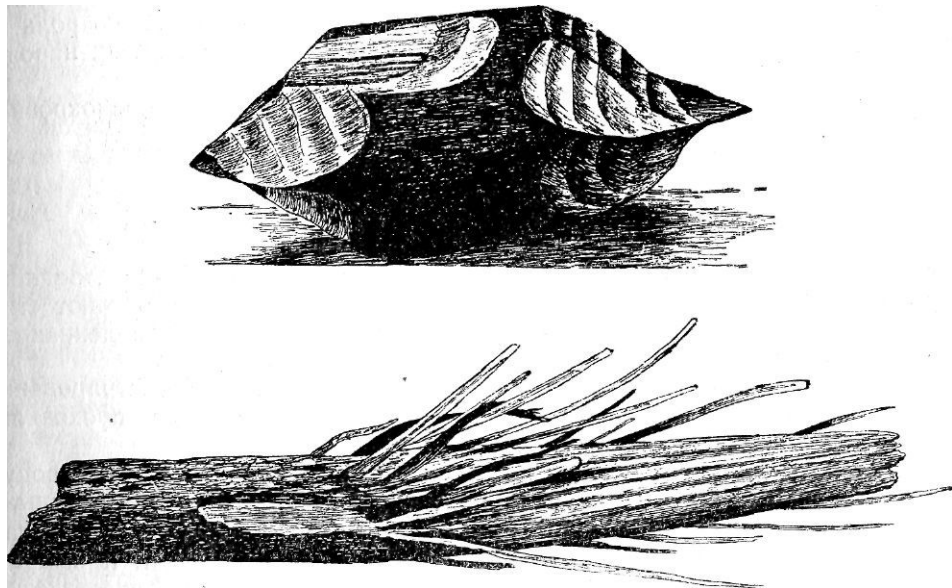
1. Берега высокие, крепкие, незаливаемые половодьем. Река многоводна. Роль кустарников в кормах ничтожна. Бобры живут в норах, не нуждаясь в ирригационных сооружениях. Стация свойственна более среднему и нижнему течению рек. Пример — поселение в среднем течении р. Потлоха.

2. Берега низменные, болотистые. Заняты согрой, заливаемой полной водой; во время половодья остаются незалитыми только отдельные участки типа кочек. Роль кустарников в кормах выше, чем в предыдущей стации. Река многоводна. Бобры живут в хатках, реже в норах. Запруд не делают. Пример — среднее течение р. Нюруха.

3. Берега низменные, болотистые. Половодьем не заливаются, так как оно не захватывает этих участков, свойственных верховьям. Роль кустарников в кормах самая значительная. Бобры живут наичаще в хатках и как правило возводят плотины, так как воды недостаточно. Пример — истоки р. Тать-Егана.

4. Заливные участки в поймах рек. Единственное место, где выражены до некоторой степени заливные луга. Роль кустарников значительна. Бобры живут по наиболее крепким берегам, обычно строя хатки. Пример — устье р. Уха.

Наконец, напомним указанную роль в жизни бобров лесных завалов, столь распространенных по речкам очага и служащих серьезным водорегулирующим фактором. Свободными от «заломов» остаются: р. М. Сосва, кроме самых верховий, среднее и нижнее течение р. Нюруха и относительно редки они (всего 9) на р. Конде, ниже устья р. Нюруха.

Зимние погрызы из гнезда бобра. Рис. П. П. Хороших

КРУГ ЖИЗНИ

Год бобра разделяется на две неравные части: период явной летней активности и внешнего зимнего покоя, возможность которого, при отсутствии спячки, обуславливается усиленной заготовительной деятельностью осени.

Начало летнему полугодью или переход к нему кладут редкие сначала выходы на лед через забереги и полыньи. Делаются они главным образом для обновления запасов пищи, имеют место наичаще (во всяком случае самые ранние) лишь при неблагоприятии с затопленным кормом и потому есть явление не вполне нормальное. Переломным месяцем нужно считать апрель.

Со вскрытием льдов, которое происходит в течение мая, и с наступлением половодья бобровое поголовье отправляется в странствование, а беременные самки заняты выводом и выращиванием потомства. Уровень вод выравнивается к концу июня. С этим заканчиваются кочевки (лишь отчасти имеющие место позднее) и начинается период интен-

сивных работ: ремонт старых и закладка новых жилищ, а с конца августа — заготовка кормов (более ранние заготовки — исключение). Корма запасаются вплоть до рекостава — до начала, половины октября — после которого бобры окончательно покидают дневной свет и до весны скрываются подо льдом.

Подледный образ жизни бобров известен нам очень мало. Во всяком случае он не пассивен. Интенсивно продолжается питание, причем самое доставание кормов из складов, перетаскивание в нору и очистка нор от остатков пищи требуют немало труда. Кроме того, не вполне исключена возможность, что в этот период должен происходить гон и во всяком случае вынашивание и рождение детей — важнейший жизненный процесс. Наконец, в целях стачивания резцов, бобр постоянно грызет куски дерева, причем получают разнообразные, затейливые фигурки, которые случается в большом разнообразии" находить в логовищах. Фигурки эти, коим фантазия человека присваивает форму и значение отдельных предметов людского обихода, играют не малую роль в построении тех легенд и поверий, связанных с бобром у разных народностей, о которых мы будем говорить в своем месте.

Итак, под толстым слоем снега и льда, незримо, но полнокровно протекает зимняя жизнь этих замечательных животных.

ВРАГИ И ПАЗАРИТЫ

Взрослый бобр отнюдь не беззащитное животное, особенно в родной ему стихии — в воде. Мощные резцы, сильные лапы и хвост дают ему возможность обороны, и собаке, например, по словам промышленников, он дает победоносный отпор.

По наблюдениям иностранных авторов, в Норвегии зарегистрированы случаи нападения бобров на человека, которые не всегда проходили благополучно для последнего.

Главным же средством спасения остается для бобра уход в воду, в искусстве пользования которым он, можно сказать, не имеет равных.

Наиболее серьезный враг бобра — россомаха, скрадывающая и загрызающая бобра на суше (равно — отметим кстати — как и выдра) при всяком удобном случае; факты этого рода известны. Теоретически возможно уничтожение бобра волком, рысью, медведем, молодняком — может быть — лисицей, но установить таких случаев не удалось. Медведь, говорят, разворачивает бобровые жилища, но едва ли ему удастся поживиться, бобры всегда успеют во-время улизнуть. Да и случаи этого рода, вероятно, редки, во всяком случае те из многочисленных разрушенных жилищ, которые приходилось мне видеть, носили следы деятельности человека. Повреждение бобрового молодняка выдрой также гадательно (взрослый бобр ей вовсе недоступен). Да и вообще в местной фауне действительно опасных врагов у бобра, строго говоря, почти нет, и это дает повод исключительно наблюдательным манси утверждать, что из зверей никто бобру не опасен. Однако, необдуманно в фауну местности введен недавно новый зверь — американская норка, которая представляет реальную опасность для бобровой молодежи. О том, что норки могут уничтожать бобряг, известно и из литературы (см., например, С. П. Наумов и Н. П. Лавров, 219, стр. 250), в нашем же очаге опасность эта усугубляется. Дело в том, что вселенная в речки бассейна р. Конды американская норка не нашла себе требуемого количества подходящих кормов. Благодаря этому норки в поисках пищи выходят из пределов водоемов, сверх обычного преследуют позвоночных, упо-

добляясь наземным хорьковым, и, разумеется, неизбежно обратят настойчивое внимание на бобрят — посильную им добычу в родной стихии.

Из птиц могут быть опасны для бобровой молодежи орлы и филины, из рыб — крупные щуки, но все эти хищники еще не были уличены в нанесении ущерба драгоценному бобровому поголовью.

Особняком стоит вопрос о том, каковы взаимоотношения бобра с ондатрой, заселившей за последние годы бобровые угодья полностью.

Бобр, в силу тех или иных причин, есть реликтовый представитель нашей фауны. Испокон веков обитая местные водоемы, он жил в полной почти изоляции от других грызунов. На берегах он сталкивался, правда, с полевками (экономкой, пашенной, тазовской и некоторыми другими), но эти зверьки сухопутны, и соприкосновение с ними ограничено. Водяная крыса, которая могла бы оказаться в тесном контакте с бобром, обитает стации редкие в местах обитания последнего и почти не встречается в пределах очага.

Во всяком случае водяная крыса на территории очага нигде не достигает плотности, достаточной для поддержания эпизоотии, без чего моровые падежи животных невозможны.

И вот в этих условиях бобровые угодья плотно и в кратчайший срок заселяются крупным, активным грызуном, ближайшим по образу жизни к бобру—ондатрой, с которой у бобра не может не возникнуть постоянных соприкосновений.

Что такое ондатра? Это крупная полевка, со всеми свойственными этой группе грызунов особенностями, в частности склонностью к массовым размножениям.

В отсутствии постоянного промысла последнее должно возникнуть неизбежно, особенно здесь, где физико-географические условия близки к оптимальным для этого вида, что видно из бурного освоения ею новой территории. Что ондатре свойственны заразные заболевания, давно известно, а в Сибири, в частности в самом Ханты-Мансийском округе (в который входит и наш очаг), доказана заражаемость туляремией.

Что же ожидает бобра при этих обстоятельствах? В Северной Америке бобр благополучно сожительствует с ондатрой, но это объясняется тем, что оба зверя местные, обмен инфекциями несомненно произошел между ними в древние времена, когда над бобром не висела угроза исчезновения. Для местного бобра занесенная ондатрой инфекция будет вполне новой и как таковая вероятно губительной. Это особенно потому, что бобру свойственно размножение медленное и ограничена возможность даже подыскания пары. Что касается путей инфекции, то в таких недостатка не предвидется. Кроме персонального контакта, имеющего место повсюду, кровососущие двукрылые — комары и мошки, уличенные переносчики инфекций, а за ними клещи, блохи и т. д. сделают неизбежным это общение. На то, что от гнуса бобр не свободен даже в глубине своих построек, показывают наблюдения Е. С. Жбанова (личное сообщение). Вскрывая хатки и норы бобров, он находил в них множество комаров и мошек. Есть основание предполагать, что гнездовые камеры бобровых жилищ оказываются благоприятным местом зимовок этих насекомых.

Одним словом, какие бы натяжки и оговорки ни приводили сторонники априорного оправдания ондатры, мы не имеем права отвертываться от грозящей нам возможности стать лицом к лицу с гибелью единственного в своем роде бобрового очага.

Ондатра имеет значение и как конкурент бобра. В отношении кормов антагонизм их весьма невелик, несмотря на большую общность поедаемых этими грызунами травянистых растений; слишком ничтожно

поголовье бобров в сравнении с огромностью угодий. Гораздо существеннее склонность ондатры к занятию бобровых построек. Факты этого рода были установлены для р. Онжаса М. М. Овсянкиным (личное сообщение), — он нашел там старые хатки бобров, занятые ондатрой; напомним, некогда богатый бобрами, опустошенный в наше время Онжас, не заселяется ими вновь! Мне в 1941 г. удалось установить такое явление на р. Ньюрухе. Нужно сказать, что р. Ньюрух только еще начала осваиваться ондатрой, проникающей на нее с севера. И вот одним из немногих, в пределах пяти, обосновавшихся на р. Ньюрухе ондатровых семейств оказалась захвачена бобровая хатка. Зверьки не заняли гнездовую камеру брошенного сооружения, хотя она была в полной сохранности, но они использовали ходы, изрыли землю кругом, одним словом, полностью освоили помещение. Замечательно, что на илу перед самой хаткой, среди множества следов ондатры, были обнаружены отпечатки лап одинокого бобра. Странствуя, быть может, в поисках места для поселения, бобр зашел освидетельствовать пригодность пустующей квартиры и ретировался, найдя ее узурпированной непрошенными переселенцами, достаточно активными, чтобы отстоять свое завоевание.

Из других конкурентов бобра указывают обыкновенно на лося. Действительно, этот многочисленный по всему нашему очагу зверь охотно поедает и отчасти ломает столь любимые бобром заросли тальника. Этим он до известной степени суживает кормовую базу последних. Но поскольку повсюду в местности тальник имеет подчиненное значение в рационе бобра деятельность лося не может быть признана сколько-нибудь угрожающей.

РОЛЬ БОБРОВ В БИОЦЕНОЗЕ

Основой понятия о биоценозе служит утверждение того, что населяющие данный участок растения и животные находятся в постоянном взаимодействии, причем значение отдельных составляющих сожителство отнюдь не является равным.

Не подлежит сомнению, что в биоценозах, членом которых оказывается бобр, ему принадлежит одно из первых мест. Об этом говорят нам исключительные жизненные особенности бобра, позволяющие ему во всех случаях оказывать выдающееся влияние на окружающую природу.

Действительно, даже одиночный бобр, живущий в норе, не проявляя своих ирригаторских талантов, вырубкой потребного ему количества деревьев оставляет резко заметный след на окружающей растительности. На порубе создаются иные условия произрастания. Буйно поднимается разнотравье, сменяя скудный травостой, ютящийся под тенью крон, и создаются совершенно новые кормовые и защитные условия для многих организмов. Остатки лесорубной деятельности бобра тоже широко используются. Свежие, нежные части охотно употребляют зайцы и мелкие грызуны. Сваленные бобрами по осени березы и осины, особенно зимой, служат большим подспорьем для зайцев, причем почками пользуются еще рябчики и куропатки. Гниющие стволы и пни обусловливают удобство размножения многим видам беспозвоночных, особенно слизняков. Упавшие в воду стволы срезанных нашим дровосеком деревьев и обглоданные остатки кормовых запасов составляют не малый процент лесного хлама, из которого складываются бесчисленные речные завалы. Одним словом, даже и в том простом случае деятельность бобра не может не вызвать существенных изменений в биоценозе.

Но несравненно в большей степени сказывается на ландшафте деятельность бобров в местах исконных поселений, на которых их своеобразные особенности проявляются в полной мере, где строятся их знаменитые плотины.

Прежде всего здесь, в результате подъема вод и образования иногда очень значительных прудов, происходит чрезвычайное переувлажнение почвы, что не может не сказаться изменением микроклимата местности. Вместе с тем усиленная роющая деятельность бобров в пруду создает обширный котлован и, с другой стороны, могучий вал плотины, а ниже многочисленные стоки прудовой воды изрывают поверхность. Долина речки в этом месте изменяется, создаются добавочные русла, намывы, происходит существенная смена рельефа. Размывы берегов в местах исконных бобровых местообитаний позволяют обнаружить кое-где остатки погребенных наносами бобровых плотин. Особо обращают на себя внимание эти следы на изгибах рек.

Глубоко перекрытые наносами, они могут оказаться фундаментом мысов, породивших излуцины. На бобровых речках многие изветвления, протоки, острова и т. д. есть несомненный результат прошлой деятельности этих грызунов, почему почвенное и геологическое значение их деятельности нельзя не признать весьма существенным¹.

Новые условия увлажнения сразу начинают оказывать влияние на растительность. Для деревьев, залитых водой разлившегося пруда, прежде всего заметно сокращаются возможности размножения, так как семена их гибнут, упав в воду. За ними хиреют и сами деревья, сначала хвойные, а потом и более влаголюбивые — лиственные. На заброшенных бобрами участках удается обнаружить остатки погибших некогда деревьев: преимущественно хвойных, лучше сохраняющихся, и далее лиственных (прочно и хорошо сохраняется береста). Наконец, свидетелями еще незакончившегося процесса служат держащиеся на корню мертвые стволы.

Вместо древесных сообществ возникают кустарниковые. Они далеко не те, какие в аналогичных случаях образуются на месте гари. Основное место занимает влаголюбивый тальник, его окружает буйное большетравье, главным образом из злаков и кипрея, развиваются осоки, образуется кочкарник.

Непосредственное влияние бобра на изменение растительности также может быть очень глубоким, что хорошо заметно на тальниках. В соседстве с бобрами они подвергаются систематической подрезке и кустятся гораздо более, чем свободно-растущие. Сверху тальник охотно обгрызается лосями, усердно посещающими эти уголья. Кусты дружно ветвятся, приобретают закругленные формы, и заросли становятся весьма трудно проходимыми.

Таким образом бобр как бы сам создает себе станции, «выращивая» необходимый ему тальник. Однако углубление изменений постепенно делает местность неблагоприятной для бобра, и они покидают излюбленное ранее уголье. Нельзя также не отметить влияние, которое оказывает бобр на растительность непосредственным истреблением избранных видов. В нашем местообитании это, как сказано, можно отнести к осине.

Изменения, внесенные бобром в природу, могут быть обратимыми и необратимыми. Именно, когда они не были особо значительными, есте-

¹ Особенно значительные изменения этого рода известны как результат деятельности бобров в Северной Америке. Так в посвященной этому зверю интересной статье В. Карра (426) бобр прямо характеризуется как первобытный мелиоратор страны.

ственные для данной местности растительные сообщества более или менее скоро вступают в свои права, поглощая следы бобровой деятельности. Наоборот, когда дело зашло далеко, изменения оказываются стойкими. В значительной степени результатом деятельности бобров нужно считать те труднопроходимые согры, которые так характерны для бобровых речек в местах основных поселений. В некоторых же случаях уничтожение древесного покрова влечет известное высыхание почвы и образуются значительные участки лугов.

История Кондо-Сосвинского бобрового очага дает не мало примеров, подтверждающих высказанные соображения. На некоторых, особо характерных мы остановимся. Обращают на себя внимание притоки р. М. Сосвы, находящиеся на территории заповедника, а из них Таты-Пандн-Еган, Порх-Еган и особенно Тать-Еган. Незначительные по своему протяжению, они кроме того представляют, как сказано, преимущественные удобства для бобров в верховьях. Имея ограниченное поле деятельности, бобры используют его весьма интенсивно, и следы их деятельности здесь очень глубоки. Например р. Тать-Еган. Вершина ее составляется двумя истоками. Правый, большой, на всем пригодном для бобров протяжении ныне не имеет постоянных поселенцев — бобров, только в самом устье имеются две поддерживаемых плотины. Зато вся река представляет собою арену прошлых бобровых поселений. Целая система бывших прудов; разрушенных, размывтых и погребенных плотин; множество старых русел. А главное — обширное пространство вдоль реки, лишенное леса, о былом существовании которого свидетельствуют только более или менее старые остатки деревьев. Здесь шаг за шагом можно проследить смену бобрами участков и последующие изменения ландшафта. И тут же рядом, на маленьком левом истоке, организовалось новое, мощное поселение бобров. Устроена огромная, прочная плотина, с добавочными — выше по течению. Высоко поднявшаяся вода заново затопила обширный участок свежего леса, в котором преобладает береза, эксплуатируемая бобрами, так сказать, на месте. Будущие исследователи местных бобров имеют здесь великолепную возможность проследить воочию все грядущие изменения.

Заслуживают внимания и особенности русла р. Потлоха. В месте основных поселений на этой реке целый ряд островков и протоков возник заново, в результате преграждения реки плотинами, ныне уже заброшенными, но вполне еще различимыми во всех деталях.

Замечательны единственные собственно в заповеднике естественные луга в устье р. Уха — исконном местообитании бобров, обязанные этим зверькам своим происхождением.

В части обратимых изменений немало интересного дает нам р. Нюрух. Эта ныне опустевшая река когда-то была густо заселена бобрами. Однако пригодная для их жизни на всем протяжении, она в то же время слишком велика для устройства плотин. Поэтому приречная тайга быстро поглощает следы исчезнувших бобровых поселений, которые можно еще обнаружить повсюду. Впрочем, нужно отметить, что в низовьях р. Нюруха имеются довольно заметные, хорошо изолированные мыски, совершенно лишенные древесной растительности, на которых удается обнаружить многочисленные старинные бобровые пни, свидетельствующие о том, что не более двух — трех десятков лет назад (а иногда и много меньше) они были заняты густыми березниками.

В отношении роли бобров в росте числа и увеличения мощности речных завалов особенно выделяется р. Ух, а также р. Есс. Одним словом, эта тема могла бы послужить неисчерпаемым материалом для детальных исследований вопроса о влиянии бобров на ландшафты.

Необходимо остановиться вкратце на той перестройке, которую влекут изменения, внесенные бобрами в растительность, в мире животных — обитателей бобровых стаций.

Замена глухой и темной черни открытыми, хорошо освещаемыми кустарниково-болотистыми местообитаниями заметнее всего сказывается на пернатых, в сторону обогащения их видового состава и плотности населения. Кусты наполняются многочисленными пеночками, славками, мухоловками, овсянками. Становятся обычными дрозды. На травянистых участках, если они обширны, появляются черноголовый чеканчик и луговой. В большетравье у кустов нередки варакушки. В чаще становится слышимым соловей-красношейка. В гнездовое время обращает на себя внимание обилие кукушек, привлекаемых многочисленными гнездами певчих птиц. На прудах становятся обычными чирки, кряквы, гоголь. Появляются и другие утки, в целом, отметим, очень малочисленные по таежным речушкам.

Укажем, что выявленное влияние деятельности бобра на фауну пернатых отмечается не только в отношении данного очага. В Норвегии, например (386), установлено, что появление в местности успешно расселяющегося в этой стране бобра сопутствует появлению чирков на прудах и дроздов в окрестных лесах. Последнее наблюдение констатирует косвенное, более глубокое влияние, оказываемое на биоценоз внедрением в него наших грызунов, и лишний раз подчеркивает интерес и важность явления.

Охотно поселяется на этих стациях лось. Их часто посещает медведь. Нередкость здесь встретить и оленей. Значительно увеличивается количество мышевидных, вместе с тем чаще начинают навеваться росомаха, лисица, поселяются горностаи и ласка.

В то же время мы уже не встретим здесь типичных таежников, как соболь и белка, рябчик, кукушка и т. п., но синехвостка — эта заядлая обитательница самых глухих уголков приречной черни — удерживается все же кое-где по уцелевшим, возвышенным участкам хвойных.

Таким образом и в этом направлении результат деятельности бобров сказывается сильно и своеобразно и заслуживает большого внимания.

В целом мы видим, что в отношении проявлений деятельности бобра особенно оправдывается утверждение Ф. Энгельса, который говорит: «Животные, как уже было вскользь упомянуто, изменяют своей деятельностью внешнюю природу так же, если и не в той же мере, как человек, и эти совершаемые ими изменения окружающего оказывают, как мы видим, обратное влияние на виновников этих изменений» (204, стр. 459).

Выдающийся интерес и большое практическое значение имеет выяснение вопроса о том, какое влияние на бобра оказывает изменение биоценозов, членом которых он состоит, происходящее стихийно или под влиянием человека.

Основным из мыслимых явлений этого рода должны считаться изменения режима водоемов и уничтожение лесов.

Последнему фактору некоторые авторы (137, 79) придают значение причины исчезновения бобров. Несомненно, для Европы и некоторых южных частей Сибири — Бараба, Иртыш между Омском и Семипалатинском, Казахстан и т. п. — уничтожение древесной растительности, как неперемного условия обитания бобра, играло ведущую роль в исчезновении этих грызунов (возможно не прямо, а через посредство большого облегчения промысла зверя по мере изреживания лесов). В нашем же районе, как и по всему северу Сибири, об исчезновении или даже изреживании лесов говорить не приходится. Однако несомненно, что на бобров так или иначе должны влиять коренные изменения

древесной растительности, которые вызываются лесными пожарами, а ими в тот или иной промежуток времени был охвачен, как сказано, каждый участок сибирской тайги. Нужно сказать, что поскольку лесными пожарами наименее посещается приречная полоса — единственно важная для бобров, последние находятся в этом отношении на одном из выгодных мест среди обитателей тайги. Более того, известно, что меньше других выгорают лиственные насаждения и притом в результате палов кустарники, и за ними лиственные породы иногда на длительное время сменяют ассоциации хвойных. Таким образом лесные пожары могут вызвать благоприятные изменения условий для животных — потребителей лиственных древесных кормов. И мы видим, что в результате выгорания больших участков хвойной тайги, вызывающих исчезновение типичных обитателей этих угодий, как соболь, и сокращение белки, размножается и расширяет свой ареал лось и тетерев, изменяет вместе с тем северную и восточную границы козуля и куница. Особенно хорошим примером сказанного служит процесс заселения русскими переселенцами бассейна р. Тавды, который сопровождался выгоранием огромных площадей соболиных угодий с последующей сменой растительного и животного населения местности. Для бобра эти изменения непосредственного значения не имеют, за исключением случаев радикального улучшения кормовых условий; пример мы видим на р. Нюрухе. Как отражается на поголовье бобра изменение в худшую сторону водного режима рек необходимо в ближайшие годы проследить на примере бассейна р. Конды, о чем мы уже говорили.

Выше мы рассмотрели два случая вмешательства человека в жизнь местных биоценозов, а именно опыты акклиматизации ондатры и американской норки. Оба они вплотную касаются бобра и оба же несомненно отрицательны для него. Фактов положительного вмешательства человека в жизнь бобровых биоценозов, например в форме посадки кормовых растений, о чем немало было говорено, мы не имеем, да и большой надобности в таковых на сей день не ощущается.

КОЛИЧЕСТВО БОБРОВ В КОНДО-СОСВИНСКОМ МЕСТООБИТАНИИ И КОЛЕБАНИЕ ИХ ЧИСЛЕННОСТИ

Для всякого хозяйства, в том числе и заповедного, основой является точный учет количества хозяйственных объектов, начиная с главнейших. В Кондо-Сосвинском местообитании, в одноименном заповеднике, и прилежащих ПОС (производственно-охотничьих станциях) бобр служит ценнейшим из объектов и работа с ним, а в первую очередь тщательный учет, есть основная задача хозяйства.

Известно, какие трудности представляет учет диких животных, тем более на больших, слабо освоенных территориях. Однако бобр представляет собою исключение. Это зверь почти оседлый, оставляющий в местах своего пребывания совершенно четкие следы в виде пней и погрызов, не говоря уже о тропах, лазах и, наконец, всевозможных сооружениях, не могущих не бросаться в глаза каждому. В то же время количество заготовленного на зиму корма позволяет в достаточной степени точно судить о численности бобров в данной зимовке. Следы резцов допускают даже возможность делать заключения о возрастном составе дровосеков. Наконец, и это особенно относится к нашему местообитанию с его белыми ночами (62—63° с. ш.), всегда возможна проверка наличия бобров непосредственным наблюдением со сторожевого пункта.

Нельзя, конечно, не отметить физические трудности, предстоящие учетчику бобров в описываемой местности. Итти приходится берегами

крайне извилистых речек, таща на себе котомки с предметами первой необходимости. Даже на тех, в общем редких участках, где берега крепки и проходима, приходится на каждом шагу преодолевать препятствия из валежника, кустов, размывов и т. п. Но большая часть пути пролегает по берегам мягким, заболоченным, заросшим высокой травой, предательски скрывающей ямы и колдобины. Особенно трудна бывает дорога через «калтусы» — «согры», сильно заболоченные участки приречной чащи, тем более, если она состоит из тальников. При отсутствии населенных пунктов, особенно таких, где можно пополнить запас продуктов, невозможность иного транспорта летом, кроме спины носильщика, создает серьезные, специфические затруднения с питанием и лагерным оборудованием, которыми приходится довольствоваться в минимальных дозах. Такие переходы, по необходимости многодневные, доступны только людям физически крепким, требуют навыка и закалки. Впрочем, нужно сказать, какая же из таежных исследовательских работ лишена препятствий и похожа на прогулку в парке? Трудности не умаляют преимуществ, которые представляет бобр для учета в сравнении со всеми другими млекопитающими, а человеку, который боится тайги, не следует, конечно, и браться за подобные задания.

Методика учета бобров, которой пользовался Кондо-Сосвинский заповедник, изложена в инструкции, составленной коллективом научных работников под руководством и при участии заведующего научной частью (приложение № 3). Сущность ее заключается в следующем. Ответственный учетчик с помощником проходит по речке от устья до вершины или обратно от самых истоков, следуя всем извилинам реки и не удаляясь от берега. При наличии большого опыта обоих работников допускается «срезание мысов», т. е. со стороны выгиба реки учетчик переходит мыс у основания напрямик, чем очень экономятся сила и время. При прохождении тщательно отмечаются все следы деятельности бобров, научиться различать которые, даже среди травы и кустов, не представляет большого труда. Заготовки данного года обследуются особо, причем подсчитываются и промеряются все срезанные и начатые деревья, а заготовки кустарников определяются на глаз. Особо осматриваются затопленные запасы и определяется ориентировочно их объем. Собранные данные служат основой для определения количества бобров в гнезде из расчета 8—9 срезанных деревьев (с учетом заготовки кустов) на одного бобра, причем принимается во внимание и время учета. О наличии и возрастном составе бобра судят дополнительно по размерам резцов, следы коих рассматривают и измеряют на погрызах. Осматриваются также следы, учитывается число лазов и, по мере возможности, производятся непосредственные наблюдения над животными. Совокупность этих данных позволяет затем с известной степенью точности подсчитать зверей.

При учете бобров рекомендуется соблюдать большую осторожность, но в заповеднике допускались в этом отношении прекурьезные преувеличения, отраженные отчасти даже в прилагаемой инструкции. Запрещалось производить малейший шум, громко разговаривать вблизи гнезд, производить промеры предписывалось в полном молчании, не перекликаться через реку, не останавливаться ближе, чем за километр от гнезда, и прочие вздорные мелочи, чисто ритуального характера. На выработке всех этих правил отразилось убеждение аборигенов, очеловечивающих бобра, в сверхъестественных его способностях, о чем будет сказано ниже. На самом же деле бобр ничуть не более пуглив, чем всякий другой зверь. В этом убеждают нас как приведенные выше наблюдения, так и литературные данные, особенно последняя работа Л. В. Ша-

пошникова (389, стр. 179)¹. Без сомнения, названная примитивная методика, в целом перенятая из опыта аналогичных работ других организаций, не вполне удовлетворительна. Укажем хотя бы на то, что волей-неволей посещение гнезд происходит в разное время с амплитудой более месяца, при этом и запасы бобров застигаются в разной стадии готовности, что влечет ошибки в суждении о количестве зверей. Заключение по сумме данных, каждое из которых не лишено условности, требует большого опыта от работника, а главное во всяком случае весьма субъективно, то есть не вполне надежно и затруднено к проверке.

Не подлежит сомнению, что дело учета бобров в пределах местообитания в целом, а в заповеднике, естественно, в первую очередь, поднимется на должную высоту только тогда, когда вместо эпизодических (посещений, происходивших до сих пор, учет станет повседневной работой определенных лиц, коим будет вменено в обязанность следить за некоторой группой гнезд, а в них за каждым бобром. Для этого, по проекту автора данных строк, заповедник должен быть разбит на секторы по числу кордонов охраны, причем в каждый сектор должны войти определенные бобровые речки, а в них точное количество бобровых гнезд. Последные, согласно присвоенным им номерам и учетному количеству бобров, должны быть закреплены за определенными наблюдателями охраны, на которых и должна лежать вся ответственность за учет и охрану зверей. Общий же контроль за учетом поголовья и колебанием численности должен осуществляться научным работником, специалистом по бобру, в работе которого данный раздел должен быть основным. Только с проведением этих первоначальных мероприятий можно будет серьезно говорить об организации бобрового хозяйства.

История учетов бобра Кондо-Сосвинского очага не длинна. Первый из них был сделан В. В. Васильевым во время обследования им местности в 1927—1928 г. Учет этот сам автор называет «теоретическим» (исходя из ряда источников, мы должны назвать его, как и все почти обследование, «опросным»); охвачено им было почти все местообитание. С момента организации заповедника учетов было только три: в 1933, 1937 и 1940 г. (не считая отрывочных «обследований» на отдельных речках, которые производили в двух — трех случаях неподготовленные для этой цели сотрудники охраны). При этом в 1933 и 1937 г., несмотря на многочисленные подготовки, территория заповедника обследовалась только отчасти. В известной степени причиной этому было то, что силы, и без того недостаточные, были нерасчетливо распылены по всей территории, где можно было ожидать бобров, почему цель и не могла быть достигнутой. Наиболее полным, оставившим неохваченным ничтожный процент речек, был учет 1940 г., давший единственно достаточные материалы.

Сколько бобров в Кондо-Сосвинском заповеднике? Мы ставим этот вопрос так узко потому, что, к сожалению, не можем даже задавать его в отношении очага в целом. Но, увы, и в отношении указанной части местообитания, на которой бобром специально занимаются более 10 лет, такой кардинальный вопрос остается без должного ответа. Более того, вокруг него громоздилось множество самых неопределенных слухов и противоречивых данных. Принимая во внимание особую важность воз-

¹ Приведем характерное высказывание А. И. Лоначевского, давшего в свое время интересную статью о бобрах Приднепровья (191, стр. 7). Бобры «не стесняются соседством человека. Их не разгоняет ни стук колес по шоссе, ни звон почтового колокольчика, ни грохот поезда, ни свистки паровоза, ни крик людей на соседнем покосе».

возможного уточнения требуемой цифры, придется разобраться с ней подробно.

Каковы источники сведений о бобрах заповедника? Вплоть до 1940 г. они целиком и полностью исходили от бывшего директора заповедника В. В. Васильева, имевшего в личном распоряжении все сведения о бобрах. При этом единство источника должно было бы породить единство сведений, однако, действительность показала иное.

Первые цифровые данные о бобрах Кондо-Сосвинского очага даны В. В. Васильевым после обследования 1926—1927 гг. Он определил количество их в 788 штук (см. 60 и др.). Должен отметить, что, проверив, насколько было возможно, эти данные в 1940—1941 гг., особенно распросами тех же туземцев, которые давали сведения и В. В. Васильеву, я пришел к заключению, что опрос был сделан тщательно, и, если не считать ошибочного утверждения о том, что бобров «определенно нет на Тапсуе» (59), цифра эта, вероятно, была близка к действительности. Однако В. В. Васильев нашел нужным снизить ее до 300 штук (60), и эта магическая величина осталась центральной в суждении о бобровом поголовье вплоть до 1940 г. Триста голов фигурируют у С. Северцова (300, 1929 г.), Г. Л. Граве (85, стр. 93, 1931 г.), у А. В. Федюшина (368, стр. 81, 1935 г., впрочем, тут же говорится и о 700 бобрах!), С. А. Куклина (180), В. Е. Ушакову (366) и у многих других. Эту же цифру приводит в своей заметке В. Н. Скалон (323), написавший ее по согласованию с директором В. В. Васильевым и специалистом по бобру. Однако в примечании к заметке редакция журнала указала, что по имеющимся у ней сведениям, вышедшим из заповедника, бобров на его территории 700 штук, и поставила в вину автору его неосведомленность.

Как уже сказано, в литературе нет единства мнения о количестве бобров Кондо-Сосвинского заповедника. Именно, в заметке В. В. Васильева (59) мы, кроме принятой им цифры 300 голов, находим 788 и 630, у П. В. Корша (161) точно 293, В. Е. Ушаков (366) дает цифру 700, С. А. Ку克林 (178) 400, В. Виноцкий (65) 500. Наконец, В. Н. Макаров (200) в 1940 г. авторитетно сообщил, что бобров в заповеднике «более 500 штук».

Ближайшее ознакомление с ведомственными материалами дает еще более путаное представление о количестве бобров в заповеднике. В различных документах, выписки из которых приведены в приложении № 4, размеры поголовья определяются по-разному: 300—350 шт. (№ 1), 410 шт. (№ 4), 373 шт. (№ 6), 400 шт. (№ 8), 300 шт. (№ 12). Более того, в одном случае приводимые цифры относятся к территории заповедника собственно, в другом — к водоразделу р. Конды и р. М. Сосвы. В то же время никаких документов подлинного учета, при помощи которых можно было бы установить хотя бы происхождение той или иной цифры, в архиве заповедника не обнаружено вовсе.

Об имевшихся преувеличенных представлениях о численности бобров свидетельствует одно из положений рецензии А. М. Колосова на работу Л. В. Шапошникова о результатах реакклиматизации речного бобра в 1941 г. (Сборник рецензий ПЛБ 1941 г.): «Большая численность бобров на Северном Урале, дающая ежегодный прирост в 400—500 особей, заставляет поставить вопрос о хозяйственном использовании этого поголовья».

Совершенно иную картину дает упомянутая работа «Речные бобры и соболи в Кондо-Сосвинском государственном заповеднике». В главе, посвященной учету и динамике численности бобра, мы находим, наконец, подлинные цифры учета по речкам (табл. 3). И что же? Оказывается, в 1933 г. учтено на территории заповедника 207 и в 1937 г. 150 го-

Результаты учета бобров на речках Кондо-Сосвинского заповедника
в 1933, 1937 и 1940 гг.

№ п/п.	Наименование рек	1933 г.		1937 г.		1940 г.		Результат по отнош. 1937 г.		В % к 1937 г.
		Поселений	Бобров	Поселений	Бобров	Поселений	Бобров	Поселений	Бобров	
1. Система р. М. Сосвы										
1	М. Сосва	1	8	1	6	2	10	+1	+4	+167
2	Акрыш-Еган	2	16	2	5	?	4	—	—1	— 20
3	Таты-Панди-Еган	2	12	3	4	1	12	—2	+8	+200
4	Порх-Еган	—	—	1	4	1	12	±1	—3	+200
5	Тать-Еган	1	6	1	16	1	3	±1	—3	— 50
6	Потлох-Еган	2	8	—	—	2	5	+2	—3	—37,5
7	Него-Сапр-Еган	1	4	—	—	—	—	—	—	—
8	Б. Онжас	1	4	2	5	—	—	—2	—5	—100
9	М. Онжас	1	4	1	5	—	—	—1	—5	—100
10	Вай	1	12	—	—	—	—	—1	—12	—100
11	Шюлишпиль-Еган	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	Ем-Еган	—	—	—	—	—	—	—	—	—
13	Тугр	—	—	—	—	1	4	+4	+4	—
14	Сорем-Пузе	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15	Самза	—	—	—	—	—	—	—	—	—
16	Унштыхын-Еган	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	Панден-Еган	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Итого	—	74	—	45	—	50	—	—	—
2. Система р. Конды										
1	Конда	3	22	2	6	2	8	±2	+ 2	+33,4
2	Адем-Немп-Еган	1	2	1	4	1	2	±1	— 2	—50
3	Пурдан	7	36	3	9	2	10	—1	+ 1	+11,1
4	Хаш	4	16	1	3	1	2	±1	— 1	—32,5
5	Наг	—	—	1	3	—	—	—1	— 3	—100
6	Нюрех	мно- го (!)	—	1	4	1	3	±1	— 1	—25
7	Вырьс	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8	Каван	—	—	1	2	?	?	—	—	—100
9	Картопя	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Ух	2	4	11	26	10	54	—1	+28	+17,7
11	Есс	12	49	16	46	13	32	—3	—14	—30
12	Него-Супр-Еган	1	2	1	2	1	2	±1	± 2	—
13	Яны-Вой	1	2	?	?	1	2	+1	+ 2	—
14	Мань-Вой	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Итого	—	133	—	105	—	115	—	—	—
	Итого	—	207	—	150	—	165	—	—	—

Сравнение результатов учета бобров в Кондо-Сосвинском заповеднике
в 1933, 1937 и 1940 гг.

№ п/п.	Наименование рек	1933 г.		1937 г.		1940 г.		Результат		В % к 1937 г.
		Кол-во бобров	Уд. вес	Кол-во бобров	Уд. вес	Кол-во бобров	Уд. вес	+	-	
1. Система р. М. Сосвы										
1	М. Сосва	8	16,0	6	18,7	10	34,5	2	—	+25,0
2	Акрыш-Еган	16	32,0	5	15,6	4	13,8	—	12	-75,0
3	Таты-Панди-Еган . . .	12	24,0	4	12,5	12	41,4	—	—	100
4	Тать-Еган	6	12,0	6	18,7	3	10,3	—	3	-50,0
5	Б. Онжас	4	8,0	5	15,6	—	—	—	4	-100
6	М. Онжас	4	8,0	6	18,9	—	—	—	4	-100
	Итого . . .	50	100	32	100	29	100	2	23	-42
	В % к 1933 году	100	—	64	—	58	—	—	—	—
2. Система р. Конды										
1	Конда	22	16,8	6	6,4	8	7,3	—	14	-63,6
2	Адем-Немп-Еган . . .	2	1,5	4	4,3	2	1,8	—	—	-100
3	Пурдан	36	27,5	9	9,2	10	9,1	—	26	-72,2
4	Хаш	16	12,2	3	3,2	2	1,8	—	14	-87,5
5	Ух	4	3,9	24	25,5	54	49,1	50	—	-1350
6	Есс	49	37,5	46	49,2	32	29,1	—	17	-34,7
7	Него-Супр-Еган . . .	2	1,5	2	2,2	2	1,8	—	—	-100
	Итого . . .	131	100	94	100	110	100	50	71	-16,1
	В % к 1933 году	100	—	71,7	—	83,9	—	—	—	—
	Поголовье без р. Уха	127	100	70	54,3	56	43,2	—	-72	-56,8
	Всего по двум системам	181	100	126	69,6	139	76,8	—	42	-23,2
	Всего без р. Уха	177	100	102	57,6	85	48,1	—	92	-51,9

лов бобра! Правда, в начале главы авторы говорят, что к этим цифрам, по их мнению, следует прикинуть еще столько же, чтобы общее количество стало равным 300 головам. Тогда-де получится та цифра, которую В. В. Васильев определил в 1928 г. Авторы убеждены в том, что эти манипуляции докажут центральное положение работы с бобром в заповеднике за все прошлое время, а именно, что поголовье «стабилизировалось!» Нужно ли говорить, что утверждение о полной неизменности поголовья зверей за 12 лет вообще абсурдно. Но этого мало, в данном случае идет разговор о животных, которые в течение 12 лет обитали в условиях полной заповедности. Каким же путем могла получиться «стабилизация»? Какие силы сделали невозможным естественный и неизбежный прирост стада? Если же имели место некие роковые влияния, то почему не начало подверженное им стадо деградировать?

Когда в начале 1940 г. было выяснено полное неблагополучие со сведениями о бобрах, стала очевидной необходимость немедленных мероприятий по организации учета бобров в заповеднике в ближайшем же сезоне. Энергичными мерами удалось, преодолевая множество затруднений (финансовых и особенно организационных), провести осенью 1940 г. семью партиями учет бобров в заповеднике почти по всем его речкам.

Каждый из руководителей партий в своем отчете сам определял количество учтенных им бобров, но общий подсчет и заключение о размерах поголовья по всем отчетам было поручено З. И. Георгиевской, как ответственному исполнителю темы по бобру. Последняя делала свои расчеты под руководством и при участии В. В. Васильева.

Результаты ее исчислений отображены в табл. 3 графа 1940 г.

Поголовье бобров в заповеднике, по учтенным осенью 1940 г. речкам, оказалось равным 168 экземплярам. Так как немногие особи остались и в этот раз неохваченными учетами, можно думать, что на них еще скрывается некоторое количество бобров, но по самым оптимистическим предположениям оно никак не превышает 20—30 штук. Таким образом всего в заповеднике обитает не более двухсот голов бобра.

Для суждения о движении численности бобров в заповеднике мы располагаем материалами учета 1933, 1937 и 1940 гг. К сожалению, в целом они несравнимы, так как обследованию подвергались не одни и те же реки. Однако даже выборочное сопоставление (табл. 4) дает очень много.

Именно, взяв 1933 г. как исходный за 100%, мы находим, что поголовье бобров в заповеднике снизилось по системе р. М. Сосвы на 42%, по системе р. Конды на 16,1%, а всего по обеим системам на 23,2%. Иными словами, мы имеем перед собой катастрофическое падение поголовья.

Еще более угрожающий характер принимают эти данные, если мы их рассмотрим, исключив бобровое стадо р. Уха,— единственной из речек заповедника, которая показала здоровый, теоретически обязательный для всех рост поголовья. При этом падение численности бобров по системе р. Конды оказывается равным 56,8%, а по обеим системам — 51,9%.

Иными словами, результаты учета показали, что за 6 лет (с 1934 по 1939 г.) стадо бобров заповедника сократилось вдвое, т. е. находится в состоянии резкой деградации.

Исходя из материалов прошлого, заведующий научной частью заповедника еще в июне 1940 г. поставил перед центром вопрос о явном неблагополучии с бобрами в заповеднике, а затем дважды возвращался к этому вопросу в докладных записках об угрожающем состоянии бобрового поголовья. Однако фактическая проверка этих заключений превзошла все ожидания. Выяснившееся печальное состояние бобров в запо-

веднике тем показательнее, что на прилежащих к нему угодьях ПОС поголовье бобров, по собранным различным сведениям, увеличивается!

Но обратимся к разбору данных учета по отдельным речкам, что необходимо на пути к выяснению причин описанного явления.

Бассейн р. М. Сосвы. Р. Ем-Еган, самый крупный из ее притоков. Бобров на нем нет «уже давно». Однако ряд данных позволяет говорить о том, что они были истреблены здесь браконьерами уже в бытность заповедника. Сама река в ряде участков для обитания бобров вполне пригодна, а местами благоприятна. В 1940 г. на вершине одного из ее притоков р. Тугра было обнаружено поселение в 4 бобра, которого не было в 1933—1937 гг. Значит, бобры вновь способны осваивать речку, на которой их незадолго до того истребили, — яркий пример полной жизнеспособности местного стада!

Выше — р. Онжас (с притоками р. М. Онжас и р. Вай). До отлова бобров 1937 г. была главной из бобровых рек М. Сосвы. После отлова опустела совершенно, что было доказано обследованием З. И. Георгиевской летом 1940 г. Быть может, как предположила позднее З. И. Георгиевская, бобры есть еще в истоках Онжаса, но если это и так, факт опустошения речки отнюдь не меркнет, ибо З. И. Георгиевская дошла до пределов, выше которых исследователи вообще не поднимались и в которых после отлова должно было оставаться более 20 бобров, не считая приплода.

За р. Онжасом: р. Потлох и р. Тать-Еган, на которых поголовье медленно сокращается. Наконец, реки Порх-Еган, Таты-Пандн-Еган, Акрыш-Еган и верховья самой р. Сосвы. Все они, кроме Акрыш-Егана, дают повышение против 1933 г., но против 1937 г. «стабилизированы» (обследование этих рек проводил в 1940 г. В. В. Васильев).

Система р. Конды. Сама р. Конда, давая небольшое повышение в сравнении с 1937 г., показывает значительное запустение против 1933 г. Такую же картину мы имеем на р. Пурдане. Р. Нюрух, некогда славившаяся изобилием бобров (следы пребывания их на ней видны повсюду, вплоть до истоков), сохранила только одно поселение, на устье. Р. Есс — главнейший из притоков верхней Конды — также знаменитая обилием бобров, дает резкое снижение поголовья.

Особняком стоит только р. Ух. Она имеет повышение численности бобров против 1933 г. слишком в 10 раз и против 1937 — в два раза. Притом все три обследования производили на нем лица, знающие бобров, в том числе в 1937 г. З. И. Георгиевская, а в 1940 г. М. М. Овсянкин.

Несомненность деградации бобрового стада в заповеднике особенно бросается в глаза после рассмотрения табл. 5, показывающей изменение количества бобров внутри поселения за истекшее время.

Равное в 1933 г. 5,6, оно скатывается в 1937 г. до 2,4 и немного лишь поднимается до 3,8 в 1940 г. Снижение это особенно важно отметить потому, что оно обуславливается главным образом повышением числа бобров одиночек. Если вспомнить условия общения бобров между собою по речкам данного района, а особенно очевидную невозможность встречаться в этих условиях в период гона, приходится говорить о том, что данные материалы заставляют считать деградацию стада отчасти уже необратимой.

Можно ли считать обнаруженное явление результатом длительного векового процесса? Совершенно очевидно, что к этому нет никаких оснований. В течение весьма длительного периода, от времен древних и вплоть до обследований В. В. Васильева, территория очага сохраняла достаточную плотность бобра. Опрошенные старейшие промышленники

Движение численности поселений бобров в Кондо-Сосвинском заповеднике за 1933, 1937 и 1940 гг.

№ п/п.	Наименование речных систем	1933 г.			1937 г.			1940 г.		
		Колич. речек	Колич. посел. бобров	Колич. бобров	Колич. речек	Колич. посел. бобров	Колич. бобров	Колич. речек	Колич. посел. бобров	Колич. бобров
1	Мало-Сосвинская . .	9	12	74	7	11	36	10	10	50
2	Кондинская	9	26	141	10	38	80	10	33	115
	Итого . . .	18	38	215	17	49	116	20	43	165
	Количество бобров в среднем на 1 поселение . . .	—	—	5,6	—	—	2,4	—	—	3,8

единогласно утверждали, что известные им с детства бобровые речки Неоскудевали, а если количество зверей на них и не выходило из некоторого предела, то причиной тому был непрекращающийся промысел. Стадо в первоначальные подсчеты В. В. Васильева (788 бобров!) заставляет признать эти показания обоснованными. Притом в пользу этого же говорит выясненная выше большая устойчивость границ очага. Оставив пока определение коренных причин существующего положения кондо-сосвинских бобров, подчеркнем несомненность одного вывода: приведенное к деградации стада падение численности зародилось и протекло после организации заповедника.

РАССМОТРЕНИЕ КОНДО-СОСВИНСКОГО МЕСТООБИТАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БЛАГОПРИЯТНОСТИ ДЛЯ ЖИЗНИ БОБРОВ

Убедившись в катастрофическом положении бобров Кондо-Сосвинского очага, которое было окончательно установлено обследованием 1940 г., мы должны сделать попытку подвести итог сказанному выше об условиях, в которых живет бобр в данной местности, иначе рассмотреть Кондо-Сосвинское местообитание с точки зрения благоприятности для жизни бобров.

Разберемся в этом вопросе по порядку.

1. Географическое местоположение. Окинув взором очерченные выше границы былого распространения бобра в Сибири, мы можем заметить, что Кондо-Сосвинское местообитание лежит близ северной его периферии. При таком положении очевидно, что физико-географические условия его не только не оптимальны, но находятся близко к пессимуму, определяющему самую возможность обитания бобра в высоких широтах.

2. Белые ночи. Вполне возможно, что они играют отрицательную роль в жизни бобра, так как лишённые покрова ночной тьмы бобры, очевидно, делаются более уязвимыми для врагов. Во всяком случае это относится к преследованию человеком, ибо, как мы увидим ниже, единственный способ охоты на бобров, применяющийся на р. Конде — «тормование», построен именно на использовании белых ночей.

3. Климат. Уже то небольшое, что мы знаем о климате этих мест, заставляет считать его отнюдь не наилучшим для наших грызунов. Один из существенных моментов в этом отношении есть слишком длительное время покрытия водоемов льдом; при этом бобру приходится тратить чересчур много времени и труда на заготовку кормов. Опасность усугубляется возможностью промерзания отдельных водоемов до дна, что грозило бы гибелью животных по причине хотя бы вмерзания в лед корма. Е. С. Жбанов (отчет, гл. 4) считает так же, что продолжительные весенние холода, столь характерные для данной местности, крайне отрицательно влияют на выживание молодняка. Он подтверждает свое мнение рядом наблюдений, и оно представляется обоснованным.

4. Рельеф. Если, как указано выше, в условиях нашего местобитания бобры проявляют известное безразличие к рельефу, то это касается данного, крайне разреженного поголовья. Сказанное вполне понятно, если учесть, что успех заготовки кормов на зиму, требующий огромной затраты труда, обуславливается возможностью транспорта. В местах благоприятных бобры сами обеспечивают себе необходимые для этого условия, воздвигая плотины, создавая каналы и т. п.; достаточный эффект эта работа может дать только в равнинной местности. На участках же с изрезанным рельефом и узкими долинами бобру приходится приспосабливаться только к тому, что имеется, а этого не всегда бывает достаточно. Поэтому в подобных районах бобры выбирают для своих основных поселений лишь подходящие, ровные, пониженные участки. При этом таковые оказываются обычно только на вершинах и занимают ничтожный процент площади. Следовательно, самая возможность массового размножения и плотного расселения бобров в таких местностях ограничены. Прекрасным примером сказанного служат правые притоки р. М. Сосвы в пределах заповедника, особенно рек Тать-Еган, Потлох и Него-Супр-Еган, которые орошают едва ли не самый изрезанный и возвышенный участок Западносибирской низменности. Таким образом и в этом отношении данная территория не является наилучшей.

5. Химический состав воды. В делах заповедника имеются рассуждения о том, что неблагоприятие его бобрового стада зависит от возникшего изменения химической структуры воды и от явления замора. Такое мнение не подтверждается решительно ничем и лишено правдоподобия. Прежде всего ничем не доказано появление каких-либо изменений в этом смысле. Да и появившись они, познать их было бы нельзя, так как изначального состава местных вод никто никогда не исследовал. Столь же беспочвенна ссылка и на замор. Изучение прошлого распространения бобров в Сибири показывает, что они использовали водоемы с разнообразнейшим составом вод как черные, отравленные гуминовыми кислотами илистые воды речек бассейна средней Оби, так и кристально чистые струи горных притоков р. Енисея. Да и в самом заповеднике бобры не делают ровно никакого различия между заморными и незаморными речками. Этот воображаемый фактор мы должны просто отбросить.

6. Корма. Этот вопрос относится к числу наиболее существенных. Щедро рассыпанные в материалах заповедника жалобы на недостаток кормов, тем более ссылки на него, как на причину неблагоприятия стада, не имеют под собой никакой научной базы, так как никто ранее не изучал запасов бобрового корма на интересующей нас территории. Личное знакомство с вопросом привело меня к твердому убеждению, что говорить что-либо об этом в отношении основного вида кормов — березы — совершенно нелепо. По всем речкам ежегодный прирост этого вида, даже в полосе полной досягаемости наших грызунов, безусловно

во много раз превышает потребности наличного стада бобров, а по многим водоемам запасы эти практически исчерпаемы. Другое дело однообразие и неполноценность кормов. Известно, что береза, которой главным образом питается наш бобр, малопитательна. В доказательство позволю себе привести таблицу ценности основных древесных кормов бобра, которую дает в своем отзыве на данную работу А. В. Федюшин.

Вид дерева	Крахмала	Сахара	Крахмальный эквивалент	Калорийность
	в %			
Гальник	0,82	7,78	13,9	26
Осина	0,24	3,48	5,8	14
Береза	0,15	2,29	3,8	9

Очевидно, что малая питательность основного корма вызывает необходимость очень большой его заготовки с излишней затратой труда и должна рассматриваться в числе неблагоприятных факторов очага. Но поскольку с таким составом кормов бобры мирились искони, нет никакого основания думать, что этот теоретически отрицательный фактор может влиять на стадо угнетающим образом. В целом положение по очагу в данном смысле вполне удовлетворительное и допускает многократное увеличение наличного поголовья.

7. Фауна врагов и паразитов. По убеждению аборигенов-промышленников у бобра нет серьезных врагов в местной фауне; мы же указывали выше на роль россомахи и случайную возможность опасности со стороны других зверей. Фауна паразитов местного бобра вовсе не изучена, но предполагать в ней что-либо особенное едва ли возможно. В целом положение в этом смысле можно было бы признать благополучным, если бы не вновь возникшая угроза со стороны опрометчиво вселенных в очаг ондатры и американской норки.

8. Доступность для человека. Кондо-Сосвинское обитание не представляет в этом отношении никаких решительно преимуществ в сравнении с любым из давно опустошенных очагов бобра. Р. Конда с притоками и вся р. М. Сосва доступны для лодок. Внутри территория пересечена тесами — тропинками. Каждый сколько-нибудь способный передвигаться по тайге человек во всякое время может без всяких проводников добраться до любого из поселений бобра. Поэтому, например, заявление В. Виноцкого (65) о том, что в данном очаге бобры сохранились по причине трудной доступности для человека мест их обитания, есть пример наивности горожанина.

В целом, в сравнении с другими районами Сибири, где бобры жили ранее, Кондо-Сосвинский очаг стоит на одном из последних мест по удобствам для обитания в них наших грызунов, и факт сохранения их здесь отнюдь не есть следствие каких-либо природных преимуществ.

Однако ни один из перечисленных выше неблагоприятных факторов, ни все они взятые вместе никак не могут быть признаны могущими повлечь деградацию, тем более гибель стада. Все они, не считая воздействия человека, относятся к числу вековых. Никаких изменений в них, за исторический по крайней мере период, по интересующему нас району неизвестно. Тем менее они сказались за последние десятилетия, а мы знаем, что данное местообитание, пройдя в сохранности через столетия, подверглось катастрофической деградации за какой-нибудь последний

десяток лет. Замечательно, что явление это совпало со временем, когда в силу организации заповедника появились все основания ожидать совершенно обратного.

Следовательно, природные условия очага достаточно хороши для поддержания стада в состоянии органического благополучия в течение неопределенно долгого времени. Они не препятствуют появлению нормального, полнокровного прироста стада, благодаря которому только и мог осуществляться ежегодный промысел, происходивший в местности. как будет видно ниже, с незапамятных времен до наших дней.

БОБР И ХОЗЯЙСТВО ЧЕЛОВЕКА

ПУШНО-ПРОМЫСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ БОБРА

Добытый бобр представляет для человека разностороннюю ценность. Шкура его, отличающаяся высокими качествами: красотой, прочностью, носкостью, издавна стояла одной из первых в ряду пушных товаров. Особое место в пушной торговле занимала пользовавшаяся постоянным спросом шерсть бобра, стоившая больших денег. Исключительное значение придавалось бобровой струе, составлявшей одну из главных приманок охотника; употреблялась она повсеместно и широко в медицине. Есть указания, что в аптекарской практике было употребление также бобрового жира (76, стр. 620). Зубы применялись золотильщиками для лощения (220, стр. 299). Наконец, мясо этого грызуна всегда считалось первоклассной пищей, занимавшей почетное место на пирах высокопоставленных особ; у некоторых народностей, например юраков, оно употреблялось в сыром виде (220, стр. 6).

Бобровые шкуры с древнейших времен представляли один из основных предметов вывоза из русской земли. Так, например, арабский историк Ибн Хардабех, писавший около 810 г., сообщает: «Что же касается до русских купцов — а они род славян,— то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы, и мечи из самых отдаленных (частей) страны славян к Румскому морю» (461, стр. 129).

Со времен «Слова о полку Игореве», в котором говорится о женской бобровой одежде: «омою бобрян рукав в Каяле реце» (124, стр. 38) и до наших дней из многих источников видно, что употребление бобрового меха на Руси для одежды, а главное на ее украшение и на шапки было повсеместным и широко распространенным.

Так, например, С. Герберштейн, бывший в Москве в 1516, а затем в 1525 г., говорит о москвитях: «Бобровые меха считаются у них в большой цене, и все одинаково имеют опушку платья из этого меха, потому что у него черный цвет и притом естественный» (453, стр. 96).

Пристрастием к этому меху объясняется большой ввоз бобровых шкур, имевший место, согласно данным И. Костомарова (164), еще в XVII в. Впрочем, впоследствии этот импорт в значительной части был лишь транзитом в Китай, куда в 1817—1819 гг. через Кяхту прошло не менее 19 000 шкур американского бобра (Брасс, по А. В. Федюшину, 368, стр. 268).

Интересно отметить, что украшение одежды бобровым мехом оказывалось в некоторых случаях традиционным для определенных групп населения, как знак отличия, подобно боярской соболиной шапке. Это видно, например, из указания Р. Маркова (203, стр. 330) на то, что тради-

ционной одежде) разбойничьего атамана Курской стороны с XVI в. и до Петровских времен был кафтан, «опушенный бобровым пухом».

Пристрастие к бобровому меху было распространено и у сибирских народностей. Например у бурят бобровый мех употреблялся на воротники шуб и халатов, а также на их оторочку; шились из него и шапки (С. П. Балдаев, личное сообщение). Как удалось установить, чрезвычайно ценились бобровые шапки также и у якутов, особенно склонных щеголять именно этой частью костюма.

Склонность к бобровым мехам монголов известна издавна. Так, Е. Зябловский в 1810 г. писал: «Калмыки и монгольцы охотно их покупают на опушку шуб, шапок, рукавиц и прочего» (460, стр. 216).

Ныне на р. Булган, где, как мы говорили выше, в пределах Монгольской народной республики уцелели бобры, у местных жителей встречаются бобровые шапки. Что же касается синьдзянских казахов с истоков р. Черного Иртыша, то для них бобровая шапка составляет предмет большого щегольства (опросные данные 1946 г.).

В Улан-Баторе в настоящее время бобровая шапка представляет нередкий и чрезвычайно ценный предмет роскоши и щегольства. Что же касается монгольской старины, то большой знаток ее Ринчен Бимбаев любезно сообщил мне следующее. На шлемах монгольских витязей, из древности и до новейших времен, обязательным считался султанчик из бобровой шкуры. У одного из монгольских князей он сам видел подлинный родовой шлем XVII в. с этим традиционным украшением.

Неудивительно, что большой и разнообразный спрос на меха должен был вызвать развитие и соответственной отрасли скорняжной промышленности. Действительно, несомненно очень старая, она была настолько крепка, что держалась до новейшего времени, очевидно почти исключительно на импортном бобре. Последнее явствует из данных Когана (по А. В. Федюшину, 368, стр. 268), который сообщает, что еще в 1912 г. в России было выделено до 10 000 штук импортного бобра.

В Западной Европе мясо бобра считалось одним из наилучших блюд. Особенно его ценило, как известно, католическое духовенство. Отчасти последнее объясняется тем, что бобр как водное животное признавался католической церковью постной пищей, благодаря чему мясо его успешно употреблялось в постах (А. В. Федюшин, 368, стр. 271). Впрочем, у К. Г. Гибеля (76, стр. 620) мы находим указание, что мясо бобра не вкусно, за исключением задних ног и хвоста.

На Руси мясо бобра исстари и повсеместно употреблялось в пищу, но православное духовенство решительно восставало против данного обычая и ставило этот грех одним из упреков еретикам-латинянам: «давлению ядыше и звероядину и мертвечину и кров, медвежину и веверину, бобровину и вся гнуснейшая сего» (Из послания епископа Никанора к Святославу от 1121 г., 13 стр. 76). Какое значение придавалось борьбе с поеданием всякой скверны показывает особый пункт в новгородском чиновнике XIV в. (13, стр. 76, примечание), ставившийся как вопрос исповеднику: «не ядал ли векшину или бобровину или конину в погани?». Данный факт убеждает нас в широком распространении употребления этой пищи и древности обычая.

Официально предосудительное отношение к мясу бобра русские принесли с собою и в Сибирь.

Любопытно отметить, что употребление бобровины в пищу сибирскими аборигенами, притом в сыром виде, обратило внимание русских людей с древнейших времен. Это видно из одного из первых письменных памятников о Сибири. Именно, в «Сказе о Сибирской земле», относящемуся к XVI в., говорится: «а платие носят соболие и еление, а едят мясо

еление да и собачину и бобровину сыру едят, а кровь пьют человечесью и всякую» (465, стр. 114).

Очевидно поедание бобровины, да еще сырой и наряду с собачиной и человечесьей кровью приводится как показатель непотребства «окаянных сыроядцев».

Это видно и из летописи Саввы Есипова, относящейся к концу XVII в. (221, Сибирская летопись, стр. 2): «в них же жителство имеют зверие различнии, овии подобнии на снадение человеком, овии на украшение и одяние ризное, да кийждо на снадения сия суть чиста, еже есть елень, лось, козел, заяц, а иже на одяния и украшение, еже есть лисица и соболь, бобр, росомаха, горностаи, белка и подобная сим».

Таким образом бобр и белка относились к нечистым животным, пригодным только на шкурку. Интересно, что в то же время заяц, который и поныне считается некоторыми из кержаков поганым, так как у него «собачья лапа», включен в список «чистых», съедобных животных. Впрочем, вероятно, что в известных слоях населения России заяц истари не считался поганым. Оправдание употребления его в пищу видели в следующем поверье, очевидно, очень старом, но до ныне живущем в Восточной Сибири. В споре на эту тему сторонники пригодности зайца для еды из числа сибирских старожилов, признавая его «собачью лапу», опираются на такой довод. Передние лапы убитого зайца складываются всегда крестообразно. Тем самым де он свидетельствует о том, что мясо его не погано, но определено в пищу человеку.

В наше время население Кондо-Сосвинского бобрового очага как русское, так и туземное считает бобра лакомым блюдом и не упускает случая им воспользоваться. Лучшей по вкусу частью считается хвост, но в пищу он употребляется почти исключительно русскими. Аборигены, как увидим ниже, давали ему другое употребление.

Центральное место в хозяйственном использовании бобра занимали все же меха. Неудивительно поэтому, что с давних пор была тщательно разработана сортность и расценка бобровых товаров. Одно из наиболее точных указаний на это дает нам Г. Ф. Миллер (216). Он сообщает, что бобры «бывают черные, карие и красноватые, к тому же различаются на «бобры», т. е. собственно взрослые бобры, «ярцы», т. е. годовалые бобры, и «кошлоки», т. е. молодые бобры». «Так как промысел бобров происходит осенью, незадолго перед замерзанием рек, то «кошлоками» называются те молодые бобры, которые родились предшествующей весной. Эти самые малы ростом, имеют тонкий мех и кроме меха немного волос. Ярцами называются те, которые пойманы на вторую осень по их рождении. У них еще больше пуха чем волос и они несколько уступают по величине взрослым. В полный возраст бобр входит на третью осень, что отмечается частью размерами, частью тем, что выступают длинные волосы «ось» над пухом. Чем более у бобра волос, чем он чернее и чем он больше, тем лучше он считается»¹.

«Лучшие и самые черные бобры поступают с р. Таза через Мангазею и с р. Печоры, которые считаются лучшими в России. Встречаются очень хорошие бобры тут и там по рекам Оби и Иртышу. Но наиболее обычны как и в других странах красноватые».

«При поимке бобра разделяют на две части, именно спинку и брюшко, равные по величине. Первые идут в торговлю под именем бобра,

¹ Е. Зябловский (460, стр. 215), говоря о бобрах России применительно к началу прошлого столетия (1810 г.), сообщает по поводу их сортности примерно то же, что и Г. Ф. Миллер, и, видимо, с его слов. Только говоря о зрелости меха трехлетнего бобра, он добавляет, что она заключается «отчасти в том, что на оном много долгой шерсти или ось показывается выше пуху».

в то время как другие «черезезы бобровые», т. е. бобровые брющки. Такие сорта сортируются по их качеству, именно по величине, окраске и волосу. Лучшие спинки сходят от 4 до 5 рублей, брющки 30—50 копеек. Употребление частью в Сибири собственно, частью у калмыков и монгол на шубы, шапки и рукавицы. В Россию они не препровождаются, даже из России в Сибирь бобры ввозятся в продажу» (стр. 527—528).

Другие сведения о сортности бобровых мехов не противоречат изложенному подразделению Г. Ф. Миллера. Однако есть сведения о большем количестве сортов. Выделялись бобры «рыжие» (101, № 138, 136, стр. 135—142), «чернобурые» (349, стр. 74), «чернокарие» (349, стр. 69 и 254), «вешние» (271, стр. 135) и т. д. Одним словом, номенклатура этой пушнины была хорошо разработана. Кстати укажем, что «черезезь» — брющки были товаром весовым, а не штучным (271, стр. 142).

Причины, определяющие качество меха бобров, неясны и, насколько можно судить, неоднородны. С одной стороны, как указывает Г. Ф. Миллер и как видно из многих других материалов, особенно высоким качеством бобровых шкур отличались целые речные бассейны (реки Таз, Печора) или районы (Хантайка) и т. д., т. е., по-видимому, качество определяется общим влиянием ландшафта. Однако наряду с этим прекрасные шкурки попадались и в местах, где общая их масса была низкосортной. В этом случае опять-таки выделяются отдельные водоемы; так, например, по мнению аборигенов Кондо-Сосвинского очага бобров, последние на некоторых речках отличаются несвойственной местным бобрам чернотой (например на р. Ухе). В то же время отдельных бурых бобров случилось добывать и на других водоемах¹.

Кроме шкур в торговле фигурировали: 1. Бобровая шерсть, шедшая в большом количестве за границу, в частности с XVII века во Францию (368, стр. 264). Как предмет торговли Руси с Западной Европой бобровая шерсть известна была в глубокой древности и упоминается, например, в акте 1342 г. (13, стр. 202). 2. Бобровая струя, имевшая, как увидим ниже, особый и разносторонний интерес; и 3. «Каир бобровый» — продукт этот упоминается (без объяснения) только Г. Н. Потаниным (271, стр. 142) и, видимо, означает сорт бобровой струи; последняя по-киргизски называется «кундуз каир» (гл. 5, стр. 252), а покупался «каир» у калмыков — национальности тюркского происхождения.

Разнообразие сортов бобрового товара и тонкости его подразделения в древней Руси соответствовала и строго разработанная система заготовок, равно как и контроль над соблюдением правил скупки и вывоза бобровых шкур, бывших в числе запрещенных к частному приобретению товаров (245, стр. 266; 211, стр. 355; 411, стр. 11 и т. д.).

Бобровые шкуры заготавливались как путем взимания с населения в качестве ясака, «поминока», скупки и прочее, так и добычи русскими охотниками, на что указывают документы (271, 100 и много других).

Первоначальным местом концентрации пушнины был воеводский двор, куда доставляли ее и туземные князцы и служилые люди из зимовьев, и посланные на места разного рода агенты, и промысленники. Разборка и сортировка проходила под непосредственным надзором воеводы (182), который, очевидно, сам должен был быть хорошим знатоком пушнины. В некоторых случаях (97, стр. 175) для оценки принятой пушнины создавались особые комиссии из таможенного головы и заезжих торговых людей, полный список членов которой прилагался к ведомости отправляемой рухляди. Воеводы получали четкие и определенные инструкции относительно выбора и подборки мехов в казну. В на-

¹ Эти данные будут иметь большое значение при селекции бобров в природе в будущих советских охотничьих хозяйствах на бобра.

казной памяти якутскому воеводе от 1645 г. (411, стр. 11) об изъятии мехов для казны из числа незаконно утаиваемых населением, мы видим предписание: «А у кого из служилых и у торговых и у промышленных людей объявится зверь доброй... бобры черные добрые и соболи единцы... те бобры и соболи имат на государя..., а тем людям за те соболи... и бобры у кого что будет деньги будут выданы по цене из государевой казны в Якутском остроге». Это показывает прежде всего, что мероприятия не были случайными, а опирались на определенную систему государственных расценок и кредита. В наказе тобольскому воеводе от 1664 г. о сортировке бобровых шкур для оценки и отправки говорится: «а бобры к бобрам, черные к черным, а карие к карим, а рыжие к рыжим, а ярцы к ярцам, а кошлоки к кошлокам». Автор интересной статьи о торговле пушным товаром в XVII в. Н. Яницкий (411) особо подчеркивает, что государственная казна не только оценивалась на месте «тамошнею сибирскою прямою ценою», но сортировалась, сшивалась в пары и сорока, на каждой шкурке делалась надпись о происхождении ее и качестве, и в таком виде пушнина запечатывалась и отправлялась в Москву.

Даже печать для этой цели употреблялась особая (3, стр. 32), обычно с изображением пушных зверей (см. там же, а равно 168, стр. 165). Отправка производилась по точной описи, штуками и весом, пример чего показывает нам соответственная книга, найденная Г. Н. Потаниным в Томске (271, 1652—1653 гг.). В Москве на центральных складах прибывшая мягкая рухлядь поступала к специалистам-пушникам Соболиного, Бобрового и Скорнячного ряда и подвергалась окончательной квалификации и оценке (231, т. IV, стр. 157).

Одним словом, на Московской Руси пушно-меховое дело было стройной и тонко разработанной отраслью народного хозяйства. Да без такой организации и невозможно было бы проведение тех громадных операций с пушными ценностями, составляющими львиную долю государственной валюты того времени, которые из года в год совершались на всей необъятной территории московской державы.

В заботах о пополнении валютных фондов, московское правительство, объявив лучшую пушнину государственной регалией, осуществляло и действенный контроль над злоупотреблениями по скупке заповедной мягкой рухляди. При этом помимо лойяльных мер, подобных помянутым выше, применявшихся, видимо, к незлостным нарушителям, были в ходу и строгие. Так, воеводе Плещееву, следовавшему в Сургут в 1593 г., в наказ было включено распоряжение сделать обыск у местного начальства, «пересмотреть и переискать всякую сибирскую мягкую рухлядь», в том числе «соболей, черных лисиц, шуб собольих, белых, горностаевых и бобровых» и отобрать их (231, т. IV, стр. 125). В ряде пунктов, например для Якутии в Иркутске (121), содержались постоянные заставы, которые тщательно обыскивали едущих обратно на Русь и конфисковали обнаруженные заповедные товары. Так же и в Тобольск давались подробные инструкции, как и что отбирать у едущих из Сибири в Россию, причем в них есть указания и о бобрах (78, стр. 86).

Обыски и конфискация запрещенной пушнины производились и на местах, непосредственно у сборщиков. Например, в грамоте якутскому воеводе от 1670 г. (287, стр. 444) предписывается: «у тех служилых людей, у ясачных сборщиков, которые из зимовий с ясаком поедут, обыскивать всякие собинные их мягкие рухляди накрепко», все недозволенное отбирать и «расспрашивать накрепко» где и как оно было взято. Отбренные ценности «имати в Государеву казну безденежно и велети тое рухлядь, сколько у кого взято будет, писать в книги имянно». Во избе-

жание же несправедливости там же указано, что, буде найденная пушнина окажется добытой сборщиками лично и они ее не пытались утаить, она должна быть оплачена по установленным ценам.

Еще более радикальное значение имело постановление от 9 апреля 1601 г. о запрещении торговли пушнинаю для всех служилых людей вообще (212, стр. 168). В отписке тобольского воеводы туринскому голове говорится: «...что сибирских городов служилые люди ездят по городам торгуют мягкою рухлядью беспошлинно, и сибирским служилым людям мягкою рухлядью торговати не велено; и о том велено заказ учинити крепкой, чтобы однолично вперед, оприч торговых людей, мягкою рухлядью не торговал ни каков человек; а будет кто из служилых людей учнет мягкою рухлядью торговати, и у тех людей товары их имати на государя, а за ослушание велено их бити батогами и сажати в тюрьму».

Из организационных мер большого масштаба упомянем еще борьбу с частной разъездной торговлей, пример чему мы находим в истории Мангазеи. На р. Тазу и на р. Енисее торговля эта процветала до 1603 г. Многочисленные торговцы пробирались в самые глухие края и углы и на разные товары выменивали «соболы, бобры и разную мягкую рухлядь» (57, стр. 74). Результаты этих операций ускользали от фиска, а потому им был положен конец особым царским указом и устройением гостинного двора в Мангазее.

Все эти мероприятия были далеко не лишними, так как правонарушения случались весьма часто. Однако полностью цели они не достигали. Например в 1609 и 1610 г. кетский воевода писал в Москву, что «приходили березовские казаки, мангазейские годовальщики к тем ясажным осякам на Сым и на Кае и на Енисею Ондрюшка Гаврилов, да Дружинка Иевлев, да целовальник Ивашка Филиппов, колмогорец, да толмач Калгашка Гаврилов, кевралец, воровски с тех кетских ясажных осяков имели ясак скорым делом, воровски, и на приказных людей и на себя поминки правили и осяков били и всякие тесноты им чинили» (212, стр. 216). Даже через 50 лет после указанного строгого закона, а именно в 1651 г. (64, стр. 348) енисейские служилые люди, посланные на Лену для сбора ясака, заворовались и покупали для себя «лутчие соболы и лисицы и бобры».

Попытки решительного упорядочения пушного рынка в интересах государства предпринимались не раз и позднее. Из них несомненно большое значение имел указ 1698 г., которым покупка пушнины частным лицам воспрещалась впредь до полной выплаты туземцами наложенного на них в данном году ясака (414, стр. 5).

Чрезвычайно важно выяснить, какое место занимал бобр в огромной и сложной системе сибирского пушно-мехового хозяйства Московской Руси.

Известно, что уже в первой партии пушнины, посланной из Сибири Ермаком, было 50 чернокарих бобров (349, стр. 69). В конце XVII в. бобры в ясаке упоминаются для Туруханска и Хантайки (27, стр. 127). Кроме того, в документах, касающихся сибирской пушнины, сведения о бобровых мехах встречаются постоянно как у русских, так и у иностранных (по М. П. Алексееву, 5; Перглоу 1611 г., стр. 232; Неизвестного 1666 г., стр. 352; Кильбургера 1674 г.; Авриля 1687 г., стр. 462) авторов, вплоть до новейших времен.

В некоторых случаях число заготавливаемых тем или иным путем бобровых шкур бывало чрезвычайно большим и отнюдь не уступало количеству соболей. Это видно хотя бы из жалобы князя Лодерейко на злоупотребления мангазейского воеводы князя Ухтомского (1647 г.),

который: «емлет поклонных добрых соболей с человека по 4 соболя, да по 4 бобра на всякий год добрых со всей самояди и детям своим по соболю да по бобру» (27, стр. 12).

Однако, несмотря на существование подобных указаний, создается все же впечатление о незначительности общего количества заготовления шкурок бобра, причем аналогичное положение мы находим и по другим видам пушнины, за исключением соболя. Наоборот, последний по всем данным заготавливался в колоссальном количестве, сотнями тысяч штук. Можно было бы думать, что или заготовительные организации того времени ничем почти кроме соболя не интересовались, или же что этот хищник, населяя уголья в чрезвычайном изобилии, безгранично преобладал над всеми другими промысловыми видами. Что в условиях хотя бы относительной безопасности соболь может достигать исключительной плотности, мне пришлось убедиться за последние годы работы в северовосточном Приуралье. При благоприятных условиях этот крайне активный хищник может прямо свести на нет многие виды, так как истребляет не только беззащитных грызунов, но решительно преследует и куницеобразных, особенно, например, колонка (совершенно аналогичные и детальные наблюдения сделал В. А. Тимофеев — личное сообщение — зимой 1942 г. в Бодайбинском районе). Однако же на бобров, например, как и на других обитателей недоступных для соболя стаций, он не может оказать никакого влияния. Притом в документах, особенно в директивах центра, наряду с соболем постоянно упоминаются другие виды пушнины (см., например, 211, стр. 355 и 397; 231, т. IV, стр. 125 и т. д.). Особенно же важно подчеркнуть вскользь упомянутый выше факт существования в Москве при центральном управлении пушных заготовок «рядов» Соболиного (прием и расценка соболей), Бобрового (бобры и выдры) и Скорнячного (прочая пушнина) (231, стр. 157).

Из этого следует, что соболь не занимал столь подавляющего веса в заготовках, бобр по своему значению едва ли не был ему равен, но прочие пушные виды, действительно, имели подчиненное положение, хотя и не совсем ничтожное.

Очевидно, что в целом наименование «соболь» в документах не обязательно означало именно соболиные шкурки, а термин «соболиная казна» был собирательным, обобщавшим мягкую рухлядь, собранную на государя. Иными словами, этот прославленный мех имел значение эквивалента, подобно «беличьей единице» двадцатых годов текущего столетия в нашем пушном хозяйстве. Положение эквивалента или условной пушной единицы соболь возможно принял не сразу, а по мере оскудения его запасов, когда волей-неволей пришлось переходить на взыскание ясака другими мехами или даже (27, стр. 9) совсем посторонними пушнине ценностями.

Прямое подтверждение изложенному взгляду, который сам по себе не является новостью, мы можем найти во многих документах.

Так, в грамоте от 1596 г. (В. Конда) говорится: «а в прошлом 103 г. взял с них Василий Толстой нашего ясаку соболями, лисицами и бобры 21 сорок и 20 соболей» (211, стр. 373). Или в том же году о М. Конде сказано: «а принесли они нашего ясаку за нынешний за 104 год только 2 сорока и 20 соболей да 1100 белок за 2 сорока и 20 соболей, а всего соболями и бобры и белками принесли на нынешний на 104 год за 5 сороков» (211, стр. 374).

В грамотах о сборе ясака с Пельымских и Кондинских «иноземцев», относящейся к XVI столетию (287, стр. 141), мы находим такую фразу: «для твоего царского имяни нам холопям твоим соболи принесли, 8 сороков 34 соболя, да бобрами и лисицами и шапками за 40 соболей»

в памятной грамоте от 1703 г. двум красярским казакам, отправленным по сбору ясака в Караульный острог, мы находим такие строки: «Абай дал бобра да лисицу за 5 соболей, Кечки дал бобра за 3 соболя. Содеяк дал 2 бобра небольших за 2 соболей» (245, стр. 232). Или дальше (стр. 233), в грамоте от 1704 г. о посылке детей боярских в Киргизскую землю для сбора ясака говорится:

«Шараданов улус 5 соболей, да ярец за 3 соболя.

Большой Байкатовский улус 25 соболей да ярец за 2 соболя.

Кайданов улус 9 соболей, 2 бобра за 6 соболей.

Ингарга улус 19 соболей, лисица да ярец за 4 соболя».

Наконец, особенно характерна следующая выписка, вполне определяющая постановку дела: «Да с тех ясачных людей, со всякого человека, с лука, ясаку на великих государей в год дают в государскую казну по 10 соболей с пупки и хвосты, а лисицами черными, чернубурими, бобрами и выдрами и всяким зверем в казну берут зборщики, государственные люди, присланные для збору ясачного, смотря по достоинству, по смете, против соболей указанного числа» (349, стр. 74).

Такая практика учета пушных ценностей, в силу очевидных удобств расчета с данниками, применялась широко и постоянно как в отношении дешевых (белка), так и дорогих (бобр) видов пушнины. Однако, по причине большой разницы в качестве и стоимости собольих шкурок, при такой системе легко было отыскивать лазейки для всяких злоупотреблений. И мы видим, что в целях проверки из Москвы поступали на места указания писать принятую пушнину «подлинно порознь» (211, стр. 403) в большой подробности: «а сколько нашего ясаку и поминков на прошлые и на которые годы собрано будет, и ты бы тот наш доимочный ясак и поминки велел писать в ясачные книги, имянно, по годам» {грамота Кузнецкому воеводе, 3, стр. 53, 1648 года}.

Соотношение бобровых и соболиных шкур в приемке было, конечно, весьма различным, и представляется очень интересным проследить, насколько возможно, разнообразие и изменения цен на бобровые меха.

Выше мы видели, что дешевые тобольские и минусинские соболя шли по 3 за бобра, по малому бобру за соболя и т. п. Например в приведенном А. Дмитриевым извлечении из древнейшей ясачной книги Верхотурского уезда, относящейся к 1626 г. (97, стр. 174), мы находим такие расценки: «4 бобра цена 5 рублей 16 алтын, 4 деньги; 5 кошлоков цена 3 рубля». При этом упомянутые 4 бобра были приняты за 7 соболей. Принятое в древности такое соотношение для этих соболиных кражей сохранилось впредь до исчезновения бобра с пушного рынка. Именно в 1834 г. бобр в Тобольской губернии стоил 25—50 руб., а собель 10 руб. (112, стр. ССХХV). В Минусинском же крае в 1877—1888 г. бобр стоил 120—150 руб., а собель 40—60 руб. (410, стр. 70).

Наоборот, в Кимской, например, волости в 1609 г. черные бобры шли наравне с соболями (211, стр. 427), а в Туруханске и Хантайке они в конце XVII в. верстались «голова за голову» (27, стр. 127). Однако местами и на Енисее соболя расценивались недорого. Так, в Верхне-Имбатске около 1638 г. шкура бобра была оценена в 3 руб., а 20 соболей в 20 руб. (57, стр. 65). Отметим, что и сейчас в этих местах (Елогуй, Дубчес) добываются соболя меховые, редко светло-воротовые, а высшие сорта отсутствуют.

В Томске в 1652 году три соболя шли за 1 руб., 1 бобр—1 руб., бобр с черевесью полтора руб., кошлоки—до 1 руб. (271, стр. 144). В Москве же лишь не на много позднее, а именно в 1672 году шкура бобра стоила якобы 30 рублей (21, стр. 243), что, однако, мало вероятно.

Одним словом, бобр в среднем всегда расценивался выше соболя, и странным кажется поэтому утверждение X. Трусевича (360, стр. 84), будто в пушнине, отправлявшейся в Китай, соболь считался в 7—8 бобров; это тем более, что, как известно, все лучшие соболя как правило отправлялись в Москву. Впрочем, на 133 странице той же работы автор говорит, что 10 соболей стоили 68 руб. 59 коп., а бобр — 5 руб. штука.

О ценах бобров в начале XVIII столетия говорят нам любопытные данные из реестра закупок для подарков зюнгорскому властителю, произведенных в 1722 г. направленным к нему с посольством капитаном Унковским:

«10 пар бобров по 4 р. по 2 к. за пару, за 20 пар по 3 р. по 60 к. за пару и того за бобры 114 рублей». Значатся еще выдры (20 по 14 руб. за десяток и 50 по 11 руб. за десяток) и лисицы, а более никакой пушнины

Отметим, что не исключена возможность существования в то время некоторой пониженной цены на меха, приобретаемые для подобных целей может быть из государственных запасов.

В Кяхте с 1768 по 1785 гг. «лучшие бобровые хребты покупались по 4—5 р., а плохие по одному рублю; черевы или нижняя часть бобров покупалась по 30—50 копеек» (447, стр. 79).

Е. Зябловский в своем «Землеописании», подытоживая данные о ценах на шкуры бобров к 1810 г. по России в целом, сообщает: «наилучшие хребты покупаются рублем по 10 и более; а черевы по 1 рублю 50 копеек и по 2 рубля» (460, стр. 216).

Цены на бобровые шкуры за последние сто лет держались на таком уровне. По Туринскому и Тобольскому уездам в 1833—1835 гг. шкура бобра стоила от 22 до 23 руб. 50 коп. (400, стр. 45), а по В. Зверинскому (112) в 1834 г. 25—50 руб. По сообщению А. Рудольского (285) на Северном Урале в половине прошлого столетия самая лучшая шкура бобра стоила до 20 рублей серебром.

В эти же годы, по исследованиям Ф. Плеске (254), выручка от бобра (целиком) достигала на Кольском полуострове 30 руб. серебром, что автор сравнивает разве лишь со стоимостью голубого песка.

В Минусинском крае в 1877—1888 гг. шкура бобра стоила 120—150 рублей (410, стр. 70).

М. Пихтин в Якутске обнаружил следующие цены: в 1891—1898 гг. 18 рублей; в 1896 г.— 19 рублей; с 1900 по 1902 г.— 20 руб. (253).

А. А. Силантьев (317, стр. 460) дает следующие расценки бобровых шкур:

Архангельская губ.	1852 г.	6—8 руб.	Якутия	1838 г.	50—60 руб.
Лапландия	1846 г.	18 руб.	„	1850 г.	9 руб. 50 коп.—10 руб.
Восточная Сибирь	1846 г.	10 руб.	„	1851 г.	9—10 руб.
Тобольский округ.	1833 г.	22 руб.	„	1852 г.	9—10 руб.
Туринский округ	1835 г.	23 руб. 50 коп.	„	1853 г.	6— 8 руб.
Нижегородская ярмарка	1882 г.	5— 9 руб.	„	1854 г.	6— 8 руб.
„	1883 г.	8—11 руб.	„	1855 г.	6— 8 руб.
„	1884 г.	14—16 руб.	„	1856 г.	7—10 руб.
„	1887 г.	20—28 руб.	„	1857 г.	8—10 руб.
„	1888 г.	14—18 руб.	„	1858 г.	8—10 руб.
„	1891 г.	17—20 руб.	„	1859 г.	8—10 руб.
„	1892 г.	17—20 руб.	„	1891 г.	18 руб.
„	1893 г.	17—20 руб.	„	1892 г.	17 руб.
„	1894 г.	10—30 руб.	„	1893 г.	18 руб.
„	1895 г.	10—25 руб.	„	1894 г.	18 руб.

На Черном Иртыше, по Г. Е. Грумм-Гржимайло (91, стр. 506), в начале текущего столетия бобр по стоимости приравнялся к стоимости 80 белок, т. е. около 30 руб.

Наконец, в Кондо-Сосвинском очаге за последние десятилетия цены на бобра держались в таком виде.

В 1913 г.—30 руб., в 1924 г.—25 руб. (256, стр. 130). В половине 30-х годов выщипанная шкура бобра стоила 150 руб. и больше (368, стр. 268). В 1927 г. шкура бобра стоила 50—100 руб. (90). Наконец, пиущему эти строки приходилось слышать, что за последние годы бобровые шкурки, вывезенные из пределов очага, продавались на ст. Сосьва и в Ивделе от 150 до нескольких сот рублей за штуку.

Приведенные данные отличаются чрезвычайной пестротой, но показывают большую изменчивость цен на бобра, а вместе с тем снижение таковых против древнейших времен.

Объяснение этому мы видим в следующем.

За последние сто лет бобр русского, тем более сибирского происхождения стал сравнительно очень редким на пушном рынке, почему цены на его шкуру во многом зависели от случая. Снижение же цен вызвано импортом более дешевых американских бобров; они в изобилии поступали на наш пушной рынок, проникая вплоть до Обдорска, шли через Кяхту в Китай и сбивали цены на русско-сибирских бобров, несмотря на признанное превосходство последних по качеству. Сказанное подтверждается и тем, что наиболее устойчивыми, а вместе и наиболее низкими оказывались, как показано выше, цены центрального рынка — Нижегородской ярмарки.

Как бы то ни было, цены на бобровые шкуры держались на достаточно высоком уровне, чтобы обеспечить завидный заработок как промышленнику, так и торговцу пушным товаром, в связи с чем не угасал интерес к промыслу этого зверя.

Кроме шкуры постоянным спросом пользовалась, как указывалось нами выше, шерсть бобра, стоившая больших денег, а так как она могла получаться и от бракованных, даже изношенных шкурок, коэффициент полезности этого вида пушнины значительно повышался.

Всем этим, однако, далеко не исчерпывалась доходность от бобрового промысла, так как объектом наибольшего внимания была именно бобровая струя, знаменитый кастореум.

Так, П. А. Слопцов (330, стр. 170) сообщает, что в первые годы покорения Сибири струя стоила 40—50 копеек фунт, в 1710 г. в Архангельске— 3—6 руб. фунт, до 1776 г. в Ирбите — 8—9 руб. фунт, а в его время (начало XIX столетия) — 500 и более рублей.

Из цитированной выше работы А. Рудольского мы узнаем, что когда лучший бобр стоил на Северном Урале 20 руб. серебром, то от продажи струи, добытой от пяти у промышленных бобров, было выручено 340 руб. серебром — целое состояние для промышленника того времени. И. Н. Шухов (402) в 1925 г. установил, что на Казыме за 0,1 г струи платили 10 оленей или 23 песка. В. В. Васильев (60) в 1927—1928 гг. определил доход от бобра в 600—800 руб., при небольшой цене шкурки на месте.

В последние годы стоимость мешочка струи на верховьях р. Б. Сосвы не падала ниже 500 руб., а мне известны случаи продажи ничтожных доз за многие десятки рублей.

Одним словом, прибыльность бобрового промысла всегда была совершенно исключительной, что для новейшего времени правильно отметил В. Н. Каверзнев (126). Она была способна оправдать и оправдывала

любые накладные расходы и не могла не служить сильной побудительной причиной всяческому нарушению существующих с давних пор законоположений по охране бобра.

Интересно проследить движение бобровых мехов как товара в Сибири. Выше мы цитировали категорическое утверждение Г. Ф. Миллера о том, что бобр из Сибири в Россию не препровождался, а, наоборот, шел из России в Сибирь (216, стр. 528). Верное, быть может, для времени Миллера (хотя и это вопрос спорный), такое заключение совершенно ошибочно для предшествующих эпох.

С первых дней завоевания Сибири бобр пошел в Россию в числе лучших сортов сибирской мягкой рухляди, и движение это не прекращается до наших дней, поскольку шкурки бобров, добытые браконьерами в Кондо-Сосвинском очаге, просачиваются на рынки Свердловска, Казани и Москвы.

Документальные сведения о систематической отправке бобровых мехов из Сибири в Россию имеются с древнейшего времени, начиная с помянутой выше партии шкурок, отправленных Ермаком (349, стр. 69). В 1641 г. казаки жаловались, что восставшие аборигены погромили следовавшую в Москву нарымскую соболиную казну, в том числе 2 выюка бобров (26, стр. 78).

Но наиболее яркие данные мы находим в не раз цитированной статье Г. Н. Потанина о томской торговле (271). Автор приводит целый ряд описей отправленных из Томска в Москву партий пушнины, из которых необходимо привести следующие выписки:

1652 г. «Бобров, ярцев и кошлоков карих и рыжих и вешних 732, бобров и ярцев карих 20, бобров рыжих 54, ярцев рыжих 34, бобров и ярцев рыжих 180, бобров и ярцев карих 110, кошлоков малых 96» (стр. 134).

В Тобольск вывезено тогда же: «бобров карих 5, бобров красных 5, бобров красных же вешних 10, ярцев и кошлоков 9» (стр. 135).

В 1653 г. 28 июня отпущено в Россию: «Бобров карих и рыжих больших и малых 598, ярцев 32, кошлоков 80, бобров, ярцев и кошлоков вместе 71, черевеси бобровой 5 пудов $2\frac{3}{4}$ фунта, струи бобровой 5 пудов $16\frac{1}{2}$ фунтов».

6 августа: «Черевеси бобровой $6\frac{1}{2}$ фунтов, бобров карих и рыжих 93, кошлоков 23, ярчиков 3, струи бобровой $3\frac{1}{2}$ ф.».

«Отпущено в разное время в Тобольск бобришков и ярцев рыжих 20, кошлоков два, черевеси бобровой 1 ф.» Там же.

По данным Х. Трусевича (360, стр. 276), в 1640 г. в Томске было собрано 253 бобра и отправлено из Томска в Россию 1232 бобра, а в 1653 г.— 897 бобров.

Не продолжая цитат, отметим массовость и систематичность отправок этого вида пушнины. Так как нет оснований считать Томск каким-то исключением, тем более, что этот город не был даже существенным транзитным пунктом, мы можем утверждать, что бобровые меха поступали в Москву мощным, постоянным потоком, едва ли не во все время существования государственной пушной монополии, отмененной, как известно, только в 1762 г. (330, стр. 213).

Интереснейшим добавлением к сказанному служит также ведомость о сборе ясака по сибирским городам в 1698—1699 гг., из которых при водим данные о бобрах (288, стр. 690—892).

Приведенные цифры прежде всего показывают размах заготовок бобра, которые производились по всей завоеванной к тому времени

	206 г. (1698 г.)	207 г. (1699 г.)
Тобольск: бобры, ярцы, кошлоки116	389
Черевеси112	23
Верхотурье: бобры, ярцы, кошлоки	18	96
Тюмень: бобры	20	—
Томск: бобры, ярцы, кошлоки	97	91
Черевеси	256	146
Красноярск: бобры, ярцы, кошлоки	94	82
Черевеси53	70
Кузнецк: бобры, ярцы, кошлоки154	92
Черевеси194	47
Нарым: бобры, ярцы, кошлоки99	115
Кетск: бобры	5	4
Енисейск: бобры, кошлоки	3	2
Якутск	—	—
Илимск	—	—
Иркутск	—	—
Нерчинск: бобры1	1
Мангазья: бобры12	—
Тара: бобры, ярцы, кошлоки	498	530
Черевеси1	1
Березов: бобры, ярцы, кошлоки13	13
Сургут: бобры, кошлоки	9	10
Пельм: бобры, ярцы	4	46
Туринск: бобры	25	61

Сибири. При этом первенство полностью принадлежало р. Оби, а в ней последовательно: Таре, Томску, Тобольску, Кузнецку.

Углубленный анализ ясачных книг допускает детальную расшифровку таких сведений. Например это удастся сделать для заготовок бобра по Томскому уезду, притом за относительно длительный период, с 1706 по 1713 гг. В полной детализации, т. е. по волостям, сводка их представлена в табл. 6 и 7.

Первая из них позволяет судить о сортности томских бобров. Из них главными по численности оказываются рыжие (65,9%), за ними черно-карие (19,0%) и наиболее редкими карие (4,8%). Общее число шкур за 11 лет равно 667; принимая во внимание, что это только животные, поступившие в ясак, т. е. далеко не все добывавшиеся, оно должно быть признано значительным. Обращает на себя внимание относительная равномерность поступления шкурок по годам. Отметим, что данный факт нельзя объяснить простой зависимостью от направления взыскания ясака. Рассмотрение текста книг убеждает нас, что по многим точкам ясак сполна не собирался, шкурки одних видов заменялись другими, одним словом, бобра поступало относительно столько, сколько оказывалось возможным его добыть. Не исключена при этом возможность того, что в добыче бобров ясачные считались с возможностью своих бобровых угодий.

Интерес табл. 7 заключается в том, что она полностью подтверждает высказанное выше положение о том, что бобры занимали выдающееся место в пушнозаготовках тех времен. Общий за 11 лет процент соотношения бобра с основой заготовок соболом равен 24,7, то есть весьма значителен. По годам же он варьирует от 39 до 17%, как правило превышая 20%.

**Заготовок бобровых шкур по Томскому уезду с 1706 по 1718 г.
по ясачным книгам (416)**

Шкуры бобров по сортам	Г о д ы											Всего	% к общему числу
	1706	1709	1710	1711	1712	1713	1714	1715	1716	1717	1718		
Чернокарий	11	6	10	12	10	12	12	9	13	22	10	127	19,0
Карий	2	1	1	7	3	1	4	3	1	4	5	32	4,8
Рыжий	40	33	58	92	40	27	34	51	33	16	15	439	65,9
Кошлоки	3	5	7	10	5	2	2	10	2	—	—	46	6,9
Ярцы	4	1	1	2	—	1	1	5	2	—	3	20	3,0
Итого шкур	59	46	75	123	58	45	57	78	53	42	31	667	

Сравнительная таблица 7

**Заготовок бобра и соболя в Томском уезде с 1706 по 1718 г.
по ясачным книгам (416)**

Наименование зверя	Г о д ы											Всего
	1706	1709	1710	1711	1712	1713	1714	1715	1716	1717	1718	
Соболь	302	212	324	313	223	250	250	246	216	185	181	2702
Бобр	59	46	75	123	58	45	57	78	53	42	31	667
% соотношения	19,5	21,7	23,1	39,0	26,0	18,0	22,8	31,7	24,5	22,7	17,0	24,7

Если же учесть, что в среднем бобр стоил намного, иногда в несколько раз, дороже соболя, станет очевидным, что действительное значение бобра не намного уступало прославленному соболю, а это противоречит всему, что до сих пор высказывалось по данному вопросу.

Мы не говорим уже о том, очевидно, очень значительном количестве бобровых мехов, которое просачивалось из-за Урала в частном порядке, в виде той запретной мягкой рухляди, которая укрывалась от бдительности царских приставов на заставах, ведавших обыском всех едущих из Сибири на Русь.

Кроме Москвы, бобр шел из Сибири и непосредственно за границу, в соседние азиатские государства. Особенно большое значение имели операции бухарских купцов в Западной Сибири, бывших и основными посредниками в торговле с Туркестаном и Китаем.

Так, из относящегося к 1666 г. дневника неизвестного иностранца (5, стр. 352) мы узнаем, что купцы эти вели обширный торг с Западной Сибирью и между прочим вывозили из Сибири в Китай бобровые шкуры.

Не довольствуясь посещениями, бухарцы прочно обосновались в Сибири, следы чего сохранились до наших дней. Участие их в пушной торговле приняло такие размеры, что еще в 1697 г. особым указом пра-

вительства было запрещено продавать им ценные меха, в том числе из бобров (414, стр. 5). Мера эта оказалась, однако, мало действительной. Бухарцы перешли к контрабанде, главными руководителями которой их считали в XVIII в. (414, стр. 7). Сокращение их влияния, а затем и полное почти вытеснение произошло лишь позднее, в результате развития русского торгового капитала.

Из пределов Сибири в Китай и Тибет бобровые меха поступали также через владения Алтын-хана (Хакассия), на что имеется указание Н. Спафария (14), подтвержденное Н. Н. Козьминым (155, стр. 18).

Еще более ранние сведения этого рода мы находим в «Росписи Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам и кочевьям и улусам и великой Оби реке и дорогам», составленной в 1618 г. казаком И. Петлиным (443, стр. 295). Этот бесхитростный, но замечательный труд, составленный автором после единственного в своем роде путешествия в Китай через Центральную Азию, содержит между прочим следующие строки, записанные со слов информатора-китайца: «...А та де река Каратал впадает в Обь великую... «А из за той де великие реки (Каратала — В. С.) приезжают к нам (китайцам — В. С.) манцы со всяким товаром, меняют де с нами и с саяны на оленье кожи и на лосины и на соболи и на бобры, а против де дают камки бархата...»

В Китай же шли из Сибири бобровые шкуры через Алтай, причем в списке направляющейся этим путем мягкой рухляди они стоят на четвертом месте (349, стр. 78, 1672 г.). Попадали они в Срединную Империю через Кяхту, но в первой половине XVII столетия (185) роль их, видимо, была ничтожной. ПО данным же Х. Трусевича (360, стр. 188), китайцы мало интересовались бобрами вплоть до начала XVIII в. Впоследствии же спрос на этот товар настолько оживился, что постепенно вызвал приток бобровых шкур в Китай даже из Америки, проходивших туда столь сложным путем; до чего велик был временами этот транзит, показывают приводимые А. В. Федошиным (368, стр. 268) данные Брасса, что в 1817—1819 гг. прошло так не менее 19 000 шкур канадского бобра¹.

Говоря о кяхтинской торговле мягкой рухлядью за период 1768—1785 гг., А. Корсак сообщает, что «самые дорогие и вместе с тем самые выгодные пушные товары, которые сбывались в это время в Кяхте китайцам, это были выдра и бобры, русские и камчатские» (447, стр. 79). И далее: «самые лучшие и черные бобры получались с реки Таса через Мангазею, потом печорские бобры, которые в России считались лучшими». Как видно из предыдущего, последние данные едва ли соответствуют действительности.

На то, что интерес к шкуркам бобра в Китае был высок до последнего времени, показывает интересное указание М. Райкова, относящееся к 1898 г.; он говорит, что из Урянхая бобровые шкуры шли только в

¹ Интересно остановиться на проникновении в Сибирь заграничных бобровых шкурок вообще, так как оно, видимо, имело место. Так, например, И. Андреев (441, «р. 107) сообщает, что около 1779 г. среди привозимых русскими купцами, из Казани и других городов, в Семипалатинск товаров для торговли с «азиатцами» были «выдры и бобры немецкие». Почти через 100 лет О. Финш (369), посетивший в 1876г. Обдорск, обнаружил там шкурки бобров с клеймом Лейпцигской ярмарки, т. е., вероятно, канадского происхождения. Это движение американских бобровых шкур на восток было не столько следствием исчезновения бобров в Сибири, но простой торговой выгоды. Сибирские бобры стоили много дороже и был прямой смысл везти его на запад, на более разборчивые рынки. О движении американских бобров через Россию в Китай А. Корсак говорит, что «шкуры их с северозападных берегов Америки, Гудзонова залива и Канады шли через Англию и Петербург в Кяхту» (447, стр. 82).

Улясунтай (276, стр. 29). Известно, что в ту пору этим путем шел в Китай ясак урянхайцев, взыскивавшийся преимущественно излюбленными сортами пушнины. Так как, по сведениям того же М. Райкова (чему не противоречат и другие источники) русские фактории в то время скупали в Урянхае, не считая другой пушнины, до 2000 соболей, становится очевидным предпочтение, которое китайцы оказывали бобру.

Говоря о торговле продуктами бобрового промысла между Сибирью и Китаем, нельзя так же не упомянуть относящегося к 1674 г. любопытного замечания Кильбургера (5, стр. 418) о том, что китайцы привозят в Тобольск бобровую струю. Нужно думать, что в таком случае дело идет о торговле продуктами, приобретенными китайцами в более восточных областях Сибири за время своего долгого пути, в течение которого они едва ли воздерживались от торговли со встречными народами.

Таким образом, подытоживая сказанное, мы можем заключить, что бобр занимал одно из первых, вернее первое за соболями место в русском пушно-меховом хозяйстве Сибири, со времени завоевания этой страны и вплоть до полного почти своего исчезновения, в котором он предупредил всех промысловых животных северной Азии.

В заключение настоящей главы нельзя не отметить, что бобры постоянно фигурировали в числе подарков, отправлявшихся через Сибирь властителям прилежащих азиатских стран.

Так, в «респиси» первого, притом случайного посольства в Монголию, к «Мунгалскому царю Чичину» (Цецен Хану) К. И. Москвитина, направленного из Ангарского острожка на поиски серебряной руды в 1647 г., мы находим следующие любопытные данные. В скромных дарах, поднесенных Чичину из личного имущества импровизированных послов, числятся между прочим: «Два бобра, да 3 выдры», а вельможе Чичина, Турукаю подарены: 1 бобр, 1 выдра, 1 рысь и 2 соболя (Н. Оглоблин, 481).

Что бобровые шкуры включались в посольские дары этого рода, видно из росписи капитана Унковского, закупавшего в 1722 г. подарки для Зюнгурского хана. В ней числятся 30 пар бобров, 70 выдр, несколько лисиц и более никакой пушнины (448, стр. 24). Видимо, азиатские владыки более ценили бобров и выдр, чем любезных сердцу европейцев соболей.

ТЕХНИКА БОБРОВОГО ПРОМЫСЛА

Перейдем к попытке выяснения техники бобрового промысла, который, как видно из предыдущего, занимал столь большое место в занятиях сибирского населения даже в недавнем сравнительно прошлом.

Наиболее древним из дошедших до нас указаний о способах ловли бобров нужно считать относящуюся к 1453 г. уставную грамоту Витовта (13, стр. 9), в которой упомянуты: сети, рожны, осоки, поволоды, ковши, а также собаки. Из перечисленных орудий мы совсем не знаем, что представляли собою «осоки» и «поволоды». Но поскольку сказано: «сетей и рожнов и осок... не держати», а «поволод и ковшов не ставити», можно думать, что первые были переносными, временными, а вторые стационарными, длительного действия ловушками. Притом из грамоты видно, что рожны и осоки рассматривались как вредные способы лова: их запрещено в числе других применять в закрытых угодьях, но они не упомянуты в числе ловушек, разрешенных к пользованию в свободных для промысла местах.

В древней Руси, по свидетельству Н. Кутепова (184, стр. 135), бобров ловили специальными большими корзинами — «кэшами», построенными, надо думать, по принципу верш. Употреблялись для той же цели «езы», это были загородки из заостренных кольев, вбитых в дно в форме треугольника, с отверстиями, через которые бобры могли войти в огороженное езом пространство, но не имели возможности выбраться.

В одном из руководств по естественной истории, относящемся к XVIII в. (220, стр. 299), мы находим описание добычи бобров при помощи собак. Вскрыв жилище бобра, пускали собаку в верхний выход и она вытаскивала зверя наружу. Зная солидные защитные способности бобра, соответственно возрастающие внутри жилища, мы должны заключить, что такая охота была возможной только при наличии специально притравленных собак¹. В той же книге сообщается далее, что на воде бобров добывали стрелами.

Для России прошлого столетия технику промысла бобров мы узнаем из описания М. Вавилова (58, стр. 12). Бобров «ловят капканами, которые опускают в воду пальца на два или на три. Приманкой служит ивовая или тополевая веточка, намазанная пахучим веществом, составленным из тополевых почек, камфары, мяты, кленового сахару и еще некоторых других. Все это варится в воде, пока не образуется кашлица». Капканы приковываются, во избежание уноса их бобрами. Кроме того, говорит он далее, бобров ловят сетями; их расставляют у мест, где бобры кормятся, и загоняют грызунов с собаками. Наконец, добывают этих зверей зимой из нор. Ударами по льду определяют по слуху расположение норы, разрубают лед и взламывают жилище или же извлекают из них бобров особыми крючками на палках.

Что касается Сибири, то мы уже отметили замечание Г. Ф. Миллера о том, что промысел бобра в его время происходил осенью, незадолго перед замерзанием (216). П. С. Паллас (242, т. III, стр. 120) говорит о том, что бобров промыслили зимой в норах при помощи собак. По А. Рудольскому на Урале (285) в половине прошлого столетия бобров промыслили зимой запорами, усложняя этот способ постановкой капканов в «коцах» — овальных загородках у нор. В Минусинском крае по сообщению В. А. Ватина (62, стр. 112), относящемуся к недавнему времени, бобров промыслили в декабре и январе. В Якутии (196) промысел его производился перед ледоставом осенью, когда взматереют бобрята, причем был строго коллективным. К сожалению, о самой технике промысла автор этой интересной заметки не говорит ничего. Автор специальной статьи о первобытной охоте в северной Азии П. Н. Третьяков (356) ничего не сообщает по интересующему нас вопросу за исключением упоминания об употреблении бобровых подволоков (по Г. Ф. Миллеру) и сетей на бобров на Камчатке (по П. Крашенинникову), последнее указание, очевидно, относится к калану.

Подчеркнем еще, что, как видно, время промысла в большинстве падало на зимние месяцы, отчасти на позднюю осень. Так как качество бобровой шкуры мало изменяется от времени года, очевидно, что предпочтение трудоемкого зимнего промысла имело другие основания. Для

¹ Можно думать, что в древней Руси также существовали особые бобровые собаки. Правда, об этом мы имеем пока только туманное указание Н. Андреева, который говорит о русских времен удельных княжеств: «у многих были собачьи своры, главным образом для гонки бобров» (468, стр. 91). Более точные данные на этот счет есть в отношении Западной Руси. Например, в одной из грамот XV столетия говорится при определении обязанностей княжеских людей: «а бобровник один, с собакою и с конем» (473, стр. 50). Следовательно, специально дрессированные собаки были там обязательными участниками бобрового лова.

тех охотников, для которых шкура бобра не была основой промыслового интереса, важно было захватить бобров в момент наибольшего наполнения мешков секретом. Этим временем, как признавали и фармакологи, были январь и февраль (207, стр. 247).

Несмотря на то, что приведенные данные освещают до некоторой степени технику бобрового промысла прошлых времен, в целом вопрос далеко еще не ясен. К сожалению, нет и надежды на возможность дальнейшего существенного накопления материалов в этом направлении для всей огромной территории, некогда заселявшейся бобром, так как слишком уже давно она опустела и промысел угас.

Сказанное заставляет нас с тем большим вниманием отнестись к рассмотрению бобрового промысла, осуществлявшегося в наши дни на берегах рек Конды и М. Сосвы.

Прежде всего отметим, что в бассейне этих рек ведение и способы промысла не одинаковы. На р. Конде преобладал летний промысел тормованием, на р. М. Сосве практиковалась добыча только запорами.

Тормование заключается в добыче зверя из ружья, во время проезда по речке в лодке. Время промысла «Вешний Никола» и «Троица-Комарница», в общем период светлых ночей. Частичные выезды производятся и осенью. Едут на промысел вдвоем в обласке (долбленном челноке). Передний сидит с ружьем в руках, задний подгребаёт, стараясь не шуметь. Во время тормовки бьют и другого зверя, в основном лося. Бобр может встретиться по пути случайно, но, как правило, его специально отыскивают, для этого примечают по берегам следы деятельности бобра, определяют примерно местонахождение его жилища и, заехав повыше, дожидаются ночи. Ко времени, в которое бобры принимаются за работу, охотники сплывают вниз по течению, соблюдая предельную осторожность и высматривают на воде или на берегу бобров. Замеченного зверя стреляют, обычно картечью в грудь или в голову с расчетом убить наповал. Убитый зверь быстро тонет, почему его стремятся быстро подхватить особым багром. Если это не удалось, ищут на дне, или приезжают на место охоты через 2—3 суток, когда туша всплывает. При поисках тщательно исследуются берега, коряги и особенно завалы и добычу обычно находят. Говорят, что от пребывания в воде до 4 суток шкура не успевает испортиться. Раненый бобр, конечно, трется для охотника.

В недавнем прошлом, а у тапсуйских манси, видимо, до сего дня, при добыче бобра тормовкою употреблялись ручные луки. У стрел, предназначенных для этой охоты, железко имело оттянутый стержень с колечком, к которому привязывалась крепкая бичевка. Последняя в свою очередь неплотно наматывалась на стреловище, к которому в конце и прикреплялась. При попадании в зверя стреловище отламывалось и, всплывши, указывало охотнику местонахождение добычи; последнюю можно было извлечь при помощи бечевки. Очевидно, что в смысле устранения потерь от подранков и порчи поздно находимой добычи, этот способ имеет большие преимущества. Однако освоение огнестрельного оружия полностью вытеснило стрельбу бобра из лука.

Вместо багра для доставания убитого бобра употребляется иногда особое копые. Оно же употреблялось для метания, но это искусство было доступно немногим.

Кроме традиционной тормовки, на р. Конде для ловли бобров по слухам употреблялись ставные луки. Это практиковалось тапсуйскими вогулами, приходившими промышлять на чужие речки. Они же, как говорят, добывали бобров и из засады.

За последние 25—30 лет после заселения верховьев р. Конды рус-

скими, появился промысел бобров сетями; практиковался он пришельцами и большого распространения не имел. Сеть применялась шестиперстка 9—10 маховых сажен длиной, 1—1,5 сажени шириной. Ею обкладывался выход из норы с тем расчетом, чтобы бобру был прегражден путь вниз по течению, так как замечено, что, спасаясь из убежища, бобр избирает именно это направление. После обкладки один из охотников караулит у сети, а другой выпугивает зверя из жилища. В этом способе мы видим близкую аналогию с промыслом сетями выдры, который в свое время был описан автором этих строк для Нарымского края (321); это не безынтересно отметить в связи с вполне вероятным предположением, что некогда этим порядком добывались в Нарымском крае и бобры.

Русскими же делались попытки добычи бобров капканами, которые расставлялись у нор и на тропах. Несмотря на явную простоту и очевидную добычливость, этот вернейший способ почему-то не привился. Данный факт заслуживает быть особо отмеченным хотя бы потому, что добыча бобра капканами считалась истребительным способом еще в древности. Так, от И. Костомарова мы узнаем (164, стр. 263), что озабоченное сокращением бобрового поголовья Московское правительство еще в 1635 г. запретило ловить бобров капканами. О роли этого промысла в истреблении бобров в Сибири говорят упорные жалобы с мест, о которых мы уже упоминали выше (64, 406 и др.). Наконец, как сообщает И. К. Тарнани (347, стр. 54), уже в начале текущего столетия капканами были истреблены остатки бобров в Киевской губ. Очевидно, в нашем случае неуспех дела объясняется крайней бестолковостью браконьеров.

Говоря о капканном промысле, нельзя не вернуться к упомянутому указанию А. Рудольского (285) о том, что на реках Ивделе и Лозьве таковой применялся, но только в комбинации с запорами, а именно для установки в «коцах», которыми запирался бобру путь ко спасению. В этом самоограничении нельзя не видеть влияния соображений охотхозяйственного порядка, о чем мы еще скажем ниже.

Промысел запорами, как он был принят на р. М. Сосве, осуществлялся в зимние месяцы — в декабре, январе. Промысел был строго коллективным. Артель собиралась еще с осени и намечала подлежащие облову речки, в зависимости от результатов летней разведки. Затем в назначенный заранее день охотники направлялись к месту промысла.

Этот промысел обставлялся особым ритуалом, и по прибытии на место, открывался магическим действием, долженствующим удержать бобра в норах (согласно поверья о мудрости бобра считается, что он заранее узнает о прибытии людей для его промысла и без такой предосторожности не преминет удалиться). Старший в артели, выступив вперед, обращается к предполагаемому месту нахождения бобров и троекратно повторяет: «Мингху ехцу мой малопт ходэ инем хот ат мана эвэн ипохэ» (т. е. в переводе: коренной земли хантэ ты коренной (обитатель— В. С.) никуда не ходи, сиди дома, мы в гости к тебе пришли). После этого заклинания бобр «не уйдет» в течение 7 дней. Сказанным (если не производится других, оставшихся неизвестными мне, ритуальных действий) обряд исчерпывается. Собственно к работе приступают только на завтра: заготавливаются плахи, тонкие жерди и ивовые прутья. Затем ориентировочно определяется местонахождение нор и реки перегораживают выше и ниже их забором из плах, причем как материал обычно употребляется ель, как особо нелюбимая бобром порода. Далее в огороженном промежутке скалывается лед и отыскиваются норы; последнее требует большого навыка. Обнаруженные выходы бобровых жилищ от-

деляются от остального пространства полукруглыми заборчиками, а из образовавшегося водоема удаляется весь корм. Когда поверхность «котца» покрывается льдом, в нем проделываются отверстия, в которые вставляются «сторожки» из свежих ивовых прутьев. Если окажется, что на утро приманка поедена бобром, значит он «дома» и тогда приступают к добыче; случается, что бобры не выходят из нор по нескольку суток и охота может затянуться, что не особенно беспокоит участников. Установив, что жилище обитаемо, его разрушают и безошибочно овладевают обитателями. Впрочем, и здесь приходится не мало повозиться, так как бобры затаиваются в галереях и часто ищут спасения в воде. На этот случай у котца стоят люди с баграми, которыми подцепляют усмотренного зверя. Упромышленные животные замораживаются кверху брюхом, чтобы не могла вытечь драгоценная струя.

При такой ловле, если не допущены по неопытности ошибки в окладе, ни один бобр спастись не может — семейство выбивается целиком. Зато, как утверждали туземцы, будучи проведенным на данной речке, лов на ней не повторяется ранее, чем через 2—3 года, т. е. осуществляется запуск на зверя.

Промысел запором, отнимающий очень много времени, требует огромной затраты труда и вовсе не оправдывается необходимостью. Ведь такой беспомощный зверь как бобр может быть добыт несравненно скорее, проще, легче, притом в теплую пору года. И в то же время этот способ единственно осуществляется на р. М. Сосве с незапамятных времен и вплоть до организации заповедника.

Весьма интересно отметить, что в самые последние годы среди местных хантэ отыскался новатор, нарушивший заветы предков и модернизировавший добычу бобра. Именно, некто Александр Езин, не верящий преданиям человек, принялся стрелять бобров картечью, подкарауливая их у гнезд. Свои проделки Александр тщательно скрывал от соплеменников. Неизвестно, долго ли он практиковал эту охоту, установлено только, что он занимался ею в 1928—1930 гг. Когда это открылось, родичи сурово осудили поступки Александра, а так как он кстати скоро умер от чахотки, представился хороший пример для истолкования его смерти как возмездия за попранное поверье¹.

Из этого мы видим, что на р. М. Сосве промысел бобра тесно связан не только с хозяйством, но и с культом, о чем мы подробнее скажем ниже.

В целом же состояние отрасли как в пределах ныне существующего, так и угасших очагов показывает, что она состоит на стадии организованного хозяйства, вне которого бобры, по-видимому, и не могли выдерживать эксплуатации.

В виду несомненно большого интереса данного вопроса займемся выяснением его подробнее.

ХОЗЯЙСТВО НА БОБРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В различных документах Удельной и Московской Руси, начиная с самых древнейших, в летописях, актах, уложениях и т. д. встречаются упоминания о бобровом хозяйстве наших предков.

¹ Пассивный промысел подкарауливанием имел в той или иной степени применение и в других местах. Так, П. К. Козлов, описывая со слов способы добычи бобров на р. Урунгу и оз. Улюнгур, сообщает следующее. Охотник затаивается у омута или заводи, обитаемых бобрами, и бросает в воду свежие ветви с тем, чтобы стрелять во всплывшего за ними зверя. В виду большой осторожности бобра, выходящего только ночью, ждать приходится неделю и более (151, стр. 55). Нельзя не отметить малую правдоподобность этого сообщения, которое скорее всего изобличает скрытность туземных охотников

Но кроме их мы имеем возможность судить об этом предмете для времен гораздо более ранних, именно о роли бобра в жизни доисторических обитателей Азии и Европы. Материалы эти дают исследования В. А. Городцова (83) в старшем Каширском городище. Последнее относится к большой группе мало еще изученных памятников из бассейна Оки и верхней Волги, объединяемых под именем Дьяковской культуры, и среди них должно считаться древнейшим. Поселение это, по определению автора, не старше VIII в. до нашей эры; наиболее вероятно, по его мнению, считать, что начало городища лежит между VII и V веками, а окончание немного позже конца IV столетия (стр.45). Народность, его заселявшая, еще не определена и называется В. А. Городцовым провизорно «финнообразною» (стр. 46).

Тщательное изучение собранных остатков приводит автора к заключению, что среди костей «пушных животных чаще всего фигурируют бобры, служившие главным источником охотничьего промысла» (стр. 38).

Действительно, уже из просмотра дневника раскопок (стр. 47—102) становится очевидным чрезвычайное обилие костей нашего грызуна. При этом, как показывает сводная таблица находок (стр. 104—105), они представлены 125 ножными костями, 20 челюстями и 2 черепами. В то же время заслуживает внимания, что эти детали находились везде, кроме кухонных остатков, что видно из перечня животных, найденных в обильных кухонных отбросах, в которых бобр отсутствует (стр. 44, 45).

Сказанное убеждает нас, что, во-первых, бобр был постоянным, едва ли не основным предметом добычи жителей городища во весь длительный период его существования. Во-вторых, в кухонные отбросы он не попадал. А так как трудно думать, чтобы человек того времени не знал великолепных качеств бобрового мяса, должно заключить, что кости съеденного животного выделялись из общей массы объедков и не выбрасывались. Нахождение же их в жилищах, особенно большой процент челюстей, позволяет говорить о придаваемом им особом значении. Иными словами, следует думать, что бобр отнюдь не был только пушным но и важным мясным животным и, кроме того, по всей вероятности, служил объектом культа.

В общем очевидно, что бобр занимал исключительное место в жизни человека Дьяковской культуры. Но это не дает нам права согласиться с заключением автора, будто этот грызун был для него «главным источником охотничьего промысла». Население городищ этой эпохи было сугубо оседлым, имевшим постоянные жилища, особо прочные жертвенники, основу его благосостояния составляло животноводство и охота, существовало еще рыболовство и даже земледелие. Большим развитием пользовались так же различные ремесла. И во весь этот период бобр был постоянным объектом добычи населения.

Будь это промысел, бобры, несомненно, исчезли бы из пределов досягаемости обитателей городища еще в самом начале его существования, так как все, что нам известно об этих грызунах, убеждает нас, что они совсем не выдерживают свободного промысла. Если же при этом в позднейшее время охотники и могли бы его добывать во время дальних выездов, то в этом случае на место постоянного жительства охотников попадали бы только шкурки, но никак не кости ног, и об этом мы ничего бы узнать не смогли. Мы же, наоборот, видим, что количество бобров в этих местах оставалось все время неизменным; факт невозможный, вне наличия обдуманной заботы о них человека.

Здесь уместно остановиться между прочим на том, какое место занимала в жизни первобытного человека охота вообще, а в ней промысел

бобра. Интересно, что в литературе, кроме самых общих мест, мы находим очень мало суждений по этому вопросу.

На признании большого значения охоты сходятся, конечно, все авторы, но глубже идут немногие.

Например, П. А. Дмитриев (98, стр. 204), разбирая этот вопрос для Восточно-Уральского родового общества, приходит к интересному заключению о том, что большое разнообразие индивидуального оружия определялось высокой специализацией охотников, и высказывается в пользу вероятности коллективных охот.

П. Н. Третьяков (356, стр. 234—236) делает основательное предположение, что главным в промысле человека доклассового общества были копытные, и подробно разбирает вопрос о коллективных охотах.

Наконец, М. Г. Худяков (378, стр. 85), единственный автор, пытающийся сделать более глубокие обобщения, говорит следующее: «Из списка животных, кости которых найдены на городищах, можно убедиться, что в описываемую эпоху охота разделялась на две специализированных отрасли производства. С одной стороны, продолжала существовать древняя мясная охота, хотя и терявшая свое значение ведущего производства, но все же игравшая видную роль в хозяйственной жизни патриархального родового общества волго-вятского междуречья. Мясная охота по преимуществу специализировалась в двух направлениях — охота на крупных мясных животных (медведь, лось, кабан) и охота за птицами (лесными — тетерев, рябчик и водяными — лебедь, гусь, утка). С другой стороны, развивалась и приобретала все большее значение охота пушная, специально промысловая, которая была направлена на добычу пушных животных, каковы: лисица, бобр, куница и т. п. Медведь сочетал в себе качества и мясного и пушного зверя, так что являлся объектом обоих видов охоты. На распространение пушной охоты указывают часто встречающиеся находки зубов бобра».

Для всех этих высказываний характерно прежде всего полное отсутствие суждений о наличии в быту того времени элементов охотничьего хозяйства: разговор идет только об охоте и промысле (как синонимах). Во-вторых, обращает на себя внимание пренебрежение ролью бобра в жизни человека изучавшихся авторами эпох.

Переходя к рассмотрению изложенных взглядов, мы прежде всего должны отметить недооценку степени развития охотничьего промысла как хозяйственной отрасли народной жизни того времени. Несомненно широкое развитие коллективных охот, большое разнообразие охотничьего оружия, занимавшего преобладающее место в общем инвентаре хозяйства, вероятно глубокая специализация промышленников. Все это заставляет признать, что уровень охотничьего промысла тех времен не был более низким, чем таковой охотничьих племен современности (не считая огнестрельного оружия и капканов, приходящих к ним извне), что изначала развившись, эта отрасль не прогрессировала, а, наоборот, постепенно сдавала свои позиции позднее зародившимся и разросшимся отраслям. Во-вторых, очевидно, что, стоя на таком высоком уровне в этой области, народы того времени могли иметь в своем быту элементы и охотничьего хозяйства, то есть организованной и ограниченной какими-либо правилами добычи зверей.

Однако сказанное отнюдь нельзя понимать в том смысле, в каком рисует М. Г. Худяков. Действительно, разделение охоты «на две специализированных отрасли производства мясную и пушную» ни в патриархальном родовом и ни в каком другом обществе существовать не могло. Утверждая обратное, автор идет дальше, предполагая, что «мясная охота по преимуществу специализировалась в двух направлениях: на круп-

ных мясных животных и охота за птицами» (притом «крупных мясных животных» оказалось только: медведь, лось и кабан!).

Прежде всего заметим, что ставить медведя во главу угла «мясных» животных нельзя. Это был прежде всего опасный враг и роль его в хозяйстве никак не могла быть больше, чем копытных, а из них северного оленя, остатки которого наиболее характерны для большинства археологических памятников. Далее, охота на копытных вообще одна из сложнейших и трудоемких, а потому никак не может быть «древней» в сравнении с другими видами промысла. Кроме того, мясо в ней не имело как не имеет и до сих пор основного значения для охотничьих племен. Для всех стран холодного и умеренного пояса не менее важным было доставляемое копытными сырье: шкуры и камасы, которые разрешали вопрос одежды и главное обуви. В те эпохи, как и посейчас, удовлетворить потребность в пище и (основная забота!) в запасах ее на зиму было гораздо проще и легче за счет рыбы, птицы (линялые водоплавающие), а текущее питание путем добычи мелких, всем доступных зверьков и беспозвоночных.

Нагота, босоноготь — вот что в первую очередь гнало человека за дикими копытными, изошряло его разум в поисках способов добычи этих трудно доступных зверей, а из них прежде всего за козулей, оленем, но, конечно, не за могучим лосем или свирепым кабаном. А последний только один и мог быть, пожалуй, именно мясным животным. Такая охота отнюдь не могла предшествовать в развитии элементарным видам промысла, и древнейшим был именно промысел мелких зверьков, в том числе, очевидно, и тех, которых мы называем пушными. Подтверждение изложенной точки зрения мы находим, например, у П. П. Ефименко (106). Он говорит (стр. 179), что человек в течение всей Шельской эпохи удовлетворялся преимущественно ловлей мелких животных, а крупные попадали ему в руки лишь случайно.

Добыча копытных есть продукт известной, конечно, очень ранней, культуры и специализации (не говоря об использовании случайно захваченных великанов, хотя бы и мамонтов!). Неверно утверждение, что промысел этот «терял свое значение ведущего производства». Наоборот, всю важность он сохранил до сих пор. Для эвенкийских народностей, вплоть до оседания, наличие диких копытных определяло самую возможность сохранения исконного национального быта. Где эти звери исчезли (например верхнее течение р. Таза), эвенки и в родной тайге садились на рыбу, сливаясь с аборигенами. Там, где дикие копытные сохранились, эвенки даже в чужих им условиях тундры (верховья р. Турухана) или на сотни верст оторванные от своей народности (Васьюган) продолжали и в ничтожных группах вести исконный образ жизни. Наличием оленей и камаса определялась возможность добычи пушнины в местах падения оленеводства, и на наших глазах успех пушнозаготовок, где-нибудь в Нарымском или на юге Туруханского края, в конечном счете зависел от заброски оленсырья из Обдорска или Дудинки.

Роль и значение охоты на копытных в глазах людей даже повышались со временем. В странах, быстро заселявшихся (Европа, особенно западная), падающий, утрачивающий экономическое значение промысел заменялся охотой. Она становилась регалией воинов, вождей, землевладельцев. А в охоте центральное место занимало опасное, богатое сильными ощущениями преследование копытных. В то же время для охотников-спортсменов прошлого с древнейших времен характерным было полное презрение к «шкурятникам» — сдатчикам пушнины.

Промысел на птиц по общему удельному весу в экономике хозяйства человека исстари занимает очень большое, мало оцениваемое место, и

всюду, где пушной промысел окончательно уже упал, охота по перу сохраняет свое место в интересах человека в виде немаловажного дела — спортивной охоты (в которой сплошь и рядом сохраняются и чисто меркантильные моменты).

Теперь о специализированной, «пушной», «специально промысловой охоте». Существовала ли такая издревле? Почему именно эту охоту называет автор «специально промысловой», неужели спортом занимался первобытный человек, добывая лося или утку? Да и какой зверь был искони только пушным?

Бобр во всяком случае не был объектом только пушного промысла. Мясо его и струя стоили иногда дороже шкуры, а последняя шла и на одежду (размер, теплота, прочность) и на подволоки (212, стр. 292 и др.). Выдра — лучший мех для лыж. Еще в 1927/1928 г. я застал у жителей рек Пура, Агана и Таза выдровые подволоки, как говорится, «на славе». Мясо ее идет в пищу. Рысь исстари славилась как царское кушанье. Росомаху повсюду едят в тайге. Песца ели и едят малооленные туземцы повсюду на севере и мясо его, а особенно жир, действительно превосходны. Наконец, знаменитый соболь. Есть данные, что мех его игнорировался туземцами крайнего северо-востока Сибири до прихода русских. Но зато он шел на подволоки (212, стр. 292) и отчасти имел, как имеет и сейчас, известное пищевое значение. Так почему же думать, что наши далекие предки игнорировали эти пищевые ресурсы, в основном завися от наличия мяса?

И специально о бобре. Перечисленные археологические находки, особенно обстоятельное исследование В. А. Городцова, не могут не привести к заключению о выдающейся роли бобра в жизни человека с самых ранних времен. Напрасно думает М. Г. Худяков, что частые находки зубов бобра в могильниках указывают на распространение пушной охоты.¹ Находки эти есть первое свидетельство древнейшего происхождения бобрового хозяйства, ибо ни при какой стадии развитой эксплуатации бобр не мог выдержать стационарной (у городища) и длительной примитивно-промысловой добычи.

Одним словом, промысловое использование животных человеком зародилось как мясо-сырьевое, начиная с мельчайших съедобных животных, в меру простоты овладения ими. Крупные звери, а из них копытные, стали доступны человеку не сразу. А сделавшись таковыми, последние не потеряли значения до сих пор, и даже там, где они ныне почти исчезли, легко может быть восстановлено экономически вполне рентабельное охотничье хозяйство на копытных. Охота на животных, ныне именуемых пушно-промысловыми, задолго до того как она приобрела значение источника товарных ценностей, существовала для внутрисемейных нужд и пищи. Товарная специализация этой отрасли была разновременной, иногда очень поздней и для крайнего северо-востока Сибири, например, наступила лишь после прихода русских.

Элементы охотничьего хозяйства появились в очень давние времена и должны быть отнесены к началу развития коллективных охот, специализации оружия и промышленников. В полном смысле слова эта форма хозяйства развилась в отношении бобра.

Впрочем, прежде чем переходить к изложению этого раздела, необходимо остановиться вкратце на уяснении терминов «охота» и «охот-

¹ Оговоримся, что ошибочное суждение о бобре как исключительно охотничьим животном древности свойственно отнюдь не одному М. Г. Худякову. Например А. В. Збруева, приводя интересные материалы о большом количестве остатков бобров во всех стоянках Прикамья, начиная с неолита, заключает, что основным охотничьим животным их насельников были лось и бобр (463, стр. 39).

ничье хозяйство», поскольку моменты эти, как ни странно, весьма далеки от ясности.

Что такое «охота»? Некоторые авторы склонны определять ее как «один из видов промысла». Это довольно широко распространенное понимание ошибочно. Охота в народном значении слова синоним слова промысел, но только если она производится в целях извлечения выгоды. В противном случае охота есть один из видов спорта. В ряду же «промыслов» вообще охота занимает совершенно особое место, ибо в ней всегда есть элементы удовольствия и спорта. Поэтому-то охотничий промысел, даже став малодобычливым и не доходным, упорно сохраняется, где только возможно, и находит своих адептов, которые предаются ему из года в год, теряя гораздо более выгодные возможности заработка.

Для определения понятия «охота» лучше всего применять официальную формулировку, а именно: «охота есть добывание зверей и птиц, находящихся в состоянии естественной свободы, совершаемое в различных целях». Такое определение подходит ко всем видам этого занятия, притом во всех стадиях развития человеческого общества.

Более сложно для определения понятие «охотничье хозяйство», поскольку это явление, как и всякая хозяйственная отрасль, подвержено развитию и многим изменениям¹.

В простейшем случае охотничьим хозяйством будет охота, ограниченная как-то в интересах сохранения ее объектов. Наличие таких моментов мы находим на очень ранних стадиях развития общества. Это прежде всего запреты в форме определяемых обычаем сроков и способов лова, а также изъятие из охотпользования некоторых участков охотугодий, в форме ли священных мест, княжих пуц или королевских парков.

Следовательно, мы имеем право утверждать, что элементарное охотничье хозяйство свойственно человеку с древнейших времен.

Высшие формы охотничьего хозяйства определяются наличием различных степеней заботы о безопасности и благополучии животных, учет их, устройство территории, обогащение фауны, усовершенствование способов добычи и т. д.

Приходится признавать, что охотничьи хозяйства и в усовершенствованной форме отнюдь не есть достояние только нового времени.

Охотничье хозяйство, начиная с простейших форм, четко разграничивается на две отрасли: промысловое, содержащее в целях материальной выгоды, и спортивное, то есть то, которое, будучи содержимо для увеселительных надобностей, может быть и обычно бывает убыточным.

Насколько можно проследить, охота была забавой знати едва ли не со времени обособления таковой. И с древнейших исторических времен мы можем обнаружить следы организованных царских или княжеских охот и охотничьих хозяйств. При этом важно отметить, что во многих случаях они организовывались и содержались на основе высокой техники этого дела, под ведением специалистов. Кроме запретов, подкрепляемых свирепым охотничьим законодательством, и организованной охраны разных типов, мы различаем наличие учета дичи, подкормки, посадки интересных для охоты животных, заботу о безопасности высокопоставленных охотников и т. д. вплоть до издания специальных руководств по вопросам охоты в довольно удаленные времена.

Несколько менее ясен вопрос истории промысловых охотничьих хозяйств, что и понятно, так как они имели слишком мало шансов оста-

¹Для всех случаев отмечу свое согласие с принципиально важной формулировкой С. Д. Перелешина, что «охотничье хозяйство, как и всякое хозяйство, есть категория социально-экономическая, а не биологическая». Этого, к сожалению, не могут понять многие работники охотничьего дела.

вить по себе следы. Однако, уже по аналогии с современными охотничьими хозяйствами, об элементах которых у народов Сибири мы говорим далее, надо думать, что нечто подобное не могло не существовать во времена давно прошедшие. Специальное исследование позволит, вероятно, обнаружить и более определенные следы этого явления.

С веками значение охоты в большинстве стран уменьшалось и эта отрасль хозяйства приходила в упадок. Регресс сказывался не только в смысле снижения роли охоты в хозяйственной и культурной жизни стран, но и в смысле уровня и наличия охотхозяйств.

Замена исчезнувших охотничьих хозяйств государственными ограничительными охотничьими законами произошла лишь в самое недавнее время; в России, например, только в самом конце прошлого столетия.

Как элемент эволюции вопроса отметим то, что в деле организации охотничьего хозяйства все большую роль стала играть территория. Это, с одной стороны, потому, что, по мере освоения стран и роста населения, земельные возможности для организации разного типа охотничьих хозяйств ограничивались, во всяком случае экстенсивного типа. С другой — рост биологических знаний стал приводить к уяснению того, что задача организации охотничьего хозяйства есть прежде всего вопрос местности, в которой оно располагается, с покрывающей ее растительностью. «Сырьевые ресурсы», т. е. промысловые животные есть только производное, и их наличные запасы не играют роли. Важно определить место, на котором животные, будучи поставлены в наилучшие условия, могут размножаться с наибольшим эффектом. Ошибочны поэтому многие попытки организации охотничьих хозяйств в самых безлюдных, глухих и пустынных местах, рассчитывая их на «недоиспользованные» и «неисчерпаемые» богатства их фауны. Стоимость освоения и обслуживания таких территорий не окупалась и не могла окупаться, ибо естественная производительность местности не допускала желательного роста поголовья. Будь же дело иначе, местность не оставалась бы пустынной, а была бы освоена населением занятием наилучших мест.

Наиболее, быть может единственно вполне выгодные охотничьи хозяйства (особенно мясо-сырьевого типа, могущие, отметим, давать едва ли не максимальную доходность) могут организовываться в местностях с наилучшими растительными возможностями, то есть в полосе, наиболее освоенной людьми. Не только бобр, а и всякий промысловый зверь отлично уживается с человеком. Если население настолько культурно, что обеспечит ему достаточную безопасность, он будет плодиться и множиться среди самых густых человеческих поселений. Он сумеет использовать мелочные, недоступные человеческому хозяйству кормовые и защитные ресурсы местности и во много раз повысит доходность территории, сознательно предоставленной его обитанию.

Сказанным объясняется очень высокая плотность поголовья промысловых зверей и выход продукции на единицу площади перенаселенной Западной Европы.

Не подлежит никакому сомнению, что когда высказанные мысли получат всеобщее признание и когда охотничьи хозяйства постепенно будут развернуты на всей огромной площади наиболее плодородной и освоенной полосы Восточной Европы и Северной Азии, выход продукции и чрезвычайная доходность этой отрасли обеспечат ей громадный успех. Практические возможности повсеместной организации охотхозяйственно-го использования диких животных в этих странах беспредельны.

Нам думается при этом, что в странах, ставших на путь социалистического развития, то есть там, где отсутствует частная собственность на землю, где только и могут гармонично, на пользу всему народу разви-

ваться все хозяйственные отрасли, всем видам охотничьего хозяйства предстоит расцвести с невиданным успехом.

Начало возникновения собственно бобрового охотничьего хозяйства восходит ко времени образования постоянных человеческих поселений, в радиусе достижения которых бобр как объект промысла не мог не исчезнуть в кратчайшие сроки.

Возвращаясь к исследованиям В. А. Городцова в городищах Дьяковской культуры, мы должны сказать следующее.

Результаты раскопок городища приводят к решительному заключению, что обитателям городища Дьяковской культуры было известно ведение бобрового хозяйства, которое и занимало в их жизни не малое место во все время существования городища; оно перешло к народам последующих эпох и было воспринято именно как хозяйственная отрасль. В свое время дьяковских финнов сменили славянские бобровники, и бобровое хозяйство продержалось на этих местах еще более тысячелетия.

На Руси бобр как хозяйственно ценное животное занимал особое положение с древнейших времен.

Прежде всего об этом свидетельствует знаменитый памятник древнерусского законодательства «Русская Правда» (272).

Во всех его списках имеется упоминание о бобре. «Аще украдет кто бобр, то 12 гривен» (272, стр. 112); или «А кто украдет бобр, или сет, или разломает борть, или кто посечет дерево на меже, то по верви искаши татя в себе, а платити 12 гривен продажи» (стр. 271); или даже особый пункт «О бобре» (стр. 336, 356): «А хто украдет бобр, то 12 гривен продажи».

Такое исключительное выделение бобра в древнерусском законодательстве не могло не привлечь внимания его исследователей.

Наиболее примитивны взгляды М. Владимирского-Буданова. Он просто говорит, что «ловля пушных зверей составляла главный источник богатства, наравне с пчеловодством» (456, стр. 112). Не менее беспомощно толкование М. Н. Покровского, желающего объяснить выделение бобра тогдашним значением внешней торговли (289, стр. 525)¹.

Не будучи в курсе дела, первый из авторов упускает из вида даже то основное обстоятельство, что бобр совершенно выделен из всех пушных зверей, которых было немало. Вероятность же заключения М. Н. Покровского уничтожается тем соображением, что в пушной торговле того времени удельный вес бобра, как бы он ни был велик, сам по себе не мог бы определить принципиально иного взгляда на него в быту и в законодательстве, если бы он оставался в ряду многих ценных объектов пушного промысла русских эпохи Мономаха.

Не прав также И. М. Кулишер, который говорит, что он присоединяется к мнению П. Мрочек-Дроздовского, будто выдающийся размер пени за убой бобра объясняется лишь тем, что здесь идет дело не о бобре, как таковом, а о наказании за браконьерство (473, стр. 50).

Гораздо ближе к истине наиболее старый из комментаторов «Русской Правды», а именно Болтин (1792 г.). Он обращает внимание на заботу закона о предотвращении вреда, причиняемого всему стаду, и считает, что размер пени столь велик потому, что «сей закон предметом имеет истребление всего бобрового завода» (467, стр. 550).

Наконец, единственно верным является заключение А. Станиславско-

¹ Полное непонимание особенностей этой статьи показывает так же Н. Хлебников. Он говорит об ответственности верви тогда, «когда выдраны пчелы или украден бобр из ловушки», относя это к воровству «предметов, которые находятся вне дома, так сказать у всех на виду» (471, стр. 303).

го. Он считает, что бобр в «Русской Правде» выделен потому, что он был объектом правильного охотничьего хозяйства (454, стр. 188).

Далее рассмотрим суждение о земельном значении закона. Пункт 69 «Аже украдет хто бобр то 12 гривен продажи» многие авторы, в том числе П. Мрочек-Дроздовский (459, стр. 8), считают органически связанным с пунктом 70: «Аже будет росечена земля или знамение, им же ловлено, или сет, то по верви искати татя в себе ли платити продажу» (467, стр. 549). Последняя читается так же: «Оже боудоть росечена земля или на земли знамение им же ловлено, или сеть, то по верви искати татя в себе, а любо продажа платити» (456, стр. 62). При этом М. Владимирский-Буданов, для которого истинное значение бобра в древней Руси остается непонятным, полагает, что пункт 70 относится к украденному предмету, которого хозяин не сможет признать даже встретив: «таковы все предметы охоты, бобр и пр.» (456, стр. 62, прим. 111). В своем заблуждении автор упускает, что из великого множества подобных предметов выделен в законе все же только бобр. П. Мрочек-Дроздовский смотрит глубже, полагая, что в пункте 70 говорится о ловле бобра, связанной с разрушением жилищ, что, конечно, должно было быть признано более серьезным правонарушением, нежели простая кража.

Очевидно, что и П. Мрочек-Дроздовский не смог достаточно уяснить себе истинного положения дела, заключающегося в крайней важности преступления против исконной и основательно организованной хозяйственной отрасли — бобрового хозяйства.

В отношении ответственности за кражу всей верви Н. А. Максимейко отмечает, что если браконьер не бывал найден, но оставленные им следы приводили к общине — «верви», то штраф взыскивался с нее, если она отказывалась найти похитителя (458, стр. 147).

И. М. Кулишер по этому поводу говорит, что ответственность верви, которую она несет по смыслу статьи «Русской Правды» о бобре, связана только с нарушением прав поземельного характера, «когда нарушены были права за предметы, выходящие за пределы непосредственного личного владения или охранения» (473, стр. 16). Очевидно ближе к истине стоит Собестьянский, полагая, что ответственность верви за покражу бобра в самом факте убоя зверя в ее пределах. Он ссылается на то, что «в средневековой Польше сельское население обязано было стеречь бобров, в противном случае подвергалось тяжелым наказаниям». Вервь отвечала потому, что в ее пределах нарушалось право князя (457, стр. 553).

Ясно опять-таки, что в данном случае мы имеем привлечение к ответственности не за браконьерство как таковое, ибо в таком случае упоминалась бы добыча и других не менее ценных и интересных для князя животных, но именно за нарушение особо нужной хозяйственной отрасли.

Наконец, важны высказывания о бросающемся в глаза совпадении размеров взыскания за кражу бобра и за убийство человека (12 гривен). По этому поводу К. Г. Стефановский говорит, что резкое выделение дел о бобрах в «Русской Правде» и сравнение их со смертоубийством заметно также в том, что «для установления иска достаточно одного факта преступления, хотя бы преступник и не был известен» (455, стр. 32). Последнее заслуживает быть особо отмеченным потому, что по русским законам того времени всякий обычный процесс начинался клепом или иском, и обязательно должно было быть известно лицо обвиняемое.

Сказанное служит особенно важным доводом к нашему заключению о действительно выдающемся значении бобрового хозяйства в русской жизни времен «Русской Правды».

Подводя итог сказанному, мы приходим к выводу, что предельно

краткое, но глубоко продуманное положение древнерусских законовевдов о бобре позволяет свести обособление этого животного, принятое на Руси в ту эпоху, к следующим пунктам:

1. Полное выделение бобра из числа зверей промысловых или спортивно-охотничьих¹. Бобр в глазах авторов «Русской Правды» отнюдь не был диким зверем. Намерение наказывать за кражу зверя, которого еще следует упромыслить, могло бы иметь место в смысле нарушения чьих-либо прав на угодыя, с перечислением и других объектов браконьерства. Мы же имеем непосредственное определение правонарушения. Следовательно, бобр, не в пример всем другим свободно живущим млекопитающим, признается предметом движимой собственности другого порядка.

2. Признание за бобром материальной ценности и значения гораздо более высокого нежели за домашним скотом или другими предметами движимой собственности, включая столь ценимых среди власть имущих лиц ловчих птиц. Об этом убедительно говорит гораздо меньшая степень изыскания за кражу их или повреждение.

3. Сопоставление кражи бобра с важными правонарушениями земельного порядка, могущими повлечь тяжелые последствия («посечет дерево на меже») или чисто хозяйственного, но большого значения («разломает борть»).

4. Возведение дел о бобре на степень преступления высшей важности, приравняемых по тяжести ответственности к таковым за смертоубийство (12 гривен за убийство холопа).

5. Признание дел о бобре настолько важными, что ответственность по ним возлагалась на целое общество; это потому, что таким путем легче всего было добиться устранения возникновения их в порядке круговой поруки внутри целой верви.

6. Выделение дел о бобре из области общепринятых юридических норм в части права преследования, вчинения иска и т. п.

Совершенно очевидно, что такое исключительное положение должно было основываться на государственной необходимости, и она действительно имела место.

Во-первых, как будет видно ниже, на Руси искони существовало и занимало большое место правильное бобровое хозяйство. Во-вторых, русские люди того времени знали, и не могли не знать, что процветание этой отрасли было возможно лишь при условии постоянной заботы и особо бережного к ней отношения. Ибо естественная сопротивляемость этого хозяйства ничтожна, а жизненная устойчивость слаба, почему всякое незаконное вторжение в жизнь бобровых гонимых ни в коем случае не могло быть терпимо.

Занять столь видное место в первом русском своде законов бобр смог, лишь имея самое широкое, а главное исконное значение в жизни того времени. Доказательство тому, что это было именно так, мы находим в многочисленных упоминаниях о бобре и бобровом хозяйстве, которые постоянно встречаются в памятниках старинной русской письменности, начиная с древнейших времен².

¹ В соседних с запада странах, где бобр выделялся не в меньшей степени, законоположения изымали из общего пользования наряду с ним и других особо ценных животных. Так, в «Уставе на волоки господаря короля» Великого Княжества Литовского от 1557 г. есть любопытное определение права подданных охотиться «на своих волоках»: «вольню забити волка, лисицу, рыся, росомаху, зайца, белку и иньшый зверь малый, так же птахи всякие, и продавати кому хотячи и не оповедаючи вряду» (469, стр. 55). Таким образом бобры и копытные (главный объект господарской охоты), а равно, видимо, и куница были заповедными животными по всему княжеству.

² Значение бобрового хозяйства в Западной Руси и Прибалтике было вообще

Едва ли не первым из них следует признать грамоту полоцкого князя о даровании бобровых гонов Троицкому монастырю в 1399 г. (4, стр. 21). Немного моложе приведенной — уставная грамота Витовта, относящаяся к 1453 г. (13, стр. 9), но так как она написана, по преданиям старцев, содержание ее свидетельствует о глубокой древности происхождения.

Уставная грамота Витовта имеет особое значение в интересующем нас отношении. В ней мы читаем: «Где берег великого князя сумежный з боярским, туто гонити бобры и бобровникам великого князя и боярским и поделити бобры по старому, а сетей и рожнов и осок боярам не держати и поколодв и ковшов на ставити. А где киевский или боярский берег особый, а великого князя берег не пришел: туто им ставити поколоды и ковшы, и собаки держати, и сети, как мога, так бобра им ловити». Из этого видно, что в половине XV в. охотничье хозяйство на бобров было уже старинным делом. Приведенная цитата показывает, что, во-первых, бобровые угодья были строго поделены. На каждом из них, по существовавшим правилам, вели хозяйство бобровники землевладельца. В пограничных угодьях допускался совместный лов, причем добыча делилась по некоторому «старому» порядку. При этом лов был ограничен, а некоторые ловушки и совсем запрещены: рожны и осоки. Угодья великого князя охранялись особенно строго. Даже на границах их боярам запрещалось иметь сети, рожны и осоки, ставить поколоды и ковши, а также держать собак. Свободный — «как мога» (но все же, видимо, не рожнами и осоками) — лов бобра разрешался вдали от великокняжеских границ и то на угодьях смежных.

Из распоряжения митрополита Киприана крестьянам Константиновского монастыря от 1391 г.: «на бобры им в осенине пойти» видно, что на крупных, во всяком случае угодьях, лов бобра производился организованно и в определенное время года (13, стр. 9, примечание).

Уже приведенные ссылки показывают, что с самых ранних времен бобровое хозяйство занимало в русской жизни большое, прочно установившееся место, факт, который почему-то игнорировался до сих пор исследователями. Так, особенно это заметно при изучении капитального труда В. И. Сергеевича «Древности русского права» (310). Во всей подробности излагая вопросы землепользования и обложений, автор отводит лишь несколько строк охотпользованию в целом. Именно: «наряд людей в помощь княжеским рыболовам и охотникам на бобров, медведей и других зверей, наконец, предоставление князю ловли бобров и других животных на своих землях, причем княжеские охотники пользовались правом постоя и корма» (стр. 176). Следовательно, автор вовсе не разобрался в специфическом значении бобрового хозяйства и даже смешал его с «ловлей других зверей» и охотой вообще, К сожалению, приведенный пример не исключение, наоборот, он типичен для нашей специальной литературы, которой свойственно непонимание огромного значения охотничьего хозяйства в древнерусской жизни¹.

Действительно, во всей доступной нам литературе, в какой-либо сте-

особенно существенно. Рассматривая грамоты Великого Княжества Литовского XV—XVI вв. (469), касающиеся земельных вопросов, мы всюду находим указания на бобровые гоны (см., например, грамоту вел. кн. Александра, 1499 г. стр. 24, короля Сигизмунда, 1507 г., стр. 26 и др.). При этом в перечислении угодий, ценностей и доходных статей мы видим упоминания «зеремян», «езов» (стр. 27), бобровничьей подати и других понятий, относящихся, как увидим ниже, к данной отрасли.

¹ Даже те из авторов, которые осознавали выдающееся значение охотничьего дела больших времен, не поднимались до признания правильною хозяйственного устройства отдельных его ответвлений. Так, например, И. М. Кулишер подчеркивает большое значение охоты на Руси в XV в., особо выделяет роль в ней бобров, но не разбирается в организационных формах отрасли (473, стр. 50, 51).

пени касающейся бобра, мы находим лишь один источник, притом из ранних, дающий правильную оценку положения бобра в хозяйстве древней Руси. Именно, А. Станиславский, комментируя соответствующие статьи «Русской Правды», говорит по этому поводу следующее: «Кажется, что в старину, хотя бобров и нельзя причислить к разряду домашних животных, славяне, не только русские, но и другие, занимались их разведением и имели правильно устроенное бобровое хозяйство. Знаменитый польский ученый — Фаддей Чацкий — утверждает, что многие постановления XIII столетия упоминают об особенных даже чиновниках в Польше, называемых бобровниками, а из одной рукописи 1229 г., писанной на латинском языке и принадлежавшей этому ученому, усматривается, что около Пултуска так были устроены бобровые хозяйства, что владельцы умели даже подбирать целые стада одномастных бобров, преимущественно черных. Вероятно, в подобном же состоянии находилась эта отрасль хозяйства в древней России» (454, стр. 188).

Таким образом цитированный автор, основываясь на данных Чацкого, совершенно правильно угадал истинное состояние бобрового дела в древней Руси. Однако, не будучи специалистом, он совершенно не разработал своего построения, а замечания его по данному вопросу прошли не замеченными до наших дней.

Бобровники — люди, жившие этой отраслью хозяйства, составляли в древней Руси особое мощное сословие. Множество населенных пунктов обречено было своим возникновением интересам бобрового дела. Некоторые авторы, например А. И. Лоначевский (191), предполагают даже, что бобровый промысел был во многих случаях изначальной причиной оседания славян на новых местах. В этом, очевидно, и нет преувеличения. Среди форм хозяйства того удаленного времени, имевшего более собирательный характер, эксплуатация бобровых поселений, благодаря своей простоте, доходности и полной стационарности обитания животных, скорее, чем что-либо могла побудить человека накрепко осесть на место. Бобровые угодья, а именно «гоны» и «ловы», о которых говорится во многих документах, и «зеремьяны», о которых сообщает Н. Кутепов (184, стр. 1, 39, 178), имели, естественно, большое значение в народной жизни. Сущность этих названий нам недостаточно известна, но, по-видимому, словом «гоны» обозначались бобровые хозяйственные угодья в целом, «зеремьяна» — место обитания зверей, «ловы» (быть может так же как «ухожаи» А. П. Шапова, 406, стр. 284) — место самой добычи зверя¹.

Во всяком случае точное разделение бобровых гонов и ловель от зверовых ухожаев было общепризнанным и отражалось в документах довольно даже позднего времени. Хороший пример этому дают нам материалы по истории Кольского полуострова, собранные И. И. Ульяновым (364). Так, в «переносной росписи» Печенгского монастыря от 1658 г. (стр. 98) говорится: «с верхотинными и сторонними ручьи и ручейки, с бобровыми ловли и со всеми звериные ухожеи», «и ловли красной рыбы семги и бобровые гоны и звериные ухожеи», «в рыбных ловлях, в реках и в озерах и в бобровых и звериных ловлях и в лешах угодьях» (стр. 100) и т. д., в приписных, закладных и других документах. Здесь отражается, во-первых, четкое противопоставление бобровых угодий промыслам на других животных, а самого бобра всем промысловым зверям. С другой стороны, быть может, определенное различие, существовавшее в понятии «бобровые ловли» и «бобровые гоны»,

¹ В одном документе от 1694 г., относящемся к земле башкир (432, стр. 821, говорится о бобровых «вяжах», запустевших от многолюдства, «вяжи» — видимо, синоним «гонов» или «зеремьян».

Бобровые гоны были правительственные, монастырские, частные!, они служили предметом купли, наследования и т. п. как недвижимость, одним словом, бобровое дело на Руси имело все элементы разработанной, прочно установленной хозяйственной отрасли государственного значения.

О том, что это не был промысел, как это принято думать, а именно организованное охотничье хозяйство, мы видим из многих фактов. Прежде всего особое положение бобровников. Они имели ряд далеко идущих прав и привилегий, вплоть до освобождения от всех, кроме поставки бобров, податей, налогов и постоя, вплоть до неподчинения местным властям, от посягательства которых их ограждали специальные указы (184, стр. 182; 406, стр. 285; 173 и др.). Бобровники искони отнюдь не отождествлялись с промышленниками, а относились к числу специалистов определенных ремесленных отраслей. Это видно из принятой в различных древнерусских грамотах формулы передачи во владение людей: «А что наши люди, деляны и ловчане, и они свои места и ужогаи ведают по старине. И городские рыболовы и стобники, псари, подвозники меховыи, подвозники кормовыи и садовники, ястребы, подвозники медовый, и гончары, неводчики и бобровники и иные» (273, стр. 176, 137, копия с договорной грамоты великого князя Ивана Васильевича с Резанским князем Федором Васильевичем 1496 г. и другие там же).

Обязанности по отлову бобров, а следовательно, и по обслуживанию этой отрасли хозяйства, выполнялись не только государственными специалистами — бобровниками. В частных землевладениях это поручалось крестьянам, как часть их обязанностей по отношению к владельцу. Однако это ответственное задание было уделом выдающихся, наиболее зажиточных крестьян, что видно из указаний В. Д. Грекова о ловле бобров для Константиновского монастыря (86, стр. 91). Было бы невероятным, что такая избранная каста создалась вокруг элементарно простого, любому доступного промысла этих зверей. Ясно, что в лице бобровников выделялись и ценились специалисты тонкого дела — бобрового хозяйства — из поколения в поколение передающие и совершенствующие его секреты. А что секреты такого рода существовали, показывает пример соседней Польши. В ней, как говорит, ссылаясь на Чацкого, К. Кудряшов (173), правильное охотничье хозяйство на бобра существовало еще в XIII в.; при этом оно стояло на такой высоте, что польские бобровники умели подбирать одноцветных бобров по водоемам; иными словами, они обладали опытом и владели до сих пор не выясненным секретом селекции бобров в природе.

Нет оснований думать, что русские того времени уступали полякам в постановке бобрового хозяйства, иначе не оправдывали бы себя все разнообразные заботы об этой отрасли и существование исконных бобровых поселений. А густота последних местами была чрезвычайной. Так, по данным А. П. Щапова (406, стр. 285), на р. Клязьме с притоками еще до XVI в. было застроено и заселено бобровниками до 24 деревень и 1 поселок бобровнический, которые и образовывали «Ильмехотский бобровничайстан».

Изложенное свидетельствует о наличии высокоспециализированного, тщательно разработанного бобрового хозяйства в древней Руси. Но специализация в области охотничьего промысла и хозяйства не ограничивалась в ту пору бобрами. Разнообразие направлений этой отрасли было очень велико. Наряду с бобровниками, в отличие от промышленников вообще, упоминаются специалисты тетереvники, ловцы лебединые, заячьи, гоголиные и т. д. (13, стр. 12).

Естественно, что такая сложная хозяйственная отрасль должна была иметь особое управление, и оно действительно существовало.

Ведомства, управлявшие делом эксплуатации животных богатств: боброводством, пчеловодством, рыболовством и охотой, а также связанными с последней отраслями: собаководством, сокольничеством, а отчасти и коневодство, носили название «путей» (309, стр. 381); происхождение их, по мнению В. И. Сергеевича (309, стр. 382), относится к XIV в.¹ Известны пути: сокольничий, конюший и ловчий; последний ведал бобровниками, псарями, рыбниками и, надо полагать, всеми вообще видами охоты. Иногда дела рыбников выделялись в ведение стольничьего пути. В сфере деятельности путей находились промысловые селения и лица определенных специальностей. Руководство путями лежало на «путных боярах», имевших, видимо, свою квалификацию. Они обладали широкими полномочиями и правами: постоя, подвод, кормов и т. д. Оплата их производилась за счет дохода от путей (309, стр. 387) и большею частью была натуральной.

Экономическое значение путей было издревле очень велико, это видно хотя бы из того, что князья получали их на старейшинство, причем они выделялись из общего пользования братьев (грамота Симеона Гордого от 1341 г., 13, стр. 13).

Лицо, ведавшее ловчим путем и делами охоты вообще, носило титул «ловчего», который представлял собою характерную фигуру древнерусской жизни.

Происхождение должности ловчего относится к глубокой древности. О нем упоминает в своем послании к детям Мономах (420, стр. 506). В боярских книгах он упоминается с 1509 г. (351, стр. 509). Ловчий пользовался большими полномочиями в княжестве, вплоть до права смертной казни. Он имел свой штат, в том числе двух подручных чиновников. Центром внимания его было, очевидно, бобровое хозяйство, так как ему и только ему подчинялись бобровники и они же были повинны содержать ловчего со штатом. Со стороны князя ловчие награждались землями; однако они им, видимо, давались во временное пользование, так как, если ловчий уходил от князя, то земли его лишали (13, стр. 13).

Особенно велико было значение ловчих в Западной Руси, Литве и Польше, где вопросам охотничьего хозяйства исстари уделялось большое внимание. Такое положение объясняется, с одной стороны, тем, что искони там была сравнительно велика плотность населения. Поэтому стеснение в угодьях и оскудение зверя могло ощущаться раньше, чем пришло в упадок древнее охотничье дело. Во-вторых, находясь в непосредственном соседстве с бедными мехами странами Западной Европы, западнославянские государства ранее других познали высокую товарную ценность мехов и их возможное государственное значение.

В Литовско-Русском государстве XV в. ловчие бывали в Смоленске, Брянске и Витебске, причем в Смоленске это была видная должность (457, 15, стр. 848). Они заведывали охотой господарей, имея в помощниках ловцов и псарцов. В Полоцке, Витебске, Луцке и Берестейской земле существовали, кроме того, господарские бобровничьи, которые заведывали специально бобровниками. По этому поводу Н. К. Любавский (там же, стр. 849) приводит грамоту короля Казимира полоцкому пану Сапеге, от 12 августа 1484 г.

¹ Есть дачные о более древнем происхождении «путей». Так, Н. Андреев сообщает, что они были известны в Ростовско-Суздальском княжестве еще в XIII в. Существовали «ловчий путь», («сокольничий путь» и т. п. Управлялись они ловчим, сокольничим и т. д. (468, стр. 184, 185).

В Польско-Литовском государстве вопросы охотничьего хозяйства также породили иерархию специалистов, и среди чиновников того времени мы встречаем «гаевников, лесничих и бобровничих» (457, III, стр. 672). Значение их, власть и объем обязанностей были различны, но все они, по-видимому, составляли штат ловчего.

В эпоху Люблинской унии (1569—1589 гг.) охота занимала большое место в жизни литовского княжества и именно в организованных формах. «Ловчий великого княжества литовского был далеко не последним сановником государства», говорит И. И. Лаппо (462, стр. 369), он мог быть даже сенатором. Посты ловчих занимались представителями таких знатных фамилий, как Воловичи, Радзивиллы и т. п. Ловчий ведал пушами, охраной зверя, его изучением и должен был вести его тщательный учет. Он составлял описания пуш и переходов звериных, а также ведал пользованием всякого рода в пушах, разрешенным великим князем разным лицам. В ведении ловчего находились лесничие, которые «по своим врядам являлись органами, подчиненными ловчию, как высшему уряднику, ведавшему господарскую охоту и все к ней относящееся» (там же, стр. 302). Ловчие ведали деталями охотничьего хозяйства, следя, чтобы не возникало господарю ущерба «ни в звере, ни в бортях, ни в озерах, сеножатах и бобровых гонах» (там же, стр. 302).

Из этого мы видим, что охотничье хозяйство носило тогда комплексный характер.

Использование бобров в пушах как государских, так и общих регламентировалось определенными постановлениями. Пример этого мы находим в «Уставе на волоки господаря короля» Великого Княжества Литовского от 1557 г.: «А во всех наших и обчих пушах, где перед тем подданные наши бобры на нас гонили, и теперь по первому гонити мають; а где бы ся в реках и озерах наших ново бобры показали, и там ловити мають; а за працу их брати им бобра пятого, альбо почеревьє от каждого бобра» (469, стр. 54).

В этом уставе обращает на себя внимание стремление закрепить ранее существовавшие порядки боброловства. Кроме того, характерна забота о вовлечении в эксплуатацию местообитаний бобров, которые могут быть вновь открыты; это скорее всего свидетельствует о наступившем оскудении этого зверя. Наконец, важно отметить упоминание о форме оплаты труда бобровников натурой, на что нам не дают указаний другие источники.

Непосредственными исполнителями были «осочники», которые особым штатом не только охраняли пушу, но вели и наблюдения за зверями, сообщая их лесничим (462, стр. 372).

Отметим здесь же, что в силу большого значения бобрового дела в Западной Руси, среди различных даней того времени постоянно отмечается бобровая. Она шла в уплату как доходная статья, очевидно считаясь устойчивым источником ценностей, и как таковая включалась в договоры. Так, например, 20 марта 1519 г. король Сигизмунд, в счет уплаты долга некоему Гаштельну отдал ему замок Мозырь «з местом и з волостью Мозырскою и Пчыцкою, и со всеми даньми грошовыми, и бобровыми, и куничными, и карчомными пенезьми» (457, т. III, стр. 693).

Бобровая дань, равно куничная и медовая, постепенно заменялась деньгами. Это происходило возможно в силу оскудения угодий, а скорее в результате большей простоты взимания выплат, в связи с ростом и совершенствованием денежного обращения. Так, в 1510 г. дань с Задвинских волостей была взята «с Мемежан 20 рублей и две копы, а полтора рубля яловщины, а 20 бобров грошми по 40 грошей бобр,—

то 13 коп и 20 грошей, а три бобры шерстью, а осмьдесят куниц шерстью» (там же, стр. 340)¹.

По мере укрепления центральной власти государь расширял и свои права на эксплуатацию бобрового хозяйства. Так, в половине XV в. в Литовско-Русском государстве возникло господарское право на использование бобровых гонов на землях, находящихся в частном владении; таким образом бобр стал в своем роде государственной регалией, что особенно оттеняет значение его в хозяйстве той эпохи. При этом землевладелец иногда получал право на половину отловленных бобров, а иногда ему оставлялась только рыбная ловля (457, т. IV, стр. 850).

Важно, что при отобрании в государственное владение помещичьих гонов, крестьяне помещика привлекались к отлову бобров на господаря; очевидно было необходимо использовать специальные знания помещичьих бобровников. Из этой повинности возник особый «бобровничий» оброк, что Н. К. Любавский считает следствием оскудения этого зверя (там же, стр. 851).

Нужно думать, что подобная повышенная эксплуатация, усугублявшаяся, очевидно, браконьерством со стороны землевладельцев и возможно самих крестьян, действительно должна была привести постепенно к искоренению древнейшей культурно-хозяйственной отрасли — бобрового хозяйства.

Интересно отметить, что помимо использования труда бобровников — специалистов своего дела и промышленников крестьян, доставлявших князю продукцию своего труда в порядке выполнения части натуральных повинностей, древней Руси было известно ведение государственных охотничьих промыслов рабской или наемной силой. Так, Д. К. Соловьев (335, стр. 30) сообщает, что удельные князья, отводя для себя лучшие угодья, поселяли на них особых промышленников — «делноев», которые под контролем ловчих обязаны были специально заниматься ловлей зверей и сдавать добытое в княжескую казну. Как известно, создание наемных охотничье-промысловых артелей широко практиковалось позднее, в период завоевания и освоения Сибири, но главным образом по частной инициативе. Впрочем, большую деятельность этого рода развернул в свое время на Енисейском севере Туруханский монастырь, построив целую сеть зимовьев в низовьях р. Енисея и на Таймыре (17, стр. 18—30; 337, 346).

В Московской Руси в течение известного времени роль ловчего не только сохранялась, но и получила большое значение. Так, по сообщению А. Терещенко (351, стр. 430): «ловчие разделялись; на ловчих рязанского и московского пути; последнему были подчинены городовые. Ловчий равнялся нынешнему егермейстеру». Очевидно, что ловчий московского пути заведывал спортивной, собственно, царской охотой, составлявшей немаловажную сторону придворной жизни. Так, из перечней московских чиновников того времени московский ловчий приводится в числе думных дьяков, т. е. представлял из себя персону довольно видную (429). Ловчий же рязанского пути, ведая провинцией, занимался вопросами охотхозяйственного порядка.

Постепенно звание и роль ловчего мельчала. В делах Сибирского приказа, ведавшего колоссальными пушно-промысловыми операциями в Сибири, участия они, видимо, не принимали, все более превращаясь в «егермейстеров», а затем и егерей. Чрезвычайно измельчало и само понятие «ловчий». Дошло до того, что, как свидетельствует словарь

¹ Отмечаем: бобры и куницы «шерстью» — в натуре, в отличие их ценности, могущей быть возмещенной деньгами.

В. Даля (94, стр. 676), под этим именем стал подразумеваться «главный псарь».

Впрочем, постепенно и значение охоты изменилось. Из стройной и веской хозяйственной отрасли государственного значения она окончательно превратилась в забаву высших слоев населения, совершенно отделившись от пушного промысла. Последний продолжал еще долго быть источником государственных доходов и лишь много позднее полностью перешел в частные руки.

Изменение взглядов правительства на охотничье дело в целом весьма четко выражено словами Петра Великого, сына такого исключительного любителя всех видов охоты, каким был Алексей Михайлович. На замечания придворных о том, что он не занимается и не интересуется охотой, увлеченный западными новшествами, царь-преобразователь ответил: «я царь, а слава царя в благоденствии народа; охота же есть слава псарей» (351, стр. 431). Из этого ясно, что к данному времени древнерусское охотничье хозяйство выродилось уже полностью.

Менее стройной, вернее более разнообразно организованной, в силу множества народностей и размеров страны, была система бобрового хозяйства в Северной Азии, но существовала она повсеместно.

Бобровые гоны в Сибири стали известны русским с самого начала завоевания этой страны.

В 1600 г. на отнятые у него бобровых гонов русскими жаловался новокрещен с р. Черной близ Верхотурья (25, стр. 18).

Об аналогичной жалобе туземцев Сылвы в 1641 г. (26, стр. 94) мы уже упоминали выше. Они писали, что строгановские люди поотнимали у них «и медвяные их ухожья, и бобровые гоны, и рыбные ловли». В этой цитате характерно сопоставление с другими формами организованного хозяйства — бортичничеством и рыболовством, связанными с территорией и трудовложениями, а не с опромышлением угодий пришельцами; последнее несомненно также имело место, но не упоминается, как незначительное сравнительно утеснение.

Еще более показательна челобитная сылвинских и иренских татар и остяков, относящаяся к 1621 г., приводимая А. Дмитриевым (97, стр. 22). В ней между прочим говорится: «Ондреевы и Петровы прикащики и жилцы Строгановых, по их Ондрееву и Петрову велению, своим великим насилством со старых их искони вечных вотчин, с Юрмана и Насадки их согнали и деревни де свои и жилцов на тех их вотчинах устроили и медвяные их ухожеи, и бобровые гоны, и звериные и рыбные ловли, с чего де они ясак платили, все поотнимали, да на их же де Татарской старинной вотчине, на речке на Серге, поставили деревню и пашню распахали... и им де нигде не стало ни выезду, ни выходу». В ней бобровые гоны прямо противопоставлены звериной ловле и рассматриваются как независимые оброчные статьи «с чего де они ясак платили». Кроме того, подчеркнем ту часть жалобы, где хозяева вотчин печалуются о коренном изменении угодий, благодаря чему устраняется самая возможность восстановления прежней формы хозяйства¹.

В 1643—1644 гг. на р. Бирюсе под Красноярском существовали еще богатые бобровые гоны (327, стр. 10—11).

В 1648 г. тунгусы, жившие в районе Верхне-Майского зимовья (100, стр. 214), жаловались, что русские выводят у них бобров капканами,

¹ Важно отметить именно стародавность бобрового хозяйства сибирских аборигенов, особо выделяемую многими документами. Например: «Стародавние вотчинные речки и озера, на которых они в реках и озерах бобров добывали», говорится в одном из дел, относящихся к служилым сибирским татарам XVII в. (43, стр. 61).

то есть заботились о сохранении бобров в их хозяйствах от хищнического истребления, от которого воздерживались сами.

И. Кузнецов (174) приводит грамоту, датированную 1678 г., адресованную Томскому воеводе... «о непокупке архиепископам и всяким монастырским чинам земельных и рыбных угодий». В ней специально говорится о том, что тюменские туземцы исстари владели вотчинами, на которых ловили бобров.

По данным Д. Н. Беликова (28, стр. 66), бобровые гнезда, как спорный объект постоянной эксплуатации, существовали в пределах Колывано-Воскресенского горного округа еще в конце позапрошлого столетия.

Одним словом, во всех концах Сибири русские обнаружили наличие исконного бобрового хозяйства.

О том, что интересующая нас хозяйственная отрасль была признана и как таковая служила не только предметом споров и жалоб на местах, но находилась постоянно в поле зрения правительства и по сю сторону Урала, показывают следующие документы.

В царской грамоте туринскому воеводе об устройстве пашен и угодьев Покровского туринского монастыря от 1621 г. (212, стр. 269) мы находим распоряжение о подробной переписи владений монастыря и в перечне подлежащих таковой хозяйственных отраслей сказано между прочим: «и многоль пашенные и непашенные земли, под которым селом и деревнею, и рек и озер и прудов и мельниц и перевесей и рыбных ловель и бобровых гонов и всяких угодий, и какова где земля добра ли или средняя или худая». В этой выписке важно подчеркнуть, во-первых, значение недвижимой собственности, придававшееся бобровым гонам правительством, а во-вторых, отсутствие указаний о пушно-промысловых угодьях и об охоте как таковой вообще. Одним словом, принципиальная разница между охотничьим промыслом и бобровым хозяйством принималась как нечто само собою разумеющееся. Далее, в Царской грамоте верхотурскому воеводе от 1635 г. (287, стр. 765) о наказании крестьян, выжигающих леса туземного пользования, сказано: «и где их угодья, бобровые ловли и звериный промысел, и на тех де местах устроены на нашу пашню многие пашенные крестьяне, и на лес весною и летом пушают те крестьяне огонь, и лес выгорает, и зверь всякой от того огня бежит». Характернее всего в этой выписке прямое противопоставление «бобровых ловель» «звериному промыслу», в чем прекрасно отражена принципиальная разница этих форм хозяйственного пользования. Весьма интересно также ясное сознание вреда, причиняемого палами охотничьему хозяйству в целом и широкая забота о поддержании такового как отрасли, имеющей государственное значение.

Тем же стремлением оградить охотничье хозяйство от разрушения, которое несло ему бессистемное вселение русских и особенно развитие хлебопашества, было запрещение пришельцам селиться в ясачных волостях вообще и в пределах вотчин в особенности. В отношении последних указ действовал по инерции до недавнего времени (299, стр. 191), хотя с некоторых пор для вселения было достаточно приговора вотчинников. На р. Конде при этом обстоятельстве новосел получал и право пользоваться угодьями, в том числе и тормовки на бобровых речках.

Хищники издавна стремились обходить этот стеснительный для них закон. Они шли на всякие ухищрения, включая подделку указов, на что постоянно возникали жалобы. Пример этого дает нам указ Красноярскому воеводе от 13 апреля 1745 г. разобраться в столкновении одного койбала с русским, возникшее от того, что последний «воровски у них в речках разорил бобровые гнезда в Шуше... и поселился де в их урочищах, воровски указ добыл» (62, стр. 95).

Такое постоянное и обдуманное внимание к вопросам охотничьего хозяйства, столь характерное для правительства Удельной и Московской Руси, проявлялось и в Петербургском периоде Русского государства, вплоть до ликвидации пушной монополии¹. Оно слабело по мере того, как снижалась роль пушнины в государственном бюджете и развивались промышленные отрасли хозяйства, заложенные реформами Петра. Постепенно забота уступила место совершенному безразличию государства к судьбам охотничьего дела, вопиющему непониманию его нужд, что и привело к его полнейшей деградации.

Справедливость требует, впрочем, отметить, что специальная забота правительства о нуждах охотничьего промысла, в частности о судьбе речных бобров, проявлялась иногда и гораздо позднее, когда о бобровом хозяйстве не было уже никакого помина.

Так, 14 апреля 1851 г. тобольскому гражданскому губернатору было переслано предложение председательствующего в совете Главного управления Западной Сибири о введении «правил для предупреждения совершенного истребления речных бобров в Западной Сибири» (430).

«Правила» эти очень кратки и так любопытны, что их следует привести целиком:

«1. Запретить вообще в Западной Сибири ловлю речных бобров в продолжение пяти лет.

2. В местах, где водятся речные бобры, запретить на расстоянии полуверсты истребление кустарников и всякого рода деревьев, особенно тополя, ивы и березы, которыми они наиболее питаются.

3. Наблюдение за исполнением сего возложить на старост (родоначальников) родового управления и народные управы согласно 71, 75 и 91 статей уchr. об упр. инор., т. 2 св. зак. изд. 1842 г.».

Правила эти «высочайше» повелено привести в исполнение, но с тем, чтобы «через сие не последовало стеснения инородцев». Оказывается таким образом, что «правила» исходили из Петербурга, а следовательно, имели общегосударственное значение.

Содержание «правил» заставляет признать, что составитель их имел ясное представление о промыслово-хозяйственном значении бобра, о судьбе его в Западной Сибири и обладал достаточными знаниями биологии зверя. К сожалению, в печать до сих пор попал ничтожный штрих, касающийся этой интересной попытки спасти бобров Западной Сибири, но несомненно, что где-то в недрах сибирских и петербургских архивов скрывается обширная и многообещающая переписка по этому вопросу.

Русские бобровники, в результате падения этой отрасли хозяйства на родине, двинулись в Сибирь, стремясь восстановить привычное им хозяйствование на новых местах. Подтверждением этому, кроме общих соображений, какие мы находим, например у А. П. Щапова (406, стр. 329), служат многочисленные «бобровки» — поселки, заселившиеся близ «гонов». Число таковых весьма велико в пределах восточного Приуралья и постепенно падает к востоку. В этом тоже есть своя закономерность. Запад Сибири отличался наибольшим богатством бобрами. Раньше всего был он освоен русскими и также раньше начали проникать в его пределы положительные, хозяйственные элементы колонизаторов. Глубже в Сибири, и чем далее на восток, тем дольше действовали сопровож-

¹ До какой степени важной была эта отрасль, показывает, например, следующее указание Ф. Авриля (434, стр. 90). В 1618 г. г. Енисейск, незадолго перед тем основанный, уплачивал пошлины за торговлю мехами (т. е., очевидно, сверх оборотов, связанных с государевым ясаком) якобы 80 тыс. руб. в год. Сумма по тому времени колоссальная.

давшие и даже опережавшие регулярные войска шайки авантюристов-хищников, стремившихся к легкой наживе, склонные истребить бобра, но не думавшие о том, чтобы наладить на него хозяйство. И мы видим, что если в Западной Сибири аборигены протестовали против того, что русские отобрали у них бобровые гоны как объект хозяйства, то из Якутии поступали жалобы на то, что русские уничтожают бобров самым истребительным, запрещенным правительством, капканным ловом. Впрочем, поселки русских бобровников возникали и очень далеко к востоку от Урала; интересный пример этого дает нам А. Л. Чекановский (382, стр. 411), установивший, что дер. Корелинская близ Ербогачена на р. Нижней Тунгуске заселилась привлеченная обилием бобров.

Необходимо отметить, что московское правительство, радея о процветании многовыгодного пушного промысла и бобрового хозяйства в Сибири, стремилось сохранить его за «инородцами», плательщиками ясака. Наоборот, русским новоселам вменялось в обязанность учреждение и развитие сельского хозяйства и скотоводства, а в занятиях пушным промыслом и бобровым хозяйством им ставились решительные препоны.

Об этом свидетельствуют следующие любопытные документы. В отписке верхотурского воеводы воеводе туринскому о неправильности его действиях в отношении крестьян новой слободы в Ермолаевой волости (1640 г.), после ссылки на царскую грамоту и обиды, чинимые новоселами ясачным татарам, говорится: «впредь велети новым крестьяном слободы строить и дворы ставить на диких полях, а не на татарских землях, и владеть им пашнею и сенные покосы, а в татарские уголья, где они зверь всякий добывают и рыбу и бобры ловят, не вступатца. А которые крестьяне поселились, и тебе бы по государеву указу велеть им государева пашня пахать против иных туринских пашенных крестьян» (212, стр. 471). Далее, в отписке в Москву туринского воеводы от 1640 г. мы находим следующую фразу: «и велеть, государь, крестьяном только владеть пашнями и сенные покосы, а татарских угодий, где они зверь всякий добывают и рыбу и бобры ловят, и в те ни в какие татарские зверовые ловли и в бобровые гоны и в рыбные ловли отнюдь крестьяном вступатца не велеть, чтоб татар с юрт их не сгонять и твой государев ясак бы им было платить с чево попрежнему».

Такая установка соответствовала государственным интересам того времени. Сибирь, начиная с раньше завоеванных районов, устраивалась на мирном положении. Первоначальный период военно-насилственного изъятия и собирания ценностей, заменялся постоянной эксплуатацией на долгие годы. Прочное освоение страны и стремление к дальнейшему расширению границ требовало развития на месте новых отраслей хозяйства: хлебопашества и оседлого скотоводства. В то же время интересы международных сношений принуждали заботиться о валюте — пушнине.

В период захватов, который в данное время продолжался на юге и крайнем востоке Сибири, правительство не препятствовало развертыванию, параллельно движению воинских отрядов, деятельности промышленников-зверовщиков, сочтавших промысел с покорением — объясачиванием населения. Теперь их деятельность терпимой быть не могла, так как неизбежно влекла разорение пушно-промысловых богатств и коренного населения. Заселявшиеся «пашенные» крестьяне были элементом положительным. Но это были хлеборобы, смертельные враги тайги, от которых необходимо было охранять уголья. Переход их на зверовые промыслы был возможен, но он бы отрицательно отразился на развитии новых форм хозяйства. В то же время и методы изъятия пушнины от них, так прочно установившиеся в порядке взимания ясака в отно-

шения «инородцев», были новы и затруднительны. Естественно, что в этих условиях нужно было принимать все меры к ограждению промыслов и прав на уголья коренного населения, оказавшегося незаменимым поставщиком валюты.

Характерным моментом этого сложного процесса было то, что при всем желании способствовать процветанию охотничьего промысла и хозяйства московское правительство было не в силах ввести рациональную государственную систему, например воскресить разумное и действенное древнерусское охотничье устройство с институтом ловчих, с их штатом, правами, сословием бобровников и т. д. Эта замечательная система была уже безнадежно забыта в ту эпоху.

О характере туземного бобрового хозяйства в Сибири того времени мы знаем еще менее, чем о таковом в древней Руси. Однако судить о нем мы можем до некоторой степени по состоянию уцелевших до последнего времени и даже до наших дней осколков некогда мощной хозяйственной отрасли, искони свойственной едва ли не всем лесным аборигенам Сибири.

В половине прошлого столетия А. Рудольский опубликовал статью о верхотурских бобрах, не раз уже цитировавшуюся нами (285). Как ни скромны даваемые им сведения, мы все же узнаем, что промысел производился запорами (то есть был коллективным) и в определенное время. Летом бобров не промысляли вовсе, якобы, из-за того, что мех их в эту пору не представляет ценности. Последнее утверждение противоречит действительности, а так как незнания истинного качества меха по сезонам у исконных бобровников быть не может, становится очевидным, что перед нами своеобразно проводившееся, важнейшее хозяйственное мероприятие — охрана зверя в течение всего периода размножения и легкой добычи, не поддающейся притом общественному контролю. Наконец, употребление капканов только в котцах, налаженных у нор, есть пример отказа от применения во зло истребительной формы промысла, сопровождающегося рациональным использованием этого вреднейшего способа там, где он не опасен, а лишь упрощает добычу уже обреченных животных. Замечательно также указание А. Рудольского на опыты приручения бобра местными вогулами, которые не были, видимо, редкостью. Бобры жили по несколько лет, питаясь ивовой корой, молоком и хлебом. Они, возможно, использовались хозяевами, и в этом мы видим один из интереснейших примеров первобытного звероводства, каких не мало можно найти среди сибирских народностей. Одним словом, намеченные А. Рудольским штрихи убеждают нас в том, что верхотурские вогулы исстари вели рациональное бобровое хозяйство.

Столь же краткие, но еще более интересные сведения о бобровом хозяйстве на р. Алдане приводит аноним М. Д. (196), заметка которого прошла совсем незамеченной специалистами. Автор рассказывает о бобровых гонах, разбросанных по верховьям р. Алдана, и в общих чертах обрисовывает их хозяйственное устройство. «Правила, установленные охотниками, показывают, что они относятся к бобрам почти как к домашним животным», сообщает автор (стр. 10). И действительно, каждая пара бобров составляет собственность одной или нескольких семей, но в эксплуатации своего стада хозяин строго ограничен определенными правилами. Гоны охраняются и в районе их запрещена охота с собакой и ловля рыбы. Промысел осуществляется только коллективом. Он начинается после заморозков, когда бобрята взматереют. В назначенный день, по рассылаемой князем повестке, община собирается в определенное место для выработки порядка охоты. Важнее всего установить очередность отлова. Дело в том, что каждый заинте-

рессован, чтобы прежде облавливались его гоны, так как при этом бобров раньше оставят в покое и они смогут своевременно обеспечить себя заготовками корма. Очередность устанавливается жеребьевкой, но гоны князя остаются вне ее и облавливаются первыми. Отступают от жребия в том только случае, если очередные гоны лежат слишком далеко и по дороге к ним придется миновать другие. Дело не обходится без больших споров и совещаний, до которых такие охотники якуты. Во время промысла старых бобров забивают только в крайнем случае (вероятно перестарков), ограничиваясь в добыче приплодом. Норма выхода при этом, очевидно, определяется, хотя у автора указаний на это и нет.

Во все время охоты наблюдается такой порядок, что весь промышленный коллектив находится на иждивении хозяина промышляемого Е данное время гона. За то и все, что удалось за эти дни добыть артели, кроме бобров, идет хозяину. Замечательно, что вся продукция бобрового промысла собственно, и шкуры и струя, полностью обобществляется. В конце охоты собранное расценивается под наблюдением князя, сообщая реализуется и вырученная сумма распределяется между участниками, согласно определенной доли.

Несмотря на всю недостаточность собранных М. Д. материалов, ценности которых он видимо не сознавал, очевидно, что здесь мы имеем пример хозяйства исключительно высокой организованности¹. Особого внимания заслуживает обобществление продукции бобровой охоты, которой коллектив гарантирует себя от проявления излишней жадности и хищничества сочленов.

Резким штрихом, дополняющим картину прошлого бобрового хозяйства якутов, служит интересное замечание К. (125) о том, что «в старину у якутов, как у краснокожих, убиение самки бобра считалось тяжелым преступлением» (стр. 12).

Бобровое хозяйство аборигенов Кондо-Сосвинского очага не достигало совершенства алданских гонов, по все же имело много интересных особенностей.

Прежде всего остановимся на выяснении местного исконного землепользования,— вопроса вообще очень мало еще известного. Согласно данным С. В. Бахрушина (25, стр. 11), в XVI—XVII вв. звериные, в том числе бобровые угодья Сургутского района (и, по-видимому, остальных остяцких и вогульских княжеств — В. С.) были предметом общего владения. Однако такое утверждение едва ли соответствует действительности и во всяком случае имело местное значение. Так, в Прибайкалье, по материалам Н. Н. Козьмина (153), уже в эпоху Чингисханидов, т. е. в XIII—XIV вв., имело место разделение промысловых угодий. Если же в отношении промысловых угодий вообще указанная общность и имела место, то это отнюдь не могло относиться к бобровым гонам. В этом помимо всего сказанного убеждает нас невозможность самого осуществления охотничьего хозяйства вне определенного закрепления за хозяевами угодий. И все материалы, которыми мы располагаем, заставляют нас признать, что в отношении бобровых гонов, преобладало частное родовое или семейное, отчасти единоличное землепользование, но ограниченное определенными, по местам различными, правилами эксплуатации бобров.

То же имело место в пределах Кондо-Сосвинского очага. Территория его распределялась согласно обычного права на «вотчины», находив-

¹ Аналогичные указания на существование бобрового хозяйства на р. Алдане делает, не указывая источников, Д. К. Соловьев (334, ч. IV, стр. 658).

шиеся в пользовании отдельных семей. Вотчины эти имели установленные границы и были исстари прорезаны «тесами» — промысловыми тропами. На них строились опорные пункты — избушки, лабазы, по ним закладывались «огороды» — лудевы на копытных, словом, тесы в течение столетий были основными путями, по которым происходило все освоение тайги. Пересекая угодья, тесы переходили из вотчины в вотчину, соединяя бассейны рек, владения соседних родов и народностей, как, например, р. М. Сосву с р. Кондой, с р. Обью и т. д. Места перехода из вотчины точно фиксировались в сознании населения. Обычно они отмечались избушками и находили подчас поэтическое выражение: так, избушка, стоящая на тесе Нюрух-Юш, на водоразделе р. Конды и р. М. Сосвы на стороне последней, исстари именуется «Ямудм-Хот» — прощай или прости избушка, название, как нельзя лучше характеризующее положение вещей.

Главные промысловые тесы на территории нашего заповедника, начиная с востока, пролегали, считая от р. М. Сосвы, так (см. карту заповедника):

1. Улейн-Юш (юш — тес по-хантэйски), начинаясь от Хангакурта, шел, пересекая правые притоки р. Ем-Егана, на истоки р. Конды и через них протягивался до Арантура. В своей северной половине он принадлежал семьям Маремьяниных и Константиновых, а с р. Конды жителям ныне исчезнувших юрт. Тес замечателен тем, что пересекает одно из главных святых мест хантов (Ем-Еган — Святая река). Род Маремьяниных был искони шаманским.

2. Хонтанта-Юш (Хонтанта — хантэйское название р. Конды — возможно простое искажение). Из Хангакурта прямой линией проходит на верховья р. Конды, где сливается с предыдущим. На этом тесе особенно заметно умение туземцев прокладывать их совершенно прямо, без малейшего уклонения от принятого румба, хотя о пользовании компасом не только в древние времена прокладывания теса, но и до наших дней нет и помину. Хозяевами этого теса были Марсыновы из Нагакурта и Тебетевы из Лохтоткурта (последние юрты лежат на р. Оби, против Шеркал).

3. Нюрух-Юш. Идет от Тунзин-Курта на р. М. Сосве, через бывшие юрты Теускурт на этой же реке, на истоки р. Нюруха, вдоль него до устья и далее через р. Конду на Арантур. С севера им владели Лыршиковы и Игнатьевы из Шунтункурта и Теускурта, с юга — жители Арантура.

4. Ух-Юш. Шел от Ханлазина на р. Ух и вдоль последнего прямо на Ессунт и Арантур. Им владели с севера Езины из Ханлазина, в прежнее время совместно с Алексеевыми из юрт Алапантских на р. Оби. С юга жители Ессунта.

5. Емун-Курт-Усть-Тор, далее уходящий в пределы вотчин Тапсуйских вогул. Его хозяевами были Езины из Емун-Курта, этот же тес давал ответвления на Потлох и Него-Супр-Еган, пересекающие Ух-Юш и достигающие Хонтанта-Юша.

Характерным отличием этих тесов — разработанных веками, всюду заметных для опытного глаза тропинок — является то, что они везде «пешные», т. е. не рассчитанные на оленей, которых малососвинские ханты исстари не имели. Вторая замечательная особенность их та, что они проложены таким образом, что, соединяя по кратчайшему расстоянию речки, проходят в непосредственной близости от основных бобровых поселений на каждой из них; соответственно расположено и большинство опорных избушек. Из этого очевидно, что прокладыванием тесов руководили прежде всего интересы бобрового хозяйства. Вместе с тем

здесь мы имеем доказательство глубокой древности и постоянства процветания данной хозяйственной отрасли.

Изложенным исконное распределение не исчерпывалось. Наоборот, истинное охотпользование было весьма дробным и считалось по речкам. Последнее опять-таки подтверждает мысль о том, что именно бобр, а не соболь искони был центром внимания местного населения.

Распределение речек было следующим: вершина (населенная бобрами!) М. Сосвы Акрыш-Еган, Пандн-Еган, Порх-Еган, Тать-Еган, Потлох-Еган в вершине, а также истоки р.р. Уха и Канака были владением обширной семьи Езиных с родичами. В Езинских пределах находилось и важное «Святое место» — священное озеро Емун-Тор.

Него-Супр-Еган, Худим и Б. Онжас принадлежали Смолиным.

М. Онжас и Вай — Лыршиковым из Нерги.

Ем-Еган и Адем-Немп-Еган считались за Маремьяниными.

Него-Сапр, Аны-Вой, Мань-Вой и верхняя половина р. Есса разделялись между Алексеевыми с Оби и жителями Ессунт-Пауля в устье р. Есса.

Нижняя половина р. Есса числилась за обитателями ныне исчезнувших немнельских юрт.

Ух и Нюрух без вершины и Канан принадлежали жителям Арантура.

Вершина Нюруха, весь Наг и Пурдан — Лыршиковым из Нерги. На Пурдане же имел «малый пай» и Марсынов из Нагакурта.

Еготьей владели жители Ессунта, а Конда находилась в смешанном пользовании.

По данным, которые мне сообщил Е. С. Жбанов, распределение бобровых угодий у кондинских манси в последнее время было таково. Право на промысел вне «гонов» (как Е. С. Жбанов называет выявленные им особые участки заповедного типа) принадлежало обитателям определенных юрт сообща, не по родовому, а по территориальному признаку. Допускались даже русские, постоянные жители юрт. Именно, обитатели арантурских, коростинских, печерахских и шаимских юрт промышляли по всему нижнему и среднему течению р. Есса, по всему Уху и Нюруху и по Еготье до среднего течения. Супринские по Пурдану, Канану и верхней Конде, тимко-паульские по верховьям р. Есса и Еготьи и по р. Тапсую. Ворьянские по р. Ворье и Лоузь. Визимские по Визиму. Посторонние, не имеющие права на вотчину, в том числе и соплеменники, на бобровые речки отнюдь не допускались.

Ближе невыясненными остались, к сожалению, правовые детали пользования, которые были очень сложны: «большой и малый пай», наследование по мужской и женской линии, владение на правах зятя, допущение к промыслу по приговорам и т. д. Отметим только, что возростающая со временем запутанность отношений приводила к многочисленным конфликтам, которые, однако, не выходили насколько известно из круга туземных решений. При склонности аборигенов обращаться с жалобами к властям, примеры чему в таком изобилии хранят архивы, такая специфическая сдержанность еще раз подчеркивает стремление уберечь от огласки решительно все, что касалось бобров.

Различные изъятия из общепринятого порядка пользования имели по-видимому место нередко. Так, например, лет 50 назад бобровые гоны на р. Вырь в течение какого-то времени находились в пользовании обских хантэ. Неоднократно, между прочим в 1911—1912 гг., па при-токи р. М. Сосвы приезжали промышлять бобров казымские остяки, включавшиеся в артели местных вотчинников и т. д.

Посещения эти были не случайны. Это видно хотя бы из того, что, допуская на свои угодья по приговорам русских соболятников, что

начало практиковаться в десятых годах текущего столетия, вотчинники обязывали охотников воздерживаться от промысла бобров.

Соблюдение исконного порядка охотпользования, благодаря которому только и могло сохраняться богатство промысловым зверем угодий, тем более самое существование бобра, в новейшее время стало приходить в упадок под ударами извне.

Лет 60—70 назад началось проникновение в бассейн р. Конды (верховья) и р. М. Сосвы мансов с востока с Тапсуя. Оно было вызвано прежде всего ростом оленеводства этой группы, затем стеснением кочевых и промысловых возможностей на западе, в силу расширения там зырянского оленеводства, а отчасти и стремлением расширить промысел бобра, запасы которого на р. Тапсуе — более доступном для товарной эксплуатации зверя — начали, видимо, иссякать. Постепенно они двигались все дальше и дальше, прокладывая свои промысловые тропы как раз поперек местных старинных тесов.

Основным отличием вогульских путей было то, что они рассчитывались на проезд оленями в зимнюю пору, почему и заслуживают названия дорог. Последних было четыре. Строго параллельные друг другу, они пересекали территорию нынешнего заповедника на равном расстоянии друг от друга. Такое продвижение не могло обходиться без столкновений, причем к результатам распрей этого рода относится упоминаемый И. С. Поляковым (263) факт убийства обского остяка Алексеева с сыном, происшедший на р. Ессе, в пределах вотчины последних, куда этот исследователь посылал их за бобрами. Нужно, впрочем, отметить и другую, не менее правдоподобную версию причин этого убийства (факта, подчеркнем, редчайшего среди туземцев нашего севера), оставшегося официально недорасследованным. Именно, аборигены склонны рассматривать его как акт возмездия со стороны вотчинников человеку, который открыл русским тайну Кондо-Сосвинского бобрового очага. Как бы то ни было, но случай этот несомненно был вызван вескими мотивами.

Ко времени организации заповедника тапсуйские манси совершали уже свои промысловые разъезды сквозь весь очаг, добираясь на восток до р. Муломьи и далее на истоки р. Нягына и других притоков р. Оби.

Справедливость требует сказать, что, промышляя без ограничения соболя и других пушных зверей, что вызывало нарекания со стороны хозяев опустошаемых угодий, манси весьма сдержанно относились к бобру. Даже на р. Ессе, которую они за последние десятилетия строго говоря осваивали целиком, промысел ими этого грызуна велся таким образом, что до самых последних лет отнюдь не вызывал деградации стада. Странного в таком положении ничего нет: тапсуйские манси относились к бобру не с меньшим почтением, чем их сородичи на р. Конде или малососвинские ханты. Так, например, они разделяли и сохраняют едва ли не до сих пор воззрение на р. Ух как на священный водоем со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Много позднее возникшим, но бывшим гораздо более существенным по результатам, оказалось влияние на территорию очага проникших туда русских. Началось оно с р. Конды. В последние годы прошлого и в первое десятилетие текущего столетия на верховьях р. Конды появились русские поселенцы. Устраиваясь сначала единицами, они вскоре образовали поселки, вернее заполнили пустеющие юрты, и проникли вплоть до р. Арантура, дальше которой по р. Конде русские не поселялись. Этим вселением чрезвычайно ускорился процесс обрусения, вплоть до полной натурализации манси, которые к настоящему времени отличают себя, да и то не все, разве лишь по названию. При этом начали быстро

деградировать и отчасти изгладилась старинные верования, между прочим, в том, что касается бобров.

Русские, сначала с большим трудом проникавшие на промысел в вотчины, постепенно освоили эти пути и, между прочим, взялись за бобра. Соединяя добычу его — тормование — с прибыльной стрельбой в то же время лосей, они получали хорошую наживу, а так как интерес их к бобру определялся только размерами выручки, было очевидно, что если дело будет продолжаться так и далее, дни кондинской части бобрового очага сочтены.

В бассейне р. М. Сосвы дело в этом отношении оказалось более благополучным. Вплоть до организации заповедника и охотсовхоза, никто из пришлого населения не поселялся на этой реке. С 1908—1910 г. начались случаи проникновения в местные угодья небольших артелей русских соболятников. Промышляли они зимами, бобром не занимались вовсе и, сильно сократив запасы соболей, не оказали отрицательного влияния на бобровое поголовье. Уже после революции, с ликвидацией вотчинного права, на р. Сосву пробрались артели печорских промышленников. Это были истинные хищники, не считавшиеся ни с чем. Бесшабашным употреблением стрихнина они почти начисто искоренили соболя, принялись было и за бобра, но деятельность их, к счастью, была пресечена.

Таким образом исконное землепользование сохранялось до новейшего времени. Это благотворно влияло на сохранение в угодьях бобра, к которому коренные национальности сохраняли особое отношение.

Переходим к элементам хозяйства на бобра, которые еще удастся установить в Кондо-Сосвинском очаге.

Выше не раз приходилось упоминать о крайней скрытности туземцев, которую они проявляли во всем, что касалось бобров. Ее испытывали поочередно все исследователи северо-восточного Приуралья: Поляков, Дунин-Горкавич, Носилов с Инфантьевым, Шульц, Сенкевич... Каждый из этих людей имеет заслуженный авторитет пытливых наблюдателей, опытных путешественников, и все они, даже прожив годы на месте, впадали поочередно в заблуждение в отношении бобр/а. Наряду с более или менее правильной оценкой остальных сторон местной жизни, они сообщали о том, что бобр исчез или почти исчез, что добываются последние экземпляры и т. д. и т. п., и все это в то время, когда бобры сотнями проживали по речкам очага, а промысел их был одним из важнейших элементов местного народного хозяйства.

Нельзя не отметить, что подобное отношение к бобру, и строго говоря ни к кому другому, мы наблюдаем с давних пор в самых различных частях Сибири. Насколько, например, тщательно скрывалось все, что касается бобра в Якутии, показывают интересные документы второй четверти XVIII в., опубликованные Бакаем (123). Они представляют нечто вроде докладной записки с описанием Якутии, причем специальное внимание обращено на перечисление промысловых животных по всем слободам. Бобр в них нигде не упомянут. В частности о р. Алдане, в бассейне которой, как мы знаем, бобровые гоны сохранялись до конца прошлого столетия, сказано: «В тех лесах имеютца звериные промыслы: лисьи, лосиные, оленьи, медвежьи, бельи, горностальи, а других промыслов не имеетца». Характерно также сопоставить уже приведенное суждение И. Г. Гмелина (77) о времени исчезновения бобров на р. Лене и заключение об этих же местах И. С. Полякова (261) с гораздо более поздними данными о существовании совсем рядом, на р. Алдане, развитого бобрового хозяйства. Об этом же говорит неоспоримый пробел наших знаний о бобре по всему северо-востоку Сибири. Только в резуль-

тате такого отношения к бобру могли родиться столь ошибочные взгляды на распространение и время исчезновения бобра в Азии, какие мы находим у самых выдающихся ученых прошлого.

Крушение устоев архаических отношений, вызванное революцией, ослабило специфическую скрытность населения во всем, что касалось бобра. В результате некоторые сведения об основном из уцелевших его очагов проникло в печать (90, 170 и др.). Это в свою очередь вызвало организацию обследования «вновь открытого» местообитания бобров. Оно было поручено В. В. Васильеву, который и сумел окончательно разъяснить тайну, окутывавшую этот вопрос.

Разбитной и оборотистой, делавший дела с туземцами еще в бытность промышленником на Демьянке, В. В. Васильев хорошо освоился с новой для него ролью исследователя и удачно справился с поставленной перед ним нелегкой задачей. В результате оказалось выясненным не только большинство речек, обитаемых бобрами, но и количество этих последних, столь хорошо известное бывшим хозяевам вотчин.

Только о бобрах на р. Тапсуе ничего не смог узнать В. В. Васильев. Лично он там, как и на большинстве речек очага, не бывал, старинные обычаи были здесь настолько крепки, что эта небольшая, но неотъемлемая часть очага осталась в неизвестности.

Не нужно думать, что описанная ловкая операция положила конец привычному отношению к бобрам. До сего дня аборигены в полной мере сохраняют стремление скрывать все, что имеет отношение к бобру, в частности, к его местообитаниям, образу жизни и количеству. Последнее было тем легче и сказывалось сильнее потому, что сотрудники заповедника, совершенно беспомощные в тайге, шагу не ступали в ней без проводников-туземцев и видели природу их глазами. В полной мере пришлось и мне испытать такое отношение, собирая материалы для настоящей работы. Но моим преимуществом был многолетний опыт работы среди народностей севера и то, что я не нуждаюсь ни в каких вожатых в скитаниях по тайге. Отказавшись категорически от услуг проводников, я смог за короткое время обнаружить в недрах заповедника то, что пряталось там столь упорно, и выявить истинное состояние очага. Впрочем, в последнем достижении пришлось преодолевать сопротивление не одних аборигенов.

Помимо скрытности, охранявшей бобра от самого страшного врага — хищнического торгового капитала, которую мы не можем рассматривать иначе, как результат сознательного стремления населения к охране излюбленного животного, имеется ряд явлений, в гораздо большей степени заслуживающих названия охотхозяйственных мероприятий.

Выше мы видели, что хозяева вотчин вели определенный учет бобров на своих угодьях, и количество этих зверей было им хорошо известно. Полученными сведениями пользовались при организации добычи для установления места и количества облавливаемых точек. Что учет этот можно назвать технически совершенным, показывает следующая любопытная деталь. У хантов р. М. Сосвы удалось обнаружить применение особой маски из бересты настолько значительных размеров, что она закрывала все лицо, с разрезами для глаз и завязками. Как говорят, присутствие человека в таком наряде, конечно за ветром, бобры вовсе игнорируют. Наряду с непременным обходом бобровых поселений в летнее время определенными людьми, мы видим решительный запрет их посещения другими. Он был закреплен поверьем, будто бобр, одаренный сверхъестественными знаниями, навек покинет места, оскверненные таким визитом.

У кондинских манси, среди которых приверженность к обычаям

старины в связи с обрусением сильно ослабела, летняя проверка состояния бобрового поголовья сохранялась в другом виде. Летом, между сезонами промысла, вотчинники, посещая бобровые речки для торможения лосей, попутно примечали состояние бобрового поголовья.

Не менее важной охотхозяйственной мерой было ограничение сроков промысла, проводившееся в очаге. Мы видим, что на р. М. Сосве промысел производился только в глубокоснежные, средnezимние месяцы, а на р. Конде в два определенных срока. И в том и другом случае для промысла использовалась ничтожная часть пригодного для него времени. Притом на р. М. Сосве добыча эта производилась в нарочито трудное и неудобное время. Объяснить такое явление случайностью или неумением охотиться совершенно невозможно и приходится рассматривать его только как сознательную, в высшей степени разумную меру, имевшую большое значение в деле сохранения грозящего исчезновением животного¹.

В интересующем нас районе имело место и такое существенное охотхозяйственное мероприятие, как ограничение способов промысла. Мы видим, что на р. М. Сосве был принят только громоздкий способ — запоры; на р. Конде — достаточно трудоемкий — торможение. Подчеркнем, что отказ от элементарно простого метода добычи бобров: капканами, подкарауливанием или скрадом у нор и построек никак нельзя объяснять бесположностью или незнанием охотников; это вне всякого сомнения есть проявление мероприятий охотхозяйственного значения.

Организация промысла торможением на р. Конде имела свои особенности. Руководил им старый, наиболее опытный и уважаемый охотник данной группы вотчинников. Он, так же как и на лосиной тормовке, ведал всем процессом промысла: определял заезды, очередность, время выезда и т. п. Неопытных, неумелых или неспособных тормовщиков от участия в охоте устранили или, в крайнем случае, им давались худшие участки, таким образом несовершенные, как правило, выпадали из артели. Женщины к добыче бобров не допускались совершенно. Этот запрет, свойственный и хантам, имеет, очевидно, культовое значение, а не хозяйственное. Как не раз уже указывалось, промысел бобра очень прост, а женщины данных народностей, особенно мансийки, успешно участвуют в других видах промысла. Количество бобров, подлежащих добыче, лимитировалось, как сообщает Е. С. Жбанов, ограниченностью времени промысла и субъективной расстановкой тормовщиков, зависевшей от старшего партии. Объем отлова (количество единиц) определялся количеством обнаруженных, летующих бобров (по данным наблюдений за приплодом и составом стада).

Наконец, особенно интересным показателем отношения населения к бобру должен считаться запуск зверей на ©промышленных речках, который практиковался туземцами р. М. Сосвы.

В целом, несомненно, мы имеем перед собой систему, обладавшую, строго говоря, всеми элементами национально своеобразного, но высоко культурного охотничьего хозяйства. Особенно же важно, что — *mutatis mutandis* — мы находим следы такого хозяйства повсюду в Сибири, где о пребывании бобров сохранились хоть сколько-нибудь заметные сведения.

Нужно сказать, что приведенные примеры не исключение. При всей

¹ Чтобы подчеркнуть широту распространения этого элемента организованного хозяйства на бобра, кроме приведенного выше, укажем, что нарочито зимний промысел (в декабре и в январе) осуществлялся в старину аборигенами верховьев р. Енисей (425, стр. 41).

неисследованности глубоко интересного вопроса — строения примитивного охотничьего хозяйства и организации промысла в прошлом у малых народностей Сибири — мы можем констатировать, что элементы охотничьего хозяйства как такового встречались у разных народностей и в различных проявлениях.

Из крайне скромной литературы вопроса кое-какие данные к уяснению этого мы находим у Д.К.Соловьева (334, ч. IV, стр.654—655), об охоте бурят у М. Хангалова (141 и 373), якутов — у В. Серошевского (313), но все это, конечно, слишком немного. Из личного же запаса наблюдений я приведу один довольно замечательный пример индивидуального хозяйства на соболя, о котором я в свое время сообщал в печати (324). Я обнаружил это любопытное явление в 1929 г. в устье р. Ватглыкы, левого притока среднего течения р. Таза — угодьё, занятое чернью и очень небольшое по площади, было замечательно тем, что на нем обитали соболи в то время, когда кругом на сотни километров они давно уже были истреблены. Участок с давних пор находился на основе вотчинного права во владении старика остяко-самоеда Ыска-Ира. Поскольку соболь, в силу характеризующей этого зверя оседлости, не покидал своей маленькой родины, догадливый хозяин устроил ферменное соболиное хозяйство, которое и вел более 25 лет. Он знал совершенно точно общее количество и ежегодный приплод своих соболей, отлично изучил места их обитания. Никогда он не убивал всех соболей, хотя они были в его руках; он довольствовался приплодом, изредка отстреливая стариков. При этом промышляя год-два, он на такой же срок делал запуск угодьё, не выпуская за это время ни одного соболя из поля зрения. Описанное хозяйство (погибшее год спустя от вмешательства хищников-промышленников со стороны) возбуждает интерес прежде всего своей миниатюрностью. Важно также, что такое крошечное индивидуальное усовершенствование могло существовать длительное время без помехи извне. Это показывает глубоко серьезное отношение населения к начинаниям такого рода, а вместе с тем коренное с ними знакомство¹.

Охотхозяйственные мероприятия более обширные, но чисто экстенсивного характера мне случалось встречать не раз. Для белки (выход и возвращение с промысла), для копытных (устройство и пользование лудев, солонцы, поковка оленей), для песца (подъем и особенно ронка пастей), для птиц (гусевание в тундре, общественный промысел линной птицы, плохи). На основании этих и им подобных наблюдений нельзя не прийти к выводу, что исконное состояние промысла среди народностей Севера носило в себе начатки устройства и продуманной хозяйственности и не было хаотичным. Особо нужно отметить существовавшие некогда у многих народностей заповедные участки, где промысел запрещался целиком или частично. Они под именем «святых мест» занимали иногда лучшие угодьё.

Все это устройство деградировало постепенно под влиянием исчезновения древних обычаев, а главное вследствие нажима торгового капитала.

Наряду с изложенным мы должны констатировать, что для промысловых животных вообще хозяйственное устройство было частичным, местами случайным явлением, и они продолжали подолгу сохранять

¹ Этот пример так же очень важен, как показатель очевидной возможности организации правильных и рентабельных охотничьих хозяйств миниатюрного размера. Опыт Ыска-Ира не следует забывать охотоведам, работающим по соболю (и не только по соболю!) во всей Северной Азии.

свое промысловое значение после окончательной деградации всех элементов хозяйства.

Что же касается бобров, то вне правильного по местным условиям охотничьего хозяйства они вообще не могли существовать и реагировали исчезновением на всякое решительное нарушение уклада. В то же время этим животным со стороны всех народностей уделялось совершенно исключительное внимание. Все описанные выше заботы и хлопоты не могли оправдываться только экономическими соображениями; последние в чистом виде скорее могли вызвать, в период угасания очага, даже крах хозяйства от вмешательства нарушителей (вспомним ханта, «открывшего» промысел бобров у гнезд на р. М. Сосве). Дело здесь было глубже. Стимулы поддержания хозяйства коренились в исконных верованиях, переходили в область требований культа.

КУЛЬТ БОБРА

Обожествление животных, поклонение им, признание за зверями сверхъестественных особенностей или волшебной и целительной силы за частями их трупа было широко распространено с древнейших времен среди всех народов. П. П. Ефименко, например (106, стр. 428), усматривает элементы зоолатрии уже у людей ориньяко-солотрейского времени.

Знакомясь с достаточно обширной литературой вопроса в виде ли капитальных работ специального характера (Е. Кагаров, 127; В. Клиггер, 142; Д. К. Зеленин, 114), руководств по этнографии (например Н. Харузин, 374), исследований о религии (Л. Я. Штернберг, 399) или справочников (281), мы убеждаемся, что редкое из животных не было там или тут предметом почитания. Только бобр, если судить по вышеперечисленным источникам, был обойден вниманием народов и почти ни в ком не возбуждал религиозных чувств.

Между тем исключительные биологические особенности бобров, выделяющие их из ряда всех животных: постройки, лесозаготовки и т. п., не могли, казалось бы, не привлечь особого внимания примитивного человека. И вот, ближайшее исследование материалов позволяет прийти к выводу, что обожествление бобра, во всяком случае почитание его в разнообразных проявлениях, было широчайшим образом распространено среди народов мира и в том или ином виде дошло до наших дней. Отсутствие же достаточных сведений по этому вопросу в литературе должно быть скорее всего отнесено за счет трудности собирания материала в силу хотя бы того, что бобр слишком давно исчез из поля зрения большинства народов, а отношение к нему в уцелевших местах очажках окутывалось большой таинственностью.

Начало особого отношения человека к бобру следует искать в глубочайшей древности. В этом нас убеждают многочисленные археологические находки. Именно, остатки бобра встречаются в виде почти обязательного элемента погребений каменного века и позднейших эпох. Это устанавливается раскопками, производившимися в самых различных районах: под Иркутском (Н. И. Витковский, 70, 71), под Томском (С. К. Кузнецов, 176), в Лапландии (Ф. П. Кеппен, 137) и т. д.

Последующие исследования могильников в Прибайкалье и на верховьях Лены, большею частью не опубликованные, по преимуществу П. П. Хороших, И. В. Арембовского и отчасти автора этих строк, материалы которых хранятся в Иркутском музее, проводившиеся по р. Ангаре до Мальты и ниже, по берегам Байкала и по Лене до Верхоленска, систематически давали бобровые резцы и челюсти. Они встречались в этих случаях как элемент украшений головы и шеи, возможно имевших символическое значение. Резцы и челюсти встречались и на сто-

янках. Особенно интересна находка П. П. Хороших в окрестностях Иркутска остатков глиняного горшка, в котором находились резцы, челюсти и другие кости бобров. Приводимая карта Прибайкалья и Лены в пределах Иркутской области позволяет судить о частоте этих находок.

Чрезвычайно важно при этом отметить, что остатки бобров в могильниках представлены не какими попало частями скелета животного, но почти исключительно нижними челюстями, обычно половинками нижних челюстей этих грызунов. В некоторых случаях (176) находка ограничивается одним зубом, обнаруженным на груди скелета, или челюстями и резцами бобра совместно (70). Количество находимых остатков не было одинаковым, оно варьировало от одной до нескольких десятков челюстей и зубов.

Широту встречаемости этих реликвий хорошо показывает исследование П. Н. Третьякова, посвященное археологическим памятникам Поволжья (355). В нем на стр. 13 дана сводная таблица находок костей в 14 ранних памятниках разного времени, в 11 из которых помечены остатки бобра. На стр. 160, в сводной таблице находок из 12 более поздних памятников остатки бобра указаны для 8 таковых. Интересно, что в последних преобладают кости домашних животных, а из диких бобр находится на одном из первых мест.

Однообразие и постоянство находок показывает, что эти остатки отнюдь не были случайным или местным элементом погребений. Особенно же убеждает нас в глубоком значении, которое придавали зубам бобра люди тех удаленных времен, находка Равдоникаса, сделанная в 1936—1938 гг. (личное сообщение И. В. Арембовского). Именно, на о-ве Оленьем, что на Онежском оз., был вскрыт неолитический могильник, обращающий на себя внимание необычным, вертикальным захоронением трупов. В этом, вероятно, шаманском погребении было найдено большое количество резцов бобра, которыми по всей видимости была обшита одежда покойников.

Приведем еще указание П. Н. Третьякова (354, стр. 19) на то, что охотничье-рыболовецкие племена Верхнего Поволжья носили в каменном веке целые ожерелья из бобровых зубов.

Другим показателем особого отношения первобытного человека к бобру служит факт почти полного отсутствия костей бобра в «кухонных остатках» и «костищах» каменного и близких к нему веков. Их не нашел, например, В. И. Громов (89), исследовавший 1500 костей из знаменитой палеолитической стоянки «Афонтова гора». Не было их в остатках с Верхоленской горы, тщательно исследованных А. А. Бирулей (36). Не нашел их и Н. К. Ауэрбах, изучивший массу кухонных остатков из стоянок той же Афонтовой горы, близ Красноярска (18). Наконец, в сводной работе В. И. Громова (88), посвященной рассмотрению материалов, собранных в огромном количестве из кухонных остатков разных стоянок Европы и Сибири, обращает на себя внимание отсутствие в них остатков бобра. В тех же случаях, когда (например Ф. Теплоухов, 348, и С. И. Сергеев, 308, производившие исследования на Колве, или Н. А. Прокошев, 275, в Камском Приуралье) такие остатки в костищах и отмечаются, они единичны и носят характер случайных включений. Особенно интересно, что в последних случаях (на что обращает внимание П. Дамс, 95, стр. 17) находимые кости бобров, в противоположность таковым всех других животных, оказываются не расколотыми.

Значит ли это, что люди, оставившие нам перечисленные памятники, не промышляли бобра? Конечно, нет. Абсурдность такого заключения видна уже из того, что в те времена бобры обитали в ближайших окрестностях упомянутых становищ (и под Томском, и под Иркутском,

и, особенно, под Красноярском), а люди, умевшие промыслять медведей, оленей и других труднодоступных животных, не могли не владеть легким промыслом бобра. Да и для того, чтобы набрать потребное для характерных погребений неолитической эпохи множество челюстей и резцов бобра, нужно было иметь его в кругу основных промысловых животных. Совершенно очевидно, что остатки бобра выделялись из общей массы костей, отнюдь не выбрасывались, а бережно хранились.

Одним словом, уже на самой заре человеческой культуры бобр был предметом особого почитания.

Позднее, уже во времена исторические, элементы поклонения бобру мы находим у разных народов. По свидетельству П. Дамса (95), в древней Индии религия запрещала убивать бобров (стр. 18); там же он сообщает о том, что бобр был жертвенным животным древних германцев, финнов и норвежцев. Из сочинения Олая Великого (А. Брэм, 51, стр. 483), относящегося к 1520 г., видно, что эти последние и в средние века сохраняли верования в сверхъестественные особенности бобра. Имел этот грызун значение и в мифологии северо-американских индейцев (95, стр. 18). Н. Харузин (374, т. 1, стр. 432) сообщает, что те же «индейцы верили, что над всеми бобрами стоит «великий бобр», и «перед охотой на бобра обращались к нему с молитвой и приносили ему в жертву табак». В другом месте (стр. 57) он добавляет к этому, что одно из племен краснокожих, а именно осаги, считало бобра своим родоначальником по мужской линии; от Э. Брандта мы узнаем (50), что этим народностям было свойственно считать бобра обладателем бессмертной души. В отдельных проявлениях почитание бобра сказывалось в Европе очень долго, вспомним хотя бы указание того же П. Дамса (95) на то, что ношение каборовых шляп считалось благотворно влияющим на умственные способности владельцев.

Среди верований древних русских и славян вообще нам не удалось найти определенных указаний на бобра. Однако косвенных данных имеется немало.

Поклонение воде в виде рек, источников и т. д. было широко свойственно древним славянам. Обожествляли они и живущих в реках зверей: «ов река богиня нарицает, и зверь живящъ в ней яко бога нарицающа тревя творит» (19, т. II, стр. 207). Очевидно, что среди многочисленных водных зверей за бобром, выдающимся и по образу жизни и по экономическому значению, было не последнее место в культе. Несомненно, что с бобром связано происхождение многих черт из распространенных среди славян верований в нечистых обитателей водоемов, главным образом самих водяных. Приписываемые водяным постройки, которые он имеет в омутах среди тростников и осоки (там же, стр. 238), есть очевидное поэтическое отображение знакомства с бобровым строительством. Тропы, лазы, дороги бобра легко могли послужить источником веры в пастьбу водяным своего скота по ночам. И уже прямо на бобровые привычки указывает вера в то, что «водяной в лунные ночи хлопает по воде ладонью» и валит по ночам деревья (там же, стр. 243). Изложенные догадки подтверждаются тем, что почти в наши дни бобр оказывался в состоянии возбуждать народное воображение до того, чтобы воскресить все легенды о водяных. Именно В. Торский (353, стр. 74) сообщает, что под Киевом в конце прошлого столетия обитавшие в местности бобры долго оставались неизвестными населению как таковые. Наоборот, постоянные встречи с этим грызуном и разными следами его деятельности привели к уверенности, что это есть водяной, со всеми его атрибутами. Так воскресли древние верования вокруг проявившегося вновь исконного их источника.

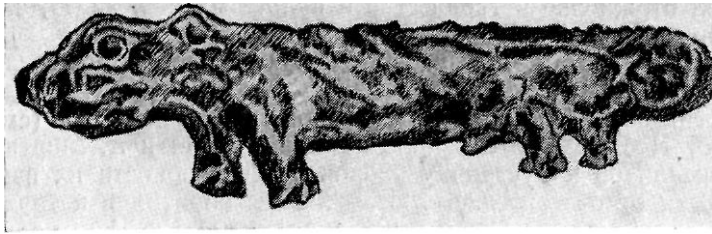

Рис. 1. „Вогульский идол в виде ящера”
 „Идол в виде ящера”
 „Онгон вогулов ящерица или саламандра”

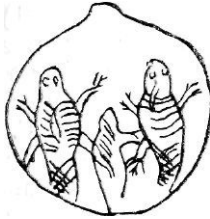

Рис. 2. Семейство бобров

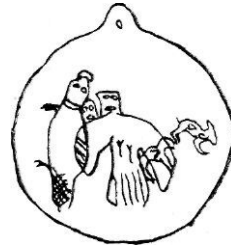

Рис. 3. Бобр с птицей и другими существами

Рис. 4. Бобр как боковая фигура на медальоне сложной композиции

Рис. 5. Бобр — одна из пяти больших фигур, окружающих центральную — человека в спокойной позе

Среди сибирских народностей, как удалось до сих пор установить, бобр нашел отражение в творчестве и культе мансов, хантэ, алтайцев и бурято-монгол, о чем подробнее скажем ниже.

К этой же области нужно отнести большую антропоморфизацию бобра, которая, очевидно, долго сохранялась и в науке. Следы ее мы находим у многих авторов второй половины прошлого столетия (см., например, Шеню, 415) и даже в начале нашего века Г. и А. Мортилье (215, стр. 75) писали об индустрии у бобров и о способности их изменять ее в зависимости от обстоятельств. Если же мы обратимся к трудам более старых натуралистов, то увидим, что знаменитый Бюффон проводит, например, прямую аналогию между бобром и дикарями.

Известным противоречием заключению о том, что поклонение бобру имело столь распространенный характер, должно служить почти полное отсутствие изображений бобра в известных до сих пор собраниях рисунков и скульптур доисторического человека и примитивных народов новейшего времени. В частности этот факт подчеркивается А. В. Шмидтом (394) для хорошо изученной Ананьинской культуры, в людях которой видят предков современных хантов и мансов (377, стр. 121). Об отсутствии находок этих изображений на территории СССР в археологическом прошлом говорит и Д. К. Зеленин (114, стр. 104), который среди «сибирских онгонов, изображающих четвероногих животных» (стр. 10—14), вовсе не указывает бобра. Если же судить по сводке Г. Обермейера (228), в которой о бобре вовсе почти не упоминается, он отсутствует и в богатом собрании рисунков эпохи новейшего палеолита Западной Европы (стр. 254—291),— этот грызун вообще не занимал большого места в жизни человека той эпохи.

Ближайшее ознакомление с материалом показывает однако, что если и не в столь глубокой древности, то все же достаточно давно бобр отнюдь не был редким объектом творчества первобытных художников и скульпторов.

Как и следовало ожидать, наибольшего развития творчество этого рода достигало у народов Приуралья,— страны, отличавшейся обилием бобров.

Переходя к рассмотрению имеющихся материалов, мы для удобства разобьем их на две категории, как-то: изображения непосредственные. т. е. те, в которых авторы старались с возможной точностью изобразить бобра, тщательно вырисовывая особенности зверя, и, символические стилизованные, в которых прототип можно только угадывать, до того условно переданы характерные детали.

Из непосредственных изображений едва ли не самым удачным нужно признать считавшуюся загадочной фигурку, названную Д. Н. Анучиным «вогульский идол вроде ящера» (8, стр. 21, рис. 1/36)¹. Кроме указанной работы совершенно аналогичные изображения мы находим у Н. Сорокина (336, табл. 5, рис. 12) под названием «идол в виде зверя» и у А. Спицина (419, стр. 142, рис. 477) с этикеткой «вогульский идол». Д. К. Зеленин (114, стр. 15, 1/—), следуя Н. Сорокину, относит эту фигурку к мифическим саламандрам, как «четвероногое чудовище», именуя его «онгон вогулов, ящерица или саламандра». Эта статуэтка имеет удлиненное тело, короткие, широкие лапы, хвост в виде овальной лопаты, тупую закругленную морду и округлые, мало заметные уши. Все эти признаки, особенно хвост и морда, с достаточной ясностью свидетельствуют, что древний скульптор стремился изобразить отнюдь не

¹ Здесь, как и ниже, числитель дробной цифры обозначает порядковый номер рисунка по книге, знаменатель — таковой по источнику.

Рис. 6. Пояснительное изображение бобра на „ящере”

Рис. 7. Изображение бобра на птице

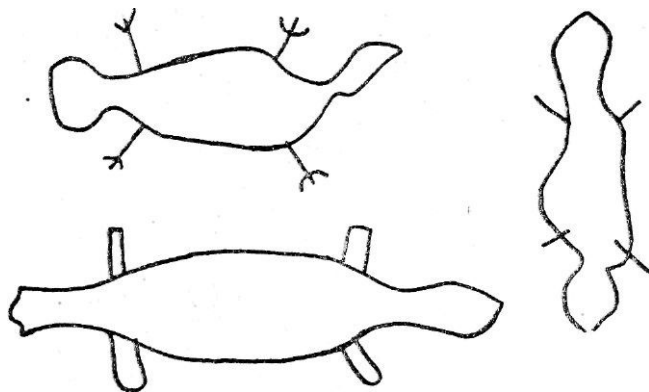

Рис. 8. Остяцкие знамена

Рис. 9, 10. Ящеры отдельно

фантастического ящера. Ведь в этом случае он скорее всего взял бы за образец известную ему ящерицу и снабдил бы фигурку длинным, острым хвостом, какой мы и видим у сказочных ящеров и драконов всех народов. Саламандр же вогулы вообще не видели и узнать о них им было неоткуда. Нет, автор, очевидно, имел в виду вылепить прекрасно знакомого ему бобра, и нужно признать, что не плохо справился со своей задачей.

Рассмотренный пример скульптурного культового изображения бобра не единичен в литературе. Именно Д. Каррутерс (132, стр. 236) сообщает о деревянных фигурках бобров, которые он обнаружил в храмах тувинцев в Урянхае. О целых фигурках бобров среди шаманских украшений упоминает и А. В. Шмидт (393, стр. 130).

Рисованные и резные изображения бобров мы находим в большом количестве среди богатейшей серии рисунков в цитированной работе А. Спицына (419, стр. 87, 101, 104, 119). Специально этому грызуну посвящены из них немногие, собственно один (2/47): на нем представлено целое семейство: два взрослых и между ними бобренок, звери показаны плывущими. Более часты бобры в сочетании с другими фигурами. Бобр с птицей и другими существами (3/46) в движении. Бобр как боковая фигура на медальоне сложной композиции (4/176) в спокойной позе. Бобр — одна из пяти больших фигур, окружающих центральную — человека (5/149) в спокойной позе.

Наконец, группа непосредственных изображений бобров, которые я называю «пояснительными», так сказать, рисунков-этикеток, а именно четкий рисунок бобра на «ящере» (6/94 — А. Спицын и 45 — Д. Н. Анучин) и на птице (7/43 — Д. Н. Анучин).

Характернейшей деталью всех этих изображений является лопатообразный, чешуйчатый хвост, фигурирующий как главная примета бобра и вырисовываемый с особой тщательностью.

К данной же группе рисунков следует отнести и остячки «знамена», опубликованные Н. Оглоблиным (232, 233), представляющие бобра. Именно он фигурирует у сургутских остяков (рис. 11 от 1646 г., рис. 8 от 1655 г. и рис. 8/82 от 1688 г.). У других групп эта «тамга» не встречается. Сделанные штрихами, контуром, рисунки эти очень примитивны, но достаточно живо изображают нашего грызуна.

Переходя к стилизованным и условным изображениям, прежде всего остановимся на группе «ящеров», щедро представленных в изобразительном творчестве народов северного Приуралья, с которым нас лучше всего знакомит богатое собрание рисунков в цитированной работе А. Спицына.

Разнообразие этих фигурок и рисунков весьма велико и подразделить их на группы довольно трудно, однако сами «ящеры» изображены по определенному трафарету, позволяющему без труда установить единство первоисточника. Отбросив частности, мы можем наметить следующие группы (Спицын, 419):

1. Ящеры отдельно (рис. 9/403, 10/406, 11/408, особенно 12/88 и некоторые другие). Таких фигур немного. Гораздо обильнее представлены скульптуры и рисунки комбинированные, как-то:

2. Ящеры с едущими на них людьми, одним (13/94, 14/97) и многими (15/146).

3. Ящеры со стоящими людьми, одним (16/113, 17/123 и др.) и многими.

4. Ящер, как пьедестал для сложных композиций (18/108 и др.); последняя группа особенно богата и разнообразна.

Что же представляют собою эти «ящеры»? У всех них мы отмечаем

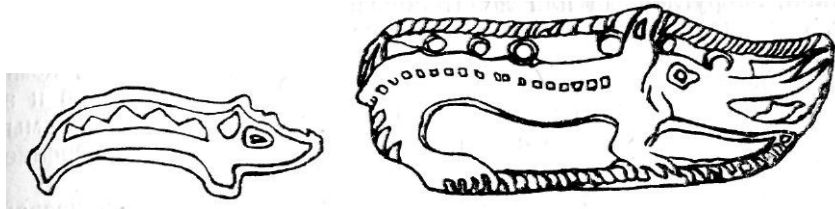

Рис. 11, 12. Ящеры отдельно

Рис. 13. Ящер с едущим на нем одним человеком

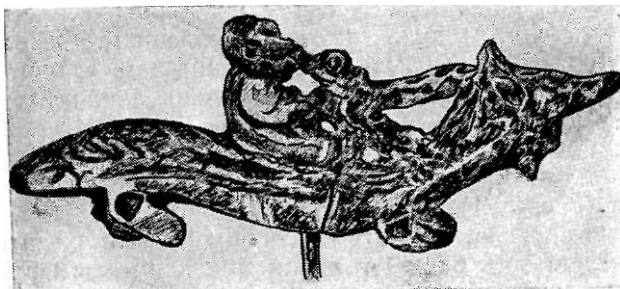

Рис. 14. Ящер с едущими на нем двумя людьми

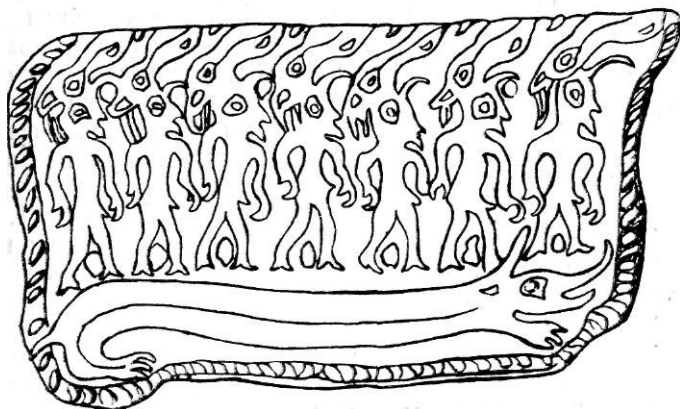

Рис. 15. Ящер с едущими на нем многими людьми

Рисунки вогульских идолов и ящеров

короткий, закругленный или лопатообразный (реже струйчатый) (18/108) хвост, овальное вытянутое тело без всяких гребней, плавников или чешуи, короткие, широкие, не когтистые лапы, одним словом, комплекс признаков, противоречащих тому, чем снабжают своих ящеров и змеев все другие народы. В то же время во всех этих изображениях мы находим очень много общего с тем идолом, которого мы с уверенностью признали бобром.

Придя к убеждению, что их прототипом следует считать названного грызуна, мы склонны думать, что именно эту мысль стремился подчеркнуть скульптор, так тщательно выгравировавший бобра на одной из характерных фигурок (6/94).

Противоречием высказанному мнению можно считать характер изображения голов ящеров. Они, как правило, имеют на темени подобие хохла или рога, а пасть хищного типа, обычно отверстие, угрожающую (19/399). Однако объяснение этому можно найти среди тех атрибутов, которые, как увидим ниже, приписывали бобру современные обитатели Кондо-Сосвинского его очага. Именно по их представлениям бобр всеведущ и гнев его опасен; укус его смертелен. Не это ли воззрение имел в виду символизировать художник, устрашающе разрисовывая бобровую морду? Рог на голове ящера кажется Д. Н. Анучину (8, стр. 107, примечание) не совсем удачным изображением уха. Мы же, со своей стороны, разделяя мнение Д. Н. Анучина, что это не рог, а ухо, несклонны видеть в нем неудачу художника, но символическое изображение всеслышания, которое приписывают бобру поклонявшиеся ему аборигены. Нетрудно видеть в этом аналогю представлениям древнерусских иконописцев, которые подрисовывали своим ангелам «ушки с торцами, в знак всеслышания» (189), хотя великолепно знали истинную форму этого органа у человека.

Отметим еще, что у О. Руденко (284, стр. 37) мы находим воспроизведение остяцкого рисунка на бересте, которое автор называет изображением бобра (рис. 20/1). Что это так, можно согласиться, хотя рисунок и стилизован до предела, но в этом случае я должен сказать следующее: такое изображение есть один из характернейших элементов остяцкого орнамента, и мне приходилось видеть его на изделиях обитателей самых различных пунктов средней и нижней Оби¹.

Наконец, встречаются изображения бобров и на писанницах Сибири. Так, в известном собрании наскальных изображений по р. Енисею Н. Т. Савенкова (449), на таблице третьей, где собраны петроглифы из-под села Тесь на р. Тубе, среди неопределенных автором рисунков, мы имеем несомненного бобра (рис. IX, 3), очень схожего с остяцкими «знаменами». Кроме того, получив любезное разрешение П. П. Хороших ознакомиться с его богатейшими альбомами сибирских писанниц, я обнаружил совершенно несомненное изображение бобра из местности по р. Томи у дер. Писаной.

Следует добавить, что в собрании сибирских писанниц А. Адрианова (466) мы видим на одной из них, срисованной со скалы на р. Колье, притоке р. Маны, фигуру, в точности схожую с вышепомянутым остяцким рисунком О. Руденко.

Одним словом, мы вынуждены признать, что изображения бобра из древности были достаточно широко распространены среди различных народностей, и можно было быть уверенным, что специальные розыски дадут еще много нового в этом отношении.

¹ Отметим, что В. Н. Чернецов в своей работе, посвященной орнаменту угров (278) приводит тот же рисунок, но не придает ему значения бобра.

Рис. 16, 17. Ящеры со стоящими на них людьми (одним—16 или группой — 17)

Рис. 18. Ящер, как пьедестал для сложных композиций

Рис. 19. „Хорошее изображение ящера”

К этой же области следует отнести употребление частей самого бобра при устройстве идола. Пример этого обнаружил на Елоуге Э. И. Шерешевский (391), нашедший там шаманского бурханчика, обшитого бобровой шкурой. Подчеркнем, что такое употребление частей тела бобра могло иметь и значительно большее распространение, но по причине естественной недолговечности изделий не имело шансов к длительной сохранности.

Интересно вкратце остановиться на том, как обшение с бобром отразилось в языке и фольклоре сибирских народностей.

Прежде всего приведем, поскольку удалось собрать, названия бобра на языках некоторых из населяющих Сибирь и близких к ним народов, которые могут быть полезны прежде всего в работе по дальнейшему уточнению былого распространения бобра.

	Тюркские народности		Угрофинны	
Турки	Кундуз	(197)	Финны	Майава (282)
"	Кондус	(45)	Вогулы	Хундэль (45)
Татары	Кундюс	(45)	"	Вит-уй (Е. С. Жбанов)
"	Кондыз	(183)	Остяки	Мах (45)
Киргизы	Кундуз	(45)	"	Инквой (В. Скалон)
"	Кундуз	(270, в. 2, стр. 142)	Остяк-самоеды	Подех, Путто (45) Путш
Башкиры	Кандус			
Ойроты	Сары-кундуз	(270, 2, стр. 142)	"	Путта (Таз, В. Скалон)
Якуты	Хуну-буобрата	(251)	Зыряне	Той (133)
Сойоты	Саде	(425, стр. 41)	"	Мой (45)
Алтайцы	Кундуз	(345)	Казымские остяки	Анш-вой (284, стр. 33)
Киргизы (с верховьев Черного Иртыша)	Камчат	(409)	"	Вит-вуй (284, стр. 37)
Самоеды	"		Сургутские остяки	Маач (452, стр. 331)
Юраки	Лиденг	(45)	Кеты	Путчуо (452, стр. 331)
Ненцы	Лиданг	(283)	Енисейцы	Ладет (452, стр. 331)
	Тунгусо-маньчжуры		Монгольские народности	
Тунгусы	Хатгала	(45)	Монголы	Халигун (45)
"	Хатала	(Н. Скалон)	"	Минчъ (В. Скалон)
Маньчжуры	Хайлун	(45)	Монголы-халхасцы	Темя-галю (270, 2, стр. 142)
			"	Ботогон-халю
			Буряты	Халун (260)
			Калмыки	Халон (24)

Сами по себе названия бобра, усвоенные различными народностями, дают интересный материал для рассуждений¹.

Как видно, на языке хантэ и манси бобр обозначается разными сло-

¹ С. И. Огнев в своей монументальной сводке (451, стр. 508) среди прекрасно подобранных названий выдры на всевозможных языках, между прочим, приводит: «кундуз» (киргизск. сойот); «кара-кундуз» (енксейск. урянх и урянхайцы на р. Тесь). Основываясь на этом, Л. С. Берг (450, стр. 70) строит свои сомнения в возмож-

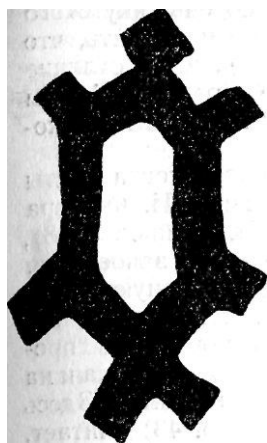

Рис. 20. Остяцкий рисунок на бересте, изображение бобра

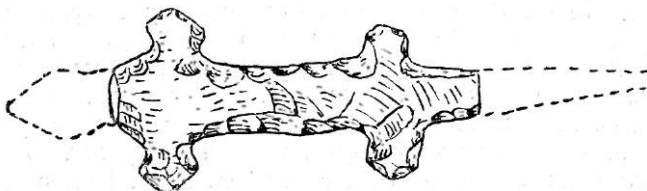
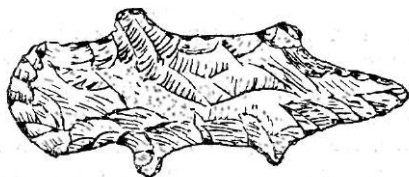

Рис. 21. Миниатюрные кремневые фигурки бобров из работы С. Н. Замятина (477)

вами. В обычном языке он называется по-мансински вит-уй, по-хантэйски инк-вой, то и другое в буквальном переводе — водяной зверь. Иное же название у первых — хундэль, у вторых — мах. В этом следует видеть свойственный многим коренным народам Сибири обычай обозначать двумя именами — прямым и иносказательным — зверей, отмеченных особыми суевериями. Как известно, медведь и волк, например, не только между туземцами, но и среди русских старожилов именуется только иносказательно. Первый: «дед», «старик», «зверь», второй: «зверь», «хвостатый» и т. п. Очевидно то же имело место в отношении бобра и сохранилось в уцелевшем его очаге.

Многообещающим в смысле соответственного анализа географических названий является турецкое наименование бобра «кундуз», свойственное в том или ином звучании всем народностям этой группы, как «бобр» — индо-европейцам (45, 368).

Однако из этого правила мы имеем одно исключение, которое вызывает глубокий интерес. Именно, на якутском языке бобр носит название «буобра», т. е. в корне русское, совсем не свойственное исконному турецкому имени, которому по происхождению народа должно было бы соответствовать. Официальные данные Э. К. Пекарского (251, стр.551) я пытался уточнить, расспрашивая больших знатоков якутского языка, но установить наличия другого названия не удалось. Интересно отметить, что бобровая струя по-якутски называется «Ы» буобра ыта (там же, стр. 3735), где «ы» значит собственно нечто пахучее. В то же время по-

ности былого обитания бобра в некоторых южных пунктах (например на р. Эмбе). названия коих происходят от слова «кундуз».

Необходимо отметить, что выдра редко встречается в совершенно безлесных местах, а бобр, как мы видели, может обитать в водоемах, окаймленных только кустами. Истребить же выдру несравненно труднее, чем бобра, и она благоденствует там, где бобр давно уничтожен. Далее. Среди турецких народностей слово «кундуз» для обозначения бобра столь распространено, что применение его к выдре есть явное исключение. Скорее оно перешло на выдру в местах уничтоженного ранее бобра.

Укажем, что смешение имен выдры и бобра имеет место и в других языках. Например по-монгольски бобр «минч», а выдра «халон». Ныне же, когда бобр в пределах Монгольской народной республики почти совершенно исчез, да и выдра крайне Редка, истинное значение этих двух названий утрачено и многие монголы затрудняются в их истолковании.

татарски бобровая струя именуется «аты», то есть корень якутского названия этого вещества турецкий. К сказанному нужно прибавить, что калан по-якутски тоже называется «буобра» (там же), но в отличие речной бобр «хону-буобрата» — собственно «полевой бобр». Эти факты приводят к заключению, что с обоими этими животными якуты познакомились только после русских или через русских.

Как известно, до сего дня нет ясности в вопросе о том, когда якуты заняли территорию своей нынешней республики. Начиная с И. Фишера (370), историки Якутии В. Серошевский (313), И. И. Майнов (198), Г. А. Попов (266) считали, опираясь на документы времен завоевания Якутии русскими, что якуты в то время занимали центральную часть страны. «Не подлежит сомнению, что как северные, так и южные, западные и восточные окраины якутских поселений суть новейшего происхождения, и предания прямо указывают на окрестности Якутска и на Амгино-Ленское плоскогорье, как на метрополию этих колоний. Здесь застали их русские» (313, стр. 219). Г. А. Попов (266, стр. 43) считает, что на восток и северо-восток границами якутов ко времени прихода русских были районы рек Алдана и Май, близ нынешней Усть-Май. Кроме того, Г. А. Попов и И. И. Майнов указывают, что казаки обнаружили якутов еще в районе Жиганска и небольшую колонию на Яне (198, стр. 331; 266, стр. 43).

На крайнем севере, на побережье Ледовитого океана якуты восприняли от русских имена нерпы и дельфина (в форме «белюга», то есть с наличием исконного в этом слове русского «г», а не «х» в позднейшем «белуха»), животных слишком заметных для того, чтобы какой-либо из коренных в местности народов не изобрел бы им названия на родном языке. В то же время для нового якутам песца они сохранили исконное турецкое «кырса» — равное «корсак», знакомого издревле степного зверя. Замечательно при этом, что, перенявши у русских основной местный промысел песца пастью, они для самой ловушки усвоили русское же название (в форме «паас»), заменив им якутское имя идентичной и принятой в южной Якутии ловушки «сохсо». Видимо, якуты воспользовались тунгусским «чубуку» для обозначения горного барана, имени которому не имели русские. Для камчатского же сурка они сохранили старинное «тарбаган», с последним они встретились на Яне, а в северо-западной Якутии, в частности на Вилюе, ими, подчеркнем, было принято тунгусское имя этого зверя «тонгочу». Русские же, со своей стороны, проникли в центральную Якутию, заняли для местного суслика якутское имя «ебрааски» (в форме «еврашка»). Отметим, что нигде в Сибири этого зверька так не зовут.

Итак, приходится заключить, что ко времени прихода русских в Якутию якутов не было на всей территории, где обитал бобр, то есть в бассейне р. Алдана, верхней Лены, верховьях Вилюя и на Колыме, а равно на крайнем севере и северо-западе страны. Пребывание же одновременно якутов в Жиганске и на Яне не представляется странным. В Жиганск якутам была прямая дорога — р. Лена, которой они пользовались искони при движении на север. Бассейн же р. Яны, именно его лесостепная, благоприятная для скотоводства часть, чрезвычайно близка к Жиганску; последняя к тому же не представляла интереса для таежников-тунгусов, почему и могла быть занята скотоводами без спора.

Существенным подтверждением сказанному служит то, что мы совсем не встречаем упоминаний о бобре в эпосе и других проявлениях народного творчества якутов, известного своим богатством. Правда, в интересном поверье о «духе-хозяине леса» — «боге охотников» (В. Серошевский, 313, стр. 672), В. М. Ионин (120, стр. 4) упоминает бобра в числе живот-

ных, которых «хозяин» доставляет угодным ему людям, но оставляет этого зверя под сомнением. Нет бобра и в текстах обращений к духу леса приложенных к работе В. М. Ионина. Очевидно бобр есть позднейшее включение в число животных подведомственных богу охотников.

В дополнение к сказанному крайне интересно рассмотреть следы интересующих нас корней тюркского слова «кундус» (кондус), сохранившиеся в названиях водоемов юго-восточной Сибири.

Именно, в верховьях р. Лены имеется р. Хонда, левый приток р. Киренги, в верхнем ее течении (130) и оз. Хондинское в ее верховьях. В бассейне р. Тутуры, правого притока р. Лены, мы находим р. Кандакан, правый приток р. Абуры. Отметим также станок Кундуй, на правом берегу р. Лены, выше Жигалова.

Еще лучше сохранились эти следы в бассейне р. Витима. Один из главных верхних его притоков носит название р. Конда. Вторая р. Конда (на карте Иркутской области 1937 г.— 130 — она названа Куанда) в том же бассейне есть значительный правый приток р. Витима, впадающий ниже Калара.

Есть подходящие названия также в бассейне р. Олекмы (карта Читинской области, 1939 г.— 131). Именно, ниже р. Тунгира, слева в нее впадает р. Кандакан. Есть еще оз. Кунды в истоках р. Тунгурча, правого притока р. Олекмы; отметим еще правый приток той же р. Тунгурча — Конну.

Сюда же отнесем р. Кандому (вероятно «Кондому»), приток р. Нижней Тунгуски и р. Кандому приток р. Олекмы.

Нужно отметить, что А. В. Попов (264), стремясь отыскать следы «прадучи», заселявшей, по его мнению, некогда всю Сибирь, признает множество названий рек, имеющих чудской корень. В частности, ссылается на Д. П. Европеуса (104, 105), он и название Конда (очевидно как и его производные) выводит из угорского окончания «канда, конда, порог в реке» (Д. П. Европеус, 105, стр. 12).

Согласиться с таким толкованием, разумеется, невозможно. Прежде всего именно Д. П. Европеус указывает, что канда, конда есть окончания угорских слов. Далее реки с названием нас интересующим встречаются как раз там, где живут или жили народы тюркского происхождения. Если обратиться к самой известной Конде (Большой и Малой) притоку р. Иртыша, которая протекает по земле вогулов, то на ней мы ровно никаких следов порогов не находим, да и быть их там по устройству поверхности не может. В то же время, как мы видели, река эта истари знаменита обилием бобров. Да кроме того, напомним, у р. Конды есть еще одно, возможно более древнее название, а именно Хонтанта, под которым она до сих пор известна малососвинским хантэ.

Теперь рассмотрим, каким образом могли попасть в Прибайкалье турецкие названия рек.

Нам известно (см., например, Н. Н. Козьмин, 152, стр. 115, 118), что предшественниками бурят в юго-восточной Сибири были народности тюркского происхождения. В западном Прибайкалье жили якуты и караиты; последние в Тункинской котловине и частично в восточном Прибайкалье. Забайкалье вместе с караитами занимали также меркиты. Таким образом турецкие названия рек, сохранившиеся в этой стране, не должны нас удивлять, тем более, что они отнюдь не исчерпываются связанными с именем бобра.

Более интересно было бы разгадать причину того, почему оставили Якуты в названиях рек прародины коренное наименование бобра, не сохранив и не заменив в скорости никаким иным в новом местообитании, а в Прибайкалье они не могли не пользоваться исконным названием.

Обращает на себя внимание, что на р. Олекме, рядом с Кандаканом, мы находим такие типично якутские названия рек, как Балыктах, Бо-чурах и др. (131). Быть может, здесь мы имеем след вторичного, уже с севера, проникновения тюркок-якутов в верховья р. Олекмы, где они дали характерные для их языка названия второстепенным речкам, когда корень кунду-кунду уже исчез из их языка. Говоря о якутских названиях рек Восточной Сибири, упомянем кстати данные Е. Д. Стрелова (338, стр. 55—57), приводящего их во множестве для притоков верхней Лены. Особенно они многочисленны для бассейна р. Илги, но встречаются также и на р. Тутуре.

Значительное место занимает бобр в русском народном творчестве. В. Даль (94) собрал целый ряд пословиц, связанных с бобром, которые, отметим, ныне вовсе почти исчезли из обычного употребления. В песнях о животных встречаются специально посвященные бобру, например, «Бобр и лиса» с ее вариантом (286, стр. 299), происходящие из средней России. Песни эти характерны биологическими подробностями: купанье, отряхивание, отдых-просушка на бугре. Замечаниями о промысле — «бить-застрелить» и особенно об употреблении шкуры: «лисью шубу шить, бобром опушить», «да шубку шити, бобром опушити» и т. д. Бобр нашел отражение в русском песенном творчестве и в Сибири. Именно, А. Л. Гуревич любезно ознакомил меня с имеющимися у него записями Давыдова, сделанными в 1937 г. в Илимске. В них мы находим следующие любопытные строки:

«...Речка очень глубока,
В той же речке во глубиной
Купался бобер.
Он купался, он купался,
Все отряхивался.
Хотят ноне бобра бить,
Хотят Маше шубу шить...»

По мнению А. Л. Гуревича, песенка эта представляет собою осколок свадебного обряда. В этом последнем, по его же сообщению, упоминания о бобре ему приходилось встретить и в другом тексте.

Замечательное отображение нашел бобр в алтайском эпосе. Зверь этот занимает центральное место в одном из интересных произведений данной народности — поэмы «Когутэй» (147). Главным героем последней является бобренок, оказывающийся зачарованным витязем. Такой выбор героя, участие волшебных сил в его судьбе, большая примесь чудесного в поэме, вместе с отсутствием чего-либо непосредственно относящегося к жизни бобра как подлинного зверя, заслуживает особого внимания.

Из тувинского фольклора нам известна сказка «Менг Хонгор Тюменей и его сын Ерь Сару», записанная Г. Н. Потаниным со слов урянхайца с р. Буриг-Гол (270, в. 4, стр. 341). В ней фигурирует бобр, живущий человеческим обычаем. Он спасает детей от преследования врага, перевозит их на своей спине через реку, и учит их, как укрываться далее.

Наконец, по сообщению С. Патканова (439, стр. 37), бобровые меха упоминаются в остяцкой народной поэзии. Отмечу, что, собирая сказки ваховских остяков в 1927/28 г., я также встречал в них упоминания об этом ценном, но исчезнувшем товаре.

В тщательных поисках элементов бобрового культа я просмотрел между прочим всю, какую удалось достать, литературу о бурято-монголах, но не встретил никаких указаний на то, что меня интересовало.

Будучи, однако, уверенным, что общение с бобром, которое несомненно имело место у бурят в течение долгого времени, не могло не найти отражения в творчестве и верованиях этого народа, я обратился с частным запросом к известному бурятоведу С. П. Балдаеву в Улан-Удэ. Любезное сообщение, которое я от него получил, даже превзошло мои ожидания. Оказалось, что: «Бобры в жизни бурят-монгольского народа имели большое значение... В шаманстве западных бурят-монголов бобер входил в число девяти хошунов и играл в шаманском ритуале большую роль. Бобер употреблялся также при установлении некоторых онгонов. В песнях, поговорках, пословицах и сказках, построенных на законе психологического параллелизма, бобер занимает видное место как сравнение. В сказках о животных бобер тоже занимает видное место». К сожалению, эти замечательные сведения почерпнуты из сырых материалов, хранящихся в архивах Государственного института языка и литературы БМ АССР, которыми я не мог заняться; да при незнакомстве с языком это потребовало бы слишком много труда. Впрочем, даже тех общих указаний, которые сделал С. П. Балдаев, достаточно для полного подтверждения сделанных мною предположений.

Наконец, из монгольских преданий нельзя не привести следующую замечательную легенду, любезно сообщенную нам Ринченом Бимбаевым.

Два охотника отправились в тайгу за соболями. К ночи они подъехали к некоему шалашу, против входа в который разложили костер и пили чай. На ночевку один решил забраться в шалаш, а другой сказал, что ему это жилище подозрительно и, отошедши, лег под удаленный кедр. Первый же забрался в шалаш на мужское место и заснул.

Ночью он был разбужен топотом коня, несшего всадника (который резко отличен от топота вольно идущей лошади). Едущий приблизился и громким голосом осведомился, дома ли хозяйка. К удивлению охотника, с женской стороны отозвался голос и кто-то вышел из шалаша. Сначала охотник не мог просто понять, как могли они не заметить, что шалаш обитаем, а потом пришел в ужас, догадавшись, что имеет дело с духами. Между тем приезжий спросил хозяйку: «Что это, я вижу гости у вас?». — «Да», — отвечала она, — «их двое, один спит на мужском месте, а второй побрезговал моим гостеприимством». — «Где же он?». — «Да он спит там под деревом». — «Ну-ка я его посмотрю», — сказал гость грозным голосом и отъехал, а охотник в шалаше решил, что его друг погиб.

Вскоре приезжий вернулся и сказал хозяйке: «Я ничего не мог сделать, у него слишком сильная охрана. От ног на меня направили рога два рыжих быка. На туловище его свернулась пестрая змея, которая зашипела мне навстречу. Ну, а голову его охраняет бобр, который оскалил на меня зубы». И приезжий ускакал, велел хозяйке дать подарок тому, кто ночует в шалаше. Хозяйка вернулась в шалаш и улеглась, а охотник заснул успокоенный.

Утром он увидел, что на женском месте лежит скелет женщины в шаманском убранстве, а над ней висит бубен. Тут он понял, что ночевал у покойницы.

Отправившись к месту сна спутника, он увидел, что тот спит, закрыв голову бобровым воротником, положив на себя крестообразно перевязанный пестрый пояс и поставив в ногах, носками наружу, свои гутулы, подшитые шкурой рыжего быка. Он разбудил его и рассказал о случившемся. Проснувшийся, будучи более опытным, объяснил причину своего спасения, которая заключалась в том, что, укладываясь, он положил свою одежду согласно обычаю. А он гласит: «голову закрой воротником,

зверь, из которого он сделан, защитит ее от злых духов; пояс перевяжи крестом (буддийским — В. С.) — это оберега туловища; гутулы не бросай как попало, а поставь аккуратно против ног, острыми носками наружу — они защитят ноги, как остроугоие быки»... Тронулись в путь, и вскоре выскочил олень, которого сразу убил стрелой тот, кто спал в шалаше. Они поняли, что это подарок шаманки.

Это сказание довольно распространено в Монголии, но замечательно, что всюду кроме р. Иро (где был записан Ринченем данный вариант), голову спящего оберегает хорек. Это нетрудно объяснить тем, что в районе р. Иро (и Минчжи-Гол) бобр жил еще недавно и был доступен для дорогого, издревле почитаемого украшения одежды — воротника шубы.

Ринчен Бимбаев сообщил мне так же, что среди утерянных им заклиний, которые были записаны со слов одного из старейших гобийских шаманов, был стих, говорящий о самках оленей (ездовых) «великолепных, как бобры».

Можно быть уверенным, что специальные поиски обнаружат не мало следов поклонения бобру и у других народностей Азии.

Перейдем к рассмотрению элементов культа бобра, ранее существовавшего у хантов и манси, обитающих на территории уцелевшего до сих пор Кондо-Сосвинского очага бобров.

Прежде всего нужно отметить, что в литературных источниках не существует прямых указаний на обожествление бобров угорскими народностями. Однако при ближайшем рассмотрении некоторые косвенные указания этого рода удастся все же обнаружить. Именно, в материалах С. Патканова (249, стр. 133), среди животных, которых обожествляют остяки и вогулы, упоминается некоторое водное животное, которое именуется «юр». Что это такое — автор узнать не мог. Ему говорили, что это четвероногое черного или красного цвета. О размерах его сведения были сбивчивы. По рассказам он то представлялся очень маленьким, то, наоборот, весьма большим. Гадая о том, что такое «юр», автор странным образом ищет его среди беспозвоночных и признает в нем, наконец, водяного жука! Это тем более странно, что в текстах (т. 2, стр. 77) он сам же приводит предание, по которому герои, переплывая р. Обь, пробиваются через стаи мамонтов и юров. Нельзя же думать, что в этой легенде, принадлежащей народу, крайне мало разбирающемуся в низших животных вообще и внимания на них не обращающему, фигурируют, да еще наряду с мамонтами, жуки. Не прошло ли предположить, что «юр» есть не что иное, как отлично известный аборигенам Иртыша (а тем более упоминаемой автором Конды) бобр: животное водное, четвероногое, маленькое (шенок) и могущее быть достаточно большим, черное или красное, притом, как увидим ниже, обожествляемое искони. Любопытно, что, повторяя указание С. Патканова на обожествление остяками таинственного животного по имени «юр», А. Золотарев (115, стр. 31 и 50) не делает даже попытки разобраться в чем тут дело.

Здесь уместно вернуться несколько назад, к «ящерам» древних обитателей Приуралья, изображения которых мы рассматривали.

Принимая во внимание все сказанное выше о звере «юр», которому поклонялись угорские народности, мы получаем полное основание к предположению, что наши пресловутые «ящеры» есть не что иное, как

¹ Приведенный обычай делать оберегу из мехового воротника, в частности сделанного из бобровой шкуры, нельзя не сопоставить с указанными выше многочисленными находками бобровых резцов в древних могильниках Прибайкалья именно как украшений головы и шеи покойника. Очевидно, и здесь они призваны играть роль обереги против духов.

изображения юров. Поскольку же независимый анализ признаков этих мифических существ привел нас к убеждению, что общим их прототипом является бобр, такое допущение приобретает особую вероятность.

В общем приходится признать, что бобр занимал выдающееся место в культе угорских народностей. О сути его культового значения можно строить разные предположения, но одно из них представляется весьма вероятным. Рассмотрение приведенных рисунков и аналогичных им в цитированных работах показывает, что в сложных группах «ящеры» — бобры образуют общее подножие людей, в одиночку и группами, различных зверей, а также видимо растений. «Ящер» же при этом показан плывущим или держащимся на воде.

Постоянство такого расположения при большом разнообразии фигур и их взаимной расстановки заставляет признать, что оно отображает существенную часть культа. Можно думать, что это свидетельствует о том, что бобр в космогонии угорских народов занимал до известной степени место кита, на котором в представлении наших предков держалась твердь земная.

Большой интерес представляет вопрос о тотемическом значении бобра в среде приуральских народностей. О нем позволяют догадываться упоминавшиеся остяцкие «знамена» Н. Оглоблина (231), так как для начертания родового «знамени» в форме животного избиралось именно считавшееся тотемом рода. В подтверждение нашего предположения сошлемся на свидетельство С. В. Бахрушина (25, стр. 33), который, упоминая о рисунках бобра среди тамг сибирских народцев, высказывается в пользу тотемического их значения. Напомним, что в качестве тотема бобр фигурировал у туземцев Северной Америки; так, например, у тлингитов он был одним из 9 тотемов вороньей фратрии (279, стр. 81). Впрочем, если судить только по «знаменам», значение бобра как тотема в Сибири не имело широкого распространения.

Выяснение всего, что касается культа бобра среди наших современников, стоило мне большого труда.

Аборигены обнаружили в данном отношении чрезвычайную скрытность. Особенную сдержанность проявляли манси, и эту национальную их особенность отмечали ранее другие исследователи, например Д. В. Иловайский (117, стр. 7), тщетно пытавшийся что-либо существенное узнать о мансийском культе. Только от лиц, с которыми установились чисто дружеские, основанные на взаимном доверии отношения, удавалось получать отрывки сведений интересующего нас порядка. При этом оказалось, что хранители преданий очень немногочисленны и самая сохранность культа далеко не одинакова у разных народностей. Именно, у кондинских манси, полностью обрусевших, исчезли в значительной степени суеверия прошлого, во всяком случае утратили свою стройность, и едва ли можно найти более 2—3 стариков и старух, могущих рассказать что-либо о том, что нас интересует. Мне лично единственно интересные сведения сумел сообщить только М. П. Сускинов. Несколько больше уцелели осколки старины на р. М. Сосве, где еще встретить людей старого возраста, сохранивших остатки шаманских верований. Здесь более всего я узнал от представителя старинного шаманского рода старца И. Г. Езина. Наконец, среди аборигенов Тапсуя мне почти ничего не удалось узнать по незнакомству с языком (русский язык коренному населению известен очень мало) и краткости пребывания. Некоторые сведения о Тапсуе я получил только от Е. С. Жбанова, любезно взявшегося мне их собрать по моей программе.

Прежде всего остановимся на отрывке легенды о происхождении бобров, записанном мною на р. Конде.

Родоначальницей бобров была женщина — пряха. К ней плохо относились ее многочисленные дети, доходя до того, что не давали ей пить. Однажды она так рассердилась на детей, что сказала им, что уйдет от них жить в воду, и превратилась в бобра. При этом платье ее сделалось шкурой, а хвост образовался из ткацкой доски. Женская природа бобра видна, по мнению рассказчиков, во всей его фигуре: соски на груди, тело широкое книзу, дородное, как у старой женщины, а хвост — видно сразу, что сделан из ткацкой доски.

В представлении малососвинских хантов бобры это бывшие люди народец или племя, превратившееся в бобров, чтобы скрыться от преследований или обращенное в наказание; в этом отношении ясности я не получил.

Очеловечивание бобра, ныне уже исчезнувшее в представлении жителей р. Конды, сохранялось еще недавно у аборигенов рек Тапсуя и М. Сосвы.

В мудрости бобра были уверены все. Его в данном отношении приравнивали к медведю, особое отношение к которому среди народностей Сибири достаточно широко известно.

Малососвинские ханты считали бобра живущим человекоподобным обычаем.

Бобры ведут хозяйство, отличаясь чрезвычайным трудолюбием. Они имеют ножи (которые до сих пор остаются основным орудием местного населения и считаются предметами первой необходимости). Летом бобры работают артелью над текущими делами, зимой заняты кустарным производством, вырезывая множество нужных в хозяйстве предметов и детских игрушек. Основание последнему поверью дают многочисленные, действительно крайне подчас странные фигурки — огрызки, результат постоянной отточки резцов животных, не находящих им иной работы за время зимнего бездействия. Они во множестве находятся в зимних жилищах и в них фантазия людей видела топорщица, копылья для нарт, заготовки для корзин и т. п. Характерно, что в некоторых фигурках старики узнавали старинные веретена и другие ткацкие принадлежности, некогда применявшиеся в хозяйстве хантов, но ныне уже вышедшие из употребления. Во всем этом видели явные признаки человеческого происхождения и наличия хозяйства у бобров. Существуют легенды о том, что зимой бобры общаются друг с другом при помощи лыж и нарт, причем детей они перевозят в корзинах, выплетаемых из коры. Только следы таких переездов могут видеть лишь посвященные.

В сознании жителей рек М. Сосвы и Тапсуя существовало представление о всеведении бобра и полном понимании им речи человека, причем считалось, что между собою бобры изъясняются на мансийском языке. Полагали, что бобр всегда узнает о посещении его угодий человеком и без ошибки угадывает причины визита. В результате появления злоумышленника он непременно оставляет жилища, почему и запрещалось непосвященному заходить в район бобровых поселений. Бобр слышит все, что о нем говорят, почему отзываться о нем непочтительно не следует. Существовал целый ряд специальных обращений к бобрам, из которых я смог, к сожалению, зафиксировать только одно, приведенное выше, при описании промысла запором. Характерным элементом верований являлся и страх перед бобром. Считалось, например, что укус бобра безусловно смертелен. В. В. Васильев в упомянутых рукописях говорит о поверье, будто в случае, если человек не успеет убить встреченного бобра, его постигнет гибель; однако, сколько я ни пытался установить наличие такого взгляда, следов его я не нашел и вынужден отнести его за счет фантазии автора.

Не удалось, к сожалению, установить, каковы представления аборигенов о взаимоотношении бобров с миром духов, населяющих в таком изобилии промысловые угодья. Особенно было бы интересно найти связь ранее распространенными верованиями о наличии в тайге «вотчинников», невидимых простым смертным полулюдей-полудухов, «истинных хозяев» тайги. В существовании последних были убеждены даже многие из русских. Точно были известны места невидимых заимок вотчинников. существовали подробные рассказы о быте их и хозяйстве, приводили многочисленные «факты» встреч с этими существами.

Приведенные выше поверья о невидимой жизни бобров заставляют предполагать известную общность обоих легендарных циклов. Сказанное прибретает тем большую вероятность в свете интересного, хотя и слишком мимолетного указания И. Н. Шухова (402) о том, что «бобр у остяков считается «вотчинником» некоторых районов».

Из других поверий, в той или иной степени связанных с бобрами, нужно упомянуть следующее. Д. Н. Анучин (8, стр. 75), ссылаясь на М. А. Кастрена, говорит о легендарном народе Сиртье. По верованиям самоедов этот народ населял теперешнюю родину последних до их прихода. Затем он ушел под землю и живет там, обладая бобрами, лисицами и стадами мамонтов. Сам М. А. Кастрен в другом сочинении (380, стр. 271) совершенно вскользь упоминает о бобре в числе других пушных животных, населяющих счастливый подземный мир туземных легенд.

Отметим, что о духах в виде бобра и о случае преследования духами вогула на бобровом промысле (судя по времени, охотника-нарушителя общепринятых правил) упоминает в своих очерках К. Д. Носилов (226, стр. 67).

Свое материальное выражение культ бобра находил в почитании частей тела животного. У всех аборигенов северо-восточного Приуралья шкура бобра была излюбленным «прикладом» шайтанского лабаза; там она хранилась или временно, до возникновения необходимости ее продать, или в виде безвозвратного дара шайтану. Кстати сказать, эти «шайтанские лабазы» (избушки, предназначенные для хранения предметов культа и различных ценностей семьи) располагались или вблизи дома, или, если это не гарантировало их от покушений воров из числа пришлого населения, в удаленных участках охотничьих угодий, и весьма интересны. Имели они семейное значение и переходили от отца к сыну, причем каждое поколение ставило новую избушку, в которую и переносилось содержимое старой; последней предоставлялось разрушаться от времени. Новый глава семьи продолжал обогащать свой лабаз до конца дней. Место расположения лабаза не менялось без каких-либо чрезвычайных причин.

Из осмотренных мною многих лабазов я остановлюсь на описании одного из наиболее характерных.

Он находится почти в центре знаменитого «святого» места по р. М. Сосве, на правом берегу р. Ем-Егана, километрах в четырех выше устья последнего на глухом островке, окруженном рекой и болотом и недоступном для пожара. На небольшом бугре я нашел один сравнительно новый и пять старых лабазов его предков, из которых четыре уже обвалились. Таким образом на этом месте сменили друг друга в своем поклонении пять поколений хантов. А до этого их святое место было выше по Ем-Егану. Там стояли издавна неменявшаяся старая изба, от которой ныне не осталось и следа. Новое местообитание для своих богов было избрано потому, что старое место «поганилось», но чем именно, я узнать не мог.

В лабазах этих, украшенных резным гребешком, с традиционной звериной головой на концах (у манси определенно лошади, у хантэ по общему мнению некоторых — лося), хранились идолы, укутанные в одежды, платки и тряпки, материи, украшения, монеты и другие ценности. Оказывались в них иногда довольно редкие предметы, так на р. М. Сосве в одном лабазе хранилась запорожская сабля, в другом — кольчуга и т. д.

Но самое ценное, что находилось в лабазе, это пушнина, иногда на большую сумму. Гвоздем же собрания являлась шкура бобра, придающая особое значение хранилищу. Здесь было место жертвоприношений и молений, и по соседству обязательно стоят жертвенные столики и обычно находятся следы жертв: наичаще подвешенные на дерево конские шкуры. Лабазы эти — в то же время и семейные сейфы, из которых в случае нужды, именно крайней необходимости, допускается изъятие, скорее «заем» тех или иных ценностей. В последнее время обычай этот естественно пришел в упадок. Многие лабазы расхищены пришельцами, а большинство опустошено самими хозяевами. Но все же священные избушки стоят еще кое-где по глухим уголкам, и некоторые старики-владельцы хранят к ним былое отношение.

Помимо шайтанских лабазов, реже всего вместо них, в доме имелся шайтанский же сундучок с реликвиями; иногда он забирался в дорогу, а на промысле сопровождала охотнику сумка с талисманами.

Кроме бобровой шкуры, а иногда вместо нее, в лабаз попадался бобровый череп, а наичаще (более всего у тапсуйских манси) клалась половинка нижней челюсти бобра, сохранению которой придавалось большое значение. Куда девалась вторая половина, не клалась ли она в погребение, установить, к сожалению, не удалось. Этим заботы об останках священного животного не ограничивались. Мясо его съедалось так, чтобы ничто не попало собакам (иного ритуала при употреблении этой пищи, видимо, не сохранилось). Кости отнюдь не раскалываются и не бросаются, но тщательно собираются и топятя в воде, или же закапываются под деревом в таком месте, где бы их не могла отыскать собака; когти зверя разделяют судьбу костей.

Отметим, что сохранение зубов, а равно хвостов у промышленных бобров было установлено А. Рудольским (285) у вогул Верхотурья. Еще более интересно, что, как сообщает А. Брэм (51, стр. 484), в Европе в старину зубы бобра вешались на шею детям в связи с поверьем, что они облегчают прорезывание зубов. Следовательно, почитание бобровых останков имело широкое распространение. Свойственный прежним аборигенам Кондо-Сосвинского бобрового очага обычай обращения с останками бобра проливает свет на причину того, что в упоминавшихся археологических находках части тела этого животного представлены только челюстями и зубами. Именно они сохранялись специально, а остальное столь же тщательно пряталось или уничтожалось, почему и следов их найти не удается.

Таким образом зубы и челюсти бобра мы должны признать одним из самых устойчивых и древнейших фетишей человечества, его можно отнести к 3-й группе по классификации Е. Кагарова (127, стр. 19). Корни этого религиозного обычая уходят в доисторическую древность. Едва ли можно еще найти в истории человечества воззрение, прочность которого не пострадала бы от каменного века до последнего столетия, как это имеет место в отношении культа бобра. Он угасал только с исчезновением самого объекта поклонения и дольше всего сохранялся вокруг последнего из осколков некогда громадного ареала этого замечательного грызуна в Азии.

Нужно отметить, что фетишизирование костей, в основном черепов животных, у аборигенов северо-восточного Приуралья не ограничивалось бобром.

Известное значение имели черепа соболей, точнее висцеральная их часть, которые связками хранились в некоторых шаманских лабазах; они обычно закопчены и отличаются большим проломом мозговой коробки. Известно почитание черепов и вообще костей медведя, широко распространенное в Сибири. Положительно у всех народов северо-западной Сибири череп медведя был священен, а кости его упаковывались так, чтобы к ним не получала доступа собака. Амулеты из клыков медведя также широко применялись, в частности навешивались на детей, как наблюдалось это у жителей Нарымского края, Ваха, Пура, Таза и в разных местах Туруханского края. Н. Г. Остроумов, исследуя пермских манси (241, стр. 168), нашел, что они носят в ножевом приборе у пояса амулеты в виде зубов медведя и зверьков (каких именно автор, к сожалению, не говорит); автор указывает, что зуб медведя есть талисман, с которым вогул никогда не растается. Наконец, Е. С. Жбанов (личное сообщение) установил, что у кондинских манси зубы медведя и когти рыси как правило имелись в шаманских промысловых сумочках. Упомянем еще о свойственном жителям верхнего Таза обычае подвешивать на деревья и мумифицировать целые тушки промысловых зверей, широко распространенное правило отрезывания ноздрей у песца, выдры и других зверей, против чего так трудно было бороться заготовителям... Одним словом, можно сказать, что элементы зоолатрии были широко свойственны народам Сибири, и тема эта не только не исчерпана, но почти и не затронута исследователями.

После выяснения чрезвычайного положения бобра в охотничьем хозяйстве Сибири в прошлом и важности места этого грызуна в культе сибирских аборигенов, рассмотрим наиболее существенную сторону значения его в жизни человека, соединяющую так сказать в себе меркантильные и духовные интересы соприкасавшихся с бобром народностей.

Говоря так, мы имеем в виду то необыкновенное значение, которое повсюду приписывалось бобровой струе. За струей признавалось двоякое действие: целебное, помогающее от самых различных недугов, и магическое, очищающее от всякой скверны телесной («нечистота» женщины в известный период) и духовной (наговоры, порча и т. д.). Вместе с другими проявлениями культа, почитание струи существовало не только в Кондо-Сосвинском бобровом очаге, но давало себя знать далеко за его пределами.

Перед изложением того, что выявлено нами по применению бобровой струи в Азии, остановимся вкратце на литературных данных.

Прежде всего, поскольку в русской литературе описаний этого любопытнейшего продукта почти нет, приведем его характеристику, Даваемую одной из новейших фармакологических сводок, а именно в немецком руководстве практической фармакологии Г. Фредрихса, Г. Арендса и Х. Цернига 1938 г. (435, стр. 871, 872).

«Бобровая струя есть секрет, содержащийся в двух мешочках, связанных с половыми железами самца и самки бобра. Свежее мазеподобное желтоватое содержимое мешочков при высушивании их (в дыму) становится коричневым и твердым как камедь; оно пронизано внутренними пленками. В продаже под именем бобровой струи понимается мешочек с содержимым.

Американская бобровая струя (канадская, английская). По форме подобны ляжке, удлиненные, сжатые с боков, часто перевязанные надвое коричнево-черные, у верхней части более или менее сморщенные

мешочки, до 8, редко 10 см длины, редко более 3 см ширины. Вес 25—100 г. Они более плоски и темнее по цвету, чем сибирская бобровая струя. Только старые мешочки показывают черно-коричневую окраску. Содержимое подобно камеди и более блестяще, чем сибирская струя. Внешняя оболочка не поддается раскалыванию.

Сибирская бобровая струя (русская, московитская, германская, европейская). Мало уплощенный, гладкий, не морщинистый, почти одноформенный мешочек, 6—12 см длины, 2,5—6,5 см ширины, 2—4 см толщины и 50—250 г веса. Внешняя оболочка легко поддается раскалыванию.

Струя имеет своеобразный ароматический запах и неприятный горький вкус и оба качества у сибирской сильнее, чем у американской. Свежий мешочек имеет более светлое содержимое и более сильный запах, чем старый. Содержимое мешочка не плавится при 100°. Спиртовая вытяжка (1 + 10) мутится от примеси воды; раствором хлорного железа изменяется немного.

Подделки. Камешки, земля, мясо и т. д. представляются в пустых мешочках; смесь алоэ, сушеной крови, камеди и т. д. так же в пустых мешочках из-под струи или в желчных пузырях.

Составные части. Мало исследованы. До 1% (у сибирской 2%) эфирного масла, немного фенола, который возможно присоединяется при дымлении. Из горячеприготовленной спиртовой вытяжки при охлаждении выделяется кристаллическая воскоподобная субстанция — касторин (0,33%, у сибирской 2,5%), в то время как камедь, бобровая камедь, кастореумрезиноид (12%, у сибирской 58%) остаются в вытяжке. Далее обнаружены: бензойная кислота, салициловая кислота, холестерин (?), гликозид (?), кальциумфосфат (1,4%).

Хранение. Мешочек должен быть заботливо досушен (без применения искусственного жара) при помощи едкой извести, так как иначе он легко заплесневеет, и хранится в крепко закрываемом стеклянном сосуде. Порошок готовится из струи, высушенной при помощи едкой извести или на воздухе при самой большой 25° температуры, с удалением всех пленок, в том числе и внутренних. Порошок хранится в изготовленном виде только в малом количестве и предохраняется от света. Так как при досушивании мешочка наблюдается еще до 40% усушки, при покупке этого дорогого товара следует принимать во внимание его влажность».

Небезынтересно отметить, что в русской медицине первой половины прошлого столетия бобровая струя имела столь большое значение, что о закупке и заготовке ее заботились даже губернаторы. Например в июле 1829 г. сургутский отдельный заседатель, отвечая на запрос, отметил, что «бобровой струи в течение сего (1829 г.— В. С.) года в продаже по сургутскому отделению не было и ныне оной в руках ни у кого не имеется; как инородцы, так и русские в промыслах своих сих зверей не добывали...» (430).

Забота о сохранении струи начинается у охотника с момента убой зверя. Для этого тушку кладут кверху брюхом, с приподнятой задней частью и в таком виде замораживают. При переноске свежей добычи держат ее всегда головой вниз. В теплое время года железы должны быть вырезаны возможно скорее. По наблюдениям охотников, наиболее полны были секретом мешочки в полнолуние, почему и промысел по возможности приурочивался к этому времени.

Консервировалась струя путем сушки пресносухим способом. До употребления или продажи на сторону продукт хранился в шайтанских сундучках или лабазах, равно божницах. На промысле носили ее запас в

сумочке с талисманом, о которой было говорено выше. В числе последних, кроме упоминавшихся когтей рыси и медвежьего зуба, были отмечены у кондинских манси изредка когти медведя и волка, специальный сдобный на масле калачик или сушку, осиновою или ивовую губу, у соболятников, промышляющих обметом, кусочек мережи и т. п.

О высокой стоимости бобровой струи на севере Западной Сибири мы уже говорили выше, а здесь только повторим, что распространение ее почитания было чрезвычайно велико. От Урала до Енисея и от Ямала до Нарыма следы этого культа давали себя чувствовать среди всех народностей. Повсюду же сохранялась и вера в двоякое — магическое и медицинское — свойство продукта.

Форма употребления струи двояка. Как фимиама — очищающего дыма для окуривания, причем струя возжигается, и лекарства, в виде настойки или порошка, для приема внутрь. Соответственно различия и применение.

В первом случае доза струи, употребляемая на один раз, представляет из себя кусочек объемом вдвое больше булавочной головки. К ней добавляется нужное количество ивовой губы, реже осиновою, а на р. Конде (по Е. С. Жбанову) черемуховой серы или губы. Смесь зажигается и помещается так, чтобы дымом был охвачен подлежащий очищению предмет. Назначение этой операции — очищение от грехов и всякой нечистоты людей, животных и любых предметов, также (как выяснено Е. С. Жбановым для тапсуйских манси) предохранение богов и людей от покушения злых духов.

Самое важное назначение струи — окуривание женщин после родов и менструаций. В результате их женщина впредь до очищения священным дымом считалась поганой и половое общение с ней для мужчины невозможным. У истых ортодоксов она не имела даже права возвратиться к домашнему очагу из «манькоал» — родильного места. Понятно, что для устранения такого вопиющего неудобства люди ничего не жалели, чтобы приобрести спасительный фимиам. Таким же образом очищались предметы, опоганенные прикосновением (перешагиванием) женщины, или вообще для нее запретные (например орудия промысла или некоторые предметы культа), или употребленные ею до очищения. Также очищалось и жилище, необходимость чего возникает обычно в том случае, если женщина поднималась на него выше головы мужчины.

Окуриванием снимается порча и устраняются результаты зловерной ворожбы вообще, а особенно промысловые «уроки», которым придается особенно большое значение (собак, ружья, самого промысла и т. д.).

Техника окуривания в точности неизвестна и, по-видимому, зависела от случая. Так, очищающаяся женщина становилась, раздвинув ноги, над сосудом с куревом так, чтобы дым шел под платье на голое тело. Подлежащий очистке дом, как говорят, обносили курением, «испорченных» собак перегоняли через дым и т. п.

За исключением бобровой струи — компонента обязательного для ритуальной смеси, употребляемой при окуривании — состав ее был различен и сложен. В нее может входить: ивовая или осиновая, реже черемуховая губа, черемуховая сера, кусочек трута, иногда багульник, пихтовые «крестики», веточка можжевельника, обрезок кожи и специальные талисманы, подобающие случаю, как, например, клоч собачьей шерсти, если «изуроченной» или, наоборот, виновницей порчи является собака (например не может «поставить» лося или «посадить» соболя) и т. п. Смесь зажигается при помощи трута и тлеет, испуская не столько ароматичный, сколько душливый дымок. Охотник окуривает

этим дымом себя, оружие, одежду и собаку, затем ставит сосуд на порог промысловой избушки, оставаясь с собаками внутри, перегоняет через него собак, переносит вещи, перешагивает сам и процедура считается законченной. На сколько человек действует такая «зарядка», изменяется ли в деталях процесс очищения по видам порчи, осталось невыясненным; равным образом не удалось установить наличия и характера наговоров, засекаренных с особой тщательностью.

Что употребление струи для очищения от всякой скверны свойственно было мансам вообще, видно из указания Н. Л. Гондатти, который говорит по этому поводу: «Если мужчина пройдет как-нибудь нечаянно под какой-нибудь принадлежностью женского костюма или под самой женщиной, сидящей, например, на амбаре, то ему надлежит быть окурненным струей» (81, стр. 71).

Как особое употребление струи отметим воскуривание ее без примеси, в виде фимиама. По рассказам стариков в старину местные богатеи-аборигены по праздникам позволяли себе роскошь курить в жилище струей. Она смешивалась с ивовой губой и ставилась в жестяночке в божницу. Постепенно тлея, смесь надолго давала себя знать специфическим запахом. Применялось ли это русскими я не знаю, но отмечу, что бедняки аборигены ранее любили покурить одной ивовой губой, запах тления которой, по их мнению, сильно схож с запахом самой струи. Интересно, что на сходство этих запахов есть указания и в литературе (219).

Говоря об ароматическом значении струи, нельзя обойти вниманием общую важность этого вопроса. Мускус, одним из надежнейших поставщиков которого был всегда бобр, с древнейших времен имел выдающееся значение сильных духов, имеющих притом определенное значение в сексуально-возбуждающем смысле. Этим ценность этого продукта не ограничивалась; он широко употреблялся при производстве дорогих ароматов, ибо даже незначительная примесь мускуса сообщает духам весьма ценные качества, особенно в смысле прочности запаха.

Необходимо со всей серьезностью подчеркнуть, что в этом отношении бобровая струя отнюдь не потеряла значения и в наше время. Совершенно очевидно, что в деле разведения бобров, которому, особенно в виде строительства охотхозяйства, принадлежит огромное будущее, немалое место будет отводиться удовлетворению спроса парфюмерной промышленности.

Большой важности делом было бы отыскание возможности прижизненного извлечения струи. Этим чрезвычайно повысилась бы эффективность хозяйства и на эту задачу придется обратить серьезное внимание.

Кроме струи, лечебное и магическое действие признавалось за хвостом. На р. Конде применялся конец его, отрубаемый на три пальца от вершины. Он высушивался и давался в виде порошка собакам в молоке, при особо тяжелых болезнях; по общему мнению средство было радикальным. На р. М. Сосве в тех же целях высушивались и толклись чешуя и хрящи хвоста. От некоторых я слышал, что хвост употреблялся так же и целиком, причем помогал при различных болезнях. Есть указания на то, что за хвостом, целиком высушенным, признавались некоторые магические свойства, но это требует уточнения.

В связи с оскудением запасов бобров, возникло применение заменителей струи. Так, на р. М. Сосве тщательно собирались кишки бобра вместе с содержимым и желудок без содержимого. Все это высушивалось и употреблялось как струя, но в дозировке увеличенной не менее, чем вдвое.

Приведем, наконец, сообщение А. К. Беликовского (29, стр. 390) о том, что, очищаясь после родов, остяцкие женщины, за неимением струи, бросали в огонь кусочек бобровой шкурки; трижды перескочив через дым и окурившись, они считались очистившимися. К сожалению, автор не указывает источников приводимых сведений или хотя бы места, где этот обычай наблюдался.

Не удалось, к сожалению, установить, сопровождалось ли применение струи и ее заменителей какими-либо наговорами, но есть основание предполагать, что таковые все же имели место.

Итак, мы убедились в огромном значении, которое имела искони бобровая струя в местной жизни. Очевидно также, что употребление и почитание ее имело в Азии широчайшее распространение. Следовательно, при всей ничтожности применявшихся доз, общее количество требовавшегося не могло не быть весьма значительным. Струя была извечным предметом торговли и обмена на внутреннем, внутриплеменном и международном рынке Азии.

Ныне культ бобра и связанные с ним суеверия, использование для культовых целей бобровой струи и других частей этого ценного пушного зверя навсегда отошли в область предания и стали преимущественно предметом изучения для историка, этнографа и фольклориста. Самый же зверь — речной бобр — обретает свое подлинное назначение — стать объектом правильно организованного охотничьего хозяйства и в плане реконструкции фауны занять одно из ведущих мест.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, в результате проведения мудрой Ленинско-Сталинской национальной политики произошли коренные изменения в экономике, сознании и быте народов советского Севера. Факел культуры, зажженный Советами, пробудил от тяжелого сна некогда отсталые, темные, забытые, нещадно эксплуатируемые народы далекой царской окраины. Сеть благоустроенных больниц, медицинских пунктов, диспансеров нацело вытеснили из быта манси, хантэ шаманские заклинания и наговоры. Эти народности нашли свое место под ярким солнцем Сталинской конституции как полноправные строители коммунизма, как активные участники совершающегося на наших глазах гигантского процесса преобразования природы.

ПРИЧИНА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ БОБРА В СЕВЕРНОЙ АЗИИ И СОХРАНЕНИЯ ЕГО В БАССЕЙНЕ РЕК КОНДЫ И СОСВЫ И В ДРУГИХ АЗИАТСКИХ ОЧАГАХ

Итак, мы убедились, что в исторически недавнее время бобр в Северной Азии пользовался почти повсеместным распространением. В то же время в наши дни он сохранился здесь лишь в виде крошечных очагов, из которых заведомо сейчас известны только бассейн рек Конды и Б. Сосвы (в виде ее притоков рек М. Сосвы и Тапсуя), истоки р. Енисея и некоторые притоки р. Черного Иртыша.

Нам известно, что в Восточной Европе бобр как промысловый зверь исчез уже около 100 лет назад и самое исчезновение его было процессом, тянувшимся многие столетия. Бобровое хозяйство, известное с первых веков русской истории, сохранялось до XVI, даже XVII столетия. Сибирь, исключительно богатая бобрами ко времени прихода русских, совершенно оскудела ими еще в позапрошлом столетии, и экономическое значение зверя угасло почти одновременно с таковым его восточноевропейских сородичей. Следовательно, процесс его исчезновения в данной стране можно назвать стремительным. Одним словом, явление это, имеющее весьма большое практическое значение, очень интересно и заслуживает подробного рассмотрения.

Вопрос о причинах сокращения численности и самого исчезновения бобров привлекал внимание многих ученых, и мы приведем наиболее характерные суждения.

И. Г. Гмелин в 1743 г. (77, т. III, стр. 486), сообщая о былом распространении бобра на р. Мане, говорит по этому поводу следующее: «Итак, почти везде, по всей Сибири, значится только, что бобр был там прежде. Из старых рассказов почти в каждом месте знают о прежнем обитании бобров; но так как их искусственные жилища можно было открыть без труда, то вскоре их и перебили». Хотя, как мы видим на примере р. Маны, где на самом деле бобры водились до конца прошлого столетия, И. Г. Гмелин впадает в заблуждение относительно определения сроков окончательного исчезновения бобра в различных пунктах Сибири, в целом заключение его сохраняет интерес и значение.

Через 100 лет К. Е. Бэр, признававший человека причиной гибели бобра в Европе, совсем иначе рассматривал вопрос о его судьбе в Сибири. Не располагая, очевидно, никакими историческими материалами, он странным образом считал, что в Западной Сибири бобр никогда не был более многочисленным, чем в его, Бэра, время, а в Восточной Сибири этот грызун вовсе отсутствовал. Первое он склонен был истолковать наличием неблагоприятных природных условий, а второе объяснял недостатком подходящих древесных кормов. По его мнению захват Сибири

русскими не имел большого влияния на бобров и роль человека о их исчезновении в этой стране вообще ничтожна (21, стр. 245).

А. Миддендорф также по-разному оценивал причины исчезновения бобра в Европе и в Азии. Он писал: «Как беззащитное животное, осужденное на совершенно определенные местности, он был истреблен, в центре своего местообитания вследствие увеличения населения, уничтожения лесов и возделки земли» (210, стр. 74). Это глубокое суждение относительно было им к бобрам европейским, что видно из следующего высказывания о судьбе этих грызунов в Сибири: «Трудно вообразить себе, чтобы бобры, если они водились некогда в низовьях р. Енисея, в области рек Лены, Колымы и т. д., могли быть совершенно истреблены уже в настоящее время, когда эти местности еще пустынные и чрезвычайно слабо заселены. Таким образом этот пробел в распространении бобров остается неразрешенной загадкой, на которую необходимо обратить особое внимание будущих посетителей тех местностей. Со своей стороны считаю нужным заметить, что обширная область Северной и Восточной Сибири, где не встречаются и в древности, вероятно, не было бобров, вполне совпадает с областью распространения ледяной почвы» (там же, стр. 76). Общая легковесность приведенного суждения, удивительная в устах столь вдумчивого исследователя, носит на себе очевидный след влияния цитированного высказывания К. Е. Бэра.

Ф. П. Кеппен (137, стр. 272), специально занимавшийся изысканиями в интересующей нас области, считал виновным в истреблении бобра человека, действовавшего как путем прямого преследования животного, так равно истреблением лесов, необходимых для жизни бобра. Ф. П. Кеппен фактами опроверг гипотезу А. Миддендорфа о невозможности для бобра обитать в пределах вечной мерзлоты.

Д. К. Соловьев (334), выдающийся знаток вопросов охоты, безоговорочно высказался за то, что причиной исчезновения бобра было повсеместное преследование его человеком.

Г. Гольцмайер (79), говоря о задачах реакклиматизации бобра в Западной Сибири, высказал мнение, что главной причиной исчезновения нашего грызуна в этой стране было уничтожение лесов, наступившее после заселения Сибири русскими.

И. В. Арембовский (12) решительно признает, что для Восточной Сибири причиной исчезновения бобра был именно человек.

Не останавливаясь на более беглых высказываниях по данному вопросу, встречающихся у разных авторов и в большинстве склоняющихся к признанию человека виновником исчезновения бобров, отметим, что авторы специальных монографий о бобрах Г. Л. Граве (85, стр. 82) и общепризнанный знаток этих животных А. В. Федюшин (368, стр. 84—91) решительно подтверждают ту же точку зрения.

В заключение цитированных мнений приведем изложение неопубликованной теории Е. С. Жбанова о причинах сокращения численности бобров на северо-восточном Приуралье, которая стала мне известна и как глава его интересного отчета, и по личным письмам.

Автор прежде всего обращает внимание на обмеление рек Западной Сибири, особенно хорошо заметное в бассейне р. Конды. Его он считает одной из причин, обуславливающих коренное неблагополучие бобрового поголовья. Однако основная мысль теории заключается в другом.

Вместе с А. Миддендорфом, Е. С. Жбанов считает невозможным истребление бобра человеком за столь короткий срок в такой пустынной стране, как Сибирь. Исчезновение бобра он приписывает вымиранию молодняка, причины которого истолковывает так. Зимовки кондо-сосвинских бобров осуществляются в местах, богатых березой — основным

зимним кормом, наличие которой и обеспечивает благополучие зверей. Летних кормов, главным образом осины и тальника, здесь нет или их мало. В связи с этим весной взрослые бобры вынуждены откочевывать в поисках корма. Наличный запас летних кормов недостаточен и для молодняка тем более, так как имеющийся, в результате прошлогодних срезов, оказывается слишком грубым для молодых резцов. В результате молодые бобры вынуждены последовать примеру взрослых или погибнуть от бескормицы. Откочевывая позднее, когда вода спадает, притом по следам взрослых, сседающих лучший корм, бобрята оказываются в очень невыгодном положении в отношении добычи кормов (Е. С. Жбанов установил выходы их на сушу в поисках пищи до сорока метров от воды, что много и для взрослых) и легко делаются добычей хищников. Однако главное не в этом. До самого начала откочевки бобрята обитают в условиях постоянной температуры норы и гнезда. Во время путешествия же они проводят холодные, пронзительные ночи, характерные для местной весны, под открытым небом или в случайных убежищах. В результате зверьки гибнут от легочных заболеваний, большую склонность к которым Е. С. Жбанов установил у них на опыте.

Изложенные вкратце мысли, базирующиеся не на отвлеченных соображениях, как умозаключения большинства авторов, писавших о бобрах, а на непосредственном изучении группы этих животных, до него не бывших предметом внимания толкового исследователя, заставляет если не согласиться с ними, то во всяком случае рассмотреть со всей серьезностью.

Итак, мы видим, что существует в основном два направления в суждении о причинах исчезновения бобра: 1. Влияние человека. 2. Отрицание этого влияния¹. За этим отрицанием у А. Миддендорфа, например, нет ничего, кроме признания данного явления «загадкой» и только у Е. С. Жбанова мы видим серьезную попытку обосновать независимость от человека сокращения и самого исчезновения бобра в Сибири.

В суждении о влиянии человека мы, с одной стороны, встречаем признание фактом прямое истребление, с другой — уничтожение древесной растительности. В отношении последнего отметим сразу, что, если для Европы этот тезис сохраняет вполне свое значение, роль его в Азии вовсе не существенна. Конечно, в степной и лесостепной полосе Сибири обезлесивание в результате деятельности человека имело и имеет место, но оно происходит преимущественно за счет расширения пахотных площадей, а это явление здесь исторически новое, развернувшееся серьезно только тогда, когда с бобрами в основном было уже покончено. Что же касается таежной части страны, где и обитала главная масса бобров, то для нее о влиянии этого фактора говорить не приходится вовсе.

Далее остановимся на теории Е. С. Жбанова. Мы не имеем возможности подвергнуть ее существенной критике, ибо наблюдений над развитием молодняка сибирских бобров кроме Е. С. Жбанова никто не имеет. В подтверждение же его соображений отметим, что описанная выше судьба бобрового поголовья р. Уха, столь резко выделившегося из всех бобровых речек местности, оправдывает заключение Е. С. Жбанова, ибо р. Ух единственная из речек очага, богатая осиной настолько, что она могла бы обеспечить молодняк летними кормами на месте.

¹ Отметим стоящее особняком высказывание И. С. Полякова, который пишет в отношении северной части бассейна р. Оби: «В большинстве случаев исчезновение бобра совпадало с вымиранием первобытных жителей и, по-видимому, для здешнего края вывод этот может быть частью приложен» (262, стр. 38). Данный вывод, странный в устах столь крупного исследователя, мы приводим для полноты картины, несмотря на его полную необоснованность.

С другой стороны, допуская наличие пагубного влияния на сохранность молодняка местных условий, мы не можем признать действие его абсолютным. Именно, если бы в результате действия этих сил бобр действительно оказался бы обреченным на гибель (подчеркнем, без охраняющего влияния человека), то каким бы образом могло сохраниться столь долго изолированное кондо-сосвинское стадо, значительная плотность и промысловое значение которого, безусловно, имело место еще 10 лет назад.

Очевидно, теория Е. С. Жбанова может нам объяснить существующую замедленность темпа роста стада, сравнительную слабость видовой сопротивляемости бобра, но и только.

Таким образом из прямых причин исчезновения бобра нам пока известным остается только непосредственное истребление человеком.

Возможно ли такое в условиях сибирской малонаселенности?

Обсуждая этот вопрос, прежде всего позволим себе остановиться на судьбе другого знаменитого пушного зверя Сибири — соболя. Совсем не далеко то время, когда соболя в Сибири было избыточно много. Бобр был во многих местах редок, а кое-где уже исчез, когда соболей заготавливали десятками тысяч, когда оценивали котел числом входящих в него соболиных шкурок и били соболя по образному выражению легенды коромыслом, то есть самым неудобным из возможных к убою зверя предметом. И что же произошло за последующие полтора столетия — двести лет? За последнее, буквально, полу столетие соболей не только стал редок, но поголовно исчез из громадных районов, стал редчайшим зверьком самых удаленных, труднодоступных уголков. И это произошло с соболем, крайне жизнеспособным, выдающимся по своей плодовитости хищником, одним из самых трудных к промыслу зверей.

Можно, впрочем, отметить, что вообще роль человека в деле сокращения численности или даже полного истребления различных видов животных часто недооценивается и многие ученые склонны бывают искать сложные, чуть не космические причины исчезновения тех или иных существ там, где ларчик открывается просто.

Не говоря об общеизвестных, классических, так сказать, случаях прямого истребления животных человеком, как стеллерова корова из млекопитающих или дронг из птиц, мы сошлемся на такой характерный пример, как история сокращения ареала мускусного быка. Как известно, это замечательное животное пользовалось некогда кругополярным распространением, доходя во времена каменного века до Южной Европы, занимая большую часть Сибири и Северной Америки. Ныне же овцебык встречается только в Гренландии и на некоторых островах Арктической Америки. В попытках объяснить это явление некоторые кабинетные зоологи решительно отказываются признавать вероятным капитальное влияние в этом процессе человека и строят гипотезы о воздействии изменений климата и т. п. (см., например, К. К. Флеров, 423. стр. 258). Между тем один из немногих ученых, решавших этот вопрос не в кабинете, но имевший случай наблюдать мускусного быка в природе и даже жить за счет охоты на него, знаменитый путешественник В. Стефансон, решительно утверждает обратное (421, стр. 457, 422, стр. 57). Изложив образ жизни этого, на редкость смиренного и малоподвижного животного и остроумно сравнив охоту на него с убоем коров на ферме, автор совершенно резонно признает единственной причиной исчезновения овцебыка человека. При этом в Европе, очевидно, истребление такого смиренного зверя закончилось во времена доисторические, в то время как свирепый тур — тоже жертва алчности человека — задержался на много столетий.

• Даже для животных, несравненно менее ценных, промысел может стать причиной самого резкого и быстрого сокращения численности и исчезновения. В подтверждение сказанного, кроме ссылки на истари известный факт почти полного исчезновения сурка в Западной Сибири, я приведу примеры из личной практики.

С первых лет революции и вплоть до 1925 г. каждое лето проводились обширные работы по истреблению краснощекого суслика в Кузнецкой степи. Их возобновляли из года в год с переменным успехом, но этот зверек продолжал плодиться столь успешно и вредить столь рьяно, что в 1926 г. пришлось заняться специальным изучением его биологии. В этих работах принимал участие и я. По приезде в Кузнецкую степь отряд обнаружил, что поголовье сусликов уменьшилось настолько, что едва удалось подыскать место для производства необходимых наблюдений. Оказалось, что с лета 1925 г. началась массовая заготовка шкурок суслика. Население принялось за промысел зверька. Особенно отличались татары из соседних районов. С бочками «а телегах, они приезжали надолго и кочевали по степи. Вылавля сусликов, не пропуская ни одной норки, они сушили шкурки и солили мясо, и начисто опустошали обширные площади. Поголовье сусликов снизилось чрезвычайно и будь цена на них немного повыше, мы стали бы перед фактом полного исчезновения очага краснощекого суслика в Кузнецкой степи.

В конце тридцатых годов текущего столетия в Восточной Сибири начали сильно расширяться посевные площади за счет тайги, в которую они вгрызались повсеместно. В связи с этим обозначился большой рост повреждений посевов бурундуком, ранее остававшихся нечувствительными. Особенно это сказывалось в Приангарье, и летом 1931 г. мне было поручено произвести изучение биологии бурундука и изыскать рациональные способы его уничтожения. Ознакомление с делом на месте работ, проводившихся в Усть-Удинском районе, показало следующее. С осени 1930 г. сильно возрос опрос на шкурки бурундука, что повлекло большое развитие его промысла. В результате к концу летнего сезона 1931 г. не только сошла на-нет вредоносность этого грызуна, но и он сам оказался настолько редок, что изучать его стало очень трудно. Мне не оставалось ничего другого, как выразить уверенность в том, что для борьбы с этим злом достаточно сделать экономически выгодной охоту на бурундука (417).

Следовательно, прямое истребление человеком может иметь решающее значение для самых плодовитых, имеющих массовое распространение, животных.

Что же можно сказать о бобре? Оседлый, мало подвижный, слабо размножающийся зверь, он еще, как нарочно, бросается в глаза необыкновенностью своих построек. Какая глушь сможет скрыть обитание бобра от промышленника, осваивающего зимой на оленях и лыжах сотни километров прекрасно известных ему угодий, а летом посещающего их преимущественно в лодке, во время чего он физически не в состоянии не заметить следов бобра.

А если поселение бобров найдено, что может помешать охотнику истребить всех его обитателей до единого, ибо добыть бобра никакой трудности не представляет.

И все это в отношении зверя, своей выдающейся ценностью (шкура, мясо, а главное струя) превышающего всех местных животных, зверя, по простоте и выгоды промысла не имеющего себе равных.

Не подлежит сомнению, что исчезновение бобров в Северной Азии отнюдь не есть следствие каких-либо естественных причин, но прямой результат истребления его человеком. Поэтому приведенное выше мне-

ние на этот предмет И. Г. Гмелина, первого из ученых ознакомившегося с сибирским бобром, есть самое верное и точное.

Остановившись на заключении, что именно преследование человеком было причиной исчезновения бобра в Азии, мы должны сделать попытку проследить этот процесс во времени, поискать связи его с определенными эпохами.

При рассмотрении истории бобрового хозяйства на Руси мы можем отметить, что расцвет его падает на времена удельные, предшествовавшие татарскому нашествию.

Татарское иго, наложившее глубочайший отпечаток на весь строй народной жизни, резко сказалось на состоянии русского охотничьего хозяйства. Выразилось это прежде всего в настойчивом и постоянном требовании дани, которая, в силу недостатка иного вида ценностей, в основном взыскивалась пушнинаю. Так, Плато Карпини (255, стр. 185), сообщая, что татарский хан истребил большую часть населения Руси, говорит: «Остальных же, по их обычаю переписав, приказал, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже младенец однодневный, бедный и богатый, давал дань, а именно: по коже белого или черного медведя, черного бобра, забула (соболя) и какого-то черного зверька, живущего в земле в норах, и по одной коже черной лисицы».

От поборов освобождалось только духовенство (13, стр. 14), ибо ханы во всех покоренных странах стремились на всякий случай обеспечить себе благорасположение чужих богов. Духовенство получало специальные грамоты, любопытный образчик которых представляет Узбеков ярлык XIII в. Он гласит «А что будет церковные люди, ремесленники кои или ловцы, какого лова ни буди, или соколницы, а в то наши никто не вступаютца и на наше дело не емлют их, и пардусники наши и соколницы и побережники наши да не вступаютца в них и да не взимают у них дельных орудий, да не отнимают ничего же» (428, стр. 106).

Приведенная выписка позволяет сделать несколько заключений. Прежде всего, поскольку ярлык дан в охрану интересов русской церкви, ясно, что в церковном хозяйстве охота разных видов занимала в те времена почетное и видное место. Как было видно из сказанного выше, это особенно относится к хозяйству монастырей, притом и гораздо более позднего времени. В архивах Туруханского монастыря, например, мы видим следы большого внимания, уделявшегося монастырем организации песцового лова.

Очевидно далее, что в ханской ставке охота тоже была делом большим и высоко специализированным. В ней кроме ловцов разного рода, приравнивавшихся, видимо, к ремесленникам, были носители более высоких рангов: сокольники и пардусники, специалисты по спортивной охоте и в силу этого более приближенные ко двору.

Наконец, важно отметить, что среди ханских чиновников, посылавшихся на Русь, были специалисты разных отраслей охотничьего дела. Они «вступались» в дела русской охоты, привлекали к исполнению своих заданий русских мастеров охотничьего дела вместе со средствами производства. Случалось, как видно, что нужные орудия, несомненно лучшие и более приспособленные к местным условиям русских лесников-промышленников, отбирались временно или совсем.

Татарские поборы — ясак, усугублявшиеся взысканиями в пользу князей (165, стр. 51), вместе с постоянным вмешательством завоевателей в хозяйственную жизнь, создавали невыносимый гнет и, естественно, заставляли данника жертвовать всем, чтобы оплатить требуемое, избегнув этим смерти или окончательной неволи. Непомерно возросшие

в сравнении с прошлым требования к промысловой фауне прежде всего должны были сказаться на самой организованной отрасли охотничьего хозяйства, а именно боброводстве. Это тем более, что шкурки этих грызунов специально, как мы видели, интересовали завоевателей, требовавших по шкуре с души. Учитывая относительно слабую размножаемость бобров, можно считать, что строгое взыскание такой дани должно было скоро затронуть основное стадо. Думать о сохранении издревле оберегаемой хозяйственной отрасли уже не приходилось.

Бобровые гоны, места известные, доступные, наиболее освоенные могли опустошаться завоевателями непосредственно или по их приказанию, в порядке захвата военной добычи, или организацией собственного лова в последующие годы. И мы видим, что все это имело место. Так, Н. Аристов сообщает нам, что ханские охотники не только имели право повсеместно производить лов зверя, но и конфисковать у русских орудия и продукцию промысла, а также выгонять на промысел население (13, стр. 14). Можно, однако, думать, что последствия непосредственного участия татар в эксплуатации промысловой фауны не могли быть особенно глубокими. Неизбежный элемент случайности и спешки, незнакомство коренных степняков с природными условиями русского таежного промысла и, как следствие, необходимость доверять организацию лова покоренным. Пассивное хотя бы сопротивление мобилизованных промышленников,— все это ограничивало глубину прямого вмешательства порабитителей.

Гораздо серьезнее сказывались ежегодные обязательные поставки, особенно истощавшие запасы хозяйственно освоенных животных, за счет которых должны были неизбежно покрываться недостатки выполнения заготовок труднодоступных видов.

Имело значение и то, что татары, как указывает М. Любавский (472, стр. 155), отеснив русских из пределов плодородных южных степей, заставили их особенно усердно эксплуатировать природные богатства лесной полосы, отчего, в связи с нарушением установившегося хозяйства, не могли не пострадать в первую очередь бобровые гоны.

Бобровое хозяйство могло существовать, опираясь на кадры опытных бобровников. Подвергаясь систематической чрезмерной эксплуатации, оно деградировало, теряло свою доходность, а с ней и специалистов дела. Большая мощь и древность отрасли сделали длительным процесс ее вырождения и оно затянулось на века. Именно, если в XVII столетии мы уже не обнаруживаем возникновения новых поселений бобровников (А. П. Шапов, 406) и государственные формы этой хозяйственной отрасли видимо исчезают, бобровые гоны как хозяйственный объект продолжают существовать вполне. Так, еще в 1650 г. в Тамбовском крае они были общеизвестны. Например в дарственной записи этого года, хранящейся в местных архивах, говорится: «с лугами сенокосными и с реками и с притоками, и с бобровыми гонами, лосиными купалищи и со всякою звериною ловлею» (102, стр. 167).

На смену бобровому хозяйству шло земледелие, бобровые гоны на речках сменяли губительные для этих животных мельницы; и нельзя преуменьшать значения этих факторов как прямых антагонистов боброводства. Однако было бы неправильно думать, как это делает А. П. Шапов (406), будто это произошло в результате естественного процесса — смены низшей формы хозяйства высшей. А. П. Шапов впадает в ошибку в результате смешения примитивного промысла, объектом которого бобр перестал быть еще во времена доисторические, с высокоспециализированным бобровым хозяйством. В сравнении с ним русское сельское хозяйство не только тех, но и гораздо более поздних времен было

много более примитивным. В отношении же доходности, экономической базы оно было несравненно ниже и могло возникать на месте бобровых гонов только вследствие деградации последних.

Прямое влияние развития сельского хозяйства на ускорение гибели боброводства заключалось в том, что успехи его, при господствовавшей подсечной системе, сопровождались выжиганием огромных площадей леса, бесконечно превышавших размерами осваиваемые земледельцами участки. При этом гибли, конечно, и бобровые угодья, которые не могло уже охранять ослабевшее, потерявшее свои привилегии сословие бобровников.

Таким образом исчезновение бобрового хозяйства в России произошло отнюдь не в результате того, что оно себя изжило, как таковое. Это явление должно считать одним из печальных последствий татарского ига. Рассматривать его как прогрессивное было бы ошибкой. Наоборот, в наше время мы с полным правом ставим вопрос о необходимости воскрешения древнейшей отрасли русского народного хозяйства, раскрытия ее ныне утраченных секретов, которыми владели далекие наши предки — российские бобровники.

В Северной Азии исчезновение бобров происходило своеобразно. До прихода русских они были истреблены в Забайкалье (кроме крайнего его северо-востока), на р. Амуре, в Западном Прибайкалье и значительной части степной полосы юга Средней и Западной Сибири. Наоборот, всюду в тайге, от Урала до р. Амуре, русские встретили изобилие бобров и цветущее бобровое хозяйство.

Область раннего исчезновения бобра была издревле ареной мощного движения народов, смены племен, царств и хозяйственных укладов. Особенно сказывалось это в бурную эпоху империи Чингис-хана и последующего ее распада (152, 211, 212 и т. п.).

Впрочем, возможно, что во многих местах Южной Сибири истребление бобров могло произойти и гораздо ранее. Так, например, Г. Е. Грумм-Гржимайло (91, т. 2) сообщает, что еще в 168—174 гг. Тань-шихай, вождь синбийцев, вел войны в Южной Сибири, присоединив к своему царству обширные части нынешней Иркутской области и Алтайского края.

Вообще же исторические источники говорят нам, что Забайкалье, а тем более Монголия, еще до нашей эры и в особенности в ее первые века, была ареной исключительно бурных политических событий, что не могло не сказаться в первую очередь на судьбе бобрового хозяйства. В Монголии этот процесс полностью закончился в домонгольский период, о чем говорит редкость упоминаний о бобре в фольклоре и эпосе монгольского народа. То же, вероятно, относится к Восточному Забайкалью, где о былом обитании бобров говорят только челюсти их, находимые в древнейших могильниках.

Постепенное развитие этих процессов вызвало к жизни рост потребностей, а с ними обмена и торговли. Это повлекло развитие денежных отношений, потребность в ценностях. По причине трудности добывания драгоценных металлов возрос спрос на пушнину как товар (152, стр. 125). Отсюда стремление к источникам пушнины, стремление на север и запад, дошедшее до р. Енисея и прекратившееся в результате встречи с русскими, шедшими в обратном направлении. Подвергнутые товарной эксплуатации, которой, как известно, не может выдержать ни один вид животного, прежде всего пострадали нестойкие виды, а из них первыми бобры.

В таежной полосе за пределами действительной досягаемости государственной власти и торгового влияния кочевников, бобровое хозяйство

сохранялось при этом, как мы видели на примере Кузнецкого Алатау Маны, Алдана, иногда на участках географически весьма близких к центрам и проходным путям, но практически бывших недосыгаемыми

Итак, бобровое хозяйство лесной части Сибири начало приходить в упадок лишь с возникновением русского владычества (поход Ермака 1581 г.— основание Анадырского острога 1649 г.) и к началу____половине прошлого столетия (т. е. за какие-нибудь 200 лет) исчезло полностью, лишь в осколках, как мы видим, дотянувшись до наших дней Следовательно, оскудение бобрами сибирской земли, в противоположность коренной России, произошло исторически очень быстро, можно сказать катастрофически.

Завоеывая Сибирь, привлекаемые главным образом пушшиной, русские пришли в эту страну, будучи не менее ее аборигенов знакомыми с тайгой и методами использования ее богатств. Наряду с изъятием тем или иным путем ценностей у населения, завоеватели изначально организовали эксплуатацию главнейших ресурсов своими силами. Из них наибольшее внимание привлекала пушнина, а среди пушных животных — соболь и бобр. Но соболь требовал большого труда к добыче, а разорение бобровых гонов было делом простым, особенно с применением истребительного капканного способа. Доходность же этого промысла была совершенно исключительной.

Быстрому исчезновению сибирского бобрового хозяйства способствовало несомненно также следующее обстоятельство. В Сибири русские встретили ряд народностей, разобщенных и своеобразных, с различными хозяйственными укладами. Несомненно, что каждый народ имел бобровое хозяйство, но, очевидно, в различных формах, мало или совсем несвязанных между собою. Здесь не было мощного, единообразного бобрового хозяйства, подобного таковому древней Руси, и оно не могло сравниться с ним в прочности.

Так, соединенными усилиями сборщика ясака и промышленника, к которым впоследствии присоединился купец, и удалось в столь короткий срок искоренить бобра в Сибири.

Рассмотрим теперь, в силу каких обстоятельств оказалось возможным сохранение до нашего времени тех осколков былого распространения бобра в Азии, о котором мы говорили выше, да еще не в виде случайно забытых местообитаний, как это было местами на Западе, а в форме стройно функционировавших архаических хозяйств.

Начав с лучше нам известного Кондо-Сосвинского очага, обратимся к взглядам, на этот предмет существующим в литературе, и другим материалам.

В. В. Васильев, В. В. Раевский и З. И. Георгиевская подчеркивают, что по их мнению бобры в пределах очага сохранились не потому, чтобы их охраняли туземцы, но лишь по той причине, что доход от его промысла не оправдывает затрачиваемый на него труд промышленника (так! — В. С). Тот же тезис В. В. Васильев повторяет и в других перечисленных работах, но в «Плане заповедного хозяйства» (стр. 25) добавляет еще, что: «как мы уже отмечали выше, отсутствие дорог, трудность проникновения со стороны в район водораздела во всякое время года, служили одной из основных причин сохранения бобров в этом районе до наших дней». Станным образом последнее утверждение нашло отклик и в литературе; именно его высказывает в своей статье В. Виноцкий (65).

Какова вероятность этих утверждений?

Если промысел белки, ондатры или даже малоценных грызунов, как бурундук и водяная крыса, привлекают внимание охотников и оправды-

вают их труд, то как же может оказаться невыгодным промысел бобра, проще которого мало существует охот? Указанное мнение тем более странно слышать от В. В. Васильева, который в своих опубликованных заметках (60) говорит, что в период его обследований промысел бобра был весьма развит и только стоимостью одной струи доставлял охотнику 600—800 рублей (об этом же со слов В. В. Васильева говорят и другие авторы). Такие суммы по ценам 1927—1928 г. свидетельствуют о неслыханной доходности этого промысла и делает самое выдвигание такого тезиса по меньшей мере странным.

Еще более наивно утверждение, что бобры сохранились благодаря трудной доступности мест их обитания. Можно ли думать, что верховья рек Конды и М. Сосвы более трудно достижимы, чем, скажем, притоки Васьюгана, Казыма и многих других рек, где бобры истреблены сто или более лет назад. Да и вообще трудно доступные участки тайги существуют только в представлении случайных горожан, взявшихся писать о ней, но их нет и не бывало для промышленников, выросших в этой среде. И говоря о кондо-сосвинском обитании бобров, мы должны по личному опыту отметить, что все оно изрезано удобными тропинками, проложенными как раз через бобровые поселения, было оборудовано избушками и более, чем многие и многие участки тайги освоены человеком.

Совершенно очевидно, что в пределах Кондо-Сосвинского очага бобр сохранился исключительно в силу охраны его аборигенами, ведшими архаическое и примитивное, но в своем роде правильное охотничье хозяйство, главным образом, в интересах культа. Малая доступность территории имела значение только в отношении проникновения русских, которые до последнего времени не селились в пределах очага.

Вполне тождественные причины обуславливали длительное существование бобров на Алдане. Только там, видимо, главенствовала экономическая сторона дела и в процессе исчезновения хозяйства русские не играли роли. Очаги бобров, уцелевших в верховьях рек Енисея и Черного Иртыша, настолько мало известны, что о причинах их существования можно только догадываться. Что же касается вновь открытого местообитания в Южном Казахстане, то можно считать его примером случайно забытых остатков некогда обширного очага. Впрочем, поскольку он был обнаружен по изделиям из бобровой шкуры, нужно думать, что эксплуатация зверей имеет место. Если же это так, то есть основание предположить наличие там некоторого примитивного хозяйства, подобного тому, которое в отношении соболя я нашел в свое время на верховьях р. Таза.

СУДЬБА БОБРОВ КОНДО-СОСВИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

В начале 1929 г. осуществилась организация Кондо-Сосвинского государственного боброво-соболиного заповедника. Первое постановление о его создании было принято президиумом Тобольского Окрисполкома 15 июня 1928 г. Такое же постановление принял Уралоблисполком 25 февраля 1929 г. Тогда же были отпущены средства и этот месяц есть дата рождения заповедника. Границы его, оставшиеся неизменными до сих пор, были утверждены 28 мая 1931 г., а 1 ноября 1934 г. ВЦИК принял постановление, которым Кондо-Сосвинский заповедник был признан имеющим государственное значение.

Границей изъятой из пользования территории, площадью около 800 000 га, были приняты русла рек: с юга, юго-востока и запада р. Конда, с притоком ее р. Ессом, с севера р. М. Сосва, с северо-востока (единственно сухопутная) линия от устья впадающего в р. М. Сосву ручья Ем-Ердым-Сойм до верхнего течения притока р. М. Сосвы Ем-Егана и далее на истоки р. Конды. Ограничение это было более чем примитивным, так как при нем оставались не защищенными главнейшие бобровые водоемы: рек Конда и Есс, а также верховья р. М. Сосвы. Теоретически пролегая серединой русла, такая граница даже в принципе не давала возможности охранять бобров левобережий, а фактически водоемов в целом.

Впрочем, в действительности постановка охраны оказалась такой, что она и не могла обеспечить обслуживание территории заповедника. Существовавшие кордоны: Ессунт на юге, Тугр на востоке, Него-Сапр на северо-западе, Хангакурт и Ханлазин на севере, разделенные десятками километров болот и тайги, общения между собою почти не имели и сквозной обход не осуществлялся вовсе. Кое-какие обходы совершались только зимой, летом они прекращались совсем и фактически в любую пору года заповедник был доступен для браконьера. Первый сдвиг в сторону улучшения охраны произошел только в 1940 г. и она успешно совершенствуется. В течение первых 10 лет штат егерей комплектовался преимущественно из местного населения, персонально из бывших вотчинников, с юности знающих местность. О них В. В. Васильев писал в «Плане заповедного хозяйства» (стр. 70): «Основной кадр наблюдателей охраны до 1938 г. составляли местные националы — хантэ, собольи промысловые угодья которых отошли под заповедник при отчуждении его территории. Являясь лучшими промышленниками, они, с точки зрения охраны заповедника при знании его территории, весьма желательны. Никакие уловки пришлых промышленников по скрытию своих следов при переходе границы в заповедник не помогают. Предупредить проникновение в заповедник они, конечно, не могут, но всегда пребывание посторонних в заповеднике обнаруживается. Но будучи малогра-

мотными, они не могут нести обязанностей, возлагаемых на наблюдателей с дневниковыми записями, составлением актов и т. п. В 1933 г., например, состав охраны был доведен до 83% националов».

До осени 1939 г. база заповедника находилась в 60 км от границы. Количество научных работников было недостаточно, квалификация их низка, руководство отсутствовало. Территория заповедника была предоставлена сама себе. Конечно, при такой обстановке нельзя было и ожидать благополучного состояния охраняемых животных, а среди них самого ценного — бобра.

Выше мы имели случай говорить о том, как был поставлен учет бобра в заповеднике, это важнейшее, первоочередное дело. Неоднократно запроектированный и начинавшийся, в действительности после обследования 1927—1928 гг. он был осуществлен в должной мере только в 1940 г. Только работа этого года дала научно значимые, практически ценные результаты и хотя неутешительные, но зато правдивые, обоснованные данные. Изучение «биологии и экологии» бобра, значившиеся из года в год по планам и отчетам, оставалось в стадии полного примитива. Не было проведено ни одного полного годового цикла наблюдений. Не изучались флора бобровых стаций, паразиты бобра, сожители, тем более биоценоз в целом. Не было никаких коллекций, даже программа по теме была впервые составлена в 1939 г. автором этих строк (приложение 1). Одним словом, в делах, инвентаре и сборах заповедника еще в начале 1939 г. не было решительно ничего, что свидетельствовало бы о проведении на его территории работы по бобру.

Несколько раз производились в заповеднике отловы бобров для питомника и для вывоза на р. Демьянку. Во время этих операций зверей отлавливали путем взламывания заранее запертых снаружи жилищ. Грубость приемов (откопанных зверей, например, выволакивали наружу огромными клещами, которые вообще употреблялись для переноски, с охватом за шею) приводила к гибели подавляющего процента отлавливаемых животных, тем более, что ловы производились даже в середине зимы. Подобные операции не могли не отразиться губительно на благополучии стада и в отдельных случаях приводили к полному запустению речек; печальный пример этого показывает, как мы видели, р. Онжас, обследованная в 1940 г. З. И. Георгиевской.

«Бобровый питомник», организованный в первые годы существования заповедника, просуществовал недолго и в 1939 г. был ликвидирован.

«Повышение кормности угодий» проектировалось по причине нивесть откуда взявшейся идеи, что в заповеднике бобрам нехватает березы. В этих целях было решено подвергнуть выжиганию мысы на бобровых речках с тем расчетом, что на гари вырастет береза. Мероприятие это, к счастью, осуществлено не было.

Неосуществленным остался и наиболее грандиозный план, а именно устройство заградительных плотин, базировавшийся на случайной гипотезе, будто бобры бегут из заповедника. Проект был таков. Долина р. Конды и границы заповедника во всю ширину преграждается плотинной, с решетками для стока воды. То же, видимо, ожидало и р. М. Сосву. К счастью, эту затею выполнить не успели.

Вывоз бобра для реакклиматизации, который предполагалось провести в таком масштабе, чтобы в 3 года заселить им все ПОС и колхозные хозяйства округа (приложение 4, № 11) ограничился отправкой их на р. Демьянку, о результатах которого скажем ниже. Звери были отправлены поздней осенью, так что на место они прибыли перед рекоштром. Рискованная операция не закончилась полным крахом лишь

потому, что попечение над замученными отловом животными взял на себя М. М. Овсянкин. Благодаря его неусыпным заботам и внимательному уходу, казавшаяся неизбежной гибель зверей была предотвращена и они хотя отчасти попали на место назначения.

Ознакомившись с действительной постановкой работы с бобром, я не мог не предположить, что рекламируемое его благополучие едва ли имеет место, но лишь совершив ряд маршрутов по заповеднику и посетив лично главнейшие из бобровых речек, я смог составить действительное представление о том, до чего дошло дело.

Оказалось, что территория заповедника была заповедной лишь номинально. И на притоках р. М. Сосвы, и на р. Конде, и на р. Ньюрухе я обнаружил разной давности следы пребывания человека: ночевки, чаепития, порубки и многие мелкие, заметные только опытному глазу. Особенно много было их на р. Ньюрухе. Торными оказались старинные тропинки, ведущие к бобровым гнездам, в балаганах оказались признаки их посещения. У многих бобровых поселений то же. Удалось однажды видеть свежий след неведомого посетителя и слышать выстрел в глубине заповедника. Точное знание того, когда и кем из сотрудников посещалась данная речка (установить это при ничтожности проводившихся работ было вовсе нетрудно) позволило заключить, что территория заповедника была ареной систематического промысла браконьеров, бивших лосей, соболей, но преимущественно интересовавшихся бобром. Удалось установить при этом, что в браконьерстве были замешаны почти поголовно наблюдатели заповедника, причем некоторые из них были и, организаторами. К такому заключению в результате обследования р. Есса пришел и Я. Ф. Самарин (отчет 1940 г.). Оказалось, что бобров в заповеднике систематически и безнаказанно бьют.

И в таком невозможном положении заповедник находился вплоть до 1940 г. Это тем более странно, что задолго до появления первого общего очерка о нем (297), сведения о крайнем его неблагополучии не раз проникали в печать. Так, еще в 1936 г. Ю. Л. С. в статье о речных бобрах в Кондо-Сосвинском заповеднике (408), отмечая недостатки, подчеркивал несоответствие своему назначению персонала заповедника. В следующем году охотовед Н. В. Корш, специалист серьезный и знающий, побывавший в заповеднике с ревизией, в двух одноименных статьях (161, 162) старался обратить внимание общественности на плачевное состояние бобрового поголовья. Н. В. Корш указал, что если в 1933 г. было насчитано 293 бобра с расчетом приплода до 410 голов, то в 1935 г. их должно было бы быть 820, чего на поверку не оказалось. Он отметил, что гибель питомника есть следствие отсутствия работы, и подчеркнул, что гибель бобров при пересадке достигала 47,6% (162). В другой своей работе (161) он пишет между прочим следующее: «Итак, таксация 1933 г. не доведена до конца, половина бобровых угодий осталась необследованной; научно-исследовательской работы никакой нет; охрана очень слабая, можно сказать номинальная». «Этот эпизод — бестолково проведенная операция отлова, перевозка и высадка бобров — еще раз показывает, что работа в заповеднике поставлена из рук вон плохо». «В заповеднике совершенно нет квалифицированных кадров».

К чему же в действительности свелась роль заповедника в судьбе бобров Кондо-Сосвинского очага?

Как мы видели выше, бобры уцелели здесь исключительно благодаря охране их аборигенами, действовавшими главным образом в интересах культа. С падением старых воззрений и проникновением с юга пришлых промышленников, над бобром нависла угроза исчезновения. Создание заповедника было единственно правильным решением вопроса

об их спасении, и организован он был своевременно. Но заповедник превратился в источник наживы браконьеров, безнаказанность которых гарантировалась именем и границами учреждения, призванного охранять, как зеницу ока, именно истребляемых животных. Прошедшее невредимо сквозь столетия в рамках первобытного охотничьего хозяйства, самое существование которого было любопытной исторической реликвией, стадо кондо-сосвинских бобров покатило к гибели только тогда, когда окруженное вниманием и заботой государства должно было бы пышно расцвести.

Сейчас нет надобности говорить о персональной ответственности за происшедшее. Нужно только радоваться тому, что, констатируя решительный перелом в состоянии заповедного хозяйства, мы можем быть уверены, что ничего подобного описанному никогда более не повторится.

ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВА НА БОБРА В СЕВЕРНОЙ АЗИИ

В предыдущих главах мы достаточно выяснили, какое огромное значение имел в древности бобр в хозяйстве человека. Особенно важно при этом подчеркнуть факт, что этот зверь в течение веков был именно объектом правильного, хотя бы и примитивного охотничьего хозяйства, и как раз в такой форме уцелел до нас единственный в Сибири Кондо-Сосвинский очаг бобров.

Так как за истекшие два-три столетия, когда началось и почти завершилось радикальное истребление этих грызунов человеком, решающих изменений ни в природе Северной Азии, ни в организме бобра не произошло, ибо для этого данный срок ничтожен, мы в праве заключить, что в силах человеческих восстановить распространение бобра в его прежних границах и не только возродить, но, в меру роста научно-технических и организационных возможностей, и увеличить удельный вес этого зверя в хозяйстве человека.

Задача огромна по масштабу и значение ее практически неисчерпаемо. В целом она посильна только государству и результаты ее будут иметь государственное значение. Залогом успеха можно считать и тот факт, что за последние годы мы имеем целый ряд попыток реакклиматизации бобра в различных областях Европейской части СССР, все они могут считаться более или менее удачными и доказывают возможность реакклиматизации этого грызуна не только на юге, но и на крайнем севере бывшего ареала (267, 304, 367 и др.). Вопрос о реакклиматизации бобра в Сибири не раз поднимался в печати, и первое предложение этого рода насчитывает солидную давность — мы находим его в статье К. (125), относящейся к 1878 г. Ему же посвящена заметка П. М. Залесского (ПО), Г. Гольцмайера (79), соответственный раздел интересной книги В. Б. Подаревского (259) и т. д.¹ Все авторы указывают те или иные известные им районы и сходятся на утверждении, что возможности этой работы практически безграничны. Действительно, мы в праве утверждать, что любое из мест, где ранее встречался бобр, буде оно за истекшее время не лишилось полностью древесной и кустарниковой растительности, пригодно для выпуска бобров. Разумеется, всякому практическому начинанию этого рода должно предшествовать детальное изучение местности, так что мероприятия не будут дешевыми.

¹ К сожалению, вопрос этот находится главным образом в области пожеланий и практической разработке его не посвящено еще солидных работ. Правда, недавно опубликована заметка С. Е. Клейненберга «Проблема восстановления численности речного бобра в СССР» (143), но значение ее совершенно ничтожно.

Единственным до 1941 г. в Сибири опытом по реакклиматизации бобра является упомянутый выше факт переброски этих животных из Кондо-Сосвинского заповедника на р. Демьянку. При всех недостатках этой операции, она заслуживает внимания, так как бобры на этой речке все же закрепились.

По данным В. Е. Ушакова (365) всего на р. Демьянке было выпущено 6 самок и 5 самцов. Из них 2 самца и 1 самка 19 октября близ устья р. Намыть-Яга, а остальные еще позднее, на р. Тагалык, притоке р. Кальчи. По-видимому, грызуны уцелели, так как обследования последних лет обнаружили бобров на р. Демьянке. Следует, правда, оговориться, что не вполне исключена возможность того, что на р. Демьянке бобры могли сохраняться издавна, о чем существовали неясные слухи. До указанных обследований литература о р. Демьянке почти исчерпывалась поверхностной брошюрой В. В. Васильева (61) и хотя в единственной собственно зоологической работе об этом районе И. И. Барабаша-Никифорова (22) никаких данных о бобрах нет, исключать возможность того, что где-либо на глухих притоках они обитали, не следует. Последние сведения о бобрах на р. Демьянке я почерпнул из отчетов о специальных обследованиях, которые хранятся в Омской областной конторе Заготживсырья (С. Радакова от 29 октября 1940 г. и В. Н. Иванова — без даты). На месте выпуска в р. Тагыньях бобры жить не стали, так как она для них непригодна. В 1938 г. следы бобров были замечены на р. Кеуле, значительно выше по реке. В 1939 г. погрызы встречены в 660 км выше места выпуска 1935 г. Осенью 1940 г. на р. Демьянке найдено всего 4 колонии: 1) р. Намыть-Яга. Колония, 2 плотины, гнезд нет. Сколько штук неизвестно; 2) р. Жарникова. В предыдущие годы бобры зимовали на р. Айях, верхнем притоке данной речки, но в 1940 г. их там не оказалось. Из р. Айяха бобры спустились на р. Жарникову и по ней проследжены километров на 30. Отмечены ежегодные миграции. Точное число неизвестно, но с 1939 г. оно увеличивается, отмечены молодые; 3) р. Марь-Ях, левый приток р. Демьянки. Мигрировали сюда из р. Уйм. Найдена колония, но молодых обнаружить не удалось. Кормов много; 4) р. Челдынь-Ях, левый приток р. Демьянки. Найдено 2 плотины и 2 гнезда. Общее количество бобров на р. Демьянке неизвестно и далеко не весь ее бассейн обследован, но все же несомненно, что операция дала известные результаты. Этот факт важен прежде всего как доказательство жизнестойкости бобров и служит залогом успеха предстоящих больших операций, которые будут несомненно организованы подготовленными людьми.

Основная трудность восстановления бобра в Сибири и организации хозяйства на него будет не в подыскании мест выпуска, доставке зверей или получении средств. Дело упрется в недостаток племенного материала, и преодолеть это затруднение будет очень нелегко.

Прежде всего следует воздерживаться от мысли пользоваться заграничными производителями, во всяком случае ввозить их из Канады. Известно исстари, что лучшими были именно русские бобры и на них следует рассчитывать. Очагом, допускающим изъятие бобров для этой Цели, может быть признан только Воронежский, располагающий достаточным поголовьем высокого качества. Из Кондо-Сосвинского очага в течение еще многих лет нельзя вывозить бобров совсем. Это не потому, как полагает А. М. Колосов, что они обладают плохими качествами (никто качества меха наших бобров не изучал, но известно, что он, во-первых, крупный, а во-вторых, в значительном проценте темный), а по той причине, что он почти исчез и нужен ряд лет благоприятного размножения для заселения самого очага. В дальнейшем же именно этот

резерват даст наилучших (уже тем, что они местные) производителей для заселения всей Западной Сибири.

Как бы то ни было, но в течение долгого времени работа с бобром будет протекать в условиях острого недостатка племенного материала. Поэтому нужно весьма тщательно продумать всю систему предстоящих мероприятий.

Говоря о Сибири, нужно признать, что при огромных возможностях вольного выпуска бобров; по всей ее территории нет никакой надобности ставить сейчас вопрос об организации здесь клеточного разведения этих животных. Несмотря на известные в этом направлении успехи, достигнутые за самое последнее время в Воронежском заповеднике, дело остается не вполне ясным, спорным и во всяком случае весьма дорогим и, в сравнении с вольным выпуском, менее рентабельным.

В отношении вольного выпуска, как сказано, перспективы безграничны. Однако прежде чем будут проведены необходимые предварительные исследования, наметить определенные районы невозможно. При организации же изысканий нужно помнить, что проведение их необходимо поручать только лицам, имеющим практическое знакомство с бобром, так как одни теоретические знания не помогут.

Начало работам по восстановлению бобра в Сибири должно было бы быть положено не случайным, эпизодическим забрасыванием его в те или иные речки, как это было сделано с р. Демьянкой. Бобр не ондатра, и преступно относиться с такой же легкостью к тому бесценному материалу, который представляет собой каждый экземпляр бобра. Поэтому со всей решительностью нужно осудить бестолковые операции по отлову бобра подобно той, которую в 1940 г. проводило Заготживсырье на территории Тимко-паульской ПОС. Несмотря на протест специалистов, отлов был проведен не во-время, без должных затрат и сил, и не дал, как не мог дать, ничего кроме гибели зверей. Прежде всего нужно создать две-три базы, например, по числу заинтересованных областей, как это предлагает Л. В. Шапошников (389, стр. 175), а именно: Иркутской, Томской и Красноярской. Оборудованные с вложением достаточных средств, обеспеченные руководством специалистов высшей квалификации, они послужат рассадниками бобров на соответственных территориях. Дело должно быть возглавлено единым центром.

Нет никакой надобности подыскивать для бобров места где-то в глуши, в таежных, тем более, северных дебрях. Это излишне: дорого и неудобно. Наиболее удобными для бобров будут речки в средней и южной полосе Сибири, а очередь удаленных районов придет потом. Чтобы успешно развиваться, бобровое хозяйство должно находиться в пределах постоянной досягаемости культурных центров и обладать проезжими дорогами на своей территории. Лично мои наблюдения и расспросы в пределах Кондо-Сосвинского очага и многочисленные указания в литературе, как старой (например 191), так и новой (например 389), свидетельствуют о том, что бобр вполне уживается в непосредственном соседстве человека. В расчете на максимальное его приручение должно строиться и расселение бобра в Сибири, почему хозяйства нужно не удалять, а приближать к наиболее обжитым районам этой страны. Для сведущего человека не парадоксом будет утверждение, что именно в условиях обжитых мест и полной доступности территории легко осуществима полная охрана бобров и ликвидация браконьерства, с которым так трудно бороться в бескрайней тайге. Нельзя поэтому считать правильными действия Новосибирских пушнозаготовительных организаций, начавших операции по выпуску бобра в самой глуши Нарымского края: Б. Кагаль, приток р. Нярьль-Кы, притока Васьюгана. По данным

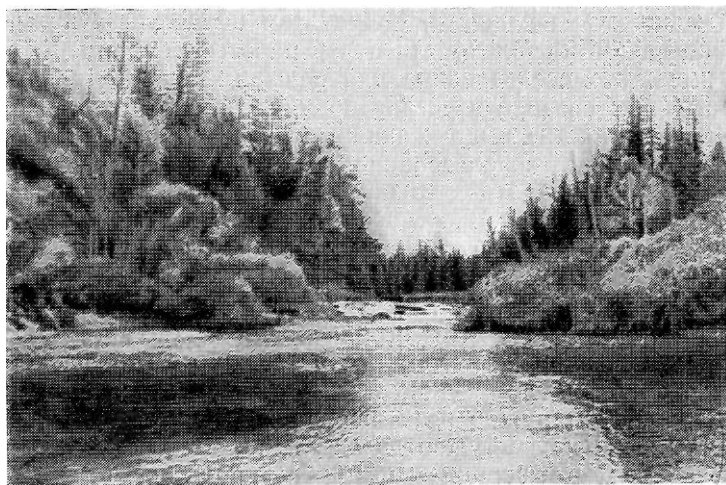
Н. М. Бергера (427, стр. 269) в 1941 г. там было выпущено 28 воронежских бобров. Зверьки прижились, хотя чрезвычайное их расселение в ближайшее время (на 65 км) показывает, что операция была произведена неумело. Несомненно, что для начала работ по бобру в Западной Сибири можно было подыскать множество гораздо более благоприятных и вполне доступных мест.

В последующие годы имели место и еще опыты вселения бобров в сибирские охотничьи угодья, из которых назовем завоз его в южные районы Красноярского края; к сожалению, и об этом участке не появилось пока никаких материалов в печати.

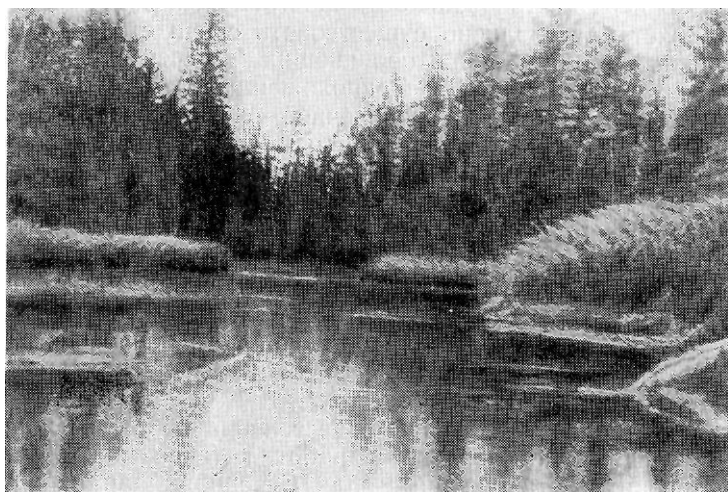
С 1949 г. начались работы по восстановлению бывшего ареала речных бобров и в Восточной Сибири. По инициативе ряда местных работников были изысканы скромные средства на предварительное обследование угодий, которое проводилось в пределах Шиткинского соболиного хозяйства, а именно в бассейне р. Модышевой, один из притоков которой носит название Хаталанды, то есть Бобровой. Работа была поручена ботанику В. Н. Ефимовой и зоологу О. В. Скалон, которые с большими трудностями выполнили это задание. Несмотря на позднее время — август — обследование дало удовлетворительные результаты. Прилагаемые фотографии (рис. 25—30) характеризуют обследованную речку, выпуск бобров на которой совершен в 1950 г. Летом этого года обследование было продолжено. Именно, зоолог Т. Н. Гагина собрала материалы об угодьях р. Куты, притока Лены, которая по некоторым данным была также в прошлом обитаема бобрами. Однако последнее исследование не имело положительного результата. Каменистые берега и русло Куты, вместе с недостатком надлежащей растительности по берегам, дают мало мест, пригодных для выпуска. Летом 1950 г. первая партия бобров была выпущена на р. Модышевой охотоведами В. В. Тимофеевым и К. Д. Янковским.

Не подлежит сомнению, что в Восточной Сибири, некогда широко заселенной бобрами, предстоит большая работа по восстановлению их бывшего изобилия. Нужно думать, что она прежде всего должна заключаться в планомерном и тщательном обследовании водоемов. Дело в том, что в Восточной Сибири, как и в других ее частях, совершенно не изучались водные охотничьи угодья. Мы не имеем никакого представления об их бонитировке, они не подвергались таксации и даже самое первичное их изучение еще не начато. Между тем получение этих материалов чрезвычайно важно не только для целей работы с бобром. Еще большее значение имеет это исследование для решения спорных вопросов ондатроводства, с ним связано изучение причин очевидного исчезновения на громадном пространстве выдры, акклиматизированной во многих местах американской норки, использования запасов водоплавающих и т. д. Одним словом, работа эта должна быть комплексной и заслуживает крупных капиталовложений.

Следует думать, что восточносибирские охотоведы, задавшись целью восстановить бывшее распространение бобра, должны будут начать с организации очагов расселения. Незначительные возможности получения материала, которые пока что ограничиваются тем, что может дать Воронежский заповедник, требуют особо бережного отношения к животным. Кроме того, чтобы успешно размножаться в условиях Восточной Сибири, этим зверям нужно несколько приспособиться. В то же время Из заповедника бобры поступают в состоянии близкородственного скрещивания, так как все воронежские бобры происходят от ничтожного Исходного стада. Желательно поэтому попытаться найти производителей из иного очага, скорее всего из Кондо-Сосвинского. Очевидно, что

Места выпуска речного бобра на р. Модышевой

предстоит большая исследовательская работа. Ее нужно вести в некоторых определенных участках, компактных и доступных из культурных центров. Отсюда будет производиться дальнейшее расселение уже акклиматизированных, улучшенных бобров во все стороны.

Как бы то ни было, представляется очевидным, что проблема речного бобра может быть названа второй по важности после соболя в социалистическом охотничьем хозяйстве Сибири.

Здесь уместно кстати остановиться на соображениях о том, какие фитогеографические условия должны считаться наиболее характерными для бобра.

Сделанное выше тщательное рассмотрение всего, что касается былого и современного распространения бобров в Северной Азии, вместе с тем, что об этом известно для Европы, образ его жизни, а также то, что можно считать установленным в отношении причин исчезновения этого вида, заставляет задуматься, можно ли считать нашего грызуна чисто лесным, тем более таежным животным.

Характер растительности в южных пределах былого ареала бобра и жизненные его привычки позволяют утверждать, что зверь этот заинтересован только в очень узкой полосе, окаймляющей водоемы растительности. Он может благополучно существовать среди степей в меру возможности произрастания вдоль орошающих их рек древесных, даже кустарниковых урем. Вероятно предположение, что более длительный вегетационный период и состав приречной растительности этих широт значительно благоприятнее для бобра, чем северные пределы его обитания, природа которых во многом для него враждебна. Можно думать поэтому, что бобр животное чисто лиственных лесов, даже лесостепное, позднее проникшее в тайгу в меру доступности условий обитания.

Эти соображения имеют большое значение в деле планирования восстановления былого ареала бобра, которое, очевидно, надо будет начинать со средней, даже южной его части.

Неисчерпаемые поэтому возможности вольного боброводства во всей полосе степей, покрываемых ныне лесами во исполнение Сталинского плана преобразования природы.

Обращаясь к задаче дальнейшего расселения бобра в Сибири, можно наметить следующую очередность работ, которая может быть в той или иной степени рекомендована и для Северной Азии вообще.

1. Подготовка кадров. Длительные курсы для всего обслуживающего персонала организуемого хозяйства в условиях бобровой базы, а для руководящего состава благоустроенного заповедника — обязательное условие.

2. Простейшая форма хозяйства. Вольный выпуск. Только на территории госфонда, на речках сравнительно труднодоступных, главным образом в урманно-болотистой полосе. Мероприятие простое и дешевое, но не первоочередное, а зависящее от достаточного количества племенного материала. В первую очередь вольный выпуск должен быть произведен во всех пригодных для этой цели заповедниках.

3. Государственные хозяйства совхозного типа. На территориях Производственно-охотничьих станций и других типов охотничьих хозяйств. Эта форма хозяйства экстенсивная, по типу близкая к вольному выпуску и возможности ее безграничны.

4. Колхозные хозяйства интенсивного типа. Методика организации и сама форма хозяйств этого рода еще не ясна.

5. Бобровые фермы. Наиболее интенсивная форма хозяйства — относящаяся к области звероводства, почему в данном случае мы ее специально не рассматриваем. По опыту Воронежского заповедника

(187) может быть вполне рентабельной. Весьма специальная работа эта должна пройти длительную стадию опытов и подготовки кадров при центральных фермах, а затем кажется необходимым создание бобровых звероферм в виде специального раздела при каждой из проектируемых баз.

6. Приручение (одомашнивание) бобров. Интереснейшее начинание Воронежского заповедника, могущее принести результаты исключительной важности.

ВЫВОДЫ

1. В древности бобр был распространен повсюду в Северной Азии, включая бассейн р. Амура и крайний северо-восток.

2. Существование бобра на Камчатке требует подтверждения, а на Сахалине его вероятно не было вовсе.

3. Северная граница бобра наиболее высоко поднималась на р. Енисее, по которому единственно переходила полярный круг и постепенно спадала к востоку.

4. Единственным местом, где бобр уцелел в заметном количестве в пределах Сибири, является Кондо-Сосвинский его очаг. Не исключена возможность нахождения следов его недавнего пребывания или даже островков в бассейне р. Пура, на водоразделе рек Оби и Енисея, а может быть и на р. Алдане. Вполне вероятно нахождение бобров на р. Омолоне.

5. Ближайшие местообитания: верховья рек Енисея, Черного Иртыша и район Алма-Ата. Наиболее надежный из этих очагов — Енисейский.

6. Недавние, угасшие в пределах полувека назад очаги находились в бассейне рек Алдана (до начала XX столетия) и Васьюгана (70—80 лет назад).

7. Природные условия Кондо-Сосвинского очага не оптимальны для жизни бобров, но вполне пригодны, кормов достаточно, и не имеется никаких объективных данных, препятствующих процветанию этих животных. Теория Е. С. Жбанова о неблагоприятности условий для выживания молодняка правдоподобна, но нуждается в подтверждении.

8. Жизненные особенности кондо-сосвинских бобров изучены далеко не достаточно. Основные их отличия от европейских родичей: а) преимущественное питание березой; б) регулярные длительные откочевки; в) значительная зависимость выбора типа жилищ от пола и возраста.

9. Распространение североазиатского бобра, в противоположность его американскому собрату, не было связано с ареалом какого-либо растения.

10. Взрослый бобр не имеет серьезных врагов в местной фауне, а молодняк хорошо огражден от них особенностями условия обитания в первое время жизни.

11. Бобры оказывают большое влияние на окружающую природу в смысле изменения ее биоценозов, главным образом в силу затопления угодий прудами. Имеет так же значение рубка ими леса.

12. До 1940 г. научно значимого учета бобров в заповеднике не проводилось. Методика этого дела не была разработана.

13. Суждения о количестве бобров в заповеднике до 1940 г. не соответствовали действительности.

14. Учет 1940 г. показал полное неблагополучие бобрового поголовья заповедника и резкую деградацию в результате неудовлетворительной постановки работы заповедника в первые 10 лет существования.

15. Учетное количество бобров в заповеднике равно 162, общее их количество на 1941 г. не более 200.

16. Имеются все данные к тому, что при должной постановке дела увеличение поголовья пойдет нормально и даст вполне удовлетворительные результаты.

17. Бобр представлял для человека большую и разностороннюю ценность: мясо его повсеместно считалось лакомством, большое значение придавалось струе, в торговле шла шерсть, но основное место принадлежало мехам.

18. Сортность бобровых мехов на Руси была тщательно разработана. Заготовкам их придавалось огромное значение, что особенно видно из (факта существования в Москве особого «бобрового ряда» наряду с «собольим» и «скорнячным».

19. Заготовки шли как по линии взимания ясака, так и свободной купли у промышленников.

20. Число заготавливавшихся до Петровских времен бобровых шкур было очень велико, но в известной степени маскировалось применением «соболиных единиц» как меры счета пушнины. Количество их не на много уступало по местам собольим, а по ценности превышало их.

21. Прибыльность бобрового промысла была исключительно высокой и он занимал второе за соболем место в пушно-меховом хозяйстве Сибири от времени ее освоения русскими и до своего истребления.

22. Судя по Томскому округу (1706—1718 гг.) в Сибири преобладали рыжие бобры 65,9 %, за ними чернокарие 19% и карие 4,8%. Лучшие бобры шли с Хантайки.

23. Бобры систематически вывозились в Россию, а прямо за границу шли в Китай.

24. Бобр в Сибири был предметом постоянных забот московского правительства — скупка его была запрещена, шкурки у частных лиц отбирались.

25. Техника бобрового промысла отличалась разнообразием снарядов. Самым истребительным был капкан и он был исстари запрещен к добыче этого зверя.

26. Основными видами промысла бобра в Кондо-Сосвинском очаге были на р. Конде торгование, добыча из ружья с лодки, а на р. М. Сосве — запоры.

27. Бобр с доисторических времен служит объектом примитивного охотничьего хозяйства. Несомненно следы этого мы можем проследить с каменного века.

28. На Руси бобровое хозяйство существовало искони и занимало выдающееся место с древнейших времен, о чем свидетельствуют старейшие из письменных памятников. Стояло оно очень высоко.

29. Вокруг бобровых угодий образовывались поселения. Ведение этого хозяйства образовало особое сословие бобровников. Бобровые угодья были юридически обособленными, высокоценными хозяйственными объектами. Руководство этой отраслью хозяйства принадлежало институту ловчих.

30. В Сибири бобровое хозяйство было широко развито до прихода русских.

31. Московское правительство проявляло большой интерес к бобровому хозяйству в Сибири и стремилось сохранить его за аборигенами.

32. Бобровое хозяйство в Азии в осколках дожило до конца прош-

лого столетия на р. Алдане и до наших дней в Кондо-Сосвинском очаге. При всей примитивности они сохраняли несомненные элементы правильного охотничьего хозяйства.

33. Бобр был древнейшим из объектов охотничьего хозяйства человека и единственным из неодамашненных животных по своему значению в данном направлении. С начала человеческой оседлости он не был предметом систематического промысла, ибо там, где хозяйство на него заменялось охотой, бобр стремительно исчезал.

34. Со времен каменного века бобр был объектом поклонения человека. В различных формах, но все народности, имевшие соприкосновение с бобром, в той или иной степени его обожествляли.

35. Пережитки культа бобра изредка встречались до нашего времени в пределах Кондо-Сосвинского его обитания.

36. Культ этот был очень секретным.

37. Бобр занимал видное место в народном творчестве разных наций.

38. В разрез существующих в литературе взглядов, бобр часто становился объектом первобытных художников и скульпторов.

39. Наименование бобра на разных языках широко зафиксировалось в названиях рек Сибири.

40. Видным элементом культа бобра является фетишизирование его костей, а из них особенно нижней челюсти. Выделение этого органа в культе можно отметить в каменном веке и оно сохранилось до наших дней.

41. Там, где сохранилась возможность доставать бобровую струю, народная медицина и знахарство по-прежнему придают ей выдающееся значение.

42. Струя используется в двух основных направлениях: как лекарство от всевозможных болезней и как препарат для магических действий.

43. Причиной исчезновения бобра было повсюду преследование его человеком.

44. На Руси деградация хозяйства и исчезновение бобра было следствием татарского ига. В Сибири — освоения ее русскими. В Монголии и Забайкалье — движения народов домонгольского периода.

45. Сохранение бобрового хозяйства и самого Кондо-Сосвинского очага до наших дней оказалось возможным только в силу продуманной охраны и тщательного сокрытия от посторонних аборигенами.

46. В развитии человечества исчезновение бобра и хозяйства на него не было явлением прогрессивным, в смысле постепенной смены низших форм хозяйства высшими, но наоборот.

47. Бобр как объект хозяйства и культа сыграл в жизни человека роль большую, чем какое-либо из неодамашненных животных.

48. Былое распространение и хозяйственное значение бобра в Сибири может быть полностью восстановлено системой продуманных мероприятий.

49. Кондо-Сосвинский заповедник — учреждение необходимое и созданное своевременно, не оправдал возлагавшихся на него надежд в отношении бобров. В силу неудовлетворительной постановки дела он не сохранил бобров, но довел их поголовье до полной деградации. С 1940 г. положение в заповеднике радикально изменилось к лучшему.

50. Основной задачей восстановления бобра должно считать организацию областных баз для последующего расселения бобров.

51. Главнейшей формой бобрового хозяйства в Сибири должен стать вольный выпуск. Клеточному разведению будет принадлежать второстепенное место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Н. А.— Описание Березовского края. Зап. Русск. геогр. о-ва, кн. 12, 1857.
2. Агеев, А. М.— Реаклиматизация речного бобра. «Охотник Сибири», 3, 1937.
3. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, 4, 1645—1676 гг., 1842.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России, I, СПб., 1846.
5. Алексеев, М. П.— Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XVII—XVIII вв. ОГИЗ, Иркутск, 1941.
6. Allen, G.— Notes on the Birds and Mammals of the Arctic Coasts of East Siberia. Proc. of the New England Zool. Club, vol. 5, 1914.
7. Аникин, В. П.— Отчет о командировке в Нарымский край летом 1900 г. Изв. Томск. ун-та, 22, Томск, 1902.
8. Анучин, Д. Н.— К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. М., 1899.
9. Анучин, Д. Н.— К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М., 1890.
10. Аргиропуло, А.— Определитель грызунов Уральской обл. ОГИЗ, 1931.
11. Арембовский, И. В.— Об остатках деятельности бобра из постплиоценовых отложений р. Б. Патом. Сб. тр. Иркутск. горно-металлург. ин-та, 2, Иркутск, 1940.
12. Арембовский, И. В.— Речной бобр в прошлом Восточной Сибири. Изв. Иркутск. гос. муз., II (VII), Иркутск, 1937.
13. Аристов, Н.— Промышленность в древней Руси. СПб., 1866.
14. Арсеньев, Ю. В.— Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария. Зап. Русск. геогр. о-ва по отд. этногр., X, 1, 1882.
15. Арсеньев, Ф. А.— Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873.
16. Атлас реки Колымы. Наркомвод. Иркутск, 1931.
17. Ауэрбах, Н. К.— Заселение русскими и развитие промыслов в низовьях р. Енисея. Изд. Сиб. научн. рыбхоз. станции, Красноярск, 1929.
18. Ауэрбах, Н. К.— Неолитическая стоянка Афонтова III. Тр. О-ва изуч. Сибири, 7, Новосибирск, 1930.
19. Афанасьев, А.— Поэтические воззрения славян на природу. 2, М., 1868.
20. Афанасьев, А. Н.— Русские народные сказки. 5 томов. М., 1913.
21. Ваег, К. Е.— Nachrichten aus Ost-Sibirien. Gesammelt von Herausgegeben. Beiträge zur Kenntnis des Russisches Reiches. Siebente Bändchen. SPB, 1845.
22. Барабаш-Никифоров, И. И.— К фауне зверей и птиц Тобольского округа. Уч. зап. Саратов. гос. ун-та, I (XIV), Саратов, 1937.
23. Бартольд, В. В.— История культурной жизни Туркестана. АН СССР, Л., 1927.
24. Басангов, В.— Русско-калмыцкий словарь. М., 1940.
25. Бахрушин, С. В.— Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Н.-иссл. ассоц. ин-та народов Севера. Изв. 3, Л., 1935.
26. Бахрушин, С. В.— Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1928.
27. Бахрушин, С. В.— Ясак в Сибири в XVII в. «Сибир. огни», 3, Новосибирск, 1927.
28. Беликов, Д. Н.— Первые русские насельники Томского края. Науч. очерки Томского края, Томск, 1898.

29. Беликовский, А. К.— Об обычаях и обрядах при родах инородческой женщины в Сибири и Средней Азии. «Живая старина», III—IV, 1894.
30. Белов, В. Н.— О бобрах в Акмолинском округе. «Охотник и пушник Сибири», 12, Новосибирск, 1928.
31. Белоусов, В.— К вопросу о тапсуйских бобрах. «Уральский охотник», 8 1926.
32. Белоусов, В. И.— Общий обзор флоры и фауны. В кн.: «Саянский промысловый район и соболиный промысел в нем». Саянская экспед. II, 1921.
33. Белявский, Ф.— Поездка к Ледовитому морю, М., 1833.
34. Берс, А. А.— Прошлое Урала. «Работник просвещения», М., 1930.
35. Bibergeil—Neues Konversations Lexicon. Zweites Band. Leipzig, 1885.
36. Бируля, А. А.— Предварительное сообщение о млекопитающих из «кухонных отбросов» стоянки каменного века на Верхоленской горе близ Иркутска. Докл. АН СССР, 4, 1929.
37. Бобринский, Н. А.— Определитель охотничьих и промысловых зверей СССР. КОГИЗ, 1931.
38. Богородский, В.— Медико-топографическое описание Гижигинской округи. Журн. Мин-ва внутр. дел, 2, 1853.
39. Бойцов, Л. В.— К вопросу о фронтальной тематике научно-исследовательской работы госзаповедников. Н.-метод. зап. Глав, упр-ния по заповеди., VI, 1940.
40. Бойцов, Л. В.— Колхозное звероводство, ОГИЗ, 1941.
41. Бойцов, Л. В. и другие.— Пушное хозяйство крайнего севера. Изд. ГУСМП 1941.
42. Большая медицинская энциклопедия. 1928.
43. Brandt, I. F.— Beiträge zur nähern Kenntnis der Gattung Castor. Memoires de l'Academie Imp. des Sc. de SPB. Sixieme serie. Tome IX, second partie. Tome VII. SPB, 1855.
44. Brandt, I. F.— Beiträge zur Kenntnis des Bibers bei den Arabern. Там же.
45. Brandt, I. F.— Bemerkungen über die Bezeichnung der altweltlichen Bibers und Castoreums bei verschiedenen Volksstämmen. Там же.
46. Brandt, I. F.— Blicke auf die allmäligen Fortschritte in der Gruppierung der Nager mit spezielles Beziehung auf die Geschichte der Gattung Castor, besonders des altweltlichen Bibers. Там же.
47. Brandt, I. F.— Mitteilungen über den Biber wohlrichtiger die Fisch. und Meerotter, aus chinesischen Schriftstelnern nach Stanislaus Julien. Там же.
48. Brandt, I. F.— Bemerkungen, über die Wirbeltiere des nördlichen europäischen Russlands. 1856. Там же.
49. Брандт, И. Ф.— Позвоночные животные севера Европейской России и в особенности Северного Урала. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой, II, 1856.
50. Брандт, Э.— Бобр. Большая энциклопедия, III, 1901.
51. Брэм, А.— Жизнь животных, II, СПб., 1893.
52. Буссэ, Н.— Остров Сахалин и экспедиции 1853 г. «Вестн. Европы», 12, 1871.
53. Бутурлин, С. А.— Наблюдения над млекопитающими, сделанные во время Колымской экспедиции 1905 г. Дневн. зоол. отд. Мос. о-ва любит. естествозн., новая серия, I, 5, М., 1913.
54. Бутурлин, С. А.— Опять Новоземельская куропатка. «Наша охота», октябрь, 1908.
55. Бутурлин, С. А.— Ответ г. Н. Н. Кишенскому и К. Д. Носилу. «Наша охота», июнь, 1909.
56. Бутурлин, С. А., Петряев, П. А.— Разведение бобров. «Советский север», 6, 1934.
57. Буцинский, Н. Н.— Из истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд. Зап. Харьк. ун-та, кн. 1, Харьков, 1898.
58. Вавилов, М.— Охота в России во всех ее видах. Отд. 4, М., 1873.
59. Васильев, В. В.— Бобры на Тобольском севере. «Охотник», 8, 1927.
60. Васильев, В. В.— К заметке проф. Г. А. Кожевникова: Новое местонахождение бобров. «Охрана природы», 4, 1928.
61. Васильев, В. В.— Река Демьянка. Тобольск, 1929.
62. Ватин, В. А.— Минусинский край в XVIII в. Минусинск, 1913.
63. Weber, M.— Die Säugethiere. Bd. I—II. Iena, 1927.
64. Вернадский, Г.— Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. Журн. Мин. нар. просв., апрель, 1915.
65. Веницкий, В.— Боброво-соболиный заповедник. «Боец-охотник», 7, 1939.
66. Веницкий, В.— Кондо-Сосвинский заповедник. «Наша страна», 10, М., 1938.
67. Виноградов, Б. С.— Грызуны. Сб. «Звери Арктики», изд. ГУСМП, Л., 1935.

68. Виноградов, Б. С.— Заметки об ископаемых грызунах и насекомоядных северного Казахстана. Труды Палеонтол. ин-та АН, V, 1936.
69. Виноградов, Б. С.— Млекопитающие СССР. Грызуны. Зоол. ин-т АН СССР, 1933.
70. Витковский, Н. И.— Краткий отчет о раскопке могилы каменного периода в Иркутской губернии, произведенной по поручению ВСОИРГО, Изв. ВСОИРГО, 3—4, XI, Иркутск, 1881.
71. Витковский, Н. И.— Отчет о раскопке могил каменного века в Иркутской губернии на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. Изв. ВСОИРГО, 1, 2, XIII, Иркутск, 1882.
72. Гагемейстер, Г.— Статистическое описание Сибири, 1 и 2, СПб., 1854.
73. Георгиевская, З. И.— Материалы к биологии речного бобра в условиях Воронежского гос. охот. заповедника. Литогр. изд. Гос. н.-иссл. ин-та пуш.-мех. хоз., М., 1933.
74. Georgi, I. G.— Geographisch-physikalische und Naturhistorische Beschreibung des Russischen Reiches. Bd. 1—3, 1797—1801.
75. Гептнер, В. Г.— Общая зоогеография, М.—Л., 1936.
76. Giebel, C. G.— Die Säugethiere. Leipzig, 1852.
77. Gmelin, I. G.— Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1744, Bd. 3 Göttingen, 1751—1752.
78. Голодников, К.— Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1877.
79. Гольцмайер, Г.— Реаклиматизация бобра. «Охотник Сибири», 6, 1937.
80. Гондatti, Н.— Поездка из с. Маркова, на р. Анадыре, в бухту Просвещения. Зап. Приамурск. отд. ИРГО, IV, 1, Хабаровск, 1898.
81. Гондatti, Н. Л.— Следы языческих верований у маньчжур. Тр. этногр. отд. О-ва любит. естеств., антропол. и этногр. при Мос. ун-те, VIII, М., 1888.
82. Городков, Б.— Река Конда. «Землеведение», III—IV, 1912.
83. Городцов, В. А.— Старшее Каширское городище. Изв. Гос. акад. ист. мат. культуры, 85, ОГИЗ, 1934.
84. Граве, Г. Л.— О бобрах под Гомелем. «Охотник», 6, 1929.
85. Граве, Г. Л.— Речной бобр в пределах СССР и его хозяйственное значение. Тр. по Лесн. опыты. делу, XIV, ОГИЗ, 1931.
86. Греков, В. Д.— Очерки по истории хозяйства новгородского Софийского дома. Легоп. занятий Пост. археогр. комиссии, 1 (34), М., 1927.
87. Громов, В. И.— Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова гора, II. Тр. Комис. по изуч. четверт. периода. 1, АН 1932.
88. Громов, В. И.— Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита Восточной Европы и Сибири. Палеолит СССР. Изв. Гос. акад. ист. мат. культуры, 118, 1935.
89. Громов, В. И.— Остатки древнейшего человека Сибири и современной ему фауны. «Жизнь Сибири», 5—6, Новониколаевск, 1924.
90. Груздев, С.— О местонахождении речного бобра на Урале и об установлении боброво-собольного заповедника. «Пушное дело», 10, 1927.
91. Грумм-Гржимайло, Г. Е.— Западная Монголия и Урянхайский край. 1. СПб., 1914; II, Л., 1926.
92. Грумм-Гржимайло, Г. Е.— Описание Амурской области. СПб., 1894.
93. Даль, В.— Заметка о гербе Иркутской области. ИРГО, II, 1, 1866.
94. Даль, В.— Толковый словарь русского языка. 1904—1909.
95. Дамс, П.— Бобр. «Естествознание и география», октябрь, 1901.
96. Данилович, А. П.— Бобры на украинском полесье. «Охрана природы», 7, 1930.
97. Дмитриев, А.— Верхотурский край в XVII в. «Пермская старина», VII, Пермь, 1897.
98. Дмитриев, П. А.— Охота и рыболовство в восточноуральском родовом обществе. Сб. из ист. родового общества на территории СССР. Гос. акад. ист. мат. культуры, М., 1934.
99. Дмитриева-Сулима, М.— Еще о бобрах на Урале. «Наша охота», январь, 1910.
100. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией, III, СПб., 1848.
101. Дополнения к актам историческим, IV, № 138. Наказ Тобольскому воеводе, 1664.
102. Дубасов, И.— К бытовой истории Тамбовского края XVII—XVIII столетий. «Ист. вестн.», июль, М. 1897.
103. Дунин-Горкавич, А. А.— Тобольский север. М., 1904.
104. Европеус, Д. П.— К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прихода славян. Журн. Мин. нар. проsv., июль, 1868.
105. Европеус, Д. П.— Об Угорском народе... СПб., 1874.
106. Ефименко, П. П.— Первобытное общество. ОГИЗ, 1938.

107. Житков, Б. М.— Пушные звери советской Азии. Сов. Азия, 1—2, М., 1931.
108. Житков, Б. М.— Биологические основы охоты в СССР. Н.-метод, зал. Глав. упр-ния по заповеди., VII, М., 1940.
109. Жизнь животных по А. Брэму. V. «Млекопитающие». ОГИЗ, 1941.
110. Залесский, П. М.— К вопросу о реакклиматизации бобра. «Охотник и рыбак Сибири», 11—12, 1931.
111. Зверинский, В.— Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг., СПб., 1871.
112. Зверинский, В.— Томская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Центр. стат. к-т Мин. внутр. дел, СПб., 1868.
113. Завалишин, И.— Описание Западной Сибири. М., 1862.
114. Зеленин, Д. К.— Культ онгонов в Сибири. Тр. Ин-та антропол., археол. и этногр., XIV, этногр. серия, 3, 1936.
115. Золотарев, А.— Пережитки тотемизма у народов Сибири. Н.-иссл. ассоц. ин-та народов севера, Л., 1934.
116. Зябловский, Е.— Новейшая география Российской империи. М., 1814.
117. Иловайский, Д. В.— Поездка в Ляпинский край. «Землеведение», IV М., 1903.
118. Инфантьев, П.— За уральским бобром. «Вестн. Европы», июнь-июль, 1894.
119. Иоганзен, Г. Э.— По Чульму. Изв. Томск. гос. ун-та, 1, XXII, Томск 1923.
120. Ионин, В. М.— Дух — хозяин леса у якутов. Сб. Муз. антропол. и этногр. при АН, IV, 1, 1916.
121. Ионин, А. А.— Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Изв. ВСОИРГО, XXVI, 2, 3, Иркутск, 1895.
122. Иохельсон, В. И.— Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. Изд. ВСОИРГО, Иркутск, 1898.
123. Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй половине XVIII в. Изв. ВСОИРГО, 4—5, XXV, 1895.
124. Историческая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославовича. М., 1800.
125. К.— К вопросу о звериных промыслах. «Вост. обозр.», 7, 1887.
126. Каверзнее, В. Н.— Промысловые звери наших пресных водоемов. КОГИЗ, 1931.
127. Кагаров, Е.— Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913.
128. Карелин, Г. С.— Письмо Г. С. Карелина на имя Ученого секретаря. «Акклиматизация», II, 1861.
129. Карта Восточносибирского края. Изд. Иркутск, 1933.
130. Карта Иркутской области. Иркутск, 1937.
131. Карта Читинской области. Чита, 1939.
132. Каррутерс, Д.— Неведомая Монголия. I, 1914.
133. Катанаев, Г. Е.— Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. Зап. Зап.-сиб. отд. ИРГО, XIV, 1898.
134. Кауров, П.— О речных бобрах на Урале. «Уральский охотник», 10, 1924.
135. Качиони, С. С.— Промысловые звери Урала, Свердловск, 1936.
136. Кашенко, Н. Ф.— Определитель млекопитающих. Томск, 1900.
137. Кеппен, Ф. П.— О прежнем и нынешнем распространении бобра в пределах России. Журн. Мин. нар. проsv., июль—август, 1902.
138. Киселев, К.— Некоторые данные о бобрах Воронежского заповедника. «Охрана природы», 2, 1929.
139. Кишенский, Н.— Без эпитаф. «Наша охота», июнь, М., 1909.
140. Клеменц, Д.— На текущие темы. «Сибирские вопросы», 1, 1909.
141. Клеменц, Д., Хангалов, М.— Общественные охоты у северных бурят. Мат-лы по этногр. России, I, СПб., 1910.
142. Клингер, В.— Животное в античном и современном суеверии. Университет. изв. Киев, 1909, 10, 11; 1910, 1, 5, 11; 1911, 3.
143. Клейнеиберг, С. Е.— Проблема восстановления численности речного бобра в СССР. Бюлл. МОИП, Отд. биол., 1945, новая серия, 1, 3—4.
144. Кобельт, В.— Географическое распространение животных, СПб., 1903.
145. Коган, М. И.— Северная Азия как пушнопромысловый район, 1931.
146. Коган, М. И.— Иностранные пушные рынки. Изд. Советская Азия, М., 1933.
147. «Когутэй» — Алтайский эпос. АН СССР, М—Л., 1935.
148. Кожевников, Г. А.— Географическое распространение животных форм в связи с геологическим развитием. «Естествозн. и геогр.», август, 1898.
149. Кожевников, Г. А.— Новое местонахождение бобров «Охрана природы», 1, 1928.

150. Кожевников, Г. А.—Что должен знать охотник для охраны природы. «Уральский охотник», 4, 1924.
151. Козлов, П. К.—Монголия и Кам. I, 1905.
152. Козьмин, Н. Н.—К вопросу о времени водворения бурят около Байкала. Сибирская живая старина, III—IV, Иркутск, 1925.
153. Козьмин, Н. Н.—К вопросу о монгольско-турецком феодализме. Иркутск, 1934.
154. Козьмин, Н. Н.—Следы каменного века в долине р. Патом. Изв. Вост.-сиб. отд. ИРГО, XXIX, 1, Иркутск, 1898.
155. Козьмин, Н. Н.—Хакасы. Иркутск, 1925.
156. Колмогоров, Г.—Город Тара и его округа Тобольской губ. Журн. Мин. внутр. дел, ч. 20, отд. 3, 1856.
157. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII века. Сб. архивных документов. Ин-т народов Севера, М., 1936.
158. Колосов, А. М.—Фауна млекопитающих Алтая и смежной области Монголии в связи с некоторыми проблемами зоогеографии. Зоол. журн., XVII, 2, 1939.
159. Колотилов, П. Н.—Несколько данных о г. Иркутске и его торговле в 1761 г. Тр. Иркут. ученой архив. комис., 1, Иркутск, 1913.
160. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. архивных документов. Ин-т народов Севера, Л., 1935.
161. Корш, П. В.—Речной бобр в Омской обл. Нар. хоз. Омской обл. 4, (12), Омск, 1936.
162. Корш, П. В.—Речной бобр в Омской области. «Охотник Сибири», 7—8, 1936.
163. Корчев, С.—О тапсуйских бобрах. «Уральский охотник», 1, 1926.
164. Костомаров, И.—Очерк торговли Московского государства, СПб., 1862.
165. Костомаров, И.—Сочинения, XII. СПб., 1905.
166. Костров, Н. Н.—Нарымский край. Томск, 1872.
167. Костров, Н. Н.—Туруханский край. Томск, 1876.
168. Красовский, М. А.—Русские в Якутской области в XVII в. Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Казанском ун-те, XII, 2.
169. Крашенников, П.—Описание земли Камчатки, СПб., 1755.
170. Кречмер, В.—Бобры на р. М. Сосве. «Уральский охотник», 3, 1925.
171. Кривошапкин, М. Ф.—Енисейский округ и его жизнь, СПб., 1865.
173. Кудряшов, К.—Бобровники и бобровый промысел. Новый энцикл. словарь, 6, СПб.
174. Кузнецов, И.—Исторические акты XVII ст. Мат-лы для ист. Сибири, Томск, 1890.
175. Кузнецов, П.—Бобры по р. Кандат. «Охотник и рыбак Сибири», 1, 1931.
176. Кузнецов, С. К.—Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1899 г. Томск. Университетские изв., кн. 2, 1890.
177. Куклин, С. А.—Бобры на Тобольском севере. «Уральский охотник», 4, 1927.
178. Куклин, С. А.—Звери и птицы Урала и охота на них, Свердловск, 1927.
179. Куклин, С.—Речные бобры на Тобольском севере, Свердловск, 1927.
180. Куклин, С.—Северо-Уральский боброво-соболиный заповедник. «Охрана природы», 8—10, М., 1930.
181. Кулагин, Н. А.—Русский пушной промысел, 1923.
182. Кулешов, В.—Наказы сибирским воеводам в XVII в. Ташкент, 1888.
183. Курбаганлиев, М., Тамадиев, М.—Русско-татарский словарь. Тагиз, 1940.
184. Кутепов, Н.—«Великокняжеская и царская охота», I, 1896.
185. Курц, Б. Г.—Государственные монополии в торговле России с Китаем в первой половине XVII в. Науч. зап. Киевск. ин-та нар. хоз., т. IX, Киев, 1928.
186. Ладыгин, В. Ф.—Поездка в верховья р. Урунгу (Булугун). Вести из экспед. П. К. Козлова. ИРГО, XXXVI, 1900.
187. Лавров, Л. С.—Опыт клеточного разведения речного бобра. Тр. Воронеж. гос. заповед., 1, 1938.
188. Ламперт, К.—Жизнь пресных вод, 2, СПб., 1900.
189. Лесков, Н. С.—Запечатленный ангел. Полн. собр. соч., 1903.
190. Липский, В. И.—Флора Средней Азии, 3. Прибавление (из дневн. С.Г. Карелина).
191. Лоначевский, А. И.—Бобры в бассейне Днепра. «Природа и охота», Февраль, 1887.
192. Лопарев, П.—Еще о бобрах на Тобольском севере. «Уральский охотник», 12, 1926
193. Лыткин, Г.—Русско-зырянский словарь, Л., 1931.
194. Львов, В. Н.—Бобры и их разведение. КОИЗ, М., 1934.
195. Лялицкая, С.—Бобр. «Наша страна», 6, 1940.

196. М. Д.— Из области обычного права сибирских инородцев. «Вост. обозр.», 17, 1883.
197. Магазаник, Д.— Турецко-русский словарь. М., 1989.
198. Майнов, И. И.— Население Якутии. Сб. «Якутия», Л., 1927.
199. Майдель, Г.— Путешествие по северо-восточной части Якутской области. Прил. к XXIV т. зап. АН, 3, 1894.
200. Макаров, В. Н.— Заповедники СССР, М., 1940.
201. Максимов, С. В.— Год на севере. М., 1890.
202. Малахов, В. М.— Зоогеографические исследования в Уральском крае. Зап. Урал. об-ва любит. естествозн., XI, 1, Екатеринбург, 1887.
203. Марков, Р.— Придорожники Курской стороны. «Русский вестн.», апрель, 1892.
204. Маркс, К. и Энгельс, Ф.— Сочинения, XIV, Л., 1931.
205. Мартос, А.— Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
206. Мартынов, Н. М.— Минусинский публичный музей, Томск, 1881.
207. Ментин, Н. Ф.— Курс фармакологии. СПб., 1901.
208. Мензбир, М. А.— Очерк истории фауны Европейской части СССР. Биомедгиз, 1934.
209. Миддендорф, А.— Бараба. СПб., 1870.
210. Миддендорф, А.— Путешествие на север и восток Сибири, 2. отд. 5, 1869.
211. Миллер, Г. Ф.— История Сибири. I, Л., 1937.
212. Миллер, Г. Ф.— История Сибири. II, 1941.
213. Михайловский, В. М.— Шаманство. 1, Изв. о-ва любит. естеств., антропол. и этногр., XXV, Тр. этногр. отд., XII, СПб., 1892.
214. Морозов, А. Н.— Воронежский бобровый заповедник. «Союзпушнина», 17—18, М., 1932.
215. Мортилье, Г. и А.— Доисторическая жизнь. СПб., 1903.
216. Müller, G. S.— Nachrichten von der Handlung in Sibirien, IV. Von des Sibirischen Waaren. Sammlung Russischen Geschichte. Bd. III, SPB, 1758.
217. Наказ Петру Головину. Русская ист. библиот., 2, стр. 963.
218. Населенные пункты Уральской области, 12. Тобольский округ, Свердловск, 1928.
219. Наумов, С. П., Лавров, Н. П.— Основы биологии промысловых зверей в СССР. М., 1941.
220. Начертание естественной истории (XVIII в.— без титульного листа).
221. Небольсин, П.— Покорение Сибири. СПб., 1849.
222. Никольский, А. М.— Остров Сахалин и его фауна позвоночных. Прил. к X т. Зап. АН, СПб., 1889.
223. Никольский, А. М.— Путешествие в Алтайские горы летом 1882 г. Тр. СПб. о-ва естествоисл., XIV, 1, 1883.
224. Ношилов, К. Д.— По поводу ученого невежества. «Наша охота», июнь, М., 1908.
225. Ношилов, К. Д.— Последний ответ Бутурлину. «Наша охота», октябрь, 1809.
226. Ношилов, К. Д.— Увогулов. СПб., 1904.
227. Ношилов, К. Д.— Уральский речной бобр. «Природа и охота», II, 1890.
228. Обермейер, Г.— Доисторический человек. Изд. Брокгауза-Ефрона.
229. Обручев, С. В.— Кольмская земляца. М., 1933.
230. Овчинников, О. П.— Материалы для изучения памятников древности в окрестностях г. Иркутска. Изв. ВСОИРГО, 35, 3, 1904.
231. Оглоблин, Н. Н.— Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1901
232. Оглоблин, Н.— Знамена сибирских инородцев XVII в. Зап. Урал, о-ва любит. естествозн. 13, 1, Екатеринбург, 1891—1892.
233. Оглоблин, Н.— Остяцкие знамена XVII в. «Истор. вестн.», X, 1898.
234. Огнев, С. И.— Бобр. БСЭ, 6.
235. Огнев, А. и С.— Обитатели побережий. ОГИЗ, 1926.
236. Огнев, С. И.— Млекопитающие северо-восточной Сибири. Владивосток, 1926.
237. Огнев, С. И. и Воробьев, К. А.— Фауна позвоночных Воронежской губ. М., 1924.
238. Огородников, Б. Л.— Очерк истории Сибири. 1. Иркутск, 1920.
239. Олеарий, Адам — Описание путешествия в Московию. СПб., 1906.
240. Олсуфьев, А. В.— Общий очерк Анадырской округи. СПб., 1896.
241. Остроумов, Н. Г.— Вогулы-Манси. Мат-лы по изуч. Пермского края, 1, Пермь, 1904.
242. Паллас, П. С.— Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788
243. Pallas, P.— Zoographia Rosso-Asiatica. SPB, 1811.
244. Пальмер, И.— Записка о Сибири. СПб., 1900.

245. Памятники Сибирской истории XVIII в., 1, 1700—1713 г. СПб., 1882.
246. Пантелеев, Д.— О бобрах в зырянской обл. «Охотник», 4, 1926.
247. Паровщикова, В.— Бобры в Архангельской обл. «Советский охотник», 6, 1941.
248. Паровщикова, В.— К вопросу акклиматизации и реакклиматизации бобра в Архангельской обл. и Коми АССР. «Природа и соц. хоз.», сб. 1, 2, 1941.
249. Patkanov S.— Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, I—II, SPB, 1897.
250. Пекарский, П.— Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 г. Прил. к VI т. зап. АН, 3, 1865.
251. Пекарский, Э. К.— Словарь якутского языка. СПб., 1909.
252. Петряев, П. А.— Разведение бобров. Литограф. изд. Н.-иссл. ин-та пуш.-мех. и охот. хоз., М., 1932.
253. Пихтин, М.— Сведения о количестве шкурок пушных зверей, кабаржьей струи и мамонтовой кости, доставленной на ярмарку в Якутск. Изв. ВСОИРГО, XIX, 1, 1887; XIX, 5, 1888; XX, 5, 1889; XXII, 1, 1891; XXIII, 4—5, 1892; XXIV, 1, 1893; XXV, 1894; XXXIV, 1, Иркутск, 1903.
254. Pleske, Th. Übersicht der Säugethiere und Vögel der Kola Halbinsel. I—II, 1884—1886.
255. Плано Карпини. Путешествие к татарам. СПб., 1825.
256. Платон, В. М. Описание Заозерского края. Сб. «Урал», 8, «Уральский север», 1, Свердловск, 1926.
257. Платонов, С. Ф.— Пришлое Русского севера. Изд. «Время», СПб. 1923.
258. Плотников, А. Ф.— Нарымский край. Зап. ИРГО по отд. статист., X, 1, 1901.
259. Подаревский, В. Б.— Проблемы охотхозяйственной акклиматизации в Восточной Сибири, Иркутск, 1936.
260. Подгорбунский, И. А.— Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909.
261. Поляков, И.— Географическое распространение животных в юго-восточной части Ленского бассейна. Зап. ИРГО по общей геогр., III, СПб., 1878.
262. Поляков, И. С.— Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. Приложение К XXX т. зап. АН, 2, СПб., 1877.
263. Поляков, И. С.— Старинное и современное Лукоморье. «Живописная Россия», XI, 1884.
264. Попов, А. В.— К вопросу о хорографии и палеэтнографии Иркутской губ. Очерки по землевл. и эконом. Вост. Сибири, Иркутск, 1926.
265. Попов, Г. А.— Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924.
266. Попов, Г. А.— Расселение якутов в XVII и XVIII столетиях. Изв. Якут. отд. Русс. геогр. о-ва, III, Якутск, 1928.
267. Портенко, Л. А.— Бобры на р. Тетерева в Киевской губ. Бюлл. МОИП, отд. биол., XXXV, М., 1926.
268. Портенко Л. А.— Фауна Анадырского края, 3. «Млекопитающие», Изд. ГУСМП, Л., 1941.
269. Потанин, Г. Н.— Зимняя поездка на озеро Нор-Зайсан. Зап. ИРГО по общей геогр., 1, СПб., 1867.
270. Потанин, Г. Н.— Очерки северо-западной Монголии, СПб., 1881—1883.
271. Потанин, Г. Н.— Привоз и вывоз товаров города Томска в половине XVII столетия (Отдельный оттиск без титульного листа).
272. Правда Русская. I. Тексты. Ин-т ист. мат. культуры, 1940.
273. Продолжение древней Российской Вифлиофики, 4, СПб., 1788.
274. Прозоров, А. А.— Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб., 1902.
275. Прокошев, Н. А.— К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. Мат.-лы и иссл. по археол. СССР, 1, 1940.
276. Райков, М.— Отчет о поездке в верховья р. Енисея. СПб., 1898.
277. Радде, Г.— Путешествие в юго-восточную Сибирь. Зап. ИРГО, 4, 1862.
278. Radde, G.— Reisen im Süden von Ostsibirien in den Jahren 1855—1856. Bd. I, 1862.
279. Ратнер - Штернберг, С. А.— Музейные материалы по тлингитскому Шаманству. Сб. Муз. антропол. и этногр. АН СССР, VI, 1927.
280. Рафаилов, Н. А.— Указатель к карте с.-в. Монголии. Потанин Г. Н. Очерки сев.-зап. Монголии, 1, 1881.
281. Религиозные верования народов СССР. I и II, М.-Л., 1931.
282. Рождественский, Н.— Русско-финский словарь. М., 1937.
283. Рожин, А.— Русско-ненецкий словарь. М., 1936.
284. Руденко, О.— Графическое искусство остяков и вогулов. Мат.-лы по этногр., IV, вып. 2, Изд. Гос. русск. муз., Л., 1929.

285. Рудольский, А.— О бобрах Верхотурского уезда. Пермск. губ. ведомости, 41, 1854.
286. Русская баллада. Изд. «Советский писатель», 1936.
287. Русская историческая библиотека, II. СПб., 1875.
288. Русская историческая библиотека, VIII. СПб., 1884.
289. Русская история с древнейших времен до смутного времени. Покровский М. Н., Отражение экономического быта в «Русской Правде», М., 1898.
290. Рябинин, А.— Заметки об ископаемых бобрах из послетретичных отложений Урала, Тимана и Среднего Поволжья. Зап. Рос. минерал. о-ва, IX, 2, 1930.
291. С.— Открытие колонии бобров. «Охотник и рыбак Сибири», 10, 1929.
292. Сабанеев, Л.— Звериный промысел в Уральских горах. «Беседа», 6, 1872 (по Кеппену, см. 137, июнь, стр. 353).
293. Сабанеев, Л.— Каталог зверей, птиц, гадов и рыб Среднего Урала М., 1872.
294. Сабанеев, Л.— Позвоночные Среднего Урала и географическое распространение их в Пермской и Оренбургской губ., 1871.
295. С., А. К.— В верховьях рек Конды и М. Сосвы. «Уральский охотник», 12, 1927.
296. С., А. К.— Вести из Кондо-Сосвинской охотничьей экспедиции. «Уральский охотник», 1, 1928.
297. Самарин, Я. Ф. и Скалон, В. Н.— Кондо-Сосвинский государственный заповедник. Омская обл. 11—12, Омск, 1940.
298. Сапожников, В. В.— Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Томск, 1911.
299. Савич, Г. Г.— Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края, СПб., 1903.
300. Северцов, С.— Заповедники СССР. «Охрана природы». 3, М., 1929.
301. Седелников, А. П.— Растительность и животный мир. «Россия», XVI, отд. 1, гл. 3, СПб., 1907.
302. Селевин, В. А.— К былому распространению бобра по р. Иртышу. «Охотник Сибири», 3, 1937.
303. Семенов, В. Ф.— Растительность Омской обл. Омск, 1927.
304. Семенов-Тянь-Шанский, О. И.— Опыт реакклиматизации речного бобра в Лапландском заповеднике. Тр. Лапландск. гос. заповед., 1, 1938.
305. Сенкевич, Э. И.— В делях Уральского севера. «Уральский охотник», 1—5, 1927.
306. Сенкевич, Э. И.— О речных бобрах в Тавдо-Кондинском крае. «Уральский охотник», 10, 1924.
307. Сергеев, М. А.— Народное хозяйство Камчатского края. М., 1936.
308. Сергеев, С. И.— Раскопки на р. Колве. Зап. Уральск. о-ва любит. естествозн., XXII, Екатеринбург, 1901.
309. Сергеевич, В. И.— Вече и князь. М., 1867.
310. Сергеевич, В. И.— Древности русского права, III, СПб., 1903.
311. Серебренников, М. К.— Возрождение бобра в Норвегии. «Пушное дело», 2, М., 1929.
312. Серебренников, М. К.— Обзор палеарктических бобров. Докл. АН СССР, II, 1929.
313. Серошевский, В.— Якуты. СПб., 1898.
314. Сибирский, Л.— Как живет и размножается бобр. «Охотник Сибири», 1, 1936.
315. Симашко, Н.— Русская фауна. I, М., 1850.
316. Сибирский торгово-промышленный календарь. Томск, 1898.
317. Силантьев, А. А.— Обзор промысловых охот в России. М., 1895.
318. Силантьев, А. А.— Охота. «Азиатская Россия», II, СПб., 1914.
319. Сильницкий, А. П.— Поездка на Камчатку и на р. Анадыр. Зап. Приамурск. отд. ИРГО, II, вып. 3, Хабаровск, 1897.
320. С. К.— О речных бобрах на Урале. «Уральский охотник», 6, 1924.
321. Скалон, В. Н.— Выдра в Нарымском крае. «Охотник», 8, М., 1928.
322. Скалон, В. Н.— О бобрах на Омском севере. Омская обл., 2, Омск, 1940.
323. Скалон, В. Н.— Материалы по изучению грызунов севера Сибири. Тр. по защ. растен. Сибири, I (8), Новосибирск, 1931.
324. Скалон, В. Н.— Соболь на Тазу. «Охотник», М., 1930.
325. С. К.-ли.— Бобры в Тобольской губ. «Охотник», 1, М., 1927.
326. Скобеев, М. И.— Промысловая охота в Урянхайском крае ее особенности. Северная Азия, 5—6, М., 1925.
327. Скороговоров, И.— Описание Енисейской губ. Зап. Сиб. отд. ИРГО, VIII, Иркутск, 1865.
328. Словцов, И. Я.— Д стране кедра и соболя. Зап. ВСОИРГО. XIII, I, 1892.
329. Словцов, И. Я.— Позвоночные Тюменского округа и их распространение в Тобольской губ., М., 1892.

330. Словцов, В. А.— Историческое обозрение Сибири. 1838.
331. Смирнов, В. А.— Исторический очерк Приенисейского края, 1. Красноярск, 1926.
332. Смирнов, С. П.— Охота в зырянской области. «Охотник», 1, 1926.
333. Сокольников, Н. П.— Охотничьи и промысловые звери Анадырского края. Бюлл. МОИП, отд. биол., новая серия, XXXVI, 1927.
334. Соловьев, Д. К.— Основы охотоведения. V, II, 1922.
335. Соловьев, Д. К.— Охота в России. М., 1926.
336. Сорокин, Н.— Путешествие к вогулам. Тр. О-ва естествоисл. при Казанском ун-те, III, 4, 1873.
337. Степанов, И.— Енисейская губ. СПб., 1835.
338. Стрелой, Е. Д.— Акты архивов Якутской обл. (с 1650 по 1800 гг.), 1, Якутск, 1916.
339. Стрелой, Е. Д. Важнейшие задачи истории в Якутии. Сб. тр. «Сахакескиле», 1, Якутск, 1925.
340. Струтоусов, М.— Охота в допетровской Руси. «Природа и охота», апрель — май, 1881.
341. Сытин, В. А.— Бобр в Центрально-черноземной обл. «Охотник», 7, 1925.
342. Сытин, В. А.— Бобр может быть размножен. «Охотник и пушник Сибири», 9, Новосибирск, 1928.
343. Сытин В. А.— О бобрах в Липецком уезде Тамбовской губ. «Охотник» 3, 1927.
344. Сушкин, П. П.— Птицы Средней Киргизской степи. Мат-лы к позн. фауны и флоры Росс, имп., М., 1908.
345. Галдыков, Н. И.— Русско-алтайский словарь. Улала, 1931.
346. Тарасевков, Г. Н.— Туруханский край, Красноярск, 1930.
347. Гарнани, И. К.— К охране природы. Бобры в Тамбовской губ. Бюлл. Харьк. о-ва любит. природы, 2, Харьков, 1915.
348. Теплоухов, Ф.— Чудское жертвенное место на р. Колве. Тр. Перм. архивной комисс. III, Пермь, 1897.
349. Титов, А.— Сибирь в XVII в. М., 1890.
350. Тихомиров, А. А.— Заметка о бобрах юго-западной России. Дневн. зоол. изд. ИОЛ. Естествозн., антропол. и этногр.; тр. зоол. отд., VI, изв. о-ва, XVII, 1890.
351. Терещенко, А.— Быт русского народа. СПб., 1848.
352. Тобольский округ, вып. 1, Тобольск, 1925.
353. Торский, В.— В гостях у бобров. «Естествозн. и геогр.», январь, 1898.
354. Третьяков, П. Н.— Древнейшее прошлое верхнего Поволжья. Ярослав. обл. изд., Ярославль, 1939.
355. Третьяков, П. Н.— К истории доклассового общества верхнего Поволжья. Сб. из ист. родов. о-ва на территории СССР, Гос. акад. мат. культуры, ОГИЗ, 1934.
356. Третьяков, П. Н.— Первобытная охота в Северной Азии. Там же.
357. Третьяков, П. И.— Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871.
358. Trouessart, E. L.— Catalogue mammalium. Paris. 1898—1899.
359. Trouessart, E. L.— Histoire naturelle de la France. 2-e partie. Mammiferes. Paris.
360. Трусевич, X.— Посольские и торговые сношения России с Китаем до XIX в., М., 1882.
361. Tchikatchoff, P.— Voyage scientifique dan l'Altai orientale, Paris, 1845.
362. Тугаринов, А. Я.— Бобр в бассейне Енисея. «Наша охота» 3, февраль, 1914.
363. Тугаринов, А. Я., Смирнов, Н. А. и Иванов, А. И.— Птицы и млекопитающие Якутии. Тр. по изуч. произв. сил, изд. АН, Л., 1934.
364. Ульянов, И. И.— Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в московских древлехранилищах. Сб. мат-лов по ист. Кольского п-ова. Мат-лы комисс. экспед., исслед. 28, серия северная, 1930.
365. Ушаков, В. Е.— Опыт реакклиматизации речного бобра. «Охотник Сибири», 10, 1936.
366. Ушаков, В. Е.— Необходимо восстановить бобра. «Охотник Сибири», 1, 1935.
367. Федосов, А. В.— К реакклиматизации речного бобра в Мордовском гос. заповеди. Н.-метод. зап. К-та по заповеди., II, 1939.
368. Федюшин, А. В.— Речной бобр. М., 1935.
369. Финш, О. и Брэм, А.— Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.
370. Фишер, И.— Сибирская история. СПб., 1774.
371. Формозов, А. Н.— Об освоении фауны наземных позвоночных и вопросы ее реконструкции. Зоол. журн., 16, 3, 1937.
372. Хахлов, В. А.— Зайсанская котловина и Тарбагатай. 1, Томск, 1928.
373. Хангалов, М.— «Зэгэгэ-Аба». Облавы на зверей у древних бурят. Изв. ВСОИРГО, XIX, 3, 1888.

374. Харузин, Н.—Этнография. IV, Верования, СПб., 1905.
375. Хлебович, В. К.—Итоги экспедиции по обследованию и количественному учету бобров в бассейне р. Воронежа в 1934 г. Тр. Воронеж. гос. заповеди., 1, 1935.
376. Хлебович, В. К.—Материалы по экологии речного бобра в условиях Воронежского заповедника. Там же.
377. Худяков, М.—Ананьинская культура. Казанский губ. муз. за 25 лет, Юбилейный сб., Казань, 1923.
378. Худяков, М. Г.—Очерки истории первобытного общества на территории Марийской обл. Гос. акад. ист. мат. культ.. ОГИЗ, 1935.
379. Castren, M. A.—Reisenberichte und Briefe. B. II, StPB, 1856.
380. Castren, M. A.—Reisenerinnerungen aus der Jahren 1838—1844, StPB, 1853.
- 381—382. Чекановский, А. Л.—Дополнительные сведения к карте Нижней Тунгузки. ИРГО, XII, 1, 1876.
383. Черкасов, А.—Записки охотника Восточной Сибири, СПб, 1867.
384. Черниголовко, Г.—Бобры в Черниговской губернии. «Пушное дело», 7, М., 1927.
385. Черский, И. Д.—Описание коллекций послетретичных млекопитающих, собранных Новосибирской экспедицией, 1885—86 гг. Прил. к XV т. записок АН, 1, 1891.
386. Чижев, Б. Н.—Бобры в Норвегии. «Охотник», 1, 1929.
387. Чугунов, С. М.—Жизнь и природа на Обь-Енисейском канале. «Естествозн. и геогр.», 9, 1909.
388. Чугунов, С. М.—Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 г. Ежег. Тобольск. губ. муз., XXIV, Тобольск, 1914.
389. Шапошников, Л. В.—Методика работы по восстановлению речного бобра в СССР. Тр. Центр. лабор. биол. и охотпромысла, 5, 1941.
390. Шарлеман, Э. В.—Млекопитающие окрестностей Киева. Мат.-лы к позн. фауны юго-зап. России, 1, Киев.
391. Шерешевский, Э. И.—Бобр в Туруханском крае. «Охотник и рыбак Сибири», 4, 1930.
392. Шилингер, Ф.—Заселение севера полезными животными. «Охрана природы», 4, 1930.
393. Шмидт, А. В.—К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сб. муз. антропол. и этногр., VI, (отд. оттиск).
394. Шмидт, А. В.—Очерки по истории Сев.-вост. Европы в эпоху родового общества. Сб. из истории род. о-ва на территории СССР. Гос. акад. ист. мат. культуры, ОГИЗ, 1934.
395. Schmidt, F.—Wissenschaftliche Resultate der zur aufsuchung eines angekündigten Mammutskadawers von der Keis. Academie der Wissenschaften an der unteres Jennissei ausgesandten Expedition. Mem. de l'Ac. de SPB, VII, Serie t. XVIII, N 1, 1872.
396. Шестакович, В. Б.—Историко-этнографическое значение названий рек Сибири. Очерки по землеведению и экономике Вост. Сибири, Иркутск, 1926.
397. Шрейбор, А. Ф.—Пушной промысел в Сибири. Иркутск, 1916.
398. Schrenk, L.—Reisen und Forschungen im Amur Lande in den Jahren 1854—1856. Bd. 1, 1856.
399. Штернберг, Л. Я.—Первобытная религия. Л., 1936.
400. Шульц, Л. Р.—Очерк Кондинского района. Сб. Урал 8, Уральский север, 1, 1926.
401. Шунков, В. И.—Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. (окончание). «Сов. Азия», 5—6, 1930.
402. Шухов, И. Н.—О бобровой струе. «Охотник и пушник Сибири», 11, 1928.
403. Шухов, И. Н.—Обзор распространения охотничьих и промысловых млекопитающих в Енисейской губ., Туруханском крае и Урянхайской земле. Красноярск, 1925.
404. Шухов, И. Н.—Охотничий промысел, звери и птицы Красноярского уезда. Красноярск, 1923.
405. Шхиянц, Р.—Разведение бобров в Америке. «Охотник», 8, 1928.
406. Щапов, А. П.—Историко-географическое распределение русского народонаселения. Собр. соч., 2, СПб., 1906.
407. Щелкановцев, Я. П.—О некоторых озерах в бассейне р. Миасса Южного Урала. «Землеведение», II—III, 1903.
408. Ю. Л. С.—Речной бобр в Кондо-Сосвинском заповеднике. «Охотник Сибири», 12, 1935.
409. Яблонский, Н. И.—Озеро Марка-Куль. В алтайских горах. «Природа и охота», XI, 1907.
410. Яковлев, Е. К.—Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея. Минусинск, 1900.
411. Яницкий, Н.—Торговля пушным товаром в XVII в. Университетские изв., 9, Киев, 1912.

412. Янушевич, А.—Акклиматизация пушных зверей в Запсибкрае. «Охотник Сибирь», 11—12, Новосибирск, 1936.
413. Вяжлинский, Д. М.—О разведении речных бобров. «Пушное дело» 6 1980.
414. Г. П.—Естественное богатство Сибири и его разработка. Сб. статей о Сибири, Б-ка Иркутск. муз., № каталога 1729.
415. Chenu D —г. Enciclopedia d'Historie Naturelle. Rongeurs et Pachydermes, Paris.
416. Кузнецов - Красноярский — «Приходно-окладные ясачные книги Томского уезда» 1706—1718 гг. Томск, 1898.
417. Скалон, В. Н.—О некоторых млекопитающих — вредителях Верхнего Приангарья и мерах борьбы с ними. Тр. по заш. растен. Сибири, 1 (8), вып. зоол., 1, Новосибирск, 1931.
418. Бобринский, Н. А., Кузнецов, Б. А., Кузякин, А. П.—Определитель млекопитающих СССР. М., 1944.
419. Спицин, А.—Шаманские изображения. Зап. отд. русск. и славянск. археол. Русск. археол. о-ва, VIII, 1, СПб., 1906.
420. Сергеевич, В. И.—Русские юридические древности. 1, СПб., 1902.
421. Стефансон, В.—Гостеприимная Арктика. Л., 1935.
422. Стефансон, В.—Новая страна на севере. 1933.
423. Флеров, К. К.—Копытные арктических стран. Звери Арктики, Л., 1935.
424. Теплоухов, Ф. А.—Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных. Пермь, 1893.
425. Народы, кочующие в верховьях р Енисея. «Сиб. вести.», 2, 1818.
426. Carr, William H.—Beaver builder of Empire. Natural History, September, 1938.
427. Бергер, Н. М.—Акклиматизация пушных зверей в Западной Сибири. Зоол. журн., XXII, 5, 1944.
428. Беляев, И.—О монгольских чиновниках на Руси. Арх. ист. юридич. сведен., относящихся до России, кн. 1, М., 1876.
429. Приготовительные сведения для словаря историко-юридического. Там же.
430. Маковецкий, П.—Северные архивы, II. Когда исчезли на севере речные бобры. Ежег. Тобольск. губ. муз. Вып. XVII, 1907.
431. Бахрушин С. В.—Сибирские служилые татары в XVII в. Ист. зап. I, АН СССР, М., 1937.
432. Лебедев, В. И.—Башкирское восстание 1705—1711 гг. Там же.
433. Тихомиров, Б. А.—О лесной фазе и послеледниковой истории растительности севера Сибири и ее реликтов в современной тундре. Мат. по ист. флоры и растительности СССР, 1, АН 1941.
434. Соколовский, Г. Н.—Филипп Авриль как географ. Изв. Гос. рус. геогр. о-ва, 57, 1, 1921.
435. Fredrichs, G., Arends, G., Zörnig, H.—Handbuch der Pharmazeutischen Praxix. 1938.
436. Bradt, G. W. A study of beaver colonis in Michigan. Journ. of Mammalogy, vol. 19, 2, 1938.
437. Bradt G. W.—Breeding habit of beaver. Journ. of Mammalogy, vol. 20, 4, 1939.
438. Аргентов, А.—Путевые записки в приполярной местности. Зап. Сиб. ОИРГО, IV, 1857.
439. Патканов, С.—Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Тобольского округа, Тобольской губ., 1, 1891.
440. Янушевич, А. И.—Бобры в Тувинской обл. «Природа», 6, 1947.
441. Андреев, И.—Домовая летопись Андреева. Чтения при О-ве ист. и древност. российских при Мос. ун-те, 4, 1870.
442. Jonson, C. E.—The beaver in the Adirondaks: its economies and Natural History. Roosevelt Wild Life Bulletin, vol. 4, 4. Syracuse Univ. Bull. vol. 27, 6, d. 1927.
443. Покровский, Ф. И.—Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. Изв. Отд. русск. яз. и слов, АН, XVIII, 4, 1913.
444. В. К.—Новые колонии бобров. «Охотник», 10, 1927.
445. Бантыш - Каменский, Н.—Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 гг. Казань, 1882.
446. Катанов, Н. Ф.—Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Сб. в честь 80-летия Г. Н. Потанина. Зап. ИРГО, по отд. этногр., XXXIV, 1909.
447. Корсак, А.—Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857.
448. Посольство к эногорскому хану Хун-Тайджи-Цевен-Ратану капитана Ивана Унковского в 1722—1724 гг. Зап. ИРГО по отд. этногр., X, 2, 1887.
449. Савенков, Н. Т.—О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Тр. XIX археол. съезда в Чернигове, 1908. I, 1910.

450. Берг, Л. С.—Климат и жизнь, М., 1947.
451. Огнев, С. И.—Звери Восточной Европы и Северной Азии, 2, 1931.
452. Огнев, С. И.—Звери СССР и прилежащих стран, V, 1947.
453. Герберштейн, С.—Записки о московских делах. СПб., 1908.
454. Станиславский, А.—Исследование начал организации имущественных отношений в древних памятниках русского законодательства. Юрид. сб. изд. Д. Мейером. Казань, 1855.
455. Стефановский, К. Г.—Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права. Журн. Мин. нар. просвещ., март, 1873.
456. Владимирский-Буданов, М.—Хрестоматия по истории русского права, I, СПб., 1876.
457. Любавский, Н. К.—Областное и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания 1-го Литовского Статута. Чтения в О-ве ист и древн. росс, очерк 3, кн. 3, очерк 4, кн. 4, 1893.
458. Максимейко, Н. А.—Мнимые архаизмы уголовного права «Русской Правды». «Вести. права», март — апрель, 1905.
459. Мрочек-Дроздовский, П. — Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по «Русской Правде». Чтения в О-ве истор. и древн. (росс, 3, 1917
460. Зябловский, Е.—Землеописание Российской империи. 2, СПб., 1810
461. Куник, А.—Известия Ал. Бекра и других авторов о Руси и славянах, СПб. 1903.
462. Лаппо, И. И.—Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1589 гг), I, СПб., 1901.
463. Збруева, А. В.—К вопросу о появлении домашних животных в Прикамье. Сов. археол., 3, 1937.
464. Зябловский, Е.—Новейшее землеописание Российской империи. Часть I, СПб., 1807.
465. Оксенов, А.—Слухи и вести о Сибири до Ермака. Сиб. сб., IV, 1886, СПб., 1887.
466. Адрианов, А.—Писаницы на р. Мане. Зап. русск. языка и словесности Рус. археол, о-ва, IX, 1913.
467. Правда русская, II, 1947.
468. Андреев, Н.—Прошлое русского народа, 1, 1924.
469. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., М., 1936.
470. Раевский, В. В.—Образ жизни кондо-сосвинского соболя, М., 1947.
471. Хлебников, Н.—Общество и государство в домонгольский период русской истории. М., 1872.
472. Любавский, М.—Древняя русская история до конца XVI в., 1918.
473. Кулишер, И. М.—История русского народного хозяйства, 1, 1925.
474. Рожков, М. А.—Очерки юридического быта по «Русской Правде» (окончание). Журн. Мин. нар. просвещ., декабрь, 1897.
475. Анударин, Дашидорджи — О находке бобра в Монголии. Докл. АН СССР, IX, 6, 1948.
476. Городцов, В. А.—Скальные рисунки Тургайской обл. Тр. Гос. ист. муз., в. 1, разд. археол., 1926.
477. Замятин, С. Н.—Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. «Сов. археол.», X, 1948.
478. Чернецов, В. Н.—Орнамент ленточного типа у обских угров. «Сов. этногр.», в. 1, 1948.
479. Хороших, П. П.—Знаки собственности бурят. Иркутск, 1929.
480. Якушкин, Е. П.—Обычное право русских инородцев. Мат-лы для библиографии обычного права, М., 1899.
481. Оглоблин, Н. Н.—Сибирские дипломаты XVII в. Ист. вестн, 10, 1891.